Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Соловых Светлана Жорисовна

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс

Диссертация
на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант
доктор юридических наук, профессор
Валеев Дамир Хамитович

Саратов – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ 36

§ 1. Теоретико-правовые основы процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции 36

§ 2. Структура процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции 75

2.1. Субъективное процессуальное право: понятие и содержание. 75

2.2. Арбитражный суд и стороны в процессуально-правовом механизме обеспечения прав 101

2.3. Процессуальные гарантии в процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции 127

ГЛАВА 2. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ 153

§ 1. Конкретизация как гарантия прав сторон 153

§ 2. Пределы реализации прав сторон в системе процессуальных гарантий 182

ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОХРАНЫ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ 235

§ 1. Превентивно-обеспечительные меры в системе процессуальных гарантий охраны прав сторон в арбитражном суде первой инстанции 235

§ 2. Процессуальные меры защиты в системе процессуальных гарантий охраны прав сторон 257

§ 3. Процессуальная ответственность в системе процессуальных гарантий охраны прав сторон 271

ГЛАВА 4. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ 298

§ 1. Понятие эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции 298

§ 2. Факторы, влияющие на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторонв арбитражном суде первой инстанции 321

§ 3. Критерии эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции 340

§ 4. Пути повышения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции 358

З А К Л Ю Ч Е Н И Е 387

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 392

Приложение № 1. Проект норм Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации..... 468

Приложение № 2. Проект Концепции квалифицированной (профессиональной) юридической помощи……..……..473

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В любом правовом государстве судебная система как механизм защиты интересов государства и личности имеет большое значение. Исполняя роль беспристрастного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности[1].

Обеспечение стабильности, предсказуемости и эффективности судебной защиты в экономической сфере, а также усиление гарантий ее осуществления напрямую влияет на реализацию государственной политики стимулирования инвестиций, развития российского бизнеса и укрепления экономики страны.

Широкий круг мероприятий, направленных на реализацию судебной реформы, связан не только с изменениями в структуре судебной власти, но и в деятельности органов судейского сообщества, а также с новациями процедур гражданского судопроизводства. Корректировке подвергается процессуальная форма рассмотрения дел в сторону ее как дифференциации, так и унификации[2], изменяется система принципов судопроизводства и т.д. Однако результаты длительного реформирования правосудия далеко не однозначны и не в полной мере эффективны в силу того, что сами преобразования не всегда являются последовательными и методологически

---

[1] Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : утверждена Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406. URL:http: //www. garant.ru/products/ipo/prime/doc/70192624/ (дата обращения: 12.08.2013).

[2] См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 08.12.2014 № 124(1) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обоснованными. Так, многие положения Концепции судебной реформы (например, внедрение альтернативных способов рассмотрения споров при осуществлении правосудия, процессуально-правовых средств, направленных на повышение доступности правосудия, и некоторые другие) остались нереализованными либо частично реализованными. В ракурсе их решения, к сожалению, в должной мере не рассматриваются и вопросы соблюдения прав субъектов экономической деятельности в сфере осуществления правосудия.

Сегодня на первый план должны выдвигаться вопросы преобразования системы действенных государственно-правовых средств, которые создавали бы условия для отправления качественного правосудия по экономическим спорам и в то же время предоставляли сторонам процесса возможности беспрепятственной реализации процессуальных прав. Поэтому процессуальная доктрина должна предложить эффективные варианты решения теоретических и практических проблем в контексте обеспечения реализации процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции и тем самым достичь определенного баланса публичных и частных интересов при осуществлении правосудия по экономическим делам.

Определение путей совершенствования процессуального законодательства в области обеспечения процессуальных прав, закрепление процессуально-правовых средств, гарантирующих эффективную судебную защиту, указание на принципы и способы взаимодействия суда и сторон процесса в целях действенной реализации процессуальных прав должно стать первостепенной теоретической и практической задачей. Ее решение напрямую связано с системой процессуальных гарантий, так как именно данная категория позволяет проанализировать эффективность современного процессуального законодательства в русле проблем обеспечения прав сторон при разрешении экономических споров арбитражным судом первой инстанции. Акцентирование внимания на обеспечение процессуальных прав сторон вызвано особенностями процессуально-правового статуса данных

субъектов. Именно стороны являются теми участниками процесса, права, обязанности и законные интересы которых подлежат судебной защите, а от их процессуальных действий во многом зависит динамика процесса, а также своевременность вынесения судебного акта по делу. Субъективное процессуальное право как гарантированная мера возможного поведения в арбитражном процессе очерчивает юридические рамки индивидуальной свободы, что определяет интерес и указывает на необходимость выявления всего многообразия процессуальных гарантий.

Создание целостной модели процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражных судах первой инстанции позволит не только выявить и предложить средства обеспечения реализации процессуальных прав сторон, но и повысит качество отправления правосудия, оперативность рассмотрения судебных споров; определит пути обеспечения доступности и открытости правосудия; укажет на средства и способы повышения авторитета судебной власти. Все это будет способствовать обеспечению независимости судебной системы и созданию условий для конкурентоспособности Российской Федерации в международном сообществе.

Необходимость повышения результативности средств обеспечения процессуальных прав именно в сфере разрешения экономических споров обусловливается и тем обстоятельством, что деятельность арбитражных судов является не просто индикатором развития экономических отношений в обществе, но и фактором их стабилизации. Выполняя задачи, стоящие перед экономическим правосудием, арбитражные суды влияют на состояние законности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также способствуют становлению и развитию цивилизованных отношений в хозяйственном обороте.

Формирование комплексного научного взгляда на сущность, содержание, структуру, методы и способы обеспечения субъективных процессуальных прав при разрешении экономических споров в перспективе

предоставит возможность на единой основе усовершенствовать порядок гражданского судопроизводства в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, о чем неоднократно указывалось в научной литературе[1].

Вышеизложенное подтверждает актуальность темы диссертации и определяет необходимость комплексного изучения процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Степень научной разработанности темы. Проблема обеспечения прав весьма объемна. Данное направление разрабатывается в юридической науке с середины XX века и остается важным на современном этапе развития юридической мысли, став объектом изучения междисциплинарного характера.

Актуальность исследований по данной тематике и интерес к ним проявляются в различных областях: общей теории государства и права, конституционном, международном, муниципальном, уголовном праве, уголовном процессе, исполнительном праве. Масштабность этих исследований указывает на необходимость систематизации и конкретизации полученных результатов, а также их апробации применительно к процессуальной сфере и моделированию процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

В качестве основы для разработки авторской концепции процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции использовались результаты, полученные известными учеными в ходе их научных изысканий.

Осмыслением и интерпретацией прав человека и гражданина занимались такие известнейшие западные мыслители, как Д. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант. Именно их труды оказали существенное

---

[1] См., например, Громошина Н.А. Судебная реформа: некоторые оценки и предложения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2803-2804.

влияние на авторское понимание современной концепции прав человека.

Несомненно, значительный вклад в разработку исследуемой темы привнесли российские мыслители: В.Г. Белинский, В.Н. Бердяев, И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, В.С. Коркунов, Н.М. Соловьев, И.С. Таганцев и др.

Основу общетеоретических подходов к усвоению понятия основных прав и свобод человека и гражданина в России, а также гарантий их реализации заложили труды отечественных ученых-правоведов: С.С. Алексеева, Л.Д. Воеводина, Н.В. Витрука, М.В. Баглая, Н.С. Бондаря, В.В. Гошуляка, В.В. Ершова, В.Т. Кабышева, Г.Н. Комковой, О.Е. Кутафина, Е.А. Лукашевой, И.И. Лукашука, Н.С. Малеина, А.В. Малько, Н.И. Матузова, О.О. Миронова, А.С. Мордовца, В.С. Нерсесянца, А.В. Полякова, .С. Решетова, Ф.М. Рудинского, О.Ю. Рыбакова, И.Н. Сенякина, В.Н. Синюкова, В.А. Туманова, И.Е. Фарбера, Б.С. Эбзеева и др.

Большой вклад в разработку механизмов реализации прав и свобод человека внесли современные ученые в области теории государства и права: В.М. Баранов, В.М. Горшенев, П.Е. Недбайло, И.С. Самощенко, В.Д. Сорокин, К.Б Толкачев, А.Г. Хабибуллин, Р.О. Халфина; международного права: В.А. Карташкин, В.Д. Ломовский, А.Х. Мингазов, Ф. Фабрициус; уголовного процесса: В.Н. Бодров, Л.М. Володина, О.А. Гладышева, В.М. Корнуков, В.Н. Кудрявцев, Э.Ф. Куцова, Е.Ю. Михачев, О.А. Мартынчик, И.Л. Петрухин, В.П. Радьков, В.Е. Юрченко; административного права: Б.Д. Лазарев, И.В. Панова, Л.П. Попов; исполнительного права: Д.Х. Валеев; гражданского права: Т.Е. Абова, Т.И. Илларионова, Н.С. Малеин; гражданского процесса: Л.А. Ванеева, А.А. Мельников, М.Ш. Пацация, И.А. Приходько, В.М. Шерстюк, А.В. Юдин, В.В. Ярков.

В развитии и становлении концепции единства международно-правовых норм и национально-правовых предписаний в сфере защиты прав, свобод и интересов граждан велика заслуга таких ученых, как В.М. Баранов, Ю.Я. Баскин, Я.М. Бельсон, И.П. Блищенко, Р.Б. Булатов, М.А. Гельфер,

И.К. Городецкой, Н.В. Захаров, Ю.П. Иванов, С.В. Игнатьева, В.А. Карташкин, В.Н. Смирнов и др.

В формировании механизма социально-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина большую роль сыграли труды зарубежных юристов: М. Альвареса, М. Анселя, Д. Бари, Ф. Балестра, Ж. Беллона, Д. Говарда, Г. Гроция, Н. Морриса и др.

В процессуальной цивилистической науке проблема процессуально-правовых средств, гарантирующих реализацию и защиту субъективных процессуальных прав, до последнего времени не являлась предметом фундаментальных научных исследований. Как следствие отсутствуют разработки, касающиеся вопросов терминологического аппарата, предмета, объекта.

Отдельные российские процессуалисты рассматривают обеспечительные функции тех или иных процессуально-правовых средств, например юридических процессуальных фактов (В.В. Ярков), судебных актов (С.К. Загайнова).

Некоторые аспекты проблемы защиты субъективных процессуальных прав сторон были рассмотрены в работе М.А. Викут («Проблемы правового регулирования процессуального положения и деятельности сторон в советском гражданском судопроизводстве». Саратов, 1971).

В трудах А.А. Мельникова («Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969) поднимались вопросы процессуальных гарантий субъективных прав лиц, участвующих в деле.

В диссертационных исследованиях В.Н. Захарова («Гражданские процессуальные гарантии субъективных прав сторон и третьих лиц при рассмотрении и разрешении гражданских дел». Саратов, 1988), А.Г. Черниговского («Процессуальные гарантии прав сторон в суде первой инстанции». Харьков, 1973) были изучены вопросы гарантирования субъективных прав сторон и третьих лиц.

И хотя работы указанных авторов, несомненно, внесли неоспоримый

вклад в науку процессуального права, однако они основаны на гражданском процессуальном законодательстве советского периода и легистском типе правопонимания.

В науке гражданского процессуального права современного периода работа А.Н. Балашова («Процессуальные права и обязанности сторон при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции». Саратов, 2005) посвящена вопросам процессуальных прав и обязанностей сторон, но вопросы процессуальных гарантий освещены в достаточной мере не были.

За последнее десятилетие в науке цивилистического процесса только докторское исследование Е.А. Трещевой («Субъекты арбитражного процесса». Самара, 2009) посвящено вопросам процессуальных прав участников арбитражного процесса. В данной работе выявляются особенности процессуально-правового положения субъектов арбитражного процесса, однако не рассматриваются вопросы правовых гарантий процессуальных прав.

Отсутствие фундаментальных исследований отрицательно отражается на развитии процессуально-правовых средств обеспечительного характера, которые наиболее действенным способом позволяют субъектам процессуальных отношений осуществить свои процессуальные права.

Остаются дискуссионными многие вопросы в сфере обеспечения реализации процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции: объект, методология, формирование терминологического аппарата.

Все изложенное предопределяет необходимость глубокого изучения указанных вопросов, комплексного исследования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, формулирования на этой основе предложений по совершенствованию процессуального законодательства.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке авторской концепции процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в

арбитражном суде первой инстанции, обосновании способов решения наиболее существенных процессуально-правовых, теоретико-методологических и практических проблем с последующей выработкой конкретных рекомендаций по совершенствованию данного механизма, а также законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи:**

проанализировать и обобщить методологические проблемы исследования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции;

определить общетеоретическую и прикладную значимость исследования в качестве самостоятельного научного направления;

обобщить научные взгляды на проблему обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции;

разработать целостный терминологический аппарат на основе научных достижений, необходимых для формирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции;

раскрыть содержание категорий: «субъективное процессуальное право», «процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции», «эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции» и др.;

установить сущность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в качестве комплексного понятия, структуру которого составляют различные по своему содержанию, характеру и процессуальной значимости элементы;

разграничить процессуально-правовые средства реализации и охраны прав сторон и обосновать их системные взаимосвязи;

проанализировать действующее нормативно-правовое регулирование процессуальных отношений с целью формулирования дефиниции основных

элементов процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон; процессуально-правовых средств, гарантирующих реализацию прав сторон; мер процессуального принуждения;

раскрыть сущность понятия «эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции»;

установить факторы и условия, оказывающие влияние на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции;

выявить критерии эффективности процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции;

определить пути повышения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции;

разработать и обосновать предложения по совершенствованию процессуального законодательства в русле направленности исследования.

Объектом диссертационного исследования является совокупность общественных отношений в сфере формирования, функционирования и эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

Предметом диссертационного исследования выступают нормы, регулирующие правоотношения в сфере обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, научные концепции и положения, содержащие теоретические основы и сущность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, его основные закономерности формирования и развития, а также теоретико-методологические и практические проблемы функционирования данного механизма.

Методология и методика диссертационного исследования. Методологической основой, позволившей выявить и объяснить конкретные факторы и их значимость для формирования процессуально-правового

механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции как целостной структуры, а также выявить составляющие элементы был избран интегративный подход.

В процессе решения поставленных задач автор использовала разработанные наукой принципы, подходы и методы, а также специально-юридические методы исследования.

Метод теоретико-правового моделирования применялся при формировании теоретической модели процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Метод функционального анализа и синтеза дал возможность обосновать специфику действия процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав в общем механизме государственно-правового обеспечения прав человека.

С позиции системно-структурного метода процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции представляет собой дифференцированную и интегрированную систему, занимающее собственное место в механизме арбитражного процессуального правового регулирования.

С позиции деятельностного подхода объясняется категория обеспечение реализации субъективных процессуальных прав.

При создании понятийного аппарата, необходимого для разработки концепции процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, использовался формально-юридический метод.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили работы ученых в области общей теории государства и права: С.С. Алексеева, У. Бернама, Н.В. Витрука, В.Г. Графского, В.В. Ершова, В.В. Лазарева, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, А.С. Мордовца, В.С. Нерсесянца, И.Н. Сенякина, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова, И.Е. Фарбера, К.В. Шундикова и

др.

Настоящее исследование базируется на трудах российских и зарубежных ученых по гражданскому и арбитражному процессам: Т.Е. Абовой, Д.Б. Абушенко, С.Ф. Афанасьева, С.М. Амосова, Е.А. Борисовой, А.Т. Боннера, Д.Х. Валеева, Л.А. Ванеевой, Н.А. Васильчиковой, М.А. Викут, А.Ф. Воронова, Т.А. Григорьевой, А.Х. Гольмстена, В.М. Гордона, Н.А. Громошиной, В.А. Гуреева, Р.Е. Гукасяна, С.Л. Дегтярева, Г.А. Жилина, В.М. Жуйкова, С.К. Загайновой, И.М. Зайцева, В.Л. Исаченко, О.В. Исаенковой, Р.Ф. Каллистратовой, А.М. Краевского, А.Н. Кузбагарова, Д.Я. Малешина, К.И. Малышева, В.В. Молчанова, В.А. Мусина, Э.М. Мурадьян, Е.А Нефедьева, Е.И. Носыревой, Ю.К. Осипова, М.Ш. Пацация, И.А. Приходько, Ю.А. Поповой, В.К. Пучинского, И.М. Резниченко, И.В. Решетниковой, Т.В. Сахновой, Е.В. Силиной (Слепченко), Л.А.Тереховой, М.К. Треушникова, Е.А. Трещевой, Л.В. Тумановой, М.А. Фокиной, Д.А. Фурсова, А.В. Цихоцкого, Н.В. Ченцова, Н.А. Чечиной, М.С. Шакарян, В.М. Шерстюка, М.З. Шварца, И.Е. Энгельмана, Т.М. Яблочкова, В.В. Яркова и др.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили также научные работы, посвященные проблемам обеспечения прав в уголовном судопроизводстве: Н.С. Алексеева, В.П. Божьева, Л.М. Володиной, О.А. Гладышевой (Волколуп), В.М. Корнукова, Э.Ф. Куцовой, А.М. Ларина, П.А. Лупинской, Я.О. Мотовиловкера, И.Л. Петрухина, М.С. Строговича, М.А. Чельцова, В.Н. Шпилева, П.С. Элькинда; исследования ученых в области гражданского права, освещающие вопросы осуществления гражданских прав: С.Н. Братуся, Е.В. Вавилина, Д.М. Генкина, В.П. Грибанова, О.С. Иоффе, О.А. Красавчикова, М.И. Кулагина, Л.А. Лунца, И.Б. Новицкого, В.А. Ойгензихта, Ю.К. Толстого, Е.А. Флейшиц, Р.О. Халфиной, Б.Б. Черепахина.

Эмпирической основой исследования послужили международные

конвенции и договоры Российской Федерации, Конституция РФ, современное арбитражное процессуальное законодательство, гражданское процессуальное законодательство, Постановления Европейского Суда по правам человека (26), Постановления Конституционного Суда РФ (16), определения Конституционного Суда РФ (4), разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (9) и Пленума Верховного Суда РФ (8), Информационные письма Высшего арбитражного Суда РФ (8), обзоры арбитражных судов округов по вопросам применения норм арбитражного процессуального законодательства, гражданского и административного законодательства с момента введения в действие Арбитражного процессуального кодекса РФ, статистические данные о деятельности федеральных арбитражных судов, отражающие итоги их работы за период с 2004 по 2018 гг., судебные акты арбитражных судов и судов общей юрисдикции по конкретно рассматриваемым делам за указанный период (47).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в науке цивилистического процессуального права на основе интегративного подхода сформулирована концепция процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, которая представляет собой совокупность теоретических положений и доктринальных взглядов на понимание его сущности, содержания, путей повышения эффективности.

В рамках концепции доказано, что указанный механизм следует рассматривать в качестве многомерного явления в следующих аспектах: познавательном (раскрывающим предметные теоретические знания об исследуемом объекте, представляющим сведения о социальной и правовой политике государства в сфере экономического правосудия); практическом (в качестве инструментария юриспруденции); субъектно-деятельностном (отражающим роль процессуально-правовых средств в стимулировании процессуального активного поведения субъектов).

Определено, что теоретическая модель процессуально-правового

механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции информирует о его свойствах, описывает его содержание, позволяет всесторонне его изучить, определить возможные последствия оказываемых на него воздействий.

В рамках концепции сформулированы категориальные понятия: «процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон», «система процессуальных гарантий реализации процессуальных прав», «система процессуальных гарантий охраны процессуальных прав», «эффективность процессуальных гарантий».

Представлена авторская классификация процессуальных гарантий, которые в зависимости от способа изложения в арбитражном процессуальном законодательстве можно подразделить на простые и сложные процессуальные гарантии.

Установлено, что целевое предназначение процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции детерминировано различными социальными и политико-правовыми факторами, что позволяет учесть и в последующем удовлетворить интересы субъектов в правосудии.

Классифицированы критерии и показатели эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Разработаны предложения по совершенствованию арбитражного процессуального законодательства в целях эффективного обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Научная новизна исследования конкретизирована в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции следует рассматривать в качестве процессуально-правового явления, представляющего собой систему взаимодействующих элементов (правовые нормы, содержание деятельности

уполномоченных субъектов; формы, методы и способы их взаимодействия: информационные, гармонизирующие, координирующие, контролирующие). Сложная внутренняя структура, особенности взаимодействия элементов процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции влечет необходимость упорядочивания его составных блоков посредством формирования теоретической модели.

2. Теоретическая модель процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции рассматривается как совокупность представлений о взаимодействующих элементах, функционально направленных на достижение цели эффективного обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, формируемую в пределах арбитражного процессуального регулирования, объединенных в:

1) нормативный блок элементов, т.е. его основных структурных нормативных компонентов, закрепленных в пределах арбитражного процессуального регулирования;

2) субъектно-функциональный блок, указывающий на субъектов обеспечительного процесса, на процесс восприятия правовой нормы правосознанием этих субъектов, дальнейшую ее реализацию в процессуально-правовом поведении, полномочия субъектов и способы их взаимодействия.

Формой реализации теоретической модели процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции являются способы объективизации, внешнего выражения и закрепления рассматриваемой модели в нормах арбитражного процессуального права.

3. Субъективное процессуальное право рассматривается как совокупность правомочий, признаваемых и обеспеченных государственной защитой, устанавливающих вариант процессуального поведения, который позволяет осуществить интерес в судебной защите.

В структуре субъективного процессуального права выделяются:

– правомочие на правомерное поведение: выражает возможность действовать либо воздерживаться от действий;

– правомочие на чужие действия (право требования): выражает возможность требовать должно-определенного поведения арбитражного суда, т.е. совершение им действий в интересах лица, которые не противоречат интересам правосудия и интересам других участников процесса, так и требование о санкционировании своих действий;

– правомочие (право притязание): выражает возможность использовать процессуально-правовые средства для защиты своего субъективного процессуального права;

– правомочие (право пользование): выражает возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом - механизмом судебной защиты нарушенных прав, в виде доступной, гласной, состязательной, обеспечивающей равенство всех перед законом и судом процедуры, соответствующей нравственным идеалам современного общества.

4. Деятельность арбитражного суда создает процессуально-правовые условия для осуществления субъективных процессуальных прав сторон посредством реализации правообеспечительной функции, которая охватывает следующие направления:

– информирование об обладании процессуальными правами, их разъяснение и указание на способы реализации;

– создание необходимых условий для равной и полноценной реализации процессуальных прав;

– контроль за осуществлением процессуальных прав и исполнения обязанностей;

конкретизация процессуальных прав и обязанностей.

5. Взаимодействие элементов субъектно-функционального блока, а именно арбитражного суда и сторон, представляет собой основанную на законе, согласованную деятельность, которая базируясь на свойственных ей

принципах (общие, функциональные, структурные), обеспечивает рациональное сочетание действий, в целях обеспечения оперативного информационного обмена между субъектами арбитражного процесса; содействие субъектам процесса в выполнении процессуальных функций; интенсификацию осуществления субъективных процессуальных прав и обязанностей.

6. Процессуальные гарантии – это установленные арбитражным процессуальным законодательством средства и способы, создающие благоприятные условия для осуществления сторонами субъективных процессуальных прав и позволяющие учитывать интересы как участников процесса, так и интересы правосудия. Процессуальные гарантии по функциональному признаку подразделяется на:

– обеспечивающие реализацию процессуальных прав сторон (регулятивная функция);

– создающие режим охраны процессуальных прав сторон (охранительная функция).

7. В процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон конкретизация способствует максимальной определенности субъективных процессуальных прав.

Определенность устанавливается путем уточнения экстенсионального (фактического объема возможностей, заложенных в субъективном процессуальном праве) и интенсионального (потенциального содержания возможностей, заложенных в субъективном процессуальном праве) пределов, что обеспечивает соответствие целей и задач правореализационного процесса, а также ограничивает дискреционность процессуального поведения сторон в ходе судебного разбирательства.

8. Пределы реализации субъективных процессуальных прав представляют собой обусловленную правовой природой субъективного процессуального права и обозначенную процессуальным законом сферу его реализации, а также допустимые формы и средства реализации.

Пределы реализации процессуальных прав сторон подразделяются на:

1) *объективные пределы*, которые закрепляют форму, средства и методы осуществления субъективных процессуальных прав, гарантируют достижение правовой цели как неизбежного результата и устанавливаются абсолютно определенными или относительно определенными критериями. К ним следует отнести: принципы арбитражного процессуального права, арбитражную процессуальную форму, юридические обязанности арбитражного суда как субъекта конкретного арбитражно-процессуального правоотношения, процессуальные юридические факты (юридические составы);

2) *субъективные пределы* – процессуально-правовые средства стимулирующего характера, побуждающие правообладателя к действиям, направленным на выбор правомерного процесса реализации субъективного процессуального права, т.е. средства положительной мотивации (субъективные процессуальные права, законные интересы, процессуальные льготы, процессуальные поощрения).

9. Процессуальный риск – это категория арбитражного процессуального права, основным условием существования которой является свободный выбор субъектом варианта процессуального поведения. Процессуальный риск – это подвергающаяся оценке и волевому регулированию, присущая деятельности субъектов вероятность несения ими негативных последствий, закономерно связанных с разнообразными факторами объективного и субъективного характера. Оценка процессуальных рисков имеет принципиальное значение при прогнозировании последствий принимаемых решений субъектами арбитражных процессуальных правоотношений.

10. Охранительную функцию процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции выполняют правовые средства, закрепленные в арбитражном процессуальном законодательстве, с помощью которых происходит воздействие на волю

субъектов арбитражных процессуальных правоотношений под угрозой применения мер процессуального принуждения, к которым предлагается отнести:

– меры превентивно-обеспечительного характера;

– процессуальные меры защиты;

– меры процессуальной ответственности.

11. Меры превентивно-обеспечительного характера применяются арбитражным судом в целях индивидуального предупреждения неправомерной реализации права или в целях недопущения процессуального правонарушения. Процесс индивидуального предупреждения обусловлен целенаправленной деятельностью арбитражного суда по применению: мер превентивного характера; мер пресечения; мер регулятивного характера; мер процессуального обеспечения.

12. Процессуальные меры защиты – это предусмотренные законом процессуальные средства гарантирующего характера, применяемые арбитражным судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, независимо от формы вины нарушителя в целях правового воздействия на лиц, нарушающих субъективное процессуальное право либо создающих угрозу его нарушения, без применения мер процессуальной ответственности путем выполнения следующих функций:

– общей функции, присущей всем мерам процессуального принуждения, а именно предупреждение противоправного поведения субъектов арбитражно-процессуальных правоотношений под страхом применения мер процессуальной ответственности;

– специальной функции, свойственной только процессуальным мерам защиты, а именно восстановление нарушенных субъективных процессуальных прав без применения мер процессуальной ответственности.

13. В процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции процессуальную ответственность

следует рассматривать как оптимизирующее средство реализации процессуальных прав, которое в позитивном аспекте воздействует на сознание правообладателя, формируя его правомерное поведение в целях охраны порядка осуществления судопроизводства в арбитражных судах, тем самым выполняя стимулирующую и правообеспечительную функцию.

В качестве гарантии охраны указывает на границы свободы поведения правообладатели и внешних, принудительных факторов его мотивации, через указание на процессуальные санкции как последствия за нарушение пределов допускаемой свободы выбора.

14. Эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон реализуется как свойство, указывающее на способность его структурных элементов в совокупности достигать результатов, соответствующих целям функционирования объекта обеспечения – субъективного процессуального права, которое можно оценить на основе качественных и количественных показателей.

Эффективность элементов субъектного уровня, арбитражного суда и сторон складываются из нескольких составляющих:

– поставленной цели;

– конкретных приемов и средств ее достижения;

– процессуальной деятельности (действий).

Эффективность элементов инструментального уровня определяется через качество процессуальных гарантий, т.е. нормативного закрепления функций и способов их реализации.

15. Эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции определяется комплексом условий и факторов (общими и специальными, негативными и положительными), которые представляют собой разнообразные по содержанию и модификационным процессам явления правового и неправового характера, влияющие на его качественные признаки в целях обеспечения правомерной реализации субъективных процессуальных прав.

По степени объективизации выделяют факторы объективного характера и факторы субъективного характера. К факторам объективного характера относятся: качество арбитражного процессуального законодательства и качество правореализационного процесса.

Факторы субъективного характера включают в себя личностные характеристики субъектов правореализации, которые определяют уровень профессионализма субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, т.е. опыт, умения, навыки, знание действующего законодательства, его принципов и требований; уровень правового сознания субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, обозначающий субъективное отношение к нормам права, мотивационные установки.

16. В качестве критериев и показателей эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон следует рассматривать объективные фактические данные, находящиеся между собой в корреляционной связи, позволяющие отражать с высокой степенью достоверности способность эффективного функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Критерии эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон отражают качество процесса взаимодействия арбитражного суда и сторон, а именно качество правообеспечительной деятельности арбитражного суда и качество процесса осуществления субъективных процессуальных прав сторонами.

Показатели эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции указывают на реально достигнутое состояние функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, по ним можно судить о распространенности тех или нарушений в реализации субъективных процессуальных прав.

17. В целях повышения эффективности процессуально-правового

механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции необходимо совершенствование российского законодательства, учитывающее единую концепцию развития цивилистического процесса, путем корректировки конкретных процессуальных норм, закрепляющих процессуально-правовые средства обеспечительного характера; реализации комплекса мероприятий, направленных на улучшение качества правоприменительной деятельности арбитражного суда, профессионального уровня судей и участников арбитражного процесса и ряд иных мероприятий.

В диссертации содержится ряд предложений по совершенствованию арбитражного процессуального законодательства.

1. При формулировании целей и задач судопроизводства в арбитражных судах представляется целесообразным установление специальной задачи, которая бы ориентировала арбитражные суды на необходимость обеспечения процессуальных прав сторон.

В этой связи предлагается изменить **ст. 2 АПК РФ**, изложив ее в следующей редакции:

*«***Статья 2. Задачи судопроизводства в арбитражных судах**

Задачами судопроизводства в арбитражных судах являются:

1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере;

2) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

3) справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом;

4) обеспечение лицам, участвующим в деле, их процессуальных прав;

5) укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

6) формирование уважительного отношения к закону и суду;

7) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота».

2. Доказана необходимость прямого закрепления принципа диспозитивности в процессуальном законодательстве и предложена следующая дефиниция **статьи 4.1 АПК РФ**

«Статья 4.1. Принцип диспозитивности:

1. Каждое лицо, обратившееся за судебной защитой, вправе распоряжаться своими требованиями по своему усмотрению, кроме случаев, установленных настоящим Кодексом.

2. Правила, установленные п. 1 настоящей статьи, выполняются лицами, в интересах которых подано обращение в суд.

3. Суд рассматривает дела в пределах требований, указанных обратившимся за судебной защитой лиц, и не может выходить за пределы требований.

4. Выход за пределы требований возможен только в случаях, установленных настоящим Кодексом».

3. В целях исключения злоупотреблением правом на заявление различного рода ходатайств, которые в последующем влекут увеличение сроков рассмотрения дела, предлагается дополнить **п. 4 ст. 21 АПК РФ** и изложить ее в следующем содержании:

«**Статья 21. Отвод судьи**

1. Судья не может участвовать в рассмотрении дела и подлежит отводу, если он:

1) при предыдущем рассмотрении данного дела участвовал в нем в качестве судьи и его повторное участие в рассмотрении дела в

соответствии с требованиями настоящего Кодекса является недопустимым;

2) при предыдущем рассмотрении данного дела участвовал в нем в качестве прокурора, помощника судьи, секретаря судебного заседания, представителя, эксперта, специалиста, переводчика или свидетеля;

3) при предыдущем рассмотрении данного дела участвовал в нем в качестве судьи иностранного суда, третейского суда или арбитража;

4) является родственником лица, участвующего в деле, или его представителя;

5) лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе дела либо имеются иные обстоятельства, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности;

6) находится или ранее находился в служебной или иной зависимости от лица, участвующего в деле, или его представителя;

7) делал публичные заявления или давал оценку по существу рассматриваемого дела.

1.1. Наличие информации о поступившем в арбитражный суд внепроцессуальном обращении по делу, находящемуся в производстве судьи арбитражного суда, само по себе не может рассматриваться в качестве основания для отвода судьи арбитражного суда.

2. В состав арбитражного суда, рассматривающего дело, не могут входить лица, являющиеся родственниками.

3. По основаниям, предусмотренным частью 1 настоящей статьи, отводу подлежит также арбитражный заседатель.

4. Отводу по основаниям, предусмотренным п. 1 настоящей статьи, не подлежат судьи, исполняющие судебное поручение об организации сеанса видеоконференц-связи».

4. Предлагается установить временные ограничения для обращения в арбитражный суд с заявлениями о нарушении правил подсудности, а именно дополнить действующее арбитражное законодательство **п.п. 2.2. ст. 39 АПК**

РФ следующего содержанием:

«*П.2.2. Стороны не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в арбитражном суде первой инстанции вправе заявить возражение против рассмотрения дела в связи с его неподсудностью соответствующему суду».*

5. Также в целях исключения различного толкования **п. 4 ст. 61 АПК РФ** предлагается изложить его в следующей редакции:

«Пункт 4. Полномочия других представителей на ведение дела в арбитражном суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с Федеральным законом, а в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом, в ином документе.

Полномочия представителя также могут быть выражены в заявлении представляемого, сделанном в судебном заседании, на что указывается в протоколе судебного заседания. Для дальнейшего участия в следующих судебных заседаниях полномочия представителя должны быть выражены в доверенности».

6. В целях оптимизации процесса доказывания и исключения воспрепятствования реализации права на представление доказательств предлагается внести изменения в **ч. 6 ст. 66 АПК РФ**, изложив ее в следующей редакции:

«6. Об истребовании доказательств арбитражный суд выносит определение единолично не позднее следующего дня после дня поступления заявления в суд без извещения сторон.

В определении указываются срок и порядок представления доказательств.

Копия определения направляется лицам, участвующим в деле, а также лицу, у которого находится истребуемое судом доказательство».

7. В целях исключения возможных противоречий при применении арбитражного процессуального законодательства предлагается исключить из

п. 1 ст. 159 АПК РФ положение о порядке рассмотрения заявлений и ходатайств об истребовании новых доказательств, изложив его в следующей редакции:

«1. Заявления и ходатайства лиц, участвующих в деле, о достигнутых ими соглашениях по обстоятельствам дела, существу заявленных требований и возражений, и по всем другим вопросам, связанным с разбирательством дела, обосновываются лицами, участвующими в деле, и подаются в письменной форме, направляются в электронном виде или заносятся в протокол судебного заседания, разрешаются арбитражным судом после заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле».

8. Так же предложено внести изменения в **п. 1 ст. 82 АПК РФ**, касающиеся назначения экспертизы, и изложить его в следующей редакции:

«*Для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле, а также может назначить экспертизу по своей инициативе, если назначение экспертизы предписано законом или предусмотрено договором, необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства или проведения дополнительной либо повторной экспертизы.*

Если при рассмотрении дела возникли вопросы, для разъяснения которых требуются специальные знания, и согласно положениям Кодекса экспертиза не может быть назначена по инициативе суда, то при отсутствии ходатайства или согласия на назначение экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, суд разъясняет им возможные последствия незаявления такого ходатайства (отсутствия согласия).

В случае, если такое ходатайство не поступило или согласие не было получено, оценка требований и возражений сторон осуществляется судом с учетом положений статьи 65 АПК РФ (56 ГПК РФ) о бремени доказывания исходя из принципа состязательности, согласно которому риск наступления последствий несовершения соответствующих процессуальных действий

несут лица, участвующие в деле».

9. В целях оптимизации процесса раскрытия доказательств существует необходимость введения временных ограничений на представление отзыва на исковое заявление с установлением неблагоприятных последствий нарушения установленного срока в виде невозможности представления доказательств. Такие изменения: 1) устанавливают препятствия для осуществления «процессуальных диверсий»; 2) повышают качество реализации субъективных процессуальных прав иных участников арбитражного процесса; 3) повышают степень оперативности осуществления правосудия.

В связи с этим предложена следующая дефиниция **ч. 3, 4 и 5 ст. 131 АПК РФ:**

«3. Отзыв на исковое заявление направляется в арбитражный суд и лицам, участвующим в деле, заказным письмом с уведомлением о вручении в срок, установленный арбитражным судом. О направлении отзыва и сроке, в течение которого лица, участвующие в деле, должны представить отзыв, должно быть указано в определении о принятии искового заявления к производству арбитражного суда.

Отзыв на исковое заявление в арбитражный суд, представленный по истечению срока, указанного в определении о принятии искового заявления арбитражным судом, не принимается.

4. В случае, если в установленный судом срок ответчик не представит отзыв на исковое заявление и доказательства, опровергающие исковые требования, арбитражный суд рассматривает дело по имеющимся в деле доказательствам.

5. В отзыве на исковое заявление указываются:

1) наименование истца, его место нахождения или, если истцом является гражданин, его место жительства;

2) наименование ответчика, его место нахождения или, если ответчиком является гражданин, его место жительства, дата и место

рождения, место работы или дата и место государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;

3) возражения относительно каждого довода, касающегося существа заявленных требований, со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, также доказательства, обосновывающие возражения;

4) перечень прилагаемых документов;

5) ходатайство об истребовании доказательств».

10. В целях соблюдения стандартов осуществления справедливого судебного разбирательства предлагается вернуть требование о мотивированности решений по делам упрощенного производства.

Статья 229 АПК РФ. Решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства.

1. Решение арбитражного суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается немедленно после разбирательства дела и приобщается к делу.

Решение размещается на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее следующего дня после дня ее принятия.

Решения по делам, возникшим из административных и иных публичных правоотношений и рассматриваемым в порядке упрощенного производства, принимаются арбитражным судом по правилам, предусмотренным статьями 201, 206, 211 и 216 настоящего Кодекса.

2. Решение арбитражного суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению. Указанное решение вступает в законную силу по истечении пятнадцати дней со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба.

11. Для расширения объема процессуальных прав участников арбитражного процесса, обладающий правом на обжалование судебных актов в вышестоящие судебные инстанции, предлагается установить обязательность передачи материалов дела из арбитражного суда первой

инстанции в арбитражный суд вышестоящей инстанции только по истечению срока обжалования. До момента истечения срока на обжалование дело должно находится в арбитражном суде первой инстанции. В связи с чем предлагается редакция следующих статей АПК РФ:

Статья 257 АПК РФ. Право апелляционного обжалования.

2. Апелляционная жалоба подается через принявший решение в первой инстанции арбитражный суд, который обязан направить ее в соответствующий арбитражный суд апелляционной инстанции в трехдневный срок со дня поступления жалобы в суд.

Дело передается в арбитражный суд апелляционной инстанции по истечению срока обжалования, но не позднее 3-х дней.

Статья 275 АПК РФ. Порядок подачи кассационной жалобы

2. Арбитражный суд, принявший решение, обязан направить кассационную жалобу в соответствующий арбитражный суд кассационной инстанции в трехдневный срок со дня поступления жалобы в суд.

Дело передается в арбитражный суд кассационной инстанции по истечению срока обжалования, но не позднее 3-х дней.

12. Автором разработана Концепция квалифицированной (профессиональной) юридической помощи (Приложение № 2), в рамках которой предлагается:

закрепить модель оказания профессиональной юридической деятельности в Российской Федерации;

определить принципы и методы построения института оказания профессиональной юридической деятельности и стандарты ее оказания населению;

раскрыть понятия «профессиональной юридической деятельности», «судебный представитель», «аккредитация судебного представителя»;

установить требования к квалификации судебного представителя.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена его научной новизной и заключается в том, что его положения

и выводы обогащают теорию арбитражного процессуального права, могут быть использованы для дальнейшего развития нового научно-теоретического направления – обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Содержащиеся в работе теоретические положения в своей совокупности создают теоретико-методологические предпосылки для решения крупной научной проблемы в сфере обеспечения процессуальных прав в Российской Федерации. В диссертации создана целостная авторская концепция процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, предполагающая ее текущую и перспективную важность как для науки цивилистического процесса, так и для судебной практики. Данная концепция открывает новые возможности для последующих исследований, в том числе прикладного характера, обогащает науку арбитражного процессуального права и в известной мере формирует необходимую теоретическую базу для дальнейшего совершенствования и развития правообеспечительных механизмов.

Результаты исследования позволяют конкретизировать рекомендации по дальнейшей разработке фундаментальных вопросов юридической науки в области прав человека и гражданина, наметить перспективы развития правозащитной функции государства, пути совершенствования процессуально-правовой политики.

Практическая значимость диссертационного исследования основана на научных выводах, способствующих совершенствованию арбитражного процессуального законодательства, деятельности арбитражных судов, подготовке юридических кадров, дальнейшему развитию теоретических представлений о процессуально-правовом механизме, а также формированию моделей взаимодействия суда и сторон в процессе рассмотрения и разрешения дел, отнесенных к компетенции арбитражных судов, в целях повышения эффективности обеспечения процессуальных прав сторон.

Предложенные диссертантом изменения в законодательство Российской

Федерации, связанные с повышением уровня обеспечения процессуальных прав, будут способствовать повышению оптимизации практики применения процессуальных норм, что в целом окажет влияние на качество отправления правосудия по экономическим делам. Сформулированные в диссертационном исследовании положения могут быть использованы в учебном процессе при преподавании учебных дисциплин: «Теория государства и права», «Методология юридической науки», «Арбитражное процессуальное право», «Гражданское процессуальное право», дисциплин специализации, таких как «Актуальные проблемы арбитражного процессуального права», «Особенности рассмотрения отдельных категорий дел в арбитражных суда»; а также в системе повышения квалификации и правовой подготовки как судейского корпуса, так и иных лиц, оказывающих юридическую квалифицированную помощь в качестве судебных представителей, в том числе и адвокатов.

Апробация работы и внедрение результатов исследования. Результаты и выводы диссертационного исследования прошли апробацию по нескольким направлениям:

обсуждение на заседании кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»;

выступления на научно-практических конференциях различного уровня, в том числе 20 международных, из них: «Актуальные проблемы международного частного и гражданского права» (Россия, г. Челябинск, январь 2007 г.); «Тенденции развития гражданского процессуального права России», посвященной памяти профессора, доктора юридических наук, заслуженного работника высшей школы РФ Н.А. Чечиной (Россия, г. Санкт-Петербург, февраль 2007 г.); «Концепция развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека» (Россия, г. Сочи, апрель 2007 г.); «Мир человека: нормативное измерение-2» (Россия, г. Саратов, апрель 2010 г.); «Развитие международного и национального права на

современном этапе» (Латвия, г. Рига, апрель 2011 г.); «Право и его реализация в XXI веке», посвященной 80-летию Саратовской государственной юридической академии (Россия, г. Саратов, сентябрь 2011 г.); «Теоретические и практические проблемы современного права» (Латвия, г. Рига, май 2012 г.); «Цивилистический процесс: основные проблемы и тенденции развития», посвященной 90-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Маргариты Андреевны Викут (г. Саратов, октябрь 2012 г.); «Двенадцатые осенние юридические чтения» (Украина, г. Хмельницкий, ноябрь 2013 г.); «Организация Объединенных Наций: прошлое, настоящее, будущее» (г. Белгород, октябрь 2015 г.); «Право на судебную защиту: сравнительно-правовой анализ ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ» (Россия, г. Саратов, март 2016 г.); 9 Всероссийских научно-практических конференциях: Третьи Саратовские правовые чтения (г. Саратов, июнь 2010 г.); Четвертые Саратовские правовые чтения (г. Саратов, июнь 2011 г.); «Право и правосудие: теория, история, практика» (г. Краснодар, апрель 2011 г.); «Проблемы правовой культуры, правового просвещения и защиты прав человека» (г. Махачкала, декабрь 2012 г.); «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации – 10 лет: актуальные вопросы кассационного производства» (г. Екатеринбург, октябрь 2012 г.); «Актуальные проблемы юридической науки и практики в сфере пресечения недобросовестной конкуренции, связанной с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности» (г. Саратов, ноябрь 2013 г.); «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции» (г. Москва, апрель 2014 г.); «Судебная реформа в России: преемственность и модернизация» (г. Белгород, октябрь 2014 г.); «Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального права» (г. Санкт-Петербург, май 2015 г.); «Унификация и дифференциация современного цивилистического процессуального законодательства», (г. Саратов, май 2016 г.); «Примирительные процедуры в цивилистическом праве и

судопроизводстве», (г. Санкт-Петербург, апрель 2019 г.);

изложены в основных научных работах автора общим объемом 98, 5 п.л.: 3 монографиях, 3 учебных пособиях, 71 научной статье, 30 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для опубликования основных результатов диссертационных работ, представленных на соискание ученой степени доктора наук, 7 – в зарубежных изданиях и сборниках научных трудов;

используются в учебном процессе ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; на курсах повышения квалификации юристов муниципальных образований на базе ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»;

применяются при подготовке научно обоснованных рекомендаций Научно-консультативного совета Арбитражного суда Поволжского округа;

отдельные положения были реализованы в заключении автора при подготовке проекта правовой позиции Полномочного представителя Государственной Думы Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации по делу о проверке конституционности частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса РФ, статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства РФ. Поводом к рассмотрению дела послужили жалобы гражданки Слободяник Натальи Борисовны и ФГБУ «Российский сельскохозяйственный центр»;

приняты к использованию в практической деятельности комитета Государственной Думы Российской Федерации по государственному строительству и законодательству при подготовке законопроектов, направленных на совершенствование процессуального законодательства.

Структура диссертации обусловлена логикой, задачами и целью исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения и библиографического списка

использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

§ 1. Теоретико-правовые основы процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

Исследование проблем обеспечения субъективных процессуальных прав сторон при разрешении споров в арбитражном суде первой инстанции относится к тому разряду научных проблем, которые привлекают и, вероятно, будут привлекать внимание ученых-процессуалистов к выяснению закономерностей возникновения и реализации процессуальных прав. Прежде всего, потому, что их познание в конечном итоге определяет качество и эффективность судебной защиты, а также перспективы развития современного цивилистического процесса. Ответы на вопросы о том, какова природа субъективного процессуального права, какими средствами обеспечивается его реализация, как формируется система процессуальных гарантий, каким образом она действует, неоднозначны, они требуют комплексного подхода представителей различных отраслей юридического знания, более углубленного системного анализа принципов научной преемственности, объективности, плюрализма и других, а также аргументированности теоретических положений. Иными словами, исследуемой проблеме необходима теоретико-методологическая основа, которая адекватна избранному предмету. Такой основой, на взгляд автора настоящего исследования, может служить интегративная концепция, которая на основе диалога с различными школами в правоведении стремится

обосновать целостную концепцию права, свободную от основных недостатков, характерных для правовой теории эпохи «советского модерна»[1].

Анализ методологических работ в области юриспруденции позволяет говорить о том, что методологическая сфера правовой науки характеризуется множественностью ценностных оснований, онтологических установок и методологических подходов. Поэтому для исследования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции предпочтительнее использовать широкие рамки анализа вопросов, связанных с объектом настоящего исследования, каковым и является интегративных подход.

Концепция процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, базирующаяся на интегративном подходе, позволяет уяснить не только правовую природу субъективного процессуального права, исследовать его основной признак – гарантированность, но и провести анализ процессуально-правовых средств, обеспечивающих его реализацию. В свою очередь, такой подход выводит на понимание качества процессуального закона, от которого зависит состояние законности при осуществлении правосудия по экономическим спорам. Тем самым предложенная методология исследования позволяет более глубоко проникнуть в сущность субъективного процессуального права, а также определить, какие средства и способы создают наиболее эффективные условия для осуществления субъективного процессуального права, т.е. способствует всестороннему познанию вопросов обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Оговоримся сразу, что в теории права существует неоднозначная трактовка методологии. Автор не углубляется в теоретическую полемику данного вопроса и рассматривает ее как систему «принципов формирования

---

[1] См.: Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования) : автореферат диссертации д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002. С. 4.

и практического применения методов познания и преобразования действительности»[1].

Своим спектром мировоззренческих подходов обладает и концепция процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции. Другое дело, с позиции какого типа правопонимания исследуются вопросы обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде. Теоретиками права справедливо обращается внимание на достоинства и недостатки различных типов правопонимания, но они считают возможным использовать интегративный подход в познании государственно-правовой действительности, с чем следует согласиться[2].

Избранная методология исследования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции позволяет: во-первых, проникнуть в сущность и содержание права в целом; во-вторых, учитывать его естественно-социологическое начало; в-третьих, выявить многогранность предмета исследования, присущих ему свойств и качеств, составляющих его компонентов на познавательном и практическом уровнях. Иными словами, методология интегративного подхода позволяет более широко раскрыть достоинства права как целостностного явления, включая проблемы субъективного процессуального права, а также институтов его обеспечения.

Считаем целесообразным, хотя бы кратко, остановиться на осмыслении интегративного правопонимания и интегративного подхода в юридической науке.

---

[1] Методологические проблемы социального познания : сборник научных трудов / отв. ред.: В. Куценко; АН Украинской ССР, Ин-т философии. Киев, 1987. С. 4.
Разумеется, автор осознает, что методология в качестве своих составляющих компонентов имеет не только всеобщие теоретическое принципы, общенаучные и частнонаучные методы познания, но и определенные мировоззренческие позиции, на которых основывается исследование. (См., например: Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М., 2011. С. 63–66).

[2] См.: Синюков В.Н. К обновлению методологии юридической науки // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузов и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 32–33; Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права : курс лекции. СПб., 2005. С. 39.

Известно, что правопонимание представляет собой глобальную теоретико-методологическую проблему, в которой происходит восприятие и осмысление права, правовой действительности в целом, всей правовой материи прошлого и настоящего.

Ученые, исследовавшие и исследующие право в рамках интегративного типа правопонимания, выявляли его сущность, синтезируя различные теории. Так Б.А. Кистяковский отмечал, что «право есть и государственно-организационное, и социальное, и психическое, и нормативное явление»[1]. В.С. Нерсесянц включал идеи позитивистского и естественно-правового подхода к праву[2]. А.С. Ященко анализировал как нормативный, так и нравственный аспект права[3].

Таким образом, единой онтологической основы для формирования интегративного типа правопонимания в науке не выработано, единственно объединяющим аспектом всех интегративных концепций и не только в области права[4] является использование принципов холизма и взаимодополнения существующих подходов путем включения тех или иных элементов. Системообразующим началом интегративного правопонимания служит идея действия (действующего) права, которая синтезирует своим содержанием все сущностные правовые характеристики и формы проявления права, а именно: право как идея, принцип; право как институционализированная совокупность норм (позитивное право, законодательство); право как элемент сознания, психики человека; право в общественных отношениях (право как социальный порядок). Интегративное

---

[1] См.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 191.
[2] См.: Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М., 1992. С. 34.
[3] См.: Ященко А.С. Теория феодализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 15–17.
[4] См., например: Гвоздева А.В. Дидактические принципы в концепции интегративного подхода к дифференцированному обучению // Интеграция науки и образования. 2007. № 3. С. 34–36; Барышникова И.В. Интегративный подход к исследованиям Я-концепции личности в отечественной психологии : автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1999; Симонова Т.М. Социологическое исследование социальных проблем: интегративный подход : автореф. дис. … д-ра соц. наук. СПб., 2010; и др.

правопонимание предполагает такое понимание природы права, которое охватило бы все существующие теории «в их односторонней правильности». Тем самым позволим себе утверждение, что интегративное правопонимание, не претендуя на монополию истины, включает свободное оперирование многомерным знанием о праве как о многообразном явлении и предлагает свой наиболее продуктивно работающий в проблемной области инструментарий.

Интегративный подход как методологический прием, используемый в рамках интегративного правопонимания, базируется на специфических принципах познания и характеризуется только ему присущими признаками. Интегративный подход как способ теоретического познания обеспечивает возможность соединения на общей основе важных компонентов права, которые его раскрывают, а именно его нормативность, деятельностный характер, восприимчивость массовым и индивидуальным правосознанием, и наконец, все идеи и правовые представления, отображающие естественно-правовую, позитивистскую, психологическую, социологическую и иную природу права.

А.В. Поляков справедливо отмечает, что интегративный подход позволяет синтезировать теоретически значимые моменты права, делает возможным не только исключить абсолютизацию какого-то одного взгляда на это явление, но и дает возможность объединить результаты конкурирующих научных теорий, раскрыть структуру права с точки зрения рационального обоснования[1].

В юридической литературе принципы интегративного подхода и в количественном и в качественном (содержательном) плане раскрываются неоднозначно. Так, А.В. Поляков, анализируя сущность права с позиции интегративного правопонимания, фактически речь ведет о двух принципах: взаимодополнения и диатропичности, хотя терминологически автор их не

[1] См.: Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания // История государства и права. 2003. № 6. С. 7.

обозначает[1] и предлагает синтезировать теоретически значимые моменты, проработанные конкурирующими научными теориями[2].

А.С. Ященко при разработке теории синтетического понимания права, прослеживая историческое развитие содержания доктрины естественного права с учетом взглядов Вл. Соловьева, использовал принципы онтологического плюрализма, многомерности истины и преемственности, указывал на диатропичность данного явления, что позволило ему сделать вывод о том, что сохранение «смыслового ядра» права не исключает модификации отдельных элементов[3].

Применение принципов онтологического плюрализма и преемственности позволило ему признать знания, полученные в различных типах правопонимания, и тем самым устранить одномерность познания права с сохранением его содержательных характеристик.

Г.Д. Гурвич, используя принцип правового плюрализма, сделал попытку объединить в рамках единого понятия социальное и индивидуалистическое право и установить равновесие между социально-политическими силами[4].

В начале XX века В.Г. Графский отмечал, что правоведы синтетической ориентации создали методологические и теоретические новации, преодолев узкопрактическое и формально-догматическое видение природы и назначения права, сочетая их «в той или иной связанности, переплетенности и взаимодополнительности с подходом философским и

---

[1] См.: Поляков А.В. Указ. соч. С.7.

[2] См.: Коммуникативная концепция права: вопросы теории. Обсуждение монографии А.В. Полякова / отв. ред. Д.И. Луковская. СПб., 2003. С. 98–99.

[3] См.: Ященко А.С. Теория феодализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С .137.

[4] См.: Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / пер. М.А. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб., 2004. С. 250–251.

социологическим, историческим и экономическим, политическим и психологическим, этическим и аксиологическим»[1].

И.Л. Честнов в своих работах, утверждая, что «право – это и структура (правила поведения), и ее воспроизводство (сопровождающееся как практическими действиями, так и ментальными процессами) в поведении людей», приходит к выводу, что юридическая реальность диалогична[2].

Р.З. Лившиц предполагает, что на основе синтеза трех научных школ – социологической, нормативизма, естественно-правовой – можно сформулировать единое представление о праве[3].

Н.В. Евдеева предлагает создание нового восприятия права на основе уже существующих концепций путем их синтеза[4].

Н.В. Варламова утверждает, что интегративный подход, отвергая монополию на истину, позволяет понимать право в широком социальном контексте[5].

Интегративный подход к пониманию предмета исследования требует ответа на вопрос о методах познания как системы приемов познания. Отсюда возникает следующий вопрос: едины ли методы познания в рамках различных теорий правопонимания? И есть ли отличительные черты содержания методов познания в различных теориях правопонимания? Ответ на этот вопрос весьма сложен и предполагает проведение самостоятельного комплексного исследования. В силу ограниченного объема настоящей

---

[1] Философия права в России: история и современность : материалы третьих философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. М., 2009. С. 85–86.

[2] См.: Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб.,2000; Он же. Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3. С. 50; Он же. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания) : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 209.

[3] См.: Лившиц Р.З. Современная теория права: краткий очерк. М., 1992. С. 38.

[4] См.: Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2005. С. 26.

[5] См.: Варламова Н.В. Интегративная юриспруденция и «чистое» учение о праве // Труды МГЮА. М., 2003. № 10. С. 147.

работы и ее научной направленности отметим лишь тезисные ответы на поставленный вопрос.

Исходя из принципа единства и общности объективной реальности можно предположить, что законы, принципы, тенденции, изучаемые в рамках отраслей знаний, обладают определенным сходством. Более того, например, философия, сосредоточившись на выявлении фундаментальных законов мироздания, находится во взаимосвязи со всеми частными отраслевыми науками. Как следствие общефилософские методы познания применяются во всех науках, в том числе и юриспруденции. Диалектический метод, ориентируя на целостное освоение объективной реальности, сам по себе может рассматриваться в качестве интегрирующего.

На эмпирическом уровне научного познания применяются методы, которые являются общими как для эмпирического, так и для теоретического уровня. К ним относятся: анализ и синтез, индукция и дедукция, структурно-функциональный, абстрагирование, обобщение, моделирование.

Например, теория интегративного познания задает для метода моделирования определенные познавательные границы при постижении государственно-правовых явлений, оказывающих влияние на формирование процессуально-правового механизма обеспечения субъективного процессуального права. Как отмечается в некоторых работах, основным сдерживающим фактором для развития теории правового моделирования является узкое, формально-догматическое (нормативное) понимание права[1]. С этим утверждением, несомненно, следует согласиться, так как без учета внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на моделируемый объект, невозможен дальнейший его анализ, в том числе и в качестве средства повышения эффективности правовых норм и индивидуализации правоотношений.

---

[1] См.: Салыгин Е.Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы // Право. 2013. № 3. С. 12–35; Безруков А.С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 8.

Использование комплекса методов эмпирического уровня связано с изучением реальных фактов (наблюдение, опрос и др.). Методы теоретического уровня предназначены для характеристики отдельных элементов процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон (личность, деятельность и др.). В своей совокупности методы теоретического и эмпирического уровня воспроизводят в научном сознании системные и структурно-функциональные связи и зависимости социальных систем.

На познавательном уровне методология интегративной концепции правопонимания позволяет создать новый тип восприятия права в целом, как «деятельность, как процесс законотворчества, судебного рассмотрения, правоприменения и других форм придания правового порядка общественным отношениям через официальные и неофициальные модели поведения»[1], путем синтеза существующих классических концепций правопонимания (нормативной, естественно-правовой, социологической, исторической и других – в трактовках разных авторов присутствует их неодинаковый перечень)[2].

Анализ приведенных работ позволяет сделать вывод о том, что интегративный подход предлагает свободное оперирование многомерным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием, т.е. методами, обладает своеобразным методологическим фундаментом, который состоит из методологических принципов, а именно *холизма, многомерности истины, объективизма, онтологического плюрализма, диатропичности, преемственности*.

С учетом сказанного представляется возможным дать следующее определение интегративного подхода: это – *методологический прием*

---

[1] См.: Поляков А.В. Указ. соч. С. 8.

[2] См.: Евдеева Н.В. Интегративные теории правопонимания в современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 3–4; Hall J. Living Law of Democratic Society, 1949; Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.., 1998. С. 16-17.

познания, основывающийся на принципах взаимодополнения, интеграции, многомерности истины, объективизма, онтологического плюрализма, холизма, диатропичности, преемственности существующих знаний в отношении какого-либо правового явления, реализующийся на различных уровнях познания государственно-правовой действительности, и предоставляющий возможность использования различных методов познания правовой реальности в целях всестороннего и целостного рассмотрения анализируемого явления.

Интегративный подход применительно к данному научному исследованию предлагает следующие критерии.

Во-первых, анализ права как специфического многоаспектного явления, выделяющегося из системы иных социальных регуляторов, так как в определенной степени право явление интегративное и, следовательно, должно изучаться всесторонне для составления о его сущности максимально полных, научно обоснованных представлений. Синтезирование знаний будет означать стремление дать рациональное обоснование сущности права и предоставляет возможность рассмотрения нормативного аспекта права с точки зрения позитивистской теории, восприятия права как ценности с точки зрения естественно-правовой концепции, субъектно-деятельного аспекта права с точки зрения социологической школы. В рамках нашего исследования это даст наиболее полное представление о процессуально-правовом механизме обеспечения субъективных процессуальных прав как о комплексном процессуально-правовом явлении, которое формируется в рамках арбитражного процессуального регулирования.

Во-вторых, анализ субъективного процессуального права, так как раскрытие его качественных характеристик возможно только при осмыслении всей совокупности взглядов на его сущность и содержание, которые нашли отражение в различных теориях. Теории субъективного права следует рассматривать не как конкурирующие друг с другом идеи, а как взаимодополняющие, ибо они отражают развитие знания о субъективном

праве в его поступательном значении, что в свою очередь позволяет определить его место в качестве элемента процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав, раскрыть степень влияния на деятельность уполномоченных субъектов в процессе обеспечения.

В-третьих, анализ институтов обеспечения субъективных процессуальных прав, так как многомерность категории «гарантии» охватывает ряд взаимосвязанных аспектов: познавательный, идеологический, практический. Познавательный аспект раскрывает как предметные теоретические знания о сущности объекта исследования, так и сведения о социальной и правовой политике государства. В рамках правовой политики государства процессуально-правовой механизм обеспечения субъективных процессуальных прав является производным от общего социально-правового механизма обеспечения прав человека и личности. Обеспечение прав – это прежде всего деятельность государства по охране, защите, восстановлению и гарантированию прав и свобод человека и гражданина. И в этом смысле обеспечение прав может рассматриваться как синоним понятия «функция государства», которое находит свое выражение в постоянном процессе, направленном на поддержание состояния защищенности гражданина и человека в различных сферах социальной деятельности. Такая деятельность подчинена цели создания условий для фактической реализации прав и свобод человека и гражданина.

Такая функция государства вытекает из конституционных требований, где сказано, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (п. 2 ст. 17 Конституции РФ), т.е. юридический позитивизм здесь уступает место естественно-правовому пониманию. И можно отметить, что применительно к ч. 1 ст. 17 Конституции РФ признание и гарантия прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права имеет характер общей политической декларации и не

определяет иерархическое положение соответствующих принципов и норм в российской правовой системе. По сути воспринятая Конституцией Российской Федерации презумпция связанности государства естественными и неотчуждаемыми правами человека есть не более чем ориентир желаемого направления правового развития. И в силу этого содержание государственного обеспечения прав и свобод человека и гражданина отражается в названных выше видах деятельности. Данная функция государства реализуется посредством закрепления в национальной правовой системе отлаженного государственно-правового механизма обеспечения прав, содержащего систему правовых средств, применяемых государством для обеспечения прав[1]. Данный механизм включает широкий комплекс мер законодательного, исполнительного и судебного характера[2]. Его следует рассматривать как способ функционирования системы различных взаимодействующих средств, гарантирующих осуществление прав, их охрану и защиту от разного рода посягательств.

Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции является подсистемой государственно-правового механизма обеспечения прав человека и гражданина. Обеспечение прав – это прежде всего деятельность государства по охране, защите, восстановлению и гарантированию прав и свобод человека и гражданина. И в этом смысле обеспечение прав может рассматриваться как синоним понятия «функция государства», которое находит свое выражение в постоянном процессе, направленном на поддержание состояния защищенности гражданина и человека в различных сферах социальной деятельности. Цель такой деятельности состоит в создании условий непосредственного воплощения прав и свобод человека и гражданина путем создания возможностей для их фактической реализации.

---

[1] См.: Алексеев С.С. Общая теория права : учебник: в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 267.

[2] См.: Анохин Ю.В. О формах обеспечения прав и свобод личности // Ползуновский вестник. 2005. № 1. С. 257.

Такая функция государства вытекает из конституционных требований, где сказано, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (п. 2 ст. 17 Конституции РФ), т.е. юридический позитивизм здесь уступает место естественно-правовому пониманию. И можно отметить, что применительно к ч. 1 ст. 17 Конституции РФ признание и гарантия прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права имеет характер общей политической декларации и не определяет иерархическое положение соответствующих принципов и норм в российской правовой системе. По сути воспринятая российской Конституцией презумпция связанности государства естественными и неотчуждаемыми правами человека есть не более чем ориентир желаемого направления правового развития. И в силу этого содержание государственного обеспечения прав и свобод человека и гражданина отражается в названных выше видах деятельности.

Данная функция государства реализуется посредством закрепления в национальной правовой системе отлаженного государственно-правового механизма обеспечения прав, содержащего систему правовых средств, применяемых государством для обеспечения прав[1]. Названный механизм включает широкий комплекс мер законодательного, исполнительного и судебного характера[2]. Его следует рассматривать как способ функционирования системы различных взаимодействующих средств, гарантирующих осуществление прав, их охрану и защиту от разного рода посягательств.

Приведенное определение механизма государственно-правового обеспечения прав не вызывает возражений, так как в целом все перечисленные элементы государственно-правового механизма обеспечения

---

[1] См.: Алексеев С.С. Общая теория права : учебник : в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 267.

[2] См.: Анохин Ю.В. О формах обеспечения прав и свобод личности // Ползуновский вестник. 2005. № 1. С. 257.

прав позволяют моделировать подынституциональные системы применительно к различным сферам правового регулирования. В том числе и на уровне отраслей права[1], которые будут характеризоваться соподчиненными, иерархическими связями.

Институциональные подсистемы функционируют в определенных сферах общественных отношений, в которых они осуществляются, критерием их выделения является объект обеспечения, а также статус субъекта-носителя прав. Выделение институциональных подсистем позволяет определить не только степень понимания и уважения государства к идее прав человека и гражданина, но и произвести оценку значимости социальных и индивидуальных потребностей и интересов, выраженных в правах.

Таким образом, можно определить приоритетные направления в совершенствовании законодательства в той или иной области, а также оптимизировать деятельность государственных органов, осуществляющих обеспечительные функции в соответствующей сфере.

К примеру, принятие государством на себя конституционной обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина предполагает необходимость создания развитой системы гарантий, с помощью которых реализуется эта задача. Именно правосудие представляет собой то институциональное пространство, на котором различными субъектами права (личностью, корпорациями, государством и т.д.) могут быть предъявлены обоснованные и законные требования.

Фактически во всех странах мира основное бремя по защите прав возложено на правоохранительные органы, т.е. на структуры, непосредственно обладающие правомочиями пресечения нарушения прав, их

---

[1] См.: Общая теория прав человека / отв. ред.: Лукашева Е.А. М., 1996; Передерин С.В. Процедурно-процессуальный правовой механизм обеспечения трудовых прав наемных работников. Воронеж, 2000; Ростовщиков И.В. Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практика органов внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук. М.,1997; Еремина И.С. Конституционно-правовой механизм обеспечения прав соотечественников, проживающих за рубежом. Хабаровск, 2008.

восстановления, а также применения принудительных мер. Такого рода органы для выполнения своих правозащитных функций специально наделяются особыми государственно-властными полномочиями. К числу данных институтов относится независимая судебная власть, которая занимает особое место в системе гарантий прав человека от их нарушения с чьей-либо стороны. Достаточно длительный этап развития демократических государств показал, что суд является одним из самых надежных средств защиты прав[1], который представляет государство и его законы.

В Федеральной Целевой Программе «Развитие судебной системы Российской Федерации на 2013–2020 годы» указано, что судебная система как механизм государственной защиты имеет приоритетное значение в любом правовом государстве. Исполняя роль общественного арбитра, она защищает одновременно все сферы деятельности, регулируемые правом. Система судебных органов обеспечивает незыблемость основ конституционного строя, охраняя правопорядок, единство экономического пространства, имущественные и неимущественные права граждан и юридических лиц, а также гарантирует свободу экономической деятельности[2].

Не углубляясь в анализ дискуссии об общем понятии и содержании судебной защиты как правового института, считаем необходимым отметить следующее. Судебная защита прав осуществляется не только посредством рассмотрения и разрешения дел, отнесенных к подведомственности арбитражных судов, но и путем рассмотрения многочисленных процессуальных вопросов, возникающих в период отправления правосудия и связанных с реализацией процессуальных прав. В силу этого в арбитражных судах судебной защите подлежат не только нарушенные или оспариваемые

---

[1] См.: Решетов Ю.А. Возбуждение национальной вражды в контексте международного права, зарубежной и российской судебной практики // Московский журнал международного права. 1992. № 3. С. 20.

[2] См.: О Федеральной Целевой Программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : Постановление Правительства РФ № 1406 от 27 декабря 2012 г. // URL:http://www.rg.ru/2012/10/09/sudebnaya-dok.html (дата обращения: 09.10.2015).

материальные права и законные интересы, но и процессуальные права, которые нарушены или могут быть нарушены в процессе рассмотрения и разрешения подведомственных дел. Это предполагает необходимость изучения всего круга вопросов, связанных с правовым обеспечением процессуальных прав как специфичной системы частного порядка.

«Частная система» должна пониматься как определенная институциональная подсистема государственно-правового обеспечения прав человека и личности, так как охватывает значительно меньший круг отношений, связей и институтов. Однако будучи производной от государственно-правового механизма обеспечения прав личности, эта совокупность средств обеспечения может включать в себя только процессуально-правовые средства и способы, так как общие гарантии (социальные и экономические) не входят в сферу регулирования процессуальных норм, хотя, несомненно, оказывают свое особое влияние.

Данный подход позволяет, не меняя правообеспечительной сущности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, выявить конкретные элементы, входящие в структуру, определить его значение в едином механизме государственно-правового обеспечения прав, а также раскрыть глубинный контекст осуществления процессуальных прав и рассмотреть процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции в широком и узком смысле. В широком значении как совокупность объективных и субъективных факторов, условий и средств, обеспечивающих соответствующий уровень судебной защиты в системе арбитражных судов. Этот аспект позволяет оценить:

– деятельность государства по созданию социально-экономических условий;

– способность судебной системы выполнять конституционные функции;

– процессуальное законодательство, включая набор средств и способов, которые охраняют, защищают права субъектов, обратившихся за защитой к

органам судебной власти, пресекают такие нарушения и восстанавливают нарушенные права.

В сферу исследования попадает спектр социально-экономических, политико-правовых условий, влияющих на формирование процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, понимаемого в узком смысле. В узком значении процессуально-правовой механизм (собственно предмет исследования) следует рассматривать как способ организации системы процессуально-правовых средств, закрепленных в нормах арбитражного процессуального законодательства и имеющих свое функциональное назначение, т.е. с их помощью создаются оптимальные условия для гарантированной реализации процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции. В этом смысле данное понятие отождествляется с процессуальными гарантиями, которые выступают в качестве процессуальных средств-инструментов и процессуальных средств-деяний.

Идеологический аспект используется государственной властью для пропаганды правовых идей в области правосудия, раскрывает исходные ценностные установки.

Практический аспект позволяет выявить правовой инструментарий, используемый в целях обеспечения процессуальных прав и закрепленный в рамках механизма арбитражного процессуального регулирования. Сами по себе процессуально-правовые средства выступают самостоятельными правовыми явлениями (процессуальные нормы, деятельность, процессуальная ответственность, арбитражная процессуальная форма, принципы арбитражного процессуального права, процессуальный режим) со своим содержанием и формой. Самостоятельность проявляется до тех пор, пока процессуально-правовое средство не вступило во взаимодействие с другими процессуальными гарантиями и не образовало с ними целостную систему. Вхождение в соответствующую структуру путем образования взаимосвязи с другими правовыми явлениями приводит к возникновению данной целостной структуры (процессуально-правового механизма

обеспечения процессуальных прав сторон), превращая самостоятельное правовое явление в элемент системы, выражающий специфику целого и выступающий носителем качественной определенности и свойства единой системы. Таким образом, правовые средства выполняют функцию орудия достижения определенного результата.[1]

Субъектно-деятельностный аспект раскрывает формы и способы взаимодействия уполномоченных субъектов права, а также цели, задачи и содержание их деятельности в процессе обеспечения субъективного процессуального права.

Методологический подход исследования (с точки зрения практической направленности) предполагает необходимость определения совокупности общих формальных свойств объекта научного анализа[2], т.е. процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Одной из предпосылок такого подхода является осознание того, что механистическое описание процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции и элементов его составляющих в изоляции от других факторов не позволяет объяснить ряд процессов, происходящих как в политико-правовой системе, в механизме арбитражного процессуального регулирования, а также и самом процессуально-правовом механизме. В результате этого процессуально-правовой механизм предлагается рассматривать в многообразных связях с другими институтами обеспечения прав, с политико-правовыми условиями, как процессуально-правовое явление.

Поэтому интегративный подход как методологическая основа такого анализа позволяет найти способы возникновения новой целостности

---

[1] См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1965. Zaklad narodowy imienia ossolinskiclx Wvdawnictwo polsklej Akademii Nauk. Перевод на русский язык. М., 1975. С. 58.

[2] См.: Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук // URL: http://www. fondgp.ru /lib/ journals/vm/1992/1-2/v921fra0 (дата обращения: 22.01.2016).

(процессуально-правового явления), т.е. процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции из элементов, имеющих неоднородный характер: формализованной системы процессуально-правовых средств и деятельности субъектов, которая направлена на реализацию прав и использование процессуально-правовых средств. Именно такой аспект выявляет особую роль субъекта, т.к. его активность воплощает правовые нормы в действительность.

В этом случае процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон может рассматриваться как часть системы арбитражного процессуального регулирования и как целое с точки зрения его внутренней структуры.

Онтологической основой интегративного подхода выступает «принцип холизма, который определяет, что целое всегда есть нечто большее, чем механическая сумма его частей. На каждом новом уровне интеграции проявляется нечто качественно новое, возникшее в результате соединения разрозненных некогда частей и отнюдь не выводимое из их первоначальных свойств. Гносеологической основой интегративного подхода служит ориентация на согласованность как на критерий истинности. Это предполагает создание такой интерпретационной модели процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон, которая могла бы обеспечить взаимную согласованность всех имеющихся данных (элементов)»[1].

Введение в категориальный аппарат термина «процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции» позволяет показать весь процесс обеспечения субъективных процессуальных прав и представить его в системно-динамическом виде, раскрывающем его структуру, а также последовательное расположение, взаимосвязь и взаимодействие его элементов.

---

[1] См.: Сычев А. А. Философско-методологические основания интегративного подхода // Регионология. 2013. № 4.

Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон, с точки зрения концепции интегральной юриспруденции, должен восприниматься, прежде всего, в качестве сложно организованного и многофакторного объекта познания, находящегося в состоянии динамики, постоянного взаимообмена и одновременно в состоянии некой целостности и согласованной взаимосвязи компонентов, раскрывающих сущность обеспечения субъективного процессуального права.

Таким образом, процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции следует рассматривать в качестве процессуально-правового явления, включающего систему взаимодействующих элементов (правовые нормы, содержание деятельности уполномоченных субъектов; формы и методы взаимодействия указанных субъектов по применению процессуально-правовых средств в процессе обеспечения субъективного процессуального права).

Исследование данного сложного правового явления возможно с использованием различных методов. В рамках интегративного подхода наиболее адекватным методом является моделирование, т.е. построение некоего объекта, отражающего существенные черты изучаемого явления. В научных работах, посвященных такому методу как юридическое моделирование, теоретическая модель рассматривается как результат абстракции или идеализации и представляет собой форму отражения правовой действительности, которая служит средством выражения внутренней структуры сложного правового явления и несет информацию об объекте, т.е. выполняет специальную описательную задачу[1].

В связи с тем, что совокупность элементов процессуально-правового механизма находится в состоянии взаимодействия и взаимовлияния, то это

[1] См.: Безруков А.С. Теоретико-методологические проблемы исследования правовой модели // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1 (2). С. 213-215; Глухих Г.И. Теория систем и системный анализ // Системати. Теория систем. Системный анализ [сайт]. URL: http // www/systematy.ru/articles/31_ponyatie_mofeli_i (дата обращения: 25.07.2018); Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986. С. 20.

вызывает необходимость их упорядочивания посредством формирования теоретической модели процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон.

Формирование теоретической модели процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, как любой сложноорганизованной системы, следует проводить в несколько этапов, решая комплекс задач, включающий: изучение свойств процессуально-правового механизма обеспечения прав, выявление факторов влияющих на процесс его формирования, выявление компонентов (элементов) его составляющих, а также их взаимосвязи.

Институт юридического обеспечения в целом охватывает определенную сферу правовой жизни общества, гарантируя эффективность использования соответствующих юридических средств, и как следствие может быть понят через призму правовых гарантий. Именно термин «гарантия» применяется для обозначения способов и средств, при помощи которых осуществляется обеспечение[1]. Гарантировать – значит обеспечивать, поручаться, устанавливать гарантии.

В свою очередь термин «обеспечение» применительно к различным правовым предписаниям, а также к субъективным правам рассматривают в двух смыслах:

во-первых, как деятельность государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан «по осуществлению полномочий в целях создания оптимальных условий для строгой, неуклонной реализации правовых предписаний и правомерного осуществления прав и свобод;

во-вторых, как результат этой деятельности, выражающейся в

---

[1] См.: Бутылин В.Н. Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан : учебное пособие. М., 2002. С. 37; Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / отв. ред.: В.А. Патюлин. М., 1979. С. 203–225; Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2001. С. 10; Мартынчик Е.Г. Субъективные права и их процессуальные гарантии // Советское государство и право. 1976. № 7. С. 92.

фактической реализации правовых предписаний, прав и свобод граждан»[1].

В научной литературе понятие «обеспечение прав» рассматривается как «сложное системное образование, характеризующееся соподчиненностью организационных связей…, направленное на создание условий результативного воздействия на общественные отношения, в целях реализации, охраны и защиты прав и свод человека и гражданина»[2]. Сложность обусловлена также и тем фактором, что в юридической науке не определено соотношение ключевых категорий, таких как «обеспечение» «осуществление», «реализация», «охрана», «защита»[3].

Наиболее конструктивным шагом при рассмотрении этих понятий представляется анализ категории «обеспечение» как базовой по отношению к другим вышеперечисленным.

Такое понимание не является исключительным. В области общей теории права имеются фундаментальные работы, посвященные проблемам государственно-правового обеспечения, которые категорию «обеспечение» рассматривают многоаспектно:

а) создание предварительных условий;

б) процесс охраны и защиты прав и свобод гражданина;

в) итог, результат деятельности личности, общества и государства, выражающийся в фактической реализации прав и свобод личности[4].

Все эти аспекты связанны с категорией деятельность, поэтому содержанием понятия «обеспечение» является его применимость к определенному виду деятельности. Субъект осуществляет деятельность по достижению стоящих задач один или совместно с другими субъектами.

---

[1] См.: Корешкова И.Н. Гарантии основных прав и свобод граждан СССР в текущем законодательстве // Вестник МГУ. Серия 2: Право. 1980. № 6. С. 43

[2] См.: Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. С. 120–135.

[3] См.: Бутылин В.Н. Бутылин В.Н. Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан : учебное пособие. М., 2002. С. 55.

[4] См.: Рудинский Ф.М. Теоретические проблемы личных конституционных прав и свобод советских граждан : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1979. С. 115.

В контексте интегративного подхода обеспечение процессуальных прав определяется как деятельность по созданию эффективных условий реализации процессуальных прав. В таком случае следует выделять деятельность уполномоченных субъектов, как совокупность целенаправленных действий, составляющих содержание обеспечительной деятельности, а также правовые средства, при помощи которых определяются границы, пределы процессуальных прав, их конкретизация, процессуальные формы их использования, меры стимулирования и др.»[2], т.е. собственно правовые средства обеспечения процессуальных прав.

Обращаясь в судебной форме защиты нарушенных прав, субъект вовлекается в сферу, где его деятельность признается юридической, т.е. урегулированной нормами процессуального права, а также в процесс защиты привлекается наделенный властными полномочиями субъект (арбитражный суд), который осуществляет правосудие от имени государства путем разрешения спорной правовой ситуации. Таким образом, в процесс привлекается как субъект с определенным правовым статусом, так и определенные процессуально-правовые средства достижения цели участия в судебном процессе.

Основным заинтересованным субъектом деятельности выступает отдельный носитель интереса, в нашем случае это сторона (истец или ответчик) и его потребности и интересы обусловлены не только определенными условиями, но и теми субъектами, с которыми он взаимодействует. В сфере осуществления правосудия любая из сторон в первую очередь взаимодействует с властным субъектом процесса – судом. В процессе этого взаимодействия возникают общие потребности, интересы и мотивы деятельности субъектов процессуальных правоотношений, которые могут рассматриваться в качестве потребностей, интересов и мотивов их совместных действий, а именно осуществление судебной защиты и вынесение законного решения по итогам рассмотрения спора.

Как стороны процесса, так и арбитражный суд, выступая в процессе с

четко разделенными процессуальными функциями, и обладая определенной долей свободы по распоряжению своими правами и обязанностями, в то же время существенно ограничены установленными процессуальными правилами их распоряжения. То есть в процессе действуют ограничения, которые устанавливают, что свобода распоряжения предоставленными правами заканчивается там, где начинаются права иных субъектов.

Например, сторона имеет право на представления доказательств в суде первой инстанции, но только до момента, когда это не будет нарушать права суда на осуществление правосудия. Таким образом, обеспечительная деятельность, представляет совместную деятельность субъектов процессуальных правоотношений, способных своими процессуальными действиями создавать условия для осуществления справедливого судебного разбирательства.

В той мере, в которой каждый субъект испытывает потребность в осуществлении справедливого судебного разбирательства и осуществляет свои права сообразно этой цели, можно полагать, что эти субъекты обладает интересами в осуществлении правосудия.

Деятельность арбитражного суда по обеспечению заключается в оказании помощи сторонам в достижении поставленных ими целей. Это утверждение соотносится с установлениями ч. 3 ст. 9 АПК РФ, а именно с тем, что арбитражный суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или не совершения ими процессуальных действий, оказывает содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела.

Исходя из этих тезисов, процессуально-правовой механизм не может рассматриваться только как структурно-статическое явление.

Законодательное закрепление процессуально-правовых средств как элементов процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции инструментального уровня еще не является свидетельством качества обеспечения субъективных процессуальных прав.

Арбитражное процессуальное законодательство закрепляет в нормах лишь статические элементы, динамика же их функционирования сопряжена с организацией деятельности арбитражного суда и не отделима от правосознания и правовой культуры как судейского корпуса, так и лиц, участвующих в деле. Выполнение требований процессуальной нормы вызывает определенное поведение субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, которое служит реальным, действенным средством обеспечения достижения задач, стоящих перед судопроизводством в арбитражных судах.

Поэтому в структуре следует выделять функционально-деятельностный компонент, а это в свою очередь указывает на носителей предметно-практической деятельности, к которым можно отнести - арбитражный суд и стороны. Деятельность арбитражного суда по обеспечению процессуальных прав сторон выражается в системной организации деятельности сторон по реализации принадлежащих им процессуальных прав.

Системность организации деятельности сторон проявляется в двух основных аспектах: внешнего воздействия на поведение сторон со стороны судьи посредством судебного руководства арбитражным процессом и установления алгоритмичности их процессуальных действий и внутреннего восприятия (психологического) сторон объективных обстоятельств, связанных с рассмотрением дела.

Организационная составляющая обеспечительной деятельности арбитражного суда предполагает учет всех условий и факторов, которые могут оказать существенное влияние на процесс достижения цели судебного разбирательства.

В свою очередь реализация сторонами процессуальных прав представляет собой их предметную деятельность, которая выражается в использовании и выполнении ими процессуальных правообязанностей в целях достижения цели своего участия в судебном разбирательстве. Как следствие от степени активной деятельности субъектов, методах, способах и принципах их взаимодействия зависит не только обеспечение процессуальных прав сторон, т.е. гарантированность процессуальных прав сторон, но и достижение общей цели судебного разбирательства, а именно осуществление правосудия.

Как следствие, процессуальное законодательство устанавливает определенные средства и способы их осуществления, которые в своей совокупности при нормальном развитии судебного процесса позволяют субъекту достичь цели участия в судебном процессе посредством обеспечения процессуальных возможностей влияния на ход судебного разбирательства, закрепленных в процессуальных правах. Такие процессуально-правовые средства делают процессуальные права сторон возможным и реально воплотимыми, т.е. это процессуально-правовые средства обеспечивают реализацию процессуальных прав.

Процессуально-правовой механизм как многоаспектное явление, несомненно, следует рассматривать как в статике, так и в динамике. Динамичная сторона процессуально-правового механизма находит свое отражение в элементах функционально-деятельностного уровня, т.е. в деятельности арбитражного суда и сторон, в целях обеспечения субъективного процессуального права.

Средства обеспечения образуются совокупностью процессуально-правовых и организационных средств, которые необходимы для осуществления деятельности по обеспечению.

Как следствие в системном виде элементы процессуально-правового механизма структурно представлены следующими составляющими: объект (субъективное процессуальное право); субъекты (арбитражный суд и

стороны); содержание (деятельность субъектов по обеспечении субъективного процессуального права и ее результат); средства обеспечения субъективных процессуальных прав (процессуальные гарантии).

Для случаев, когда может быть создана угроза нарушению или нарушается процесс реализации прав, процессуально-правовое законодательство закрепляет ряд мер, способствующих устранению негативных факторов.

Такой подход указывает, что понятие «обеспечение» применительно к процессуальным правам сторон следует рассматривать как общее понятие к частным категориям, таким как «реализация», «охрана» и «защита». Обладая своими целями и функциями в механизме правового регулирования, данные правовые явления имеют единую цель – создание наиболее оптимальных условий для реализации процессуальных прав, которая достигается путем выполнения определенных функций в механизме правового регулирования.

Система процессуальных гарантий реализации процессуальных прав включает в себя средства, которые создают условия для воплощения в действительность правовых возможностей, заключенных в процессуальных правах.

При определении соотношения понятий «охрана» и «защита» следует осознавать, что «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не совпадающие понятия. Осуществление защиты происходит при нарушении субъективного права, охрана субъективных прав осуществляется постоянно.

Следует уточнить применительно к теме исследования, что понятие «охрана» включает в себя весь комплекс мер, которые применяются в целях обеспечения реализации процессуальных прав. Охрана понимается и как предотвращение нарушений в ходе нормального процесса реализации процессуальных прав, и как восстановление нарушенных прав. Однако в целях выявления особенностей применения как мер предотвращения нарушений, так и мер восстановления нарушенного процессуального права,

процесс применения мер восстановительного характера, в том числе и карательного, следует выделять в качестве мер защиты.

Таким образом, понятие «обеспечение» может быть раскрыто, как способность средств, используемых субъектами обеспечения, создавать условия для реального воплощения в действительность предмета обеспечения.

Как следствие, процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон будет обладать свойством обеспечения тогда, когда его структурные элементы в своей совокупности будут создавать условия для реального воплощения возможностей, заложенных в субъективном процессуальном праве.

В теории систем механизм рассматривается как множество взаимосвязанных элементов, которые приводят в движение объект, и выделяется два подхода к раскрытию содержания[1]. В рамках первого подхода механизм рассматривается как совокупность элементов, воздействующих на развитие объекта, в рамках второго подхода – как взаимосвязь и взаимодействие элементов, обеспечивающих развитие объекта.

Модель процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции предлагается рассматривать как совокупность взаимодействующих элементов, обеспечивающих процесс реализации субъективного процессуального права.

Таким образом, применительно к нашему исследованию, интегративный подход, синтезирующий деятельностную, онтологическую и аксиологическую сущность права, предоставляет возможность представить теоретическую модель процессуально-правовой механизма обеспечения прав сторон как совокупность взаимодействующих элементов, составляющие:

1) нормативный блок элементов, т.е его основных структурных

[1] См., например: Гвишиани Д.М. Организация и управление. М., 1972. С.417; Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. С. 172.

нормативных компонентов, закрепленных в пределах арбитражного процессуального регулирования и способов их функционирования;

2) функционально-деятельностный блок, указывающий на субъектов предметно-практической (обеспечительной) деятельности, процесс восприятия правовой нормы правосознанием этих субъектов и дальнейшую ее реализацию в процессуально-правовом поведении.

Нормативный аспект процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции на основе интегративного подхода раскрывает взаимную зависимость объективного и субъективного права и показывает, как именно формируется субъективное процессуальное право, как оно институционализируется и с помощью каких средств происходит его гарантированная реализация[1].

Специфика обеспечения субъективных процессуальных прав обусловлена тем, что такие права представляют собой процессуально-правовые средства конкретизации права на судебную защиту в отраслевом законодательстве. В научной литературе право на судебную защиту относится к основным правам, входящим в международный правовой стандарт прав человека. Оно представляет собой неотъемлемый элемент правового статуса личности и является свободным от вмешательства иных лиц и государств в их осуществлении[2]. Поэтому такое правовое средство, как субъективное процессуальное право, должно иметь свои определенные формы юридического обеспечения, причем свойство гарантированности присуще субъективному процессуальному праву с момента его закрепления в нормах арбитражного процессуального законодательства.

Конституция РФ устанавливает ряд положений, касающихся осуществления судебной защиты: порядок организации судебной власти, право на судебную защиту, конституционные принципы осуществления

---

[1] См.: Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права: проблемы правопонимания : дис. … д-ра юрид. наук. СПб, 2002. С. 198–199.

[2] См.: Лукашева Е.А. Социалистическое право и личность. М., 1987. С. 21–22.

правосудия, право на квалифицированную юридическую помощь и др.

Однако право на судебную защиту не может исчерпываться только конституционно-правовыми положениями. Оно требует наличия механизма его реализации, включающего полномочия органов судебной власти, регламентации прав личности, ищущей защиты, многочисленных гарантий обеспечения его реализации в отраслевом законодательстве. Поэтому отраслевое законодательство детализирует данные конституционные положения, закрепляя субъективные процессуальные права, которые являются средствами конкретизации права на судебную защиту.

Как видится, для раскрытия нормативного аспекта процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции необходимо рассмотреть не только соотношение объективного и субъективного в арбитражном процессуальном праве, но и процесс формирования объективного права.

В юридической науке традиционно определяющая роль в процессе создания норм арбитражного процессуального права отводится деятельности государственных органов, т.е. субъективному фактору. Согласно такому подходу правотворчество в сфере экономического правосудия носит управляемый со стороны государства характер, которому принадлежит монополия на развитие не только арбитражного процессуального права, но и всего цивилистического процессуального права.

Формирование арбитражного процессуального права специализированными органами государства – лишь внешняя сторона этого сложного процесса. На деле главным производителем, источником права выступает общество. В историческом плане возникновение, а затем и дальнейшее развитие арбитражного процессуального права происходило и происходит в результате коренных преобразований, произошедших в государстве, его экономическом и политическом строе, традициях, стереотипе поведения народа. Общественное сознание не изобретает нормы

процессуального права, а лишь отыскивает и формирует уже сложившиеся формы взаимоотношений участников арбитражного процесса.

Безусловно, генезис формы арбитражного процессуального права, выраженной в позитивном праве, зависит не только от соблюдения правил юридической техники. Поскольку если нет условий для реализации данной нормы, то никакой АПК РФ не породит ее, а если она все-таки возникла (в законодательстве сформулирована соответствующая норма), но не воспринимается участниками процесса, то она так и остается мертворожденной юридической моделью поведения.

На наш взгляд, интегративный подход позволяет констатировать, что процесс формирования арбитражного процессуального права не сводится только к государственной воле (позитивистское начало), а наоборот, государство в лице законодателя перенимает нормы права из самой жизни, которые имеют своим аналогом уже сложившиеся социальные нормы (социологическое начало).

Тип социально-исторического формирования процессуального права служит социальной основой понимания его правообразования, но абсолютизация роли государства (субъективный фактор) с точки зрения позитивистского подхода может привести в последующем к произвольному обращению с «неприжившимися» нормами права.

Таким образом, с позиции интегративного подхода в формировании арбитражного процессуального права следует различать два относительно обособленных процесса: первый – объективный (социологическое начало), второй – формальный (нормативное начало), связанный со своего рода сознательной, планомерной деятельностью государственных структур.

Интеграция в плане использования методов и приемов социологии права и широкое использование методологических средств правопознания предполагают подходить к вопросам происхождения и развития арбитражного процессуального права в контексте действия множества причин, опосредующих его правообразование. Интегративный подход

раскрывает и объясняет социальную обусловленность как в целом арбитражного процессуального права, так и отдельных его институтов, выявляет те социальные причины, которые оказывают приоритетное влияние на правообразование, в том числе максимально на закрепление в АПК РФ субъективных процессуальных прав сторон и средств его обеспечения, что является одним из звеньев правовой охраны интересов человека.

В рамках интегративного подхода применение историко-догматического метода на основе принципа преемственности способствует глубине познания сущности субъективного процессуального права, а также средств его обеспечения. Поскольку на базе полученных знаний в рамках различных теорий субъективного права в основу закладывается не только оценка объективного и субъективного права (аспект нормативизма), но и правомерная деятельность субъектов арбитражного процесса (субъектно-деятельный аспект[1]), а также эффективность всех элементов процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции. Как следствие субъектно-деятельный аспект путем последовательной индивидуализации предполагает необходимость учитывать не только специфику процессуально-правового положения сторон в период судебного разбирательства в арбитражном суде первой инстанции, но и психологическую составляющую указанных субъектов. Это направление дает возможность для выявления форм процессуального поведения, а также его регуляции с учетом интересов и целей участия в судебном процессе.

Формирование модели процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон как любой сложноорганизованной системы характеризуется многоплановостью и

[1] Автор предполагает, что формулировка правил обеспечительной деятельности субъектов должна производиться с учетом праксеологических принципов, которые были разработаны как общие правила жизнедеятельности человека. (См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. Wroclaw-Warszawa-Krakow, Zaklad narodowy imienia ossolinskiclx Wvdawnictwo polsklej Akademii Nauk 1965, перевод на русский язык. М., 1975).

многогранностью присущих ему свойств и качеств, составляющих его компонентов, т.е. способностью создания условий для реализации субъективных процессуальных прав. Такой способностью обладают «средства, при помощи которых определяются границы, пределы прав, их конкретизация, процессуальные формы их использования, меры стимулирования и др.»[1].

Разнообразие средств предопределяет применение и различных исследовательских приемов и методов, отражающих качества и особенности предмета исследования.

Так, решение задачи по выявлению факторов, влияющих на процесс формирования процессуально-правового механизма, на наш взгляд, возможно путем использования совокупности методов моделирования и структурно-функционального, но в формате действия методологических принципов интегративного подхода, а именно объективизма, диатропичности и холизма.

Использование данных методов в рамках интегративного подхода позволяет раскрыть всю совокупность факторов внешнего воздействия на формирование модели процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон, тем самым определяется возможность его функционирования с другими взаимодействующими системами в качестве сложноорганизованной обособленной системы, а также вести изучение элементов, составляющих его внутреннее строение, с возможностью выделения разных уровней, где каждый из уровней – это элементы, различающиеся по функциям (объектный уровень, субъектный и инструментальный уровень). Такое использование структурно-функционального метода на основе принципа холизма, который состоит из частей, а именно принципа координации и принципа интеграции, дает возможность охватить взаимодействие разнофункциональных элементов и

[1] Бутылин В.Н., Сидоров В.Г. Милиция в механизме реализации конституционных прав и свобод граждан. Тюмень, 1996. С. 24.

впоследствии, говоря об эффективности процессуально-правового механизма, выявить, как действие элементов одного уровня влияет на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в целом.

Рассмотрим факторы внешнего воздействия, которые, по нашему мнению, оказывают влияние на формирование модели процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции. Например, в качестве системообразующих элементов в государственно-правовой механизм включаются правовое сознание и правовая культура субъектов.

Структура правовой культуры достаточно многогранна, в науке ее рассматривают в нескольких плоскостях: как форму выражения, как социальный уровень, как содержание и т.д.[1]

Правовая культура связана с правовым потенциалом общества, а свое проявление в каждом конкретном случае выражает через степень правовых знаний и умений, которыми обладают субъекты процесса.

Необходимость анализа правового сознания и правовой культуры субъектов обосновывается тем, что субъективное отношение к нормативным предписаниям оказывает немаловажное значение на поведение и активность субъектов. Поэтому включение правовых мер, которые были бы направлены на разъяснение целей и содержания нормативных предписаний, должно способствовать качественной реализации процессуальных прав[2].

При наличии устойчивой связи правосознания субъектов судопроизводства и норм действующего процессуального законодательства включение правосознания в качестве элемента в процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции возможно. Это объясняется тем, что они представляют собой

---

[1] См.: Иванов С.В. Модернизация правосознания и правовой культуры общества в современной России (политико-правовые аспекты) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 28.

[2] См.: Правовая система социализма. Функционирование и развитие. М., 1982. С. 130.

самостоятельные правовые явления, объединенные внешними, функциональными связями. Связь проявляется в том, что психологический фактор может стать деструктурирующим звеном, так как выступает в качестве регулятора поведения субъекта юридической деятельности[1].

Таким же образом может быть проанализирована взаимосвязь процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции с системой общих гарантий, к которым представители общей теории права относят политические, экономические и социально-общественные условия[2].

Элементы, входящие в систему общих гарантий, оказывают влияние на процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции посредством политико-трансформационного процесса и общественного мнения потребителей услуг судебной системы. Несомненно, данные правовые явления находятся во взаимосвязи, но она представляется как функциональная, т.е. система общих гарантий указывает вектор, определяющий направление развития структурных элементов процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Например, достаточно длительное время в России концепция естественного права не признавалась правовой наукой, поэтому ни теоретической, ни практической необходимости в создании концепции обеспечения прав не было. До середины 80-х гг. прошлого века в научных исследованиях советских правоведов анализировался и изучался правовой механизм охраны и защиты гражданина[3] и только с середины 90-х гг. механизм обеспечения прав как специфическая социальная система частного

---

[1] См.: Лукашева Е.А. Указ. соч. С. 24.

[2] См., например: Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1996. С. 32–34.

[3] См., например: Охранительный механизм в правовой системе социализма : межвузовский сборник / под ред. Н.В. Витрука. Красноярск, 1989; Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. С. 84–121; Филиппов П.М. Проблемы теории судебной защиты : дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 1988. С. 57.

порядка стал объектом внимания российский ученых[1].

Это обусловлено изменениями в государственном строе и как следствие переориентацией правовой системы Российской Федерации и включением в нее элементов западной концепции прав человека, таких как их уважение, обязанность государства в принятии необходимых мер по осуществлению прав. Такое положение выявляет принципиально важные моменты, указывающие на то, что наиболее эффективным средством реализации прав выступает внутригосударственное законодательство, так как именно оно закрепляет права, включая конкретизацию их правомочий, а также устанавливает системы гарантий[2]. При отсутствии политических, экономических и иных условий, а также отсутствии правовых средств и организационных мероприятий действенная реализация прав невозможна. В таких условиях нельзя говорить о наличии результативных правообеспечительных механизмов.

Процессуально-правовой механизм обеспечения субъективных процессуальных прав сторон образует функциональные связи и с организационно-правовым механизмом обеспечения процессуальных прав.

Организационно-правовой механизм обеспечения процессуальных прав (организационно-правовых гарантий) следует рассматривать в качестве внутренне согласованной системы организационно-правовых средств и способов, создающих наиболее оптимальные и эффективные условия, необходимые для реализации сторонами и иными лицами, участвующими в деле, процессуальных прав.

Содержание организационно-правового механизма включает в себя «определение, принятие и решение задач социальной и правовой политики;

---

[1] См., например: Ростовщиков И.В. Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практики органов внутренних дел : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997; Толкачев К.Б. Теоретико-методологические основания реализации личных конституционных прав и свобод человека и гражданина : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 1998; Мордовец А.С. Указ. соч.

[2] См.: Ростовщиков И.В., Усанова В.А. Право человека на самозащиту: история и современность. Волгоград, 2005. С. 71.

работу государственных органов, должностных лиц и общественных организаций; обработку информации, организационные процедуры применения средств техники и связи и т.д.»[1].

Таким образом, своим содержанием организационно-правовой механизм обеспечения процессуальных прав охватывает вопросы системного построения органов судебной власти, т.е. *институциональные гарантии*. Это объясняется тем, что организационное построение судебной системы является одним из критериев справедливого судебного разбирательства исходя из системного толкования ст. 6 Европейской конвенции по правам человека. Проверочная деятельность суда нацелена на исправление судебной ошибки в целях эффективной судебной защиты прав. Таким образом, она рассматривается в качестве юридического контроля законности и обоснованности судебного акта[2].

Несомненно, содержание организационно-правового механизма обеспечения прав охватывает собой и деятельность, которая направлена на добросовестное исполнение каждым государственным органом своих властных полномочий и носит процедурный характер (*процедурные гарантии*). Процедурный характер обусловлен тем, что такая деятельность не связана с правоприменительной практикой судебных органов, является сопутствующей и подвергается соответствующей нормативной регламентации[3].

---

[1] Мордовец А.С. Указ. соч. С. 52.

[2] См.: Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам : учебное пособие. М., 2013. С. 96–97.

[3] Регламент арбитражных судов Российской Федерации : утвержден Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июня 1996 г. № 7. URL:http://arbitr.ru/law /docs/10036230/10036230-001.htm; Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций) : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 100. URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n= 159645;fld=134;dst=100009;rnd=0.7830902414862067; Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде : утверждена Приказом Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36. URL:http://www.rg.ru/2004/11 /05/sud-instrukcia.html; Положение об аппарате федерального суда общей юрисдикции : утверждено Приказом Судебного департамента при Верховном

Организационно-технические гарантии представляют собой комплекс мер, направленных на обеспечение информационной открытости органов судебной власти, а также способствуют эффективности работ, связанных с организационным обеспечением деятельности судов[1].

Все перечисленные явления, хотя и находятся в определенных взаимосвязях, не могут быть интегрированы в единую структурно-организационную целостность (процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон), так как не являются по своей правовой природе однотипными.

Приведенные выше примеры показывают порядок взаимодействия процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции с другими системами. Поэтому такие взаимосвязи и проявляются как функциональные, а все перечисленные правовые явления обладают косвенным влиянием на формирование процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, что позволяет говорить о том, что для процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон большое значение имеют внешние связи, которые оказывают влияние на эффективность его функционирования. По характеру влияния можно выделить две группы внешних связей:

1) связи, которые оказывают прямое влияние (организационно-правовые гарантии);

2) связи, которые оказывают косвенное влияние (система общих гарантий).

В связи с этим можно утверждать, что процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции является подсистемой государственно-правового механизма обеспечения

Суде РФ от 21 декабря 2012 г. № 238). URL:http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70197308/# ixzz34V5va0Q5 (дата обращения: 13.06.2014).

[1] См.: Сервис «Мой арбитр». URL: https://my.arbitr.ru/#index (дата обращения: 13.06.2014).

прав человека и гражданина, формируемой в рамках арбитражного процессуального регулирования.

Выводы по параграфу:

В рамках параграфа сформулировано понятие процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции. следует рассматривать в качестве процессуально-правового явления, представляющего собой систему взаимодействующих элементов (правовые нормы, содержание деятельности уполномоченных субъектов; формы, методы и способы их взаимодействия: информационные, гармонизирующие, координирующие, контролирующие). Сложная внутренняя структура, особенности взаимодействия элементов процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции влечет необходимость упорядочивания его составных блоков посредством формирования теоретической модели.

Теоретическая модель процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции рассматривается как совокупность представлений о взаимодействующих элементах, обеспечивающих процесс реализации субъективного процессуального права. Теоретическая модель формируется в пределах арбитражного процессуального регулирования, а ее элементы объединены в:

1) нормативный блок элементов, т.е. основные структурные нормативныекомпоненты, закрепленных в пределах арбитражного процессуального регулирования;

2) субъектно-функциональный блок, указывающий на субъектов обеспечительного процесса, на процесс восприятия правовой нормы правосознанием этих субъектов, дальнейшую ее реализацию в процессуально-правовом поведении, полномочия субъектов и способы их взаимодействия.

Формой реализации теоретической модели процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

являются способы объективизации, внешнего выражения и закрепления рассматриваемой модели в нормах арбитражного процессуального права.

§ 2. Структура процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

2.1. Субъективное процессуальное право: понятие и содержание.

Выделение в структуре процессуально-правового механизма основного нормативного элемента, т.е. объекта обеспечения позволяет выявить специфику обеспечительной деятельности субъектов.

В процессуально-правовом механизме обеспечения субъективных процессуальных прав сторон таким структурным элементом-объектом выступает субъективное процессуальное право как выражение правоповеденческих возможностей субъекта, подлежащих обеспечению. Как следствие возникает необходимость рассмотрения вопросов соотношения категорий «объективное право» и «субъективное право». Этого требует и методология нашего исследования, что в свою очередь предполагает обращение к генезису, истории и теории развития понятий: «объективное и субъективное право», «субъективное право и законный интерес», «субъективное право и юридическая обязанность», «субъективное право и правоспособность».

Оговоримся, что объем научных работ в обозначенном аспекте вовсе не свидетельствует о том, что проблема названных выше категорий до конца решена. Дискуссионные моменты, «белые пятна» с точки зрения методологического подхода к осмыслению правовых явлений[1], в том числе и термина «субъективное право» имеют место и в юриспруденции XXI века. На это обстоятельство обратил внимание известный теоретик права Н.И. Матузов. Ученый справедливо отмечает, что различие объективного и

[1] См., например: Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2007. С.6–7.

субъективного права в науке сложилось давно, еще в римской юриспруденции. Однако споры о дуализме такого понимания права ведутся и по сей день, являясь зачастую причиной различного толкования и решения других правовых проблем. В том числе в плане отрицания понятия «субъективное право»[1].

Исследование субъективного процессуального права совместно с иными правовыми явлениями, с которыми оно имеет тесную связь, объясняется тем, что «субъективные права не могут быть поняты из самих себя, их нельзя рассматривать в отрыве от социальной структуры общества, от объективного права, потому как одно из главных назначений права быть средством обеспечения потребностей и интересов человека, достижением целей, которые стоят перед обществом в целом»[2].

Наиболее полно содержание понятия «субъективное процессуальное право» может быть раскрыто в сопоставлении с объективным правом, так как правовые возможности формулируются в норме права, т.е. в нормах объективного права.

В науке философии категории «объективное» и «субъективное» используются через независимость либо зависимость данного явления от человека[3]. «Объективное» не зависит от человека, а «субъективное» всегда ставится в зависимость от человека. Однако в праве независимость объективного права от человека можно рассматривать только с определенной долей условности, так как право является изобретением человека и выполняет функцию социального регулятора.

Интегративное познание права в целом и процессуального права в частности не исключает разработки научных определений, формулирования понятий с позиции философского и инструментального подходов. Т.е.

---

[1] См., подробнее: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 67–90.

[2] Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1972. С. 5.

[3] См.: Чагин Б.А. Субъективный фактор. М., 1968. С. 23.

позволяет учитывать сущность, содержание, целевое назначение явления и в то же время формулировать научную дефиницию, основываясь на признаках изучаемого явления. Так, например, в контексте интегративного подхода арбитражное процессуальное право следует, на наш взгляд, понимать как совокупность нормативов равенства и справедливости, признаваемых и обеспеченных государственной защитой, определяющих порядок осуществления правосудия по экономическим спорам.

Право как развивающееся социальное явление многогранно, оно употребляется в различных смыслах и значениях[1], но, несмотря на это, в правовой науке право трактуется в двух основных значениях – объективном и субъективном.

Анализ различных теорий правопонимания свидетельствует, что понятие права включает двойственное осмысление – объективное право и субъективное право. И в этом, вероятно, заключается один из признаков и одновременно достоинств интегративного подхода, что позволяет использовать его и применительно к процессуальному праву, а соответственно и к институту субъективного процессуального права и институтам обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Механизм арбитражного процессуального регулирования путем точного фиксирования субъективных процессуальных прав должен обеспечивать лицу известную степень свободы и самостоятельности в арбитражном процессе, а также создавать условия для определенных положительных действий в целях удовлетворения его интересов. То есть при помощи закрепления в нормах объективного права субъективные процессуальные права приобретают свойства нормативности и формальной определенности, а также и свойство гарантированности.

---

[1] См., например: Лившиц Р.З. Теория права. М.,1994. С. 51; Четвернин В.А. Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. М.,1997. С. 82; Алексеев С.С. Философия права. М., 1997. С. 33; Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. М., 1929. С. 165.

Адресатами в данном случае следует считать неопределенный круг лиц, которые информируются о возможности защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса в порядке судопроизводства в арбитражных судах; о специфике арбитражного процессуального механизма, применяемого для разрешения правовых споров.

Арбитражное процессуальное право не только регламентирует все стороны юридической деятельности, складывающиеся в период рассмотрения и разрешения подведомственного спора арбитражным судам, но и устанавливает субъективные процессуальные права участников судопроизводства, а также обеспечивает осуществление этих прав, в том числе и путем указания на необходимое поведение обязанного лица, т.е. арбитражного суда.

Как следствие, в субъективном процессуальном праве не только складывается образец, стандарт процессуального поведения, который признается целесообразным для реализации процессуально-правового статуса, но и раскрываются основные принципы взаимоотношений с иными субъектами судопроизводства.

Субъективное процессуальное право с момента своего возникновения находится в состоянии осуществления. Конкретизация правовых возможностей, входящих в субъектное процессуальное право, представляет собой поэтапное развитие субъективного процессуального права, но вследствие существования норм объективного права и изменяется, и прекращается по правилам, закрепленным в объективном праве.

Развитие основывается на соотношении правоспособности, правового статуса и субъективного процессуального права в конкретном арбитражном процессуальном правоотношении.

Таким образом, нормы объективного права указывают на того, кто признается субъектом права в объективном смысле, кто является субъектом правоотношения, т.е. конкретного обладателя субъективного процессуального права. Нормы объективного права конструируют

субъективное процессуальное право путем указания на прерогативу определенного поведения правообладателя, пределы возможного поведения, а также возможности совершения активных действий либо воздержания от них.

Исходя из того, что «право как система норм и субъективные права находятся в единстве <…> связь юридических норм с субъективными правами представляется принципиально важной, характеризующей ценность права»[1]. В этой связи необходимо отметить, что рассмотрение объективного права и субъективного права как двух независимых друг от друга категорий довольно сложно. Это объясняется тем, что арбитражное процессуальное (объективное) право, являясь социальным регулятором, потеряет свое значение, если нет его реализации. Субъективное процессуальное право вообще не может существовать без объективного права, так как именно в нормах арбитражного процессуального права (объективного права) субъективное процессуальное право получает свое закрепление и становится той правовой возможностью правообладателя, которую гарантирует государство.

Выявление содержания субъективного процессуального права также предполагает использование принципов и методов интегративного подхода.

Во-первых, только в формате интегративного подхода возможен анализ тех знаний, которые накапливались за достаточно длительный период научных исследований, посвященных выявлению сущности субъективного процессуального права в рамках различных концепций.

Во-вторых, такой синтез позволяет говорить «не просто о естественном либо позитивном праве, а о динамичном функционирующем и развивающемся естественно-позитивном праве или праве в человеческом измерении», так как «для личности в целом не имеют значения ни нормы, ни

---

[1] Алексеев С.С. Социальная ценность социалистического права как регулятора общественных отношений // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 17.

правоотношения, ни правосознание сами по себе, а только те ценности, которые посредством их закрепляются, реализуются»[1].

В-третьих, интегративный подход дает возможность осмыслить роль фактической правомерной деятельности в правообразовательном процессе.

В юридической науке сложилось несколько теорий субъективного права безотносительно к конкретному виду объективного права[2]. Основы теории воли были заложены исторической школой права, согласно которой субъективное право выражает волю лица, его власть над своими желаниями. В соответствии с теорией воли норма права призвана определить границы, в пределах которых осуществляется свобода индивида. При этом важно, что воля субъекта, которая выражается в субъективном праве, не должна мешать волеизъявлению других лиц.

Синтез воли и интереса наглядно проявляется в сфере экономического правосудия. В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации достаточно подробно регламентированы субъективные процессуальные права сторон и иных участников процесса. Более того, наблюдается постоянное стремление к их детализации, это связано не только с необходимостью укрепления законности, но также и с ограничением усмотрения суда. Такое положение вещей должно и в дальнейшем быть отражено при совершенствовании цивилистического процессуального законодательства. Усмотрение правоприменителя не может быть безграничным, иначе оно превратится в произвол и нарушение субъективных прав других участников процесса, предоставив возможность усмотрения, законодатель должен обозначить пределы, установить ответственность лиц за последствия, которые могут наступить.

---

[1] Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и всё ещё незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3. С. 63.

[2] См.: Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1895. С. 35–36; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 607; Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. М., 2010. С. 320–376; Новик Ю. И. Психологические проблемы правового регулирования. Мн., 1989. С. 7.

Субъективные процессуальные права реализуются исходя из интересов сторон и иных участников процесса. Стороны в арбитражном процессе используют свое субъективное процессуальное право с учетом своих возможностей. В основе их субъективного права лежит потребность и необходимость ее удовлетворения. Данное явление в юриспруденции терминологически обозначается как «интерес». Для того чтобы реализовать свой интерес, необходима воля (желание) действовать в направлении его осуществления. Г. Ф. Шершеневич отмечал: «Субъективное право есть власть осуществлять свой интерес, а потому интерес является определяющим моментом. Интерес предполагает, что человек сознает способность блага удовлетворить его потребность и поэтому стремится к ее удовлетворению этим путем»[1].

Воля и интерес взаимосвязаны. Источником волевых действий являются осознанные интересы, выступающие в виде мотивов, побуждающих волеизъявление. В свою очередь воля способна дифференцировать интересы. Но субъективное право все же ограничено рамками объективного права, в данном случае арбитражным процессуальным законодательством. Стороны процесса не могут иметь больше субъективных прав или, точнее, направлений в реализации субъективных прав, чем закреплено в законодательстве. В таком аспекте нормативистская школа правопонимания, несомненно, находит свое проявление в арбитражном процессуальном законодательстве, поскольку субъективное право вытекает из объективного права.

Однако нельзя не учитывать и иные факторы, которые находятся в причинной связи, например психологические моменты восприятия правовой нормы. Л. И. Петражицкий различал интуитивное право, коренящееся в психике человека, его правосознании, и позитивное право, закрепленное в законах, полагая, что они могут идти вровень, обгонять или отставать друг от

[1] Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 241.

друга, и приходит к выводу о необходимости их соответствия, иначе неизбежен кризис правовой системы[1].

Исследуя психологические проблемы правового регулирования, Ю. И. Новик пришел к обоснованному выводу, что структурные образования и механизмы саморегуляции личности создают внутренние субъективные условия для восприятия и адекватной интерпретации нормативных правовых предписаний и обеспечивают готовность человека строить в соответствии с ними свое поведение[2].

Действительно, стороны, прежде чем реализовать свое субъективное процессуальное право, оценивают возможности, в том числе и с использованием своих эмоций, и не исключено, что не станут его осуществлять из-за материальных затрат, связанных с участием адвоката, продолжительности судебных процессов, а также разного рода возможных неожиданностей в поведении других участников процесса.

Каждый подход к пониманию субъективного права имеет свои достоинства и свои недостатки, которые неоднократно подвергались анализу и критике со стороны ученых, детально занимавшихся разработкой теории субъективного права в общей теории права и в отраслевых науках[3].

Дискуссии ученых общей теории права о понятии субъективного права в этом отношении являются достаточно плодотворными и дают возможность отраслевым наукам раскрыть сущность данного явления, а также и специфику его реализации в той или иной юридической сфере.

В сфере гражданского процессуального права, а затем и арбитражного процессуального права субъективные процессуальные права

---

[1] См.: Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. СПб., 2000. С. 233–235.

[2] См.: Новик Ю.И. Указ. соч. Мн., С. 25–26.

[3] См.: Иоффе О.С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Л., 1949; Толстой Ю.Н. К теории правоотношений. СПб., 1959; Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950; Ринг М.П. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях // Ученые записки ВИЮН. 1963. Вып. 16; Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., 1969; Балашов А.Н. Процессуальные права сторон в суде первой инстанции (проблемы теории и практики). Саратов, 2007; и др.

рассматривались только в рамках нормативизма[1], т.е. как «формально определенная возможность поведения носителя права, пределы которой строго очерчены законом»[2]. Именно эта правовая позиция получила наибольшее распространение в правовой науке.

В рамках интегративного подхода, взятого нами за основу, появляется потребность рассмотрения субъективного процессуального права в таких характеристиках, как необходимость и неразрывность связи с индивидом, а также самоопределение воли человека.

В арбитражном процессуальном правоотношении воля субъекта арбитражного процесса, а именно лица, участвующего в деле, находит свое выражение не только в волеизъявлении (действиях), но и в его умысле. Поэтому в ст. 111 АПК РФ сформулировано положение о том, что независимо от «благих намерений» лицо будет признано злоупотребляющим своими процессуальными правами, если результат этих действий приведет к последствиям, указанным в ч. 2 ст. 111 АПК РФ.

Таким образом, с помощью процессуальных правил законодатель корректирует содержание представления субъекта о свободе поведения в рамках арбитражного процесса, т.е. именно единство права и нравственности в идеальном образе и представляют добро – высшую аксиологическую ценность.

В арбитражном процессуальном праве процессуально-правовое положение любого субъекта сконструировано как:

- способность субъекта быть процессуально правосубъектным, т.е. осознанно относиться к предоставленным им правам, а также соблюдать права других участников арбитражного процесса. Такое состояние субъекта отражает в полной мере свободу волеизъявления;

---

[1] См.: Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956; Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. М., 1960; Чечина Н.А. Гражданские процессуальные правоотношения. Л., 1962; Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966.

[2] Гурвич М.А. Право на иск. М., 1946. С. 28.

- целеполагание деятельности, которая проявляется в добросовестном и разумном взаимодействии с другими участниками арбитражного процесса. Причем этот аспект должен раскрываться через непосредственную направленность субъекта к миру правовых ценностей.

Следует констатировать, что сущность субъективного процессуального права следует определять через возможность определенного поведения, включающего как волю, так и интерес правообладателя.

Возможность действовать означает, что правообладатель в рамках предоставленного субъективного процессуального права может вести себя определенным образом, а также самостоятельно избирать юридические механизмы реализации права для удовлетворения интереса, заложенного в его процессуально-правовом статусе. На такие действия правообладатель способен в связи с тем, что он наделен законом субъективным процессуальным правом.

В такой интерпретации субъективное процессуальное право является «результатом компромиссов интересов индивида и общества, т.е. необходимой мерой возможного поведения управомоченного лица с учетом субъективных прав и интересов окружающих лиц и только в таком режиме охраняется (санкционируется) законодательством»[1]. Однако следует отметить, что соблюдение баланса личного и общественного интереса, глубина его понимания и восприятия зависят от уровня как нравственного, так и правового сознания правообладателя, поэтому баланс интересов может быть нарушен при реализации субъективного процессуального права. Именно в этом, как нам видится, и кроется проблема злоупотребления процессуальными правами. При таком подходе допустимость, разрешенность и дозволенность проявляются как через действия, так и через бездействие правообладателя.

---

[1] Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : автореф. … д-ра юрид.наук. М., 2010. С. 13.

Некоторые авторы рассматривают субъективные процессуальные права, включая в содержание не только предоставленные правом возможности, но и должное поведение[1], а также и условия их реализации[2]. По нашему мнению, это не совсем верно, так как не проводятся различия между стадиями: общего состояния, обладания и осуществления.

Любой субъект реально становится правообладателем (например, права на возбуждение судебной деятельности) только с момента, связанного с рядом юридических фактов. В процессуальной науке они обозначаются как предпосылки права на предъявление иска. До этого момента право на возбуждение судебной деятельности находится в стадии общего состояния, т.е. права на судебную защиту. Условием реализации является переход из одной стадии проявления в другую (на основании предусмотренных законом юридических фактов), вплоть до непосредственной реализации (реального использования права).

Еще Л.И. Петражицкий утверждал, что «сообразно атрибутивной природе правовых эмоций импульс в пользу исполнения правового долга имеет характер давления в пользу того, чтобы другой стороне, управомоченному, было доставлено то, что ему причитается; что же касается поведения обязанного, то оно имеет значение не само по себе, а как способ и средство достижения этого результата на стороне управомоченного»[3].

Арбитражный процессуальный порядок реализации процессуальных прав включает и процессуальную деятельность арбитражного суда по созданию условий их реализации, так как механизм реализации включает в себя не только действия правообладателя.

Специфика непосредственной реализации субъективного процессуального права выражается в том, что процессуальный закон

---

[1] См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 1997. С. 26.

[2] См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005. С. 123.

[3] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1. С. 108.

закрепляет «алгоритмичность» процесса их осуществления, т.е. процессуальную форму, устанавливающую требования к порядку совершения процессуальных действий, предоставленных в рамках принадлежащих субъективных процессуальных прав в качестве средств их осуществления. Выполнение данных процессуальных действий в соответствии с требованиями процессуальной формы позволяет наиболее полно и точно достичь цели установления субъективного процессуального права.

Субъективное процессуальное право не только указывает на принадлежность права субъекту, но и отражает тот факт, что принадлежащее субъекту право зависит в известных пределах от его личного желания и усмотрения, особенно в плане осуществления, так как опосредуется конкретными процессуальными действиями.

Закрепление в процессуальном законодательстве необходимого объема процессуальных прав приобретает особое значение в условиях совершенствования состязательной формы судопроизводства. Это объясняется тем, что детальный анализ характеристик субъективного процессуального права путем выявления отдельных правомочий, составляющих его общую формулу, помогает конкретизировать сферу индивидуальной свободы участника арбитражного процесса в рамках процессуального правового статуса, что в свою очередь должно способствовать повышению уровня судебной защиты в целом.

Например, право на справедливое судебное разбирательство гарантируется такими правами, установленными в ст. 41 АПК РФ, как право на ознакомление с материалами дела, заявление отводов, представление доказательств, участие в исследовании доказательств и т.д.

Совокупность юридических процессуальных фактов, с которыми закон связывает процесс реализации субъективного процессуального права, указывают на конкретный вариант совершения процессуального действия. Например, осуществление права на возбуждение производства по делу

возможно путем составления искового заявления и направления его в соответствии с требованиями норм о подсудности в арбитражный суд, путем отправки по почте, принесения в канцелярию суда, заполнения электронной формы.

Именно поэтому установленные АПК РФ правила к порядку совершения процессуальных действий не следует рассматривать как процессуальную обязанность правообладателя, так как она обозначает лишь предусмотренный вариант поведения, при котором закономерно наступают желаемые для лица правовые последствия и выражают скорее необходимость поведения в смысле закономерности[1].

Сущность субъективного процессуального права не может рассматриваться только как должное поведение в процессе, оно включает в себя возможное поведение, которое представляет собой право на активные положительные действия и позволяет достигнуть желаемого эффекта путем фактической деятельности субъекта. Т.е. содержание субъективного процессуального права включает в себя возможности, вытекающие либо из предоставляющего характера норм арбитражного процессуального права (возможность вести себя определенным образом для достижения положительного результата), либо из сущности самого права (возможность прибегнуть к защите арбитражного суда вышестоящей инстанции).

Следовательно, при осуществлении субъективного процессуального права в рамках арбитражного процессуального правоотношения активный центр правоотношения находится в субъективном процессуальном праве, а не в юридической обязанности арбитражного суда. В этом смысле обязанность арбитражного суда сводится к воздержанию от поведения, препятствующего осуществлению субъективного процессуального права. В силу этого некоторые «процессуальные права сторон являются правами на одностороннее волеизъявление»[2], автоматически порождающие

[1] См.: Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т.2. С. 126.
[2] Гурвич М.А. Указ. соч. С. 19.

юридический эффект и влекущие за собой возникновение обязательных юридических последствий.

Субъективное процессуальное право представляет собой такое органическое соединение правомочий на активные действия с правомочием требовать от арбитражного суда совершения действий, которые удовлетворят интерес правообладателя путем исполнения обязанности.

Правовой результат для арбитражного суда наступает независимо от его воли, и в силу этого он приступает к решению соответствующего вопроса, например о возбуждении производства по делу при реализации истцом субъективного процессуального права на возбуждение судебной деятельности.

Следует отметить, что необходимо отличать понятие «субъективное процессуальное право» как набор определенных возможностей от осуществления субъективного процессуального права как совершения процессуальных действий в целях его реализации, а также и от совершения процессуальных действий в значении правопорождающих процессуальных фактов. Например, если рассматривать совершение процессуальных действий в контексте юридических процессуальных фактов, имеющих правопорождающее значение, то для завершения фактического состава по возбуждению производства по делу арбитражный суд должен совершить действие, предусмотренное нормами арбитражного процессуального законодательства. Справедлива мысль с В.В. Яркова относительно того, что «процессуальный акт суда независимо от его содержания выступает в качестве юридического факта, завершающего фактический состав в рамках возникшего процессуального отношения»[1].

Таким образом, с учетом характера юридических обязанностей арбитражного суда, заключенных в арбитражных процессуальных правоотношениях, определяется специфика субъективных процессуальных прав, соответствующих этим обязанностям. В границах, установленных

[1] Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. С. 49.

арбитражным процессуальным правом, носитель субъективного процессуального права имеет возможность совершать те или иные действия, а также определенным образом использовать в своих целях поведение обязанного лица, т.е. арбитражного суда. Арбитражный суд как орган государственной власти несет обязанность по осуществлению правосудия и не может не совершать обязательных для него действий. В случае же их несовершения арбитражным судом можно утверждать, что он не выполняет свои функции, которыми он наделен в силу Конституции РФ и других федеральных конституционных законов.

Соглашаясь с Л.С. Явич, который отмечал, что «от структуры содержания зависит очень часто качество самого предмета или явления»[1], следует указать на необходимость исследования всех аспектов изучаемого предмета. Такое понимание предлагает направление выявления и анализа как самих элементов структуры субъективного процессуального права, так и отношения между этими элементами, что в последующем позволит проникнуть в сущность исследуемого явления, а также и в «форму организации содержания субъективного права, его внутреннего единства и строения»[2].

Не ставя перед собой цель изучения всех сложившихся в правовой науке взглядов на состав правомочий, составляющих субъективное право, следует остановиться только на наиболее концептуальных моментах, которые позволят выявить структуру субъективного процессуального права и провести анализ каждой из правовой возможности, входящей в содержание субъективного процессуального права. Такой подход будет наиболее конструктивен и позволит определить значение и роль каждого элемента, входящего в структуру субъективного процессуального права.

---

[1] Явич Л.С. Диалектика формы и содержания в праве // Философские проблемы государства и права. Ленинские идеи и вопросы методологии в юридической науке. Л.,: 1970. С. 40.

[2] См.: Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 93.

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые в структуре субъективных прав выделяют установленную и обеспеченную законом меру, вид возможного (дозволенного) поведения субъекта права[1].

Обеспеченное государством дозволенное поведение выражает сущность субъективного процессуального права, но вместе с тем эта возможность особого порядка, которая материализуется в конкретном виде правомочия, несмотря на то, что субъективное процессуальное право и правомочие – это не равнозначные понятия. Правомочие входит в структуру субъективного процессуального права, юридически закрепляя и оформляя гарантированную возможность.

Вопрос о количестве правомочий, входящих в структуру субъективного права, является одним из проблемных в юридической науке.

Представители саратовской школы общей теории права Н.И. Матузов, А.В. Малько настаивают на четырехзвенной структуре субъективного права. Н.Г. Александров, Л.А. Пустобаева, В.Н. Хропанюк выделяют трехчленную структуру субъективного права, правомочия которого включают право на положительные активные действия управомоченнного лица; право требования соответствующего поведения от обязанного лица; право на защиту субъективного права в случае его нарушения или угрозы нарушения[2].

Крашенинников Е.А. констатирует, что в структуру субъективного права входят правомочия на совершение положительных действий и правомочия требования[3].

Достаточно аргументированной и рациональной для определения структуры субъективного процессуального права представляется позиция

---

[1] См.: Александров Н.Г Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.,1974; Матузов Н.И. Указ. соч.; Недбайло П.Е. Повышение роли права в период развернутого строительства коммунизма // Правоведение. 1961. № 4. С. 16–29; Озрих М.Ф. Право и личность. Киев-Одесса, 1978; и др.

[2] См.: Александров Н.Г. Указ. соч. С. 225; Пустобаева Л.А. Указ. соч. С. 49; Хропанюк В.Н. Теория государства и права : учебное пособие для высших учебных заведений. М., 2000. С. 316.

[3] Крашенинников Е.А. Структура субъективного права. Ярославль, 1990. С. 133.

Н.И. Матузова[1] и А.В. Малько[2]. Согласно их мнению, структура субъективного права включает в себя четыре элемента: возможность положительного поведения самого управомоченного; возможность требовать соответствующего поведения от правообязанного субъекта; возможность обращаться за защитой к компетентным органам; возможность пользоваться определенным социальным благом. Таким образом, субъективное право представляет собой единство четырех элементов и выступает как право-поведение, право-пользование, право-требование и право-притязание.

Обозначенная позиция относительно элементов, входящих в структуру субъективного права, подвергается критике некоторыми учеными, которые контраргументируют тем, что четвертый элемент структуры, т.е. пользование определенным социальным благом, не может быть определен как самостоятельное правомочие, так как все перечисленные правомочия в конечном счете имеют своей целью пользование социальным благом[3].

Однако еще в дореволюционный период некоторые ученые подчеркивали, что структура субъективного права отражает его содержание, в концентрированном виде представляя собой природу последнего, и в связи с этим должна включать в себя как формально-юридическую, так и аксиологическую стороны исследуемого дозволения[4].

Применительно к субъективному процессуальному праву формально-юридическую сторону составляют возможность правомерного поведения самого правообладателя; возможность требовать соответствующего поведения от арбитражного суда как правообязанного лица в процессуальном правоотношении; возможность прибегнуть к принуждению в случае не выполнения обязанности. Именно такой сложный характер субъективного

---

[1] См.: Матузов Н.И. Указ. соч. С. 80.
[2] См.: Малько А.В. Теория государства и права : краткий учебник. Саратов, 2002. С. 93.
[3] См.: Пустобаева Л.А. Указ. соч. С. 49; Строгович М.С. Социалистическое право и личность // Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. М., 1969. С. 224.
[4] См.: Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. СПб., 1910. С. 115; Коркунов М.Н. Лекции по общей теории права. СПб., 1910. С. 152.

процессуального права представляет возможность управомоченному субъекту, реализующему в арбитражном процессуальном правоотношении свои права, требовать содействия и обеспеченности своего поведения от арбитражного суда. Будучи элементарным процессуальным средством, конкретизирующим право на судебную защиту, субъективное процессуальное право имеет свое собственное содержание и структуру. Представители общей теории права содержание субъективных прав рассматривают как единую систему правовых возможностей, которая зависит от характера, вида субъективного права и особенностей правоотношений, в которых она находится[1]. В этом смысле аксиологическую основу субъективного процессуального права выражает правомочие, представляющее возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом, т.е. возможность использования механизма судебной защиты нарушенных прав, в виде доступной, гласной, состязательной, обеспечивающей равенство всех перед законом и судом процедуры, что соответствует нравственным идеалам общества.

Рассматривая конкретные правомочия, входящие в содержание субъективного процессуального права, необходимо указать на то, что возможность совершения правомерных действий самим правообладателем является важнейшим элементом его системы. Определение субъективного процессуального права через возможность требовать соответствующего поведения и отрицание возможности самостоятельного совершения правообладателем активных действий, т.е. сведение содержания субъективного процессуального права только к праву требования, приведет к неполноценности субъективного процессуального права.

В зависимости от типа арбитражного процессуального правоотношения

---

[1] См, например, Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972; Орзих М. Ф. Право и личность. Киев; Одесса, 1978; Строгович М. С. Социалистическое право и личность // Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Некоторые теоретические вопросы / Карева М.П., Лукашева Е.А., Павлов И.В., Пионтковский А.А., и др.; Под ред.: Чхиквадзе В.М. М., 1969.

(регулятивного (активного, пассивного) или охранительного), в котором реализуется субъективное процессуальное право, оно будет сводиться к тому или иному структурному правомочию. Например, право на предъявление иска, право на выбор истцом подсудности, право на изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение исковых требований реализуется как возможность правомерного поведения в арбитражных процессуальных правоотношениях пассивного типа. Во всех перечисленных правах активным правомочием будет являться возможность правомерных активных действий. А обязанность арбитражного суда выражается в необходимости совершить определенные законом действия.

Другие процессуальные права, такие как право на истребование доказательств через арбитражный суд, право на заявление об обеспечении иска, право на назначение судебной экспертизы, право на осмотр и исследование письменных и вещественных доказательств по месту нахождения, предполагают, что активным правомочием будет правомочие на чужие действия. Обязанность арбитражного суда в таких случаях выражается как необходимость отреагировать на обращенные законные требования. И в первом и во втором случае указанные процессуальные права обеспечиваются обязанностями арбитражного суда.

Элементы субъективного права	Элементы юридической обязанности
ч 1. ст. 4 АПК РФ Заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов	ч. 2 ст. 127 АПК РФ Арбитражный суд обязан принять к производству исковое заявление, поданное с соблюдением требований, предъявляемых АПК РФ к его форме и содержанию.
ч. 1 ст. 82 АПК РФ право на заявление ходатайства о назначении экспертизы	Ч. 4. ст. 82 АПК РФ о назначении экспертизы или об отклонении ходатайства о назначении экспертизы арбитражный суд выносит определение.
Ч. 4. ст. 46 АПК РФ Соистцы могут вступить в дело до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу в арбитражном суде первой инстанции.	ч. 7. ст. 46 АПК РФ определение об отказе в удовлетворении ходатайства о вступлении в дело соистца, о привлечении соответчика может быть обжаловано лицом, подавшим соответствующее ходатайство, в срок, не превышающий десяти дней со дня его вынесения, в арбитражный суд апелляционной инстанции.

Обязанность совершения юридически значимых процессуальных действий арбитражным судом предопределена не только нормами арбитражного процессуального права, но и социальным назначением самого института судебной власти. Вследствие этого сущность субъективного процессуального права состоит не в том, чтобы заставить арбитражный суд совершить процессуальные действия, а в том, чтобы реализовать определенную нормой процессуального закона свободу поведения для достижения законных интересов в рамках осуществляемого процессуально-правового статуса. Это связано с тем, что субъективные процессуальные права относятся к разновидностям дозволений, составляющих основу дозволительного правового регулирования, роль и значение которых в арбитражном процессуальном законодательстве возрастает.

Как отмечается в работах по общей теории права, правомочия на правомерные действия наиболее полно выявляют положительное содержание субъективного права, его самостоятельную ценность и глубокое значение для объективного права как критерия свободы правомерного поведения[1]. Представляя собой определенный компромисс интересов индивида и общества, субъективное процессуальное право охраняется законодательством только в режиме согласования с правами и интересами иных участников арбитражного процесса[2]. Однако следует отметить, что соблюдение баланса личного и общественного интереса, глубина его понимания и восприятия зависят от уровня как нравственного, так и правового сознания правообладателя, поэтому баланс интересов может быть нарушен при реализации субъективного процессуального права. Именно в этом, как видится, и кроется проблема злоупотребления процессуальными правами.

---

[1] См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 120–121.

[2] См.: Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : автореф. … д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 13.

Субъективное процессуальное право – это основа активности субъекта в арбитражном процессе. В соответствии с ч. 1 ст. 9 АПК РФ судопроизводство в арбитражном суде осуществляется на принципе состязательности. Следовательно, отсутствие активности и нежелание реализации предоставленного права должно квалифицироваться исключительно как отказ от его осуществления. Отказ от осуществления процессуального права, по общему правилу, не лишает обладателя самого процессуального права. Субъект не только свободен в активном использовании процессуального права, но и имеет возможность воздерживаться от его реализации, если по каким-либо причинам он заинтересован в этом. Однако арбитражное процессуальное законодательство устанавливает, что лицо, совершившее или не совершившее процессуальное действие, несет риск наступления последствий своего поведения, что следует учитывать.

Собственная ценность субъективных процессуальных прав заключается также и в том, что они придают нормативный характер общепризнанным притязаниям на судебную защиту и обеспечивают надлежащую степень удовлетворения в судебной защите. Например, субъективное процессуальное право на возбуждение судебной деятельности проявляет себя как правовое средство-элемент, включающийся в механизм реализации права на судебную защиту и опосредующий переход от общерегулятивных правоотношений к конкретным относительным правоотношениям.

Таким образом, в механизме реализации права на судебную защиту субъективное процессуальное право на возбуждение судебной деятельности реализуется как одностороннее активное действие лица, обращающегося в арбитражный суд, которое приводит к возникновению определенных юридических последствий, имеющих правообразующее значение. Следует отметить, что субъективные процессуальные права как средства конкретизации права на судебную защиту, а именно: право на возбуждение

судебной деятельности, право на судебное разбирательство, право на результат судебного разбирательства и право на исполнение судебного акта, осуществляются правообладателем последовательно, следуя развитию динамики арбитражного процесса. В этом также проявляется особенность механизма реализации права на судебную защиту.

Содержание субъективного процессуального права как совокупность возможностей, в нем заложенных, определяет содержание процессуально-правовой деятельности, которая направлена на то, чтобы в процессе осуществления произошло достижение цели, т.е. осуществление судебной защиты нарушенного права или охраняемого интереса. Достижение этого результата будет означать, что реализация субъективного процессуального права в полной мере осуществлена и процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон функционирует исправно, в чем заинтересован каждый из субъектов обеспечительной деятельности.

В процессе активного взаимодействия, обусловленного общей потребностью в реализации субъективного процессуального права, каждый субъект приобретает то, чем он не мог обладать сам по себе, вне связи с другими элементами системы. Нельзя также забывать о том, что содержание прав и обязанностей каждого субъекта в правоотношении определяется свойствами объекта. Следовательно, специфика объекта через права и обязанности передается субъектам, определяя особые способы функционирования субъектов и способ их взаимосвязи.

Выделение в структуре субъективного процессуального права такого элемента, как возможность использования процессуально-правовых средств для защиты субъективного процессуального права, обусловлено тем, что если рассматривать субъективное процессуальное право как гарантированную возможность, то именно гарантирование и обеспечивает реализацию и надлежащую защиту в случае его нарушения. Правообладатель всегда в случае нарушения либо неисполнения обязанности арбитражным

судом должен обладать соответствующим объемом процессуально-правовых средств, которые в любом случае восстановят справедливость.

На такое качество субъективного права указывал еще Д.М. Чечот, утверждая, что субъективное право «не сводится к притязанию, но столь же очевидна и бесплодность попыток представить субъективное право лишенным принудительной силы»[1]. Обозначенную позицию относительно того, что субъективное процессуальное право характеризуется возможностью прибегнуть в необходимых случаях к содействию принудительной силы государства, разделяли и иные авторы, занимавшиеся разработкой проблематики субъективного права[2].

Если говорить о том, что реализация правообладателем принадлежащего ему субъективного процессуального права обеспечивается исполнением обязанности арбитражным судом, то право должно быть гарантировано и правовыми средствами, которые позволяют прибегнуть к силе принуждения в случае создания препятствий для его реализации. Такая возможность, как структурный элемент, должна присутствовать и входить в содержание субъективного процессуального права независимо от момента обладания. Так как превентивный характер данной возможности моделирует поведение правообязанного субъекта, что под угрозой принуждения право будет осуществлено в соответствии со своей целью, но уже с неблагоприятными последствиями для лица, препятствовавшего его реализации.

Таким образом, в структуре субъективного процессуального права следует выделять:

правомочие на правомерное поведение, выражает возможность действовать либо воздерживаться от действий;

правомочие на чужие действия (право требования), выражает

---

[1] Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 34.

[2] См.: Александров Н.Г. Указ. соч. С. 108; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 223; Матузов Н.И. Указ. соч. С. 36.

возможность требовать как должно-определенное поведение арбитражного суда, т.е. совершение им действий в интересах лица, которые не противоречат интересам правосудия и интересам других участников процесса, так и требование о санкционировании своих действий;

правомочие (право притязание), выражает возможность использовать процессуально-правовые средства для защиты своего субъективного процессуального права;

правомочие (право пользование), выражает возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом - механизмом судебной защиты нарушенных прав, в виде доступной, гласной, состязательной, обеспечивающей равенство всех перед законом и судом процедуры, что соответствует нравственным идеалам общества.

Вывод по подпараграфу:

Исследование субъективного процессуального права в рамках интегративного подхода представляется наиболее рациональным и продуктивным.

Воспринимая идеи различных теории (теорию воли; теорию интереса; комбинационную теорию; нормативистскую и иные теории), именно интегративный подход предоставляет возможность их рассмотрения не как конкурирующих, а как потенциально дополняющих друг друга в целях получения нового знания. В рамках интегративного подхода отпадает необходимость доказывания единственной верности той или иной теории, напротив, предоставляется возможность взять из них наиболее предпочтительные положения о сущности и содержании субъективного процессуального права.

Интегративный подход расширяет представление о позициях и исследовательских методологиях, применяемых к изучению субъективного процессуального права в рамках различных теорий, и тем самым дает более углубленное представление о сущности и социальной ценности субъективного процессуального права в условиях динамично развивающейся

сферы цивилистического процессуального права и всей правовой системы России.

Механическое описание субъективного процессуального права только в рамках одной теории, без учета других элементов и факторов не позволяет объяснить ряд процессов, происходящих при осуществлении субъективного процессуального права. Проведение анализа в рамках интегративного подхода позволяет выявить способы возникновения нового полного знания о природе субъективного процессуального права и об особенностях его осуществления.

Таким образом, субъективное процессуальное право, обладая признаками нормативности, гарантированности, программирует средства своего осуществления, способы функционирования субъектов как правореализационной деятельности (стороны), так и обеспечительной деятельности (арбитражный суд), способы взаимосвязей остальных элементов процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Интегративный подход раскрывает сущность и содержание субъективного процессуального права в русле процесса активного взаимодействия, обусловленного общей потребностью в реализации субъективного процессуального права.

Поэтому при исследовании категории «субъективное процессуальное право» предлагается учитывать многогранность данного явления, которое возможно рассмотреть как:

– правовой феномен, определяющий мотивацию и эффективность обеспечительной деятельности субъектов;

– ценностный элемент процессуально-правового статуса стимулирующего характера;

– процессуально-правовое средство, предоставленное нормами арбитражного процессуального права, гарантирующее возможность выбора

варианта процессуального поведения для достижения цели участия в судебном разбирательстве.

В качестве процессуально-правового средства субъективное процессуальное право рассматривается как совокупность правомочий, признаваемых и обеспеченных государственной защитой, устанавливающих вариант процессуального поведения, который позволяет осуществить интерес в судебной защите.

В структуре субъективного процессуального права выделяются:

правомочие на правомерное поведение, выражает возможность действовать либо воздерживаться от действий;

правомочие на чужие действия (право требования), выражает возможность требовать как должно-определенное поведение арбитражного суда, т.е. совершение им действий в интересах лица, которые не противоречат интересам правосудия и интересам других участников процесса, так и требование о санкционировании своих действий;

правомочие (право притязание), выражает возможность использовать процессуально-правовые средства для защиты своего субъективного процессуального права;

правомочие (право пользование), выражает возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом - механизмом судебной защиты нарушенных прав, в виде доступной, гласной, состязательной, обеспечивающей равенство всех перед законом и судом процедуры, что соответствует нравственным идеалам общества.

2.2. Арбитражный суд и стороны в процессуально-правовом механизме обеспечения прав

Анализ элементов функционально-деятельностного уровня предполагает изучение также и совокупности их взаимосвязей, так как функционирование процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде, по нашему мнению, во многом зависит от способов взаимодействия элементов этого уровня. Такая система связей включает форму взаимоотношений, отражает существование процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон.

Значительное влияние на обеспечение процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции оказывает процессуальная деятельность арбитражного суда, так как именно данный субъект обладает особым правовым статусом, воздействующим на динамику судопроизводства, и именно арбитражный суд выполняет правообеспечительную функцию. Особенности правового положения арбитражного суда обусловлены тем, что он реализует своей деятельностью правомочия органа государственной власти, на который возложена обязанность по осуществлению правосудия.

Определение степени влияния процессуальной деятельности арбитражного суда на функционирование всей системы процессуальных гарантий прав сторон диктуется необходимостью полноты данного научного исследования, которое в свою очередь позволит раскрыть степень взаимодействия отдельных компонентов системы процессуальных гарантий.

Выявлению специфики процессуальной деятельности арбитражного суда были посвящены работы, предоставляющие возможность дальнейшего раскрытия данной правовой категории в науке арбитражного процессуального права[1], которая находится в стадии интенсивного развития. Многие процессуальные категории требуют раскрытия своего содержания применительно к сфере арбитражного процессуального права. Следует

[1] См., например: Пацация М.Ш. Процессуальная деятельность проверочных инстанций арбитражного суда. Проблемы эффективности. М., 2008. С. 26.

обратить внимание на то обстоятельство, что правосудие по гражданским делам в Российской Федерации осуществляется системой судов общей юрисдикции и системой арбитражных судов посредством гражданского судопроизводства, но в двух самостоятельных процессуальных формах[1].

Отправление правосудия по гражданским делам в различных процессуальных формах – гражданской процессуальной и арбитражной процессуальной, на наш взгляд, не является противоречивым, а позволяет дифференцированно подходить к рассмотрению экономических споров. Это дает возможность выявлять наиболее рациональные формы осуществления правосудия по гражданским делам. Более того, следует отметить, что на современном этапе развития цивилистического процессуального законодательства различия гражданской процессуальной формы и арбитражной процессуальной формы проявляются не просто в особенностях реализации тех или иных институтов и норм, а представляют собой различные модели процессов – социальный и либеральный[2]. Поэтому реформирование цивилистического процесса[3] должно строиться на основе выбранной модели и последовательно находить воплощение в едином Кодексе гражданского судопроизводства.

Процессуальная деятельность арбитражного суда обладает рядом признаков, отличающих ее от процессуальной деятельности иных участников арбитражного процесса. Процессуальная деятельность арбитражного суда обеспечивает правомерность и справедливость вынесенных судебных актов,

---

[1] См.: Абова Т.Е. Осуществление правосудия по гражданским делам. Современный этап (тезисы доклада). URL:http://www.igpran.rupublicevents02.04.2013AbovaTE.pdf (дата обращения: 12.06.2013).

[2] См.: Аболонин В. О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 40-43; Золотова О.И. Либеральный тип состязательной модели гражданского судопроизводства по уставу гражданского судопроизводства 1864 года // Auditorium: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2. URL:https://elibrary.ru/item.asp?id=22160063 (дата обращения: 07.11.2018).

[3] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1). URL:// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172071/(дата обращения: 22.12.2014).

тем самым реализует задачи судопроизводства в арбитражных судах по укреплению законности в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Процессуальная деятельность арбитражного суда характеризуется не только как целевая и сознательная деятельность, направленная на достижение определенных правовых результатов путем применения процессуального познания, но и тем, что она имеет полную регламентацию нормами арбитражного процессуального права, а достигнутые результаты оформляются официальными документами – судебными актами, что предполагает ограничение доли субъективного, волевого момента[1] в выборе соответствующего решения арбитражным судом.

Например, отклонение судом ходатайства стороны без указания мотивов, по которым это ходатайство отклонено, при соблюдении всех условий следует рассматривать как существенное нарушение арбитражной процессуальной формы[2], в том числе и в случае, если из материалов дела видно, что это нарушение не отразилось на существе состоявшегося решения, потому как ходатайство касалось обстоятельств, достаточно выясненных по делу. Решение не должно подлежать отмене, если будет обнаружено, что данное процессуальное нарушение не отразилось и никоим образом не могло отразиться на правильности разрешения дела по существу. Однако на допущенное нарушение арбитражным судом вышестоящей инстанции должно быть указано.

В этом смысле мнение о том, что строгое, неуклонное и тщательное

---

[1] Боннер А.Т. Применение закона и судейское усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 36.

[2] И хотя национальные суды пользуются ограниченным правом принятия решения в вопросе выбора доводов по конкретному делу и приобщения доказательств достоверности утверждений сторон, эти органы обязаны указать основания своих действий, изложив мотивировку этих решений. (См.: п. 36 Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 июля 2003 г. (жалоба № 37801/97) «Суоминен против Финляндии» (Suominen v. Finland). URL:http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ suo minen-protiv-finlyandii-postanovlenie-evropejskogo-suda (дата обращения: 09.11.2011).

соблюдение арбитражной процессуальной формы представляет собой формализм, следует считать неверным. Формализм означает, что под предлогом соблюдения указаний закона делается то, чего в действительности процессуальный закон не допускает. Именно в этом значении формализм недопустим в судебной практике, более того, он вреден и опасен.

Рассмотрим такой пример. Заключение эксперта как средство доказывания по результатам проведения судебной экспертизы, назначенной при рассмотрении иного судебного дела, не может признаваться экспертным заключением по данному делу. Такое заключение может быть признано арбитражным судом иным документом, допускаемым в качестве доказательства в соответствии со ст. 89 АПК РФ[1].

В силу этого, если одна сторона ходатайствует об истребовании заключения эксперта, полученного по результатам проведения экспертизы по иному делу, из материалов другого судебного дела, а другая сторона указывает на неправильную квалификацию этого средства доказывания, то арбитражный суд в соответствии со ст. 9 АПК РФ должен разъяснить стороне о ее праве на приобщение данного экспертного заключения в качестве доказательства, которое можно квалифицировать по ст. 89 АПК РФ. Удовлетворить такое ходатайство в полном объеме арбитражный суд не может, так как обязанность представления доказательств лежит на сторонах. Приведенная ситуация не может рассматриваться как основание, указанное в п. 4 ст. 66 АПК РФ, т.е. как невозможность самостоятельного получения необходимого доказательства от лица, у которого оно находится. Если же арбитражный суд не разъясняет право стороны на переквалификацию формы средства доказывания и не выясняет, содержит ли необходимые сведения данное доказательство, то такое поведение следует рассматривать как проявление недопустимого формализма.

---

[1] См.: О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе : Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

Более того, в силу указаний ч. 3 ст. 9, п.1 ч. 1 ст. 135 АПК РФ арбитражный суд обязан предложить истцу уточнить исковые требования, если в течение судебного разбирательства истец не сформулировал их достаточно точно. Неисполнение арбитражным судом данной обязанности в арбитражной судебной практике рассматривается как основание для отмены судебного акта[1]. Отказывая в истребовании доказательств по просьбе стороны, в отсутствие законных оснований, и не истребовав их по своей инициативе, арбитражный суд, таким образом, не выполняет требования арбитражного процессуального закона в части создания условий для установления фактических обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения спора. В части выполнения обеспечительной функции арбитражным судом определяются средства доказывания с учетом обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, характера заявленных требований и возражений[2]. Если рассматривать принципы в качестве факторов, детерминирующих арбитражную процессуальную форму, которая в свою очередь является содержанием процессуальной деятельности, то оказывается, что арбитражный суд во всех случаях применения арбитражного процессуального закона должен сопоставлять свои процессуальные действия с принципами арбитражного процесса. Именно в такой трактовке арбитражная процессуальная форма как определенное правовое явление сохраняет в себе важные свойства принципов арбитражного процесса, замещает их, указывая на необходимые действия суда для обеспечения субъективных процессуальных прав участников арбитражного процесса.

Рассматривая процессуальные действия, являющиеся элементарными компонентами процессуальной деятельности и представляющие собой

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2015 года по делу № 305-ЭС14-5224 // URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/e255640e-09e4-49ff-8003-e2ecd021cbcf/A41-64773-013_20150408_Opredelenie.pdf (дата обращения: 14.05.2015).

[2] С.: Пункт 16 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // URL: http:// www.arbitr. ru /as/pract/post_plenum/3165.html (дата обращения: 08.11. 2018)

предусмотренные законом действия, с которыми правовые нормы связывают процессуальные последствия, следует сказать, что процессуальные действия арбитражного суда выступают основными юридическими фактами, влияющими на динамику процесса. Поэтому в процессуальной деятельности арбитражного суда следует выделять два вида действий. Первый вид включает в себя процессуальные действия, являющиеся юридическими процессуальными фактами, а второй вид действия по осуществлению полномочий, которые юридическими фактами не являются. Например, в порядке подготовки дела арбитражный суд обязан проанализировать судебную практику применения законодательства, регулирующего спорные правоотношения[1]. Данная классификация процессуальных действий наиболее приемлема для анализа исследуемой проблемы и отражает классификацию процессуальных действий в процессуальной науке[2].

Являясь одной из составляющей судебной деятельности, процессуальная деятельность арбитражного суда как одного из участников судебного процесса решает не только задачи, стоящие перед арбитражными судами в целом, но и свои специфические задачи. Посредством их решения достигается единая цель судебной деятельности – защита нарушенных и оспариваемых прав и охраняемых законом интересов. Задачи, стоящие перед арбитражными судами, в полной мере подчеркивают особенности данного вида юридической деятельности и ее целевую направленность.

В связи с этим процессуальная деятельность арбитражного суда в своей идеальной модели характеризуется прежде всего как система, в которой суд воздействует на объект судебной деятельности, используя предоставленные ему полномочия для достижения целей и задач, поставленных государством перед судопроизводством в арбитражных судах.

---

[1] См.: Пункт 7 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // URL: http:// www.arbitr. ru /as/pract/post_plenum/3165.html (дата обращения: 08.11. 2018)

[2] См.: Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. М., 1960. С. 10; Джалилов Д.Р. Указ. соч. С. 10; и др.

Учитывая вышесказанное, можно выделить следующие признаки процессуальной деятельности арбитражного суда:

властный характер деятельности, так как посредством осуществления данной деятельности реализуются властные полномочия органа государственной власти, наделенного полномочиями по осуществлению правосудия, т.е. арбитражного суда;

нормативно-определенная модель (арбитражная процессуальная форма) последовательности совершаемых действий, закрепленная нормами арбитражного процессуального права;

результативность деятельности, т.е. ориентированность на достижение конкретного правового результата. В этом смысле процессуальная деятельность имеет своей *целью* обеспечение возникновения, изменения или прекращения арбитражно-процессуальных правоотношений; перед ней стоят особые *задачи*: разрешение конкретной ситуации, оказание содействия участникам арбитражно-процессуальных правоотношений в исполнении, использовании и соблюдении ими норм арбитражного процессуального права, а при необходимости и принуждение их к этому. Соотношение поставленной цели и фактически достигнутых результатов является ключевым элементом при определении эффективности данной деятельности.

В современных научных исследованиях, посвященных процессуальной деятельности арбитражного суда, приведено определение данной научной категории. Она трактуется в качестве совершаемой судом деятельности на основании имеющихся полномочий, связанных с рассмотрением по существу правовых конфликтов и иных дел, с проверкой правомерности судебных актов нижестоящих судов (и их пересмотром в случаях, установленных законом), а также с контролем за исполнением судебных постановлений, находящих выражение в его

судебных актах[1]. Такое определение следует признать верным, так как оно позволяет, с одной стороны, воссоздать всю процессуальную активность суда, которая отличается от соответствующей активности других участников процесса, а с другой – отличать эту деятельность суда от совершаемых им на основании закона иных юридических действий.

В то же время следует разграничивать деятельность арбитражных судов первой инстанции и деятельность арбитражных судов проверочных инстанций. Это разграничение идет от полномочий и функций арбитражного суда той или иной инстанции, которые в свою очередь имеют свой объект и предмет деятельности. Суждения М.Ш. Пацация относительного того, что процессуальная деятельность относится к понятию судопроизводственного категориального ряда, следует признать верными. Таким образом, арбитражные суды различных инстанций осуществляют свои полномочия в зависимости от задач и целей как единого судопроизводства в арбитражных судах и от задач и целей, стоящих непосредственно перед арбитражным судом каждой инстанции. Однако все вышеперечисленные признаки процессуальной деятельности должны находить свое выражение независимо от полномочий конкретного арбитражного суда.

Таким образом, можно сформулировать дефиницию процессуальной деятельности арбитражного суда первой инстанции: *это – объективированная в судебных актах, опосредованная правом, интеллектуально-волевая деятельность арбитражного суда, которая осуществляется в арбитражно-процессуальной форме с помощью специальных юридических действий, способов и средств, направленных на решение задач, стоящих перед арбитражными судами первой инстанции, на удовлетворение публичных и частных интересов*.

Будучи самостоятельной системой и представляя собой целенаправленную деятельность, процессуальная деятельность арбитражного суда имеет свои цели, задачи, функции и процессуальную форму.

---

[1] См.: Пацация М.Ш. Указ. соч. С. 63.

Процессуальные задачи существуют и реализуются в диалектическом взаимодействии с задачами по восстановлению нарушенного или оспоренного субъективного права, по привлечению к имущественной ответственности граждан и организаций, виновных в возникновении правового конфликта, послужившего поводом к обращению в арбитражный суд с исковым заявлением.

В равной степени задачи процессуальной деятельности арбитражного суда связаны с социальными установками судопроизводства. Как справедливо отмечает Э.С. Мурадьян, задача суда не может ограничиваться юридической правильностью процесса. Социальная обязанность судей вытекает из общей социальной ценности судопроизводства в арбитражных судах и заключается в том, чтобы обеспечить понимание сторонам и сути совершаемых процессуальных действий. Особой задачей следует считать достижение такого уровня ясности судопроизводства, при котором стороны и судебная аудитория самостоятельно способны осознать, каким должно быть предстоящее судебное решение[1].

В связи с этим требования, сформулированные в ст. 2 АПК РФ, следует рассматривать как общие задачи судебной деятельности, а к специфическим задачам процессуальной деятельности следует отнести следующие:

1) движение производства по делу;

2) оказание участвующим в деле лицам содействия в осуществлении субъективных процессуальных прав;

3) исследование заявленного спора о праве, позиций сторон в правовом конфликте, выяснение обстоятельств дела, анализ доказательств;

4) добровольность урегулирования конфликта в суде путем примирения сторон;

5) быстрота и процессуальная экономичность производства в арбитражном суде.

---

[1] См.: Мурадьян Э.С. Взаимосвязь правосудия и законности // Советская юстиция. 1985. № 17. С. 14.

Достижение целей, сформулированных в ст. 2 АПК РФ, возможно постольку, поскольку арбитражному суду не просто предоставляется право действовать определенным образом, но на него возлагаются активные положительные обязанности. Эта сторона общего правового положения суда в арбитражном судопроизводстве выражена в ст. 6 АПК РФ, которая устанавливает, что при рассмотрении дел арбитражный суд обязан соблюдать законность путем правильного применения законов и иных нормативных правовых актов, а также правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах.

Возложение указанной обязанности связывает суд первой инстанции с проверочной инстанцией, которая вправе требовать от него безупречности выполнения данных требований. В той мере, в какой обязанность судьи направлена на обеспечение субъективных процессуальных прав сторон, последние также имеют право требовать их выполнения. Следовательно, правообязывающий характер полномочий арбитражного суда выражается, в частности, в том, что для них определяются пределы их прав относительно иных участников процесса и одновременно возлагается обязанность использовать предоставленные права для достижения поставленных целей. Основное содержание процессуальной функции арбитражного суда заключается в разрешении подведомственного спора по существу, процессуально-правовыми средствами, установленными арбитражным процессуальным законодательством.

Таким образом, полномочия арбитражного суда включают в себя два элемента. Один из них – право арбитражного суда на оценку обстоятельств как материального, так и процессуального характера, а также принятия правильного решения. Вторым элементом является обязанность арбитражного суда поступать определенным образом, исходя из этой оценки. Здесь следует отметить то обстоятельство, что как бы ни было ограничено усмотрение арбитражного суда необходимостью достижения заложенных в

праве целей, оно тем не менее остается усмотрением. Арбитражный суд в силу специфики каждого конкретного дела, находящегося у него на рассмотрении, вынужден действовать по внутреннему убеждению, а не по однозначно формализованным правилам. Поскольку, регулируя конкретные процессуальные ситуации, неосуществимо синхронно предусмотреть и предоставление права, и возложение обязанности (например, предоставление права арбитражному суду сбора доказательств и возложение на него обязанности истребования доказательств), законодатель всякий раз обязан решать, какой элемент сложного правообязывающего механизма целесообразно актуализировать в конкретной ситуации.

Целевая установка состязательной формы арбитражного судопроизводства указывает на возможность моделирования формы процессуального поведения для достижения положительного результата судебного разбирательства и в то же время устанавливает требования по ограничению влияния государства в лице арбитражного суда на процесс разрешения правового конфликта. Поэтому необходимость разделения процессуальных функций арбитражного суда и лиц, участвующих в деле, обусловлена объективными факторами и свидетельствует о невозможности для арбитражного суда вмешиваться в процесс реализации процессуальных прав. Однако в силу необходимости осуществления правосудия на основе принципа законности арбитражный суд обязан способствовать понижению вероятности противоправного поведения участников арбитражного процесса в период судебного разбирательства. Таким образом, процессуальная деятельность арбитражного суда приобретает свойство, позволяющее обеспечить баланс активности (пассивности) арбитражного суда и неограниченной диспозитивности сторон, и в то же время показывает новое направление процессуальной деятельности.

Под функцией понимается направление деятельности того или иного явления, в которой формулируется его сущность. При определении функции деятельности арбитражного суда следует руководствоваться

методологическим правилом, согласно которому функции обусловливаются такими свойствами явления, которые раскрывают его сущностную характеристику. Поэтому соблюдение законности осуществления процессуальных прав участниками арбитражного процесса следует рассматривать как правообеспечительную основу всей процессуальной деятельности.

Правообеспечительная функция процессуальной деятельности арбитражного суда представляет собой конкретное проявление объективно существующего ее свойства, т.е. обеспечительное свойство. Обеспечительная функция арбитражного суда обусловлена законодательными установлениями ч. 2 ст. 7, ч. 3 ст. 8, ч. 3 ст. 9 АПК РФ; ч. 6 ст. 10 Кодекса судейской этики[1], в дальнейшем конкретизируется в тех положениях арбитражного процессуального законодательства, которые указывают на обязанность арбитражного суда в конкретной процессуальной ситуации обеспечивать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, при этом обеспечивая справедливое рассмотрение дела в разумный срок.

Правообеспечительная функция проявляется в действиях арбитражного суда, направленных на разъяснение сторонам их процессуальных прав, в действиях по осуществлению судебного извещения, по определению круга участников судебного разбирательства, установлению предельного срока представления доказательств и т.д. Выявлению обеспечительной функции процессуальной деятельности арбитражного суда способствует наличие двух ориентиров. Один из них – это область ее реализации. Наличие этого ориентира позволяет достаточно четко представить ситуации, в которых вмешательство в процесс реализации субъективных процессуальных прав участниками арбитражного процесса оправдан и необходим. Таким

[1] Кодекс судейской этики утвержден VIII Всероссийским Съездом судей 19 декабря 2012 г. URL: http://pravo.ru/store/interdoc/doc/377/Kodex_sueiskoi_etiki.pdf (дата обращения: 19.07.2013).

ориентиром могут служить определенные гарантии от необоснованного расширения пределов судейского вмешательства в процессуальную деятельность сторон арбитражного процесса. В качестве таких гарантий можно назвать:

необходимость соблюдать и обеспечивать реализацию прав сторон;

возможность действовать при четком соблюдении норм материального и процессуального права;

наличие у сторон возможности обжаловать принятые арбитражным судом судебные акты.

Второй ориентир – это характер социального заказа, который выполняет арбитражный суд в обществе. Арбитражные суды при осуществлении правосудия должны выполнять и превентивные функции, которые следует понимать в широком смысле.

Анализ обеспечительной функции арбитражного суда первой инстанции уточняет и теоретические представления о том, на что вправе рассчитывать лица, обращающиеся за судебной защитой к экономическому правосудию. В этом смысле обеспечительная функция процессуальной деятельности арбитражного суда, как и ее свойство, выражает то истинное, что в ней содержится, а именно возможность уменьшить вероятность процессуальных правонарушений в определенных ситуациях. Но закон в этом случае должен быть максимально определен.

Например, обеспечение права на апелляционное или кассационное обжалование судебных актов реализуется путем написания и предъявления соответствующей жалобы. В этих целях стороны анализируют свои правовые позиции, изучают материалы дела, по которому вынесен итоговый судебный акт. Однако нормы, регулирующие порядок апелляционного и кассационного обжалования, имеют известное противоречие. Так, ч. 2 ст. 257 АПК РФ устанавливает обязанность арбитражного суда направить апелляционную жалобу вместе с делом в соответствующий арбитражный суд апелляционной инстанции в трехдневный срок со дня поступления жалобы в суд, аналогично

построена и норма ч. 2 ст. 275 АПК РФ. Отправка дела до срока истечения предъявления жалобы фактически исключает возможность других лиц, участвующих в деле, ознакомиться с материалами дела, так как территориально арбитражные инстанции отделены друг от друга. В то же время ч. 5 ст. 259 и ч. 5 ст. 276 АПК РФ устанавливают запрет на истребование судом вышестоящей инстанции дела до истечения срока, установленного АПК РФ для подачи кассационной жалобы.

Считаем возможным внести изменения в процессуальное законодательство путем исключения из нормы обязанностей арбитражного суда по передаче материалов дела до истечения срока обжалования. Установив, что до истечения срока обжалования в вышестоящий арбитражный суд передается только соответствующая жалоба, а дело должно быть передано по истечению срока обжалования, но не позднее 3-х дней.

Правообеспечительная функция охватывает все формы благоприятствования сторонам в осуществлении прав, включая:

информирование об обладании процессуальными правами, их разъяснение и указание на способы реализации. Способы реализации процессуальных прав следует рассматривать в широком смысле не только как правомерность процессуального действия, но и как выбор способа защиты[1] и способа доказывания[2]. Деятельность человека вообще не представляется возможной без обладания информацией, без наличия соответствующих информационных ресурсов. Эти ресурсы необходимы для осуществления как социальной деятельности, так и реализации человеком своих прав. В.Н. Кудрявцев отмечает: «Информационное значение права состоит в том, что правовая система доводит до сведения всех субъектов

---

[1] Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22. URL: http://www.arbitr.ru/as /pract/post _plenum/28318.html (дата обращения: 11.06.2011); Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 февраля 2011 г. № 13970/10 URL: http://zakonbase.ru/ content/base/176569 (дата обращения: 11.06.2011).

[2] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 ноября 2012 г. № 7697/12. URL:http//arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_b6648d64-6ce0-47ae-8435-66 fd18d693b9 (дата обращения: 10.03.2013).

граждан и коллективов официальную позицию государства о существующих нормах поведения в разных сферах общественных отношений, указывает на допустимые и запрещенные средства достижения целей, а также на возможные последствия, иными словами, информирует об оптимальных вариантах поведения»[1];

создание необходимых условий для равной и полноценной реализации процессуальных прав, которое следует рассматривать в масштабе разбирательства конкретного дела и в отношении категории «задача», а именно организационная задача и регуляционная задача. Таким образом, можно будет вывести конкретное управляющее воздействие арбитражного суда на определенную ситуацию, требующую разрешения;

контроль за осуществлением процессуальных прав и исполнения обязанностей, который следует рассматривать как оценку обоснованности и эффективности процессуальных действий сторон, выявление отклонений от правомерной модели реализации, за применением мер профилактики деструктивных отклонений, устранением препятствий в реализации процессуальных прав, в том числе и путем применения мер процессуальной ответственности.

конкретизация процессуальных прав и обязанностей, которую следует рассматривать, как определение содержания субъективного процессуального права в зависимости от обстоятельств дела.

Поэтому можно утверждать, что предназначение процессуальной деятельности арбитражного суда состоит в обеспечении законности при осуществлении правосудия, в том числе и путем создания условий для реализации лицами, вовлеченными в сферу арбитражной юрисдикции, предоставленных им процессуальных прав. В этом смысле арбитражный суд выполняет правообеспечительную функцию, которая всегда обращена к другим субъектам арбитражного процесса и обязательна для них. Суть этих правообеспечительных полномочий может быть сведена к выявлению, а

[1] Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 26.

затем и устранению условий, увеличивающих вероятность нарушений норм процессуального права, к определению способов целенаправленной коррекции таковых с тем, чтобы сама вероятность несоответствия процессуального поведения нормам процессуального права была сведена к минимуму.

Таким образом, правообеспечительная функция – объективно необходимая, относительно самостоятельная часть судебной деятельности, характеризующаяся специфическим содержанием и особой пространственно-временной формой выражения. Как часть соотносится с целым, так и правообеспечительная функция соотносится с функцией судебной власти, которая направлена на создание условий реализации субъективных процессуальных прав, т.е. обслуживает процессы специфического характера. Правообеспечительная функция арбитражного суда гарантирует отсутствие вероятности возникновения препятствий, неопределенностей и недоразумений, способных стать почвой для нелегитимных личных усмотрений сторон.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в качестве одного из элементов функционально-деятельностного уровня процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции процессуальная деятельность арбитражного суда является важным элементом в структуре. Ей основное назначение состоит в процессуально-правовом обеспечении правомерной реализации сторонами их процессуальных прав. Представляемая в качестве целесообразной, правовой, правозащитной логико-познавательной деятельности арбитражного суда процессуальная деятельность направлена на создание условий для реализации субъективных процессуальных прав сторон.

Такое положение предполагает возможность выделения правообеспечительной функции, которая охватывает все формы благоприятствования сторонами арбитражного процесса в осуществлении процессуальных прав по устранению условий, увеличивающих вероятность

нарушений норм процессуального права, определению способов целенаправленной коррекции таковых с тем, чтобы сама вероятность несоответствия процессуального поведения нормам процессуального права была сведена к минимуму.

Деятельность арбитражного суда в рамках правообеспечительной функции подчинена специфической цели – содействовать процессу реализации сторонами предоставленных процессуальных прав, в частности, путем констатации наличия или отсутствия у сторон процессуальных прав и обязанностей, их объема, индивидуализации, а также создания режима их охраны под страхом применения мер процессуального принуждения. Такой процесс по осуществлению правообеспечительной функции оказывает влияние и на процессуальную деятельность сторон, что указывает о необходимости проведения анализа взаимосвязи элементов субъектного уровня.

Процессуально-правовой механизм обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, являясь системным и целостным образованием в механизме арбитражного процессуального регулирования, имеет сложную структуру. Как видится, главным в организации такой системы является не только набор, количество и качество составляющих ее элементов, но и их взаимосвязь, взаимодействие.

Арбитражный суд, осуществляет правообеспечительную функцию в форме организации и контроля выполнения процессуальных правил сторонами в процессе реализации ими субъективного процессуального права, учитывая при этом как интересы правосудия, так и интересы сторон арбитражного процесса.

Именно в процессе реализации субъективных процессуальных прав и происходит взаимодействие арбитражного суда и сторон. Термин взаимодействие указывает на характер совместных усилий арбитражного суда и сторон в процессе обеспечения субъективного процессуального права. В широком значении взаимодействие рассматривается как философская

категория, которая отражает процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность. Как следствие взаимодействие выступает как объективная и универсальная форма движения, развития, определяющая существование и структурную организацию любой социальной системы[1]. Такое определение взаимодействия является всеобъемлющим и применимо для отражения любых процессов и форм проявления сознания.

Как уже говорилось, именно арбитражный суд контролирует алгоритм, выступающий в качестве совокупности функций управления воздействием методов и способов на объект для достижения целей процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Достижение цели функционирования процессуально-правового механизма, а именно обеспечение субъективного процессуального права, возможно только при совместной согласованной деятельности арбитражного суда и стороны, то есть при их взаимодействии.

Под взаимодействием предлагается понимать совместное участие и связь арбитражного суда и сторон в процессе обеспечения субъективного процессуального права, возникающее на основе разделения функций, и полномочий.

Без систематизации, рационализации целей, задач, принципов, форм и методов взаимодействия невозможно эффективное функционирование процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон, а также оценка его эффективности.

Таким образом, взаимодействие – это объективно-обусловленный факт, направленный на эффективное использование процессуально-правовых средств для достижения цели.

Управление взаимодействием происходит в рамках правообеспечительной функции и предполагает наличие определенного режима данного взаимодействия; поддержание этого режима в заданном

[1] См.: Философский словарь. М. : Политиздат, 1978. С. 74.

состоянии; постоянное его совершенствование в целях обеспечения все большей эффективности непосредственной процессуальной деятельности. В этом смысле деятельность арбитражного суда и стороны по управлению взаимодействия подвержена общим законам социального управления, так как юридическая деятельность, к которой относится и процессуальная деятельность, является разновидностью социальной деятельности. На то, что судебное правоприменение содержит признаки социального управления, ранее отмечалось в юридической науке[1].

Однако данный процесс должен в полной мере согласовываться с волей законодателя, воплощенной в действующем процессуальном законодательстве, что должно способствовать достижению результата данной деятельности, т.е. блага, заложенного в субъективном процессуальном праве. Здесь проявляется специфика субъективного процессуального права, которая состоит в том, что процессуальный закон предоставляет правообладателю минимальный объем свободы в выборе вариантов поведения по осуществлению субъективного процессуального права либо указывает на единственно возможный способ его реализации.

Порядок реализации субъективных процессуальных прав, представляя собой юридический алгоритм, предполагает не только высокую степень согласованности активных действий правообладателя и арбитражного суда как обязанного субъекта, но и четкую нормативную обозначенность процессуальных действий, включающую форму осуществления, средства, методы, принципы.

Применительно к субъектам арбитражных процессуальных правоотношений взаимодействие является одной из функций деятельности сторон, которая означает согласованное использование процессуально-правовых средств для достижения совместного принятого решения. Причем инициатива сторон о намерениях проведения процедур взаимодействия,

---

[1] См.: Ершов В.В. Теоретические проблемы судебного правоприменения : автореферат дисс. … канд. юрид. наук, М., 1986. С. 7-8.

направленных на совместное использование правовых средств в целях урегулирования спорной ситуации (материально-правового или процессуально-правового характера) порождает у арбитражного суда ответную реакцию в виде организации их взаимодействия. Таким образом, инициаторами взаимодействия могут выступать как стороны процесса, так и арбитражный суд. В рамках же арбитражных процессуальных правоотношений может реализовываться только координационная функция арбитражного суда, которая отличается от организации взаимодействия тем, что инициатива исходит только от арбитражного суда.

Под принципами взаимодействия следует понимать основные правила и нормы поведения субъектов, т.е. арбитражного суда и сторон. Они отражают объективные закономерности различных форм взаимосвязей, закреплены в процессуальном законе и обеспечивают достижение задач, судопроизводства в арбитражном суде, процессе обеспечения субъективного процессуального права.

Данные принципы можно подразделить на три группы:

- общие принципы, характеризующие сущностное предназначение взаимодействия;
- функциональные принципы, отражающие взаимодействие как функцию управления;
- структурные принципы, определяющие организацию процесса взаимодействия.

Так к **общим принципам** следует отнести *принцип законности*, который указывает, что взаимодействие арбитражного суда и сторон должно основываться на нормах процессуального права и состоит в реализации процессуально-правовых предписаний, защищает процессуальные права сторон, указывает на использование форм и средств, которые предусмотрены арбитражным процессуальным законодательством;

Принцип комплексности определяет, что организация взаимодействия арбитражного суда и сторон по обеспечению субъективного процессуального

права, должна подвергаться общим закономерностям управления судебным процессом, быть с ним в органическом единстве и взаимосогласованности, т.е. не вести к затягиванию общих сроков рассмотрения дела; не нарушать права других лиц, участвующих в деле; приводить к согласованию интересов участников процесса; не допускать нивелирования интересов других участников процесса.

Принцип научности указывает, что организация взаимодействия основывается на современных технологиях, используемых в судебном разбирательстве для быстрого оперативного обмена информацией между всеми участниками процесса;

Принцип целесообразности представляет субъектам взаимодействия возможность выбора наиболее оптимальной формы осуществления процессуальной деятельности для достижения цели, а именно реализации субъективного процессуального права. Принцип целесообразности направлен на усиление процессуальных гарантий, т.к. стимулирует субъектов на выбор правомерного процессуального поведения.

К **функциональным принципам** можно отнести:

- *принцип самостоятельности процессуальных функций*, закрепляет права и обязанности субъектов, указывает на возможность их осуществления только в рамках предоставленных полномочий;

- *принцип рационального использования процессуальных средств*. Данный принцип находится в тесной взаимосвязи с принципом самостоятельности процессуальных функций, т.к. предполагает распределение целей по функциям, исключение их дублирования, представление возможности использования законодательно установленных процессуальных средств с учетом интересов субъекта.

Структурные принципы, определяют организацию процесса взаимодействия к ним следует относить:

- *принцип непрерывности процесса взаимодействия*. Указывает на то, что взаимодействие должно быть постоянным, развиваться и

совершенствоваться только посредством способов и форм, установленных арбитражным процессуальным законодательством;

- *принцип компетентности и профессионализма*, указывает на необходимость высокой профессиональной компетенции субъектов, владение необходимыми знаниями и навыками на высоком уровне.

Как связь взаимодействие представляет собой процесс, который выражает характер и содержание взаимного влияния элементов, различающихся по функциям и статусу. Содержательная сторона этой связи раскрывается через характер и способ взаимодействия, которые в свою очередь обусловлены индивидуальным свойством и качеством взаимодействующих элементов. Арбитражный суд в целях своевременного осуществления сторонами предоставленных им процессуальных прав может стимулировать определенную правовую активность путем использования мотивации и рекомендует определенный вид поведения, например, указать на возможность воспользоваться правом на заключение мирового соглашения. В этом случае применение императивных способов регулирования невозможно, но желаемый вариант поведения будет определенным образом вознагражден – распределение судебных расходов, иной порядок обжалования итогового судебного акта.

Однако в некоторых случаях взаимодействие элементов может заключаться только в информировании о возможном правомерном поведении, например, когда стороны информируют арбитражный суд о намерении обратиться к посреднику. В этой ситуации в субъективном процессуальном праве выделяется правомочие, которое наделяет субъекта правом требования от арбитражного суда совершения в его пользу определенных действий. Данное правомочие будет реализовано только в случае, если обязанное лицо (арбитражный суд) совершит определенные действия. Такая особенность присуща процессуальному законодательству, так как реально осуществимым субъективное процессуальное право будет только при условии выполнения арбитражным судом необходимых действий.

По сути, взаимодействие как связь основывается на диспозитивном методе правового регулирования, так как предполагает возможность выбора варианта поведения, но как только субъект принял решение о его реализации, на него возлагается правовая обязанность совершить данное действие в императивно установленной форме. Система взаимодействия раскрывает способы влияния элементов друг на друга таким образом, что в результате изменяются первоначальные свойства этих элементов.

Однако следует отметить, что специфика объекта обеспечительной деятельности, а именно субъективного процессуального права, обусловливает содержание функций субъектов обеспечительной деятельности и определяет такое содержание и сочетание их правовых свойств, которые позволили бы в процессе совместной деятельности воплотить правовые возможности, заложенные в субъективном процессуальном праве в реальность. Как следствие, наличие совместных усилий субъектов обеспечительной деятельности, т.е. сторон и арбитражного суда, определяет специфику их взаимосвязи. Данная специфика предполагает не одну только традиционную взаимосвязь, когда субъективному праву соответствует юридическая обязанность, но и взаимосвязь дополнительных обязательств и дополнительных правомочий императивного характера, которыми обладают субъекты, исполняющие в правоотношении юридическую обязанность. Эта сложная взаимосвязь субъектов в процессуальном правоотношении является единственно возможной.

Дополнительная взаимосвязь обязательств и правомочий субъектов обеспечительной деятельности призвана обеспечить активное участие сторон, так как сторона процесса выступает таким элементом, который запускает весь системный механизм. Это объясняется тем, что процессуальное правоотношение не может возникнуть без волеизъявления истца, которое проявляется в качестве правообразующего действия в

механизме развития арбитражного процессуального правоотношения[1]. Кроме того, без активного участия сторон невозможно достижение и конечного результата судебного разбирательства, а, следовательно, и удовлетворение взаимных интересов по осуществлению правосудия и защите нарушенного права. Истец или ответчик не может не воспользоваться своими правовыми свойствами, необходимое сочетание которых обеспечивает получение положительного результата при условии активного взаимодействия с арбитражным судом. В ином варианте процессуального поведения сторона либо лишает весь процессуально-правовой механизм обеспечения субъективных процессуальных прав сторон способности к целесообразному функционированию, либо вообще пресекает его функционирование, что, несомненно, раскрывает неординарную роль сторон в системе процессуального правоотношения. Надо полагать, что эта роль обусловлена генезисом процессуальных правоотношений, связанных с правом на судебную защиту. Ведь стороны являются субъектами процесса, чья арбитражная процессуальная правосубъектность определяется правом на судебную защиту.

Вывод по подпараграфу:

Исходя из содержательного аспекта взаимосвязей, можно утверждать, что в представленных моделях роль субъектов обеспечительной деятельности далеко не одинакова: в одних она реализуется как партнерские отношения, в других – в силу правового интереса происходит доминирование одного субъекта над другим. Однако следует отметить, что данные модели взаимосвязей имеют определенную взаимообусловленность (взаимозависимость), которая проявляется в том, что в чистом виде выделение той или иной модели взаимосвязи не представляется возможным.

---

[1] См., например, Александров Н.Г. Право и законность в пеирод развернутого строительства коммунизма. М., 1961 С. 192.; Гурвич М.А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Избранные труды. МГУ им. М.В, Ломоносова, Юрид. фак., каф. гражд. процесса, Кубан гос. ун-т, Юрид. факт., каф. гражд. Процесса и трудового права. Краснодар, Советская Кубань, 2006. С. 23-26; Ж. Сталев Гражданский процесс, Т.1 София. 1958. С. 260-261.

Как правило, они сопутствуют друг другу, а в некоторых случаях при изменении условий перевоплощаются. Это объясняется как динамикой самого процесса судебного разбирательства, так и переменным характером взаимосвязей, качество которых зависит не только от уровня профессиональной квалификации субъектов, но и от их интереса в судебном разбирательстве.

Взаимодействие различных форм осуществляется определенными методами и способами, которые могут быть следующих типов:

- информационный;

- гармонизация субъективных прав и обязанностей;

- координация процессуальных мероприятий;

- контроль за ходом выполнения процессуального мероприятия.

Целями взаимодействия арбитражного суда и сторон при обеспечении субъективного процессуального права являются:

- обеспечение оперативного информационного обмена между субъектами арбитражного процесса;

- содействие субъектам процесса в выполнении процессуальных функций;

- интенсификация осуществления субъективных процессуальных прав и обязанностей.

Формулировками организационных и регуляционных задач могут стать следующие:

– определение модели предполагаемого процессуального поведения сторон;

– предварительная оценка вариантов их процессуального поведения в зависимости от конкретных условий и обстоятельств;

– разработка и оценка возможных вариантов коррекции условий и обстоятельств в зависимости от реального процессуального поведения;

– определение признаков несоответствия реального и предполагаемого процессуального поведения.

В случае несоответствия реального и предполагаемого процессуального поведения предлагаемые формулировки задач помогут оценить, возможна ли его целенаправленная коррекция посредством воздействия на определенные условия и обстоятельства. Именно этим и будет предопределена возможность обоснованного отказа от выполнения обязанности со стороны арбитражного суда.

Из вышеизложенного следует вывод относительно того, деятельность арбитражного суда создает процессуально-правовые условия для осуществления субъективных процессуальных прав сторон посредством реализации правообеспечительной функции, которая охватывает следующие направления:

информирование об обладании процессуальными правами, их разъяснение и указание на способы реализации;

создание необходимых условий для равной и полноценной реализации процессуальных прав;

контроль за осуществлением процессуальных прав и исполнения обязанностей;

конкретизация процессуальных прав и обязанностей.

Взаимодействие элементов субъектно-функционального блока, а именно арбитражного суда и сторон, представляет собой основанную на законе, их согласованную деятельность, которая базируясь на свойственных ей принципах (общие, функциональные, структурные), обеспечивает рациональное сочетание действий, в целях обеспечения оперативного информационного обмена между субъектами арбитражного процесса; содействие субъектам процесса в выполнении процессуальных функций; интенсификации осуществления субъективных процессуальных прав и обязанностей.

2. 3. Процессуальные гарантии в процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

Элементы, составляющие нормативный блок процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, раскрывают взаимную зависимость объективного и субъективного права и показывают, как именно формируется субъективное процессуальное право, как оно институционализируется и с помощью каких средств происходит его гарантированная реализация.

Исследование процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав, с точки зрения деятельности по созданию условий для надлежащей реализации субъективных процессуальных прав указывает, что анализу должны быть подвержены средства, с помощью которых создаются условия для эффективной реализации субъективных процессуальных прав, предупреждение нарушений, устранение причин и условий, способствующих их совершению.

Такой способностью обладают «средства, при помощи которых определяются границы, пределы прав, их конкретизация, процессуальные формы их использования, меры стимулирования и др.»[1] и именно ни обеспечивают правовые возможности, заложенные в субъективном процессуальном праве, т.е. обладают свойством гарантирующего характера, и в науке определяются термином «процессуальная гарантия».

Сами по себе процессуальные гарантии как правовые средства выступают самостоятельными правовыми явлениями со своим содержанием и формой. Самостоятельность проявляется до тех пор, пока процессуально-правовое средство не вступило во взаимодействие с другими процессуальными гарантиями и не образовало с ними целостную систему. Вхождение в соответствующую структуру путем образования взаимосвязи с другими правовыми явлениями приводит к возникновению данной целостной

[1] Бутылин В.Н., Сидоров В.Г. Милиция в механизме реализации конституционных прав и свобод граждан. Тюмень, 1996. С. 24.

структуры (процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон), превращая самостоятельное правовое явление в элемент системы, выражающий специфику целого и выступающий носителем качественной определенности и свойства единой системы. Выражаются процессуальные гарантии в таких формах, как процессуальные гарантии, выступающие в качестве процессуальных средств-инструментов, и процессуальные гарантии, выступающие в качестве процессуальных средств-деяний (элементы субъектного уровня).

Арбитражное процессуальное законодательство, устанавливая правовой статус субъектов процессуальных правоотношений, должно предусматривать процессуально-правовые средства достижения цели участия в судебном процессе того или иного субъекта. Именно с наличием процессуально-правовых средств связывается побуждение к действию субъекта процессуальных правоотношений. Еще в трактате «Опыт о человеческом разуме» Дж. Локком было сказано, что «в большинстве случаев человек несвободен хотеть или не хотеть <...> Неизбежно необходимо предпочесть или совершить действие, или воздержаться от него, когда действие находится во власти человека и раз так представилось мысли; человек необходимо должен хотеть или одного или другого <...> волевого акта или предпочтения одного из двух человек избежать не может»[1].

Как следствие, процессуально-правовые средства организовывают такую систему, которая в полной мере удовлетворяет потребности в судебной защите лиц, обратившихся в арбитражные суды, путем установления возможностей действовать, а в некоторых случаях путем понуждения субъекта к действию. Этим подчеркивается, что понятие процессуальных гарантий не должно сводиться только к одному – единственному процессуальному средству, а должно рассматривать как целостная система. Такая система включает в себя не только процессуально-правовые средства, которые гарантируют неуклонное исполнение требований процессуального

[1] Локк Дж. Избранные философские произведения. М., 1960. Т. 1. С. 238, 257.

права всеми субъектами арбитражных процессуальных правоотношений, но деятельность субъектов по реализации норм процессуального права, закрепляющую процессуально-правовые средства, так как «если закон – основа правовой деятельности, то деятельность – средство осуществления закона»[1].

Исследование понятия «процессуальная гарантия» должно строиться, с учетом полученных знаний по данной проблематике.

Само понятие «гарантия» трактуется в научных трудах по-разному. В термин «юридические гарантии» входит система условий и средств, которые наиболее полно обеспечивают удовлетворение интересов и потребностей личности[2].

В.Н. Бутылин придерживается мнения о том, что общие условия гарантирования включают в себя систему политических, экономических, духовных и социальных отношений, закрепленных в законе посредством норм материального права, а юридические средства их обеспечения делятся на виды в зависимости от органов государственной власти, уполномоченных осуществлять защиту прав личности. Данная характеристика юридических гарантий, на наш взгляд, является перспективной, так как содержит типологию средства обеспечения, подразделяя их на виды[3].

Аналогичной позиции придерживается и А.В. Зиновьев, полагая, что выделение условий в качестве гарантий обусловлено тем, что именно они создают среду функционирования средств реализации права[4].

Также юридические гарантии отождествляются только с правовыми

---

[1] Александров С.А. Содержание, система и развитие уголовно-процессуальных гарантий // Вопросы криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Труды Горьковской высшей школы МВД СССР. Горький, 1974. Вып. 2. С. 96.

[2] См.: Бутылин В.Н. Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан : учебное пособие. М., 2002. С. 37.

[3] См.: Бутылин В.Н. Указ. соч. С. 38.

[4] См.: Зиновьев А.В. Конституционное право России: проблемы теории и практики // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика : материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ и 60-летию Всеобщей декларации прав человека (г. Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г. / отв. ред. В.Д. Зорькин. М., 2009. С. 166–177.

средствами, содержащимися в нормах соответствующей отрасли права, обеспечивающих субъектам возможность осуществления предоставленных прав, а также выполнения ими обязанностей[1].

Некоторые ученые связывают институт юридических гарантий с формой их реализации[2], давая классификацию форм осуществления права на защиту[3].

В системе юридических гарантий выделяются гарантии субъективных прав личности и гарантии публичных интересов (гарантии правосудия)[4]. Придерживаясь точки зрения относительно того, что данные гарантии взаимосвязаны и взаимообусловлены, считаем необходимым отметить, что все-таки их отождествление недопустимо, так как гарантии правосудия по отношению к гарантиям являются родовым понятием.

Анализ приведенных точек зрения по поводу правовых гарантий показывает, что принципиальных различий в содержании элементов, включающихся в понятие «гарантии» (формы, средства, условия реализации), не наблюдается. Все элементы следует рассматривать как отдельные компоненты, входящие в систему процессуальных гарантий и присущие той или иной форме их реализации. Справедливо мнение Э.С. Макарян, согласно которому элементы процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон не просто составляют единую совокупность находящихся во взаимосвязи элементов, но и определяют порядок и последовательность обеспечительной деятельности[5].

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что

---

[1] См.: Конституционное право России : учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. Е.И. Козлова, О.Е. Кутафина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 244–245.
[2] См.: Гасанов К.К. Основные права человека: вопросы неотчуждаемости. М., 2003. С. 38.
[3] См.: Комаров И.А., Наконечный И.Г. Проблема прав и свобод человека в различных типах правопонимания и в политико-правовой практике современной России. М., 2001. С. 37.
[4] См.: Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : автореф. дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2001. С. 10.
[5] См.: Макарян Э.С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972. С. 17.

процессуальные гарантии, которые включаются в систему некоторыми учеными, различаются как по виду, так и по содержанию, во многом различна и их правовая природа. В силу этого понятие «процессуальные гарантии» достаточно многозначно. Так, например, к гарантиям относятся как собственно средства, по своей сути ими являющиеся, так и средства, имеющие более широкие цели и назначение в правовом регулировании. Отсюда возникает коллизия в определении понятий «процессуальные гарантии» и «система процессуальных гарантий».

Понятие «гарантии», в том числе и «процессуальные гарантии», через различные по своей правовой природе правовые явления определяются следующим образом.

В юридической науке процессуальные гарантии трактуются как система средств, способов и условий, обеспечивающих в некоторых случаях реализацию процессуальных прав, а в других случаях – их охрану либо защиту. К числу гарантий можно относят: процессуальные нормы, закрепляющие права и обязанности субъектов процесса, принципы, процессуальные юридические факты, процессуальные санкции[1].

Таким образом, можно прийти к единственно верному выводу относительно того, что весь порядок судопроизводства в арбитражных судах следует рассматривать как систему взаимодействующих процессуальных гарантий. В действительности так оно и есть. Вся система арбитражного процесса, включая и соотношение его стадий, призвана обеспечить соблюдение процессуальных прав и устранять различного рода нарушения, допущенные при производстве дела.

Однако необходимо отметить, что при всем многообразии процессуальных средств гарантирующего характера, которые тем или иным свойством обеспечивают реализацию процессуальных прав субъектов арбитражного процесса, следует выделять процессуальные средства, которые

---

[1] См.: Валеев Д.Х Процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве: Монография. Казань: Унипресс, 2001. С. 14, 57, 117.

являются ими по своей правовой природе, т.е. их назначение сводится только к обеспечению прав. Именно совокупность этих процессуально-правовых средств будет указывать на уровень обеспеченности процессуальных прав субъектов арбитражного судопроизводства, реальность использования возможностей защиты своих прав и законных интересов в период осуществления экономического правосудия. Такой подход позволяет определить потребность в дополнительном законодательном или правоприменительном гарантировании, а также способствовать дальнейшему совершенствованию системы процессуальных гарантий.

Например, порядок наложения судебного штрафа определяется ст. 120 АПК РФ, которая указывает, что данный вопрос решается только в судебном заседании в присутствии лица, в отношении которого разрешается вопрос о наложении штрафа. Назначение данной нормы сводится фактически к обеспечению принципа законности при рассмотрении дел арбитражным судом, но и в то же время к соблюдению прав лица, на которое налагается судебный штраф. Большинство таких правил выступают структурными элементами принципов арбитражного процесса. Такая связь указывает на возможность отнесения принципов к гарантирующим средствам процессуальных прав, так как они не только формируют определенный процессуально-правовой режим, но и выявляются способы осуществления субъективных процессуальных прав, как следствие принципы рассматриваются в качестве сложно устроенной процессуальной гарантии.

В процессуальных принципах, средствах и способах их реализации и гарантиях выражается специфика той или иной процессуальной формы (конституционного, гражданского, административного, уголовного судопроизводства), отличающая ее от иных юридических процедур и друг от друга[1].

В таком же аспекте влияния на правовой режим следует рассматривать

---

[1] См.: Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации : автореф. дис. … д-ра. юрид.наук. СПб., 2011. С. 14.

и процессуальную форму как совокупность правовых средств, устанавливающих порядок осуществления процессуальных действий. Однако при всей ее значимости назвать процессуальной гарантией реализации субъективных процессуальных прав в прямом смысле можно с достаточной долей условности. Это объясняется тем, что по существу арбитражная процессуальная форма может рассматриваться как гарантия осуществления правосудия в плане достижения задач, стоящих перед судопроизводством в арбитражных судах. Именно это положение и является ее основным назначением в смысле отождествления с арбитражным процессом. Процессуальный режим как система регулятивного воздействия на арбитражные процессуальные правоотношения также рассматривается как процессуальная гарантия прав граждан и организаций, обращающихся за защитой.

Следует согласиться с Д.А. Фурсовым относительного того, что процессуальный режим определяет реальные возможности арбитражного суда первой инстанции не только в отношении полного и всестороннего установления юридических фактов по рассматриваемому делу, но и правильно применить нормы как материального, так и процессуального права[1].

Рассмотрение процессуального режима как процессуальной гарантии прав сторон указывает на то, что некоторые процессуально-правовые средства гарантирующего характера имеют сложное строение, их назначение в процессуально-правовом регулировании сводится не только к функции арбитражно-процессуальных гарантий процессуальных прав сторон, но и к функции гарантий правосудия.

Вне всякого сомнения, следует согласиться со взглядами ученых, которые не допускают возможности отождествления процессуальных прав и

[1] См.: Фурсов Д.А. Процессуальный режим деятельности арбитражного суда первой инстанции : автореф. дис. … канд. юрид. наук, М., 1996. С. 9.

гарантий этих прав[1]. Субъективное процессуальное право как мера возможного поведения в период судебного разбирательства и процессуально-правовое средство, обеспечивающее реализацию данной возможности, конечно же, явления разного порядка. Но в то же время, если системно рассматривать процессуальные права, то вполне можно убедиться, что некоторые из них выступают в качестве процессуальной гарантии другого права. Например, право на получение информации о судебном разбирательстве гарантирует субъектам арбитражного процесса участие в судебном заседании. В этом смысле одни процессуальные права выполняют роль процессуальных гарантий других прав в силу их внутренней связи и взаимообусловленности, т.е. функциональной направленности.

Несомненно, определенный интерес вызывают обязанности арбитражного суда как субъекта арбитражного процессуального правоотношения. Это связано с тем, что гарантирующее значение обязанности арбитражного суда по отношению к субъективным процессуальным правам является безусловным. На такое свойство обязанностей должностных лиц в правоотношениях было обращено внимание ученых в области уголовного процесса. Так, Э.Ф. Куцова указывала на то, что процессуальные права субъекта процесса и обязанности должностных лиц находятся в корреляционной связи и зависят друг от друга, тем самым они взаимообусловливают процесс реализации друг друга[2]. Поэтому обязанности арбитражного суда также будут выполнять значение процессуальных гарантий, например обязанность арбитражного суда разъяснить права лицам, участвующим в деле (ч. 3 ст. 9, п.2 ч. 1 ст. 135 АПК РФ). Следует обратить внимание на то, что назначение указанных предписаний арбитражного процессуального закона не сводится только к обеспечению процессуальных

---

[1] См., например: Строгович М.С. Курс уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т.1. С. 57–58; Мартынчик Е.Г. Субъективные права и их процессуальные гарантии // Советское государство и право. 1976. № 7. С. 92.

[2] См.: Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). М., 1973. С. 58.

прав.

Однако не все связи и элементы, входящие в подсистемы, являются равноценными. При более детальном рассмотрении можно выделить доминирующие элементы и связи, незначительные изменения которых приводят к существенной трансформации свойства гарантированности процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон. Например, игнорирование арбитражным судом выполнения обязанности по созданию благоприятных условий для осуществления субъективных процессуальных прав приведет к нарушению процесса реализации процессуальных прав. Также, например, исключение из структуры мер процессуальной ответственности (т.е. процессуально-правовых ограничений), которые своим наличием в законе устанавливают границы, в которых участники процесса должны действовать, дает возможность субъекту не исполнять процессуальные обязанности, что ведет к нарушению условий реализации субъективного процессуального права. Это объясняется тем, что процессуальная ответственность, которую следует рассматривать в аспектах как перспективной, так и ретроспективной ответственности, препятствует возникновению негативных факторов или их нейтрализует, так как «предварительная ответственность неотделима от активной силы и волевой энергии, стремления к совершенству. Еще не совершив поступок, человек уже знает о своей ответственности и это чувство его дисциплинирует и вдохновляет»[1]. Исполнение же процессуальной обязанности, установленной требованиями процессуальной формы, всегда гарантирует осуществление субъективного процессуального права.

Некоторые элементы и связи не оказывают такого сильного влияния на обеспечительную функцию процессуально-правового механизма. Например, право на получение информации о судебном разбирательстве определяется наличием четкой регламентации извещения о проведении судебного разбирательства с указанием сроков и порядка направления судебных

[1] См.: Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 305.

извещений, а также возможностью ознакомления с текстом судебного акта в сети Интернет[1]. Исходя из буквального и системного толкования указанного Закона, арбитражный суд имеет обязанность размещать все судебные акты в сети Интернет, за исключением протокольных определений[2]. Процессуальное законодательство устанавливает также порядок, позволяющий определить место нахождения участника процесса, т.е. место его оповещения, так как исковое заявление принимается с выпиской из ЕГРЮЛ или ЕГРИП, где указывается юридический адрес стороны.

Таким образом, право на получение информации о судебном разбирательстве гарантировано следующими обязанностями:

истца – обязанностью при предъявлении искового заявления предоставить сведения о местонахождении другой стороны;

арбитражного суда – обязанностью об извещении стороны путем направления определения с указанием срока совершения процессуальных действий; обязанностью о размещении информации в сети Интернет;

участников процесса – обязанностью о необходимости извещения о смене адреса своего нахождения.

В совокупности данные гарантии в полной мере обеспечивают реализацию указанного права, однако отсутствие одной из них не может оказать какого-либо существенного влияния на гарантированность данного права. Однако в случае, когда в законе отсутствуют указанные процессуальные гарантии, право на получение информации становится иллюзорным и как следствие сторона дела, которая не была проинформирована о судебном заседании таким образом, чтобы иметь возможность явиться на него, лишается возможности защитить свои права в

---

[1] О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс : Федеральный закон от 27.07.2010 № 228-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4197.

[2] См.: Протокол заседания рабочей группы Федерального арбитражного суда Уральского округа по обсуждению вопросов, возникающих в практике применения АПК РФ от 15 июня 2012 г. № 2. URL:http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR;n=134518;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=DB7DE7258A263036103A2069169ECDB0;rnd = 0.9560229457605643 (дата обращения: 12.05.2012).

данном судебном разбирательстве[1].

В целях выделения устойчивых признаков процессуально-правовых средств, позволяющих отнести их к процессуальным гарантиям, в научных исследованиях проводят их классификацию, которая представляет собой деление изучаемых объектов на отдельные группы по каким-либо общим основаниям. Однако необходимо отметить, что любая классификация в известной мере условна, так как устанавливает лишь ту или иную грань многоаспектного явления.

В основу классификации юридических гарантий могут быть положены различные критерии. Так, например, по степени общности выделяются:

1) гарантии, закрепленные в Конституции РФ, текущем законодательстве и актах органов государственного управления;

2) общие гарантии, относящиеся ко всем правам граждан;

3) гарантии, направленные на обеспечение конкретного права;

4) специальные гарантии, обеспечивающие реализацию конкретного права личности[2].

Некоторые авторы за основу классификации гарантий берут функции и выделяют следующие их виды:

1) гарантии реализации и гарантии защиты прав и свобод граждан;

2) стимулирующие, правообеспечительные и превентивно-охранительные гарантии;

3) средства, гарантирующие возможность осуществления прав, и средства, при помощи которых обеспечивается их охрана[3].

---

[1] См.: § 21 Постановления Европейского суда по делу «Яковлев против Российской Федерации». URL:http://europeancourt.ru/tag/glasnost-razbiratelstva/ (дата обращения: 20.03.2013).

[2] См.: Корешкова И.Н. Гарантии основных прав и свобод граждан СССР в текущем законодательстве // Вестник МГУ. Серия 2: Право. 1980. № 6. С. 43; Рудинский Ф.М. Теоретические проблемы личных конституционных прав и свобод советских граждан : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1979. С. 115.

[3] См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / отв. ред.: В.А. Патюлин. М., 1979. С. 203–225; Боброва Н.А. Указ. соч. С. 98; Бутылин В.Н. Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан : учебное пособие. М., 2002. С. 55.

Имея в основании классификации признак принадлежности гарантии к той или иной отрасли права, в науке выделяются государственно-правовые (конституционные), административно-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, исполнительно-процессуальные, гражданско-процессуальные и другие виды гарантий[1].

Последняя приведенная классификация представляется достаточно обоснованной, так как подобная ориентация обращена к теоретико-правовой регламентации и характеристике понятия «гарантия». Она также предоставляет возможность теоретического анализа правовых средств обеспечения субъективных процессуальных прав в рамках общего институционального образования. В то же время указанная квалификация позволяет раскрыть отраслевые средства обеспечения, которые имеют свои сугубо индивидуальные отличительные черты, исходя из их принадлежности к определенной отрасли права.

О логичности представленной В.Е. Гулиевым, Л.А. Ванеевой и Т.М. Пряхиной классификации, в основе которой лежит признак принадлежности гарантии права к той или иной отрасли, дана оценка в научной литературе, но с небольшими оговорками в части необходимости включения в данную классификацию юридических гарантий, определяемых международными стандартами[2]. По нашему мнению, с такой корректировкой трудно согласиться, так как включение международных гарантий не учитывает общепризнанной классификации, подразделяющей гарантии на внутригосударственные и международные[3].

---

[1] См.: Гулиев Е.В., Рудинский Ф.М. Социалистическая демократия и личные права. М., 1984. С. 114; Ванеева Л.А. Реализация конституционного права граждан СССР на судебную защиту в гражданском судопроизводстве. Владивосток, 1988. С. 7; Валеев Д.Х. Процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве. Казань, 2001. С. 7–8; Пряхина Т.М. Понятие конституционности и реализации Основного Закона // Реализация Конституции России : сборник научных трудов. М., 1994. С. 65.

[2] См.: Кукель В.В. Реализация конституционных гарантий права потерпевшего на судебную защиту : дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 86–87.

[3] См.: Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве С. 6–7; Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 340–342.

Подобная классификация имеет большое значение, так как на международном уровне разрабатываются так называемые стандарты прав и свобод человека, которые государства обязуются имплементировать в свое национальное законодательство[1], но имплементирование таких стандартов происходит с учетом их соответствия конституционным нормам. В свою очередь, это не исключает интерпретацию международных стандартов с учетом особенностей правовой системы того или иного государства. Более того, международные гарантии рассматриваются как коллективные меры мирового сообщества экономического, политического, идеологического, организационного характера, обеспечивающие охрану основных прав и свобод человека и гражданина[2].

Система законодательства России включает в себя общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации, но именно внутреннее законодательство, в том числе и Конституция РФ, закрепляет правовые средства, действенно обеспечивающие реализацию субъективных прав в различных отраслевых сферах и не противоречащие публичному порядку Российской Федерации. Вследствие этого выделение внутригосударственных гарантий, которые рассматриваются как система социально-экономических, политических, нравственных и правовых средств и условий, обеспечивающих непосредственную защиту основных прав и свобод человека и гражданина[3], позволяет определить пути совершенствования внутреннего законодательства с учетом международных обязательств Российской Федерации в области защиты прав и при этом соблюсти баланс интересов государства и международного сообщества.

Так, например, Конституция РФ утверждает право на судебную защиту

---

[1] См.: Абдуллин А.И. К вопросу о системе международно-правовой охраны результатов творческой деятельности (на примере Европейского Союза) // Российский ежегодник международного права. 2000. С. 273.

[2] См.: Хижняк В.С. Право человека на информацию: механизм реализации / под ред. В.Т. Кабышева. Саратов, 1998. С. 37.

[3] См.: Хижняк В.С. Указ. соч. С. 37–38.

как основное неотчуждаемое право, входящее в правовой статус личности, которое является конституционной гарантией всех остальных прав и свобод. Однако сама процедура реализации данной конституционной гарантии регулируется процессуальным законодательством, но на основе конституционных принципов и в соответствии с закрепленными целями. Средства реализации субъективных процессуальных прав, методы и формы их обеспечения также будут определяться особенностями арбитражно-процессуальных правоотношений.

При классификации процессуальных гарантий в зависимости от источника закрепления можно выделить:

процессуальные гарантии, провозглашенные в международных договорах Российской Федерации;

процессуальные гарантии, закрепленные во внутреннем российском процессуальном законодательстве, которые в свою очередь подразделяются на процессуальные гарантии, закрепленные в Конституции РФ; процессуальные гарантии, установленные в арбитражном процессуальном законодательстве, т.е. специально созданные для регулирования отношений в сфере арбитражного судопроизводства.

Данная классификация позволяет говорить о том, что процессуальные гарантии в арбитражном процессе шире понятия «арбитражно-процессуальные гарантии», к которым следует отнести только те, которые получили закрепление в арбитражном процессуальном законодательстве.

В зависимости от способа изложения в арбитражном процессуальном законодательстве можно выделить простые и сложные процессуальные гарантии.

Простые процессуальные гарантии следует рассматривать как систему средств, условий, предпосылок, факторов, закрепляемых в арбитражно-процессуальных нормах и обеспечивающих субъективные процессуальные права определенного вида. Например, право на участие в судебном заседании гарантировано, даже если иск в защиту их интересов предъявлен иными

субъектами, обладающими такими правомочиями. Так, прокурор вправе заявить иск в интересах неопределенного круга лиц и в этом случае указанные лица не участвуют в процессе рассмотрения дела. Если же иск предъявляется в интересах публичного образования и затрагивает его материальные права, то они могут участвовать в процессе самостоятельно.

В пункте 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 марта 2012 г. № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе»[1] разъясняются традиционные для процессуального законодательства положения о том, что публично-правовое образование, в интересах которого прокурором заявлен иск, должно быть извещено о возбуждении производства по делу и вправе вступить в дело в качестве истца. Случаи, когда истец, имеющий материальный интерес в исходе дела, не был привлечен к участию в деле, признаются существенными нарушениями.

Таким же образом решается вопрос и в случаях, когда в суд обращается организация по управлению правами на коллективной основе. Данная организация при обращении в суд в защиту прав конкретного правообладателя применительно к п. 2 ч. 2 ст. 125 АПК РФ обязана указать сведения о нем, позволяющие идентифицировать его (фамилию, имя и отчество или фирменное наименование) и направить этому правообладателю судебное извещение. Если организация по управлению правами на коллективной основе действует на основании договора с другой организацией, в том числе иностранной, управляющей правами на коллективной основе (п. 3 ст. 1242 ГК РФ), указываются сведения о фамилии, имени и отчестве или фирменном наименовании правообладателя, а также сведения о наименовании и местонахождении этой организации. В случае несоблюдения такого требования суд оставляет заявление без

[1] Официальный сайт. Федеральные арбитражные суды Российской Федерации. URL: http: //www.arbitr.ru/ as/pract/post_plenum/50282.html (дата обращения: 17.04.2012).

движения в соответствии со ст. 128 АПК РФ[1].

Сложные процессуальные гарантии следует рассматривать как систему средств, условий, предпосылок, факторов, закрепленных в нормах арбитражного процессуального законодательства и направленных на обеспечение баланса прав и интересов субъектов арбитражного процесса и интересов правосудия. Например, в случаях, когда стороны заключают соглашение о передаче спора на рассмотрение третейского суда после обращения прокурора в арбитражный суд с требованиями о признании сделки недействительной или о применении последствий ее недействительности, арбитражный суд продолжает рассмотрение дела по существу.

Данное правило закреплено в указанном Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 15 и нацелено на обеспечение баланса частных и публичных интересов, а также на исключение случаев злоупотребления процессуальными правами при рассмотрении дела третейским судом путем устранения прокурора из процесса (поскольку прокурор не может быть субъектом третейского разбирательства).

В научной литературе деление юридических гарантий прав на гарантии реализации прав и гарантии охраны и защиты прав достаточно распространено[2]. Так, по мнению Н.А. Бобровой, все правовые средства, которые рассматриваются в качестве процессуальных гарантий, необходимо подразделять следующим образом:

– правовые средства, обеспечивающие реализацию субъективных

---

[1] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении споров с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами : Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 51 // URL: http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/110131.html (дата обращения 12.10.2014).

[2] См.: Абсалямов А.В. Указ. соч. С. 14; Боброва Н.А. Указ. соч. С. 92–98; Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. С. 203–207; Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько М., 2001. С. 315 (автор главы – А.С. Мордовец); Соловых С.Ж. Процессуальные гарантии субъективных прав сторон третейского разбирательства при разрешении экономических споров : автореф. дис. … канд. юрид. наук, Саратов, 2005. С. 12.

процессуальных прав, в этом случае они способствуют достижению желаемого;

– правовые средства, препятствующие возникновению негативных факторов или нейтрализующие их, такие средства следует отнести к средствам охраны и защиты[1].

Классификация процессуальных гарантий может быть проведена применительно к задачам судопроизводства в арбитражных судах. Данное основание позволяет выделить:

1) процессуальные гарантии субъектов, вовлеченных в сферу судопроизводства в арбитражных судах (гарантии прав отдельных субъектов);
2) процессуальные гарантии правосудия.

Первый вид процессуальных гарантий направлен на правильное применение процессуального закона субъектами арбитражных процессуальных правоотношений в целях исключения случаев нарушения процессуальных прав участников арбитражного процесса.

Второй вид процессуальных гарантий нацелен на быстрое и полное рассмотрение дела арбитражными судами, правильность применения закона для защиты нарушенных прав и законных интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности. Под гарантиями правосудия следует понимать процессуальные средства и способы, обеспечивающие процессуальную деятельность арбитражного суда. Она гарантирует интересы общества и государства в арбитражном процессе, которые нашли свое закрепление в ст. 2 АПК РФ, т.е. задачи судопроизводства в арбитражных судах.

Приведенная классификация воспроизводит соотношение между указанными процессуальными гарантиями как целое и частное, так как при соотношении гарантий прав субъектов и гарантий правосудия не следует противопоставлять интересы личности и государства. Однако их полное отождествление также невозможно, поскольку они различны и по видам, и по

[1] См.: Боброва Н.А. Указ. соч. С. 28–29.

содержанию. Например, арбитражная процессуальная форма гарантирует порядок отправления правосудия по конкретному делу. Обеспечивая оптимальный порядок осуществления правосудия, арбитражная процессуальная форма является важным элементом правовой процедуры защиты нарушенных прав и законных интересов субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности.

Наиболее перспективным критерием, который следует положить в основание классификации, на наш взгляд, является критерий, предполагающий деление процессуальных гарантий по функциональному признаку.

Классификация системы процессуальных гарантий по функциональному признаку наиболее адекватно отражает основные свойства процессуальных гарантий как правовых средств, так как соответствует выполняемым ими функциям – регулятивной и охранительной.

Функциональный признак определяет назначение подсистемы, а также ее основные цели, задачи и функции. Беря за основу классификации процессуальных гарантий функциональный признак, можно выявить конкретные средства, устанавливающие позитивные правила процессуального поведения, объем и содержание предоставленных процессуальных прав, а также процессуальные санкции за нарушение этих правил.

Данный признак позволяет определить степень их общности, выявить нормы арбитражного процессуального права, которые непосредственно влияют на реализацию субъективных процессуальных прав и как следствие – на реализацию права на судебную защиту, установить функциональное назначение процессуальных гарантий, закрепленных в арбитражном процессуальном законодательстве, а также найти оптимальные пути совершенствования всей системы процессуальных гарантий.

Механизм совокупного воздействия гарантий реализации права и гарантий охраны охватывает собой: создание необходимых условий для

реализации процессуальных прав; стимулирование правомерного процессуального поведения.

Приведенные классификации не могут рассматриваться как исчерпывающие, так как возможно увеличение различного рода оснований по мере увеличения количества научно-теоретических исследований в данной сфере.

Проведенный анализ позволяет выделить характерные признаки процессуальных гарантий субъективных процессуальных прав сторон, которыми являются:

нормативность, т.е. их закрепление в арбитражно-процессуальном законодательстве как средства, обеспечивающего субъективные процессуальные права только средствами и методами, предусмотренными арбитражным процессуальным правом;

определенность, т.е. предписание на определенные виды процессуальных действий, допустимых для достижения благоприятных целей.

Сущность данных процессуальных средств выражается в том, что они являются арбитражно-процессуальными средствами[1], т.е. именно при помощи специфических правовых (арбитражно-процессуальных) средств осуществляется результативное, нормативно-организационное воздействие на правовые отношения в сфере арбитражного судопроизводства. Тем самым содержание процессуальных гарантий субъектов арбитражного судопроизводства определяется арбитражным процессуальным законодательством, которое закрепляет и обеспечивает конкретные права.

В системе процессуальных гарантий следует выделить процессуальные гарантии, которые обладают стимулирующим воздействием на процессуальные отношения и выполняют регулятивную функцию в процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон в арбитражном

[1] См.: Струнков С.К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 154.

суде первой инстанции. Такие процессуально-правовые средства в целях удовлетворения законных интересов субъектов в судебной защите определяют позитивные правила процессуального поведения, создавая благоприятные условия для осуществления процессуальных прав, а именно информируют об объеме процессуальных правомочий, положительно мотивируют и повышают процессуальную активность субъектов, упорядочивают их процессуальную деятельность и тем самым создают режим благоприятствования.

Представляя собой многообразные и многочисленные по своему конкретному содержанию средства, которые предусмотрены нормами арбитражного процессуального права, процессуальные гарантии реализации прав сторон служат обеспечению правовых возможностей, закрепленных в субъективном процессуальном праве.

Таким образом, под процессуальными гарантиями следует понимать установленные нормами арбитражного процессуального законодательства различные по своему содержанию правовые средства, так и способы, обеспечивающие сторонам возможность реализации и защиты предоставленных им прав. Процессуальные гарантии как правовые средства выполняют функцию орудия достижения определенного результата.

В этом смысле предполагается необходимость уточнения процессуально-правовых средств, которые можно рассматривать в качестве процессуальных гарантий.

К процессуальным гарантиям некоторые ученые относят следующие правовые средства[1]:

– процессуальные юридические факты, необходимые для возникновения субъективного процессуального права;

– правовые средства, указывающие пределы осуществления субъективного права и пределы его содержания;

---

[1] См.: Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве. М., 2009. С. 54–55

– правовые средства конкретизации субъективных прав и обязанностей;

– правовые средства, предусматривающие процессуальные формы осуществления прав.

Фактически такого же подхода придерживался Н.В. Витрук, дополнявший состав гарантий реализации прав еще и мерами поощрения правомерной реализации, а также льготами[1].

Законодатель, предоставляя субъекту конкретное процессуальное право, определяет и его пределы, устанавливая их в соответствующих нормативных правовых актах. В законе пределы субъективного процессуального права должны четко указывать как условия, при которых субъект наделяется соответствующим правом, так и границы, в которых он может действовать по своему усмотрению. При отсутствии пределов субъективного процессуального права с полной уверенностью можно утверждать, что право становится декларативным и отсутствует механизм его реализации[2].

Реализация субъектом предоставленных ему процессуальных прав представляется как процесс использования своего права. Такой процесс связан не только с нормами, закрепляющими в общем виде субъективное процессуальное право, но и с иными процессуально-правовыми средствами, различными по своему содержанию и юридической природе. Гарантии непосредственно «вплетены» в механизм реализации правовой нормы и действуют в нескольких направлениях, обеспечивая процедуру реализации, устанавливая корреспондирующие предписания обязанной стороне и конкретизируя нормы, реализуемые непосредственно[3].

В силу этого можно предположить, что при реализации субъективного

---

[1] См.: Витрук Н.В. Указ. соч. С. 207.

[2] См.: Вавилин Е.В. Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 35–43.

[3] См.: Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. С. 120–135.

процессуального права происходит осуществление положений целой системы разнообразных по своей юридической природе норм, в которых может конкретизироваться содержание данного права, а также условия и порядок его использования и иные аспекты.

Процессуальные гарантии реализации прав сторон, являясь структурным элементом процессуально-правового механизма обеспечения этих прав, указывают на практику создания и функционирования специальных процессуально-правовых средств, способствующих реализации субъективных процессуальных прав, т.е. осуществлению правомерного процессуального поведения. Процессуальные гарантии реализации субъективных процессуальных прав определяют способы и средства, которые позволяют наиболее полно реализовать данные возможности правообладателя, не нарушая интересов иных участников арбитражного процесса и интересов правосудия. Правомерность поведения сторон в период судебного разбирательства фиксируется посредством четкого представления правообладателя о своей потребности в конкретном благе. Такое представление формируется путем осознания им содержания и границ субъективного процессуального права, которое способствует принятию обдуманного решения о средствах и способах его претворения в фактическую действительность. В силу этого процессуальное законодательство в целях достижения результата должно содержать правовые средства и способы, указывающие правообладателю на эффективные пути реализации субъективного процессуального права. Именно специальные гарантии, обеспечивающие правомерное осуществление процессуальных прав, предусмотренных арбитражным процессуальным законодательством, нацелены на создание для лиц, участвующих в арбитражном процессе, оптимальной правовой среды их функционирования. Субъективное процессуальное право может быть не нарушено неправомерными действиями, но в то же время его реализация может быть затруднена в силу отсутствуя адекватных процессуально-

правовых средств и условий.

Таким образом, в систему процессуальных гарантий, обеспечивающих реализацию прав сторон, следует включать процессуально-правовые средства, с помощью которых происходит закрепление процессуально-правового статуса сторон: а именно объема представленных процессуальных прав, их содержательных аспектов, определение обязанностей, процессуальных юридических фактов, связанных с возникновением, изменением и прекращением процессуального правоотношения, установления конкретной правовой связи между арбитражным судом и стороной процесса.

Поэтому процессуально-правовые средства, обеспечивающие правомерность осуществления процессуальных прав, должны указывать на их значимость, юридическую силу и содержание, т.е. должны быть конкретизированы в действующем процессуальном законодательстве.

Как следствие систему процессуальных гарантий реализации прав сторон, по нашему мнению, можно представить следующими процессуально-правовыми средствами:

1) конкретизация процессуальных прав сторон;

2) обязанности арбитражного суда;

3) процессуальные права сторон. Стороны обладают не одним процессуальным правом, а их совокупностью, в которой одни процессуальные права в силу своего существа обеспечивают и служат процессуальной гарантией других;

4) процессуальные права судебных представителей;

5) процессуальные права иных участников арбитражного процесса, содействующих осуществлению правосудия;

6) принципы арбитражного процесса;

7) процессуальные юридические факты;

8) процессуальные средства стимулирующего характера;

9) акты правоприменения.

Осуществление субъективных процессуальных прав предполагает эффективное функционирование органов судебной власти, способов и средств их обеспечения, реализации, охраны и защиты в случае нарушений. Реализация прав и свобод невозможна без их охраны, нет такого права, которое не нуждалось бы в охране.

Под гарантиями охраны прав и свобод личности, по мнению некоторых авторов, следует понимать нормы, устанавливающие не только контрольно-надзорные функции государственных органов, но и нормы, носящие предупредительный характер. Такие нормы определяют и степень ответственности обязанных лиц и органов, в случае если их действия (бездействие) препятствуют нормальному осуществлению прав и свобод личности. Распространено также суждение о том, что охрана права заключается в создании условий, при которых возможности, заложенные в субъективных правах, могут беспрепятственно трансформироваться в действительность[1].

Понятия «охрана» и «защита» рассматриваются либо как тождественные[2], либо «защита» выступает как более узкий термин по сравнению с «охраной», либо каждое из них наделяется самостоятельным содержанием[3]. На наш взгляд, правильным будет мнение, согласно которому понятия «защита», «охрана» не следует рассматривать относительно самостоятельными, они связаны в процессе обеспечения прав и свобод друг с другом. Поэтому вполне их можно обозначить как совокупность процессуальных средств, с помощью которых осуществляется охрана процессуальных прав субъектов арбитражного судопроизводства, т.е. в самом общем виде – это процессуальные гарантии охраны.

Понятие «обеспечение» представляется родовым по отношению к

---

[1] См.: Абова Т.Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. М., 1975. С. 8–9.

[2] См.: Боброва Н.А. Указ. соч. С. 95; Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград, 1997. С. 77–92.

[3] См.: Воеводин Л.Д. Указ. соч. С. 111; Корешкова И.Н. Указ. соч. С. 18–22; Тихонова Б.Ю. Указ. соч. С. 11–15.

категориям «охрана» и «защита»[1]. Оно включает в себя всю систему мер и условий, направленных на наиболее полное осуществление сторонами предоставленных процессуальных прав, а также все формы благоприятствования для их осуществления. При охране используются процессуально-правовые средства, позволяющие достичь общепревентивных целей, при защите – специальные процессуально-правовые средства, позволяющие оказать частное превентивное воздействие на правонарушителя. Наличие признака превенции указывает на возможность рассмотрения процессуально-принудительных средств в единой системе – процессуальных гарантий охраны процессуальных прав, так как, выполняя функцию предупреждения, процессуальные гарантии включают в себя весь комплекс средств для поддержания состояния беспрепятственного осуществления процессуального права.

Поэтому под охраной процессуальных прав следует понимать законодательно установленные меры, осуществляемые арбитражным судом, направленные на предупреждение нарушений процессуальных прав, устранение причин, их порождающих, и способствующие нормальному процессу реализации правообладателем предоставленных ему арбитражно-процессуальным законодательством прав, а также и принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления процессуального права, применяемый в установленном законом порядке арбитражным судом в целях восстановления нарушенного процессуального права.

Вывод по подпараграфу:

Процессуальные гарантии охраны должны занимать особое место в процессе осуществления правосудия, но только процессуальных гарантий недостаточно для нейтрализации возможных конфликтов. Процессуальные гарантии охраны, являющиеся структурными элементами процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, служат одновременно и гарантиями их осуществления, т.е. они не могут существовать вне рамок

[1] Григорян Л.А. Указ. соч. С. 13–14.

реализации прав и свобод. Во многом гарантии реализации прав и свобод обеспечиваются возможностями гарантий охраны. Процессуальные гарантии реализации процессуальных прав нацелены на создание для субъектов судопроизводства в арбитражных судах оптимальной правовой среды для реализации субъективных процессуальных прав и не связаны с нарушениями и выполняют регулятивную функцию процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон.

Такое разделение представляется верным и следует согласиться с тем посылом, что, «принимая ту или иную норму, законодатель рассчитывает на достижение определенной цели, на изменение, развитие, стабилизацию или свертывание определенных общественных отношений»[1], как следствие охранительную функцию процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон будут выполнять процессуальные гарантии охраны.

Охранительная функция процессуальных гарантий выполняется путем сдерживания противозаконного поведения, под страхом применения санкций, создавая тем самым условия для удовлетворения интересов как субъектов процесса, так и правосудия.

Таким образом, можно сделать вывод, что процессуальные гарантии – это установленные арбитражным процессуальным законодательством средства и способы, создающие благоприятные условия для осуществления сторонами субъективных процессуальных прав и позволяющие учитывать интересы как участников процесса, так и интересы правосудия. Процессуальные гарантии по функциональному признаку подразделяется на:

– обеспечивающие реализацию процессуальных прав сторон (регулятивная функция);

– создающие режим охраны процессуальных прав сторон (охранительная функция).

---

[1] Теория государства и права / под ред. В.П. Малахова, В.Н. Казакова. М.; Екатеринбург, 2002. С. 211.

ГЛАВА 2. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

§ 1. Конкретизация как гарантия прав сторон

Арбитражное процессуальное регулирование строится на элементах взаимосвязи «субъективное процессуальное право – гарантия». Данная взаимосвязь предопределяет необходимость анализа существующих процессуально-правовых средств, реально обеспечивающих их осуществление, а также совершенствования процессуальных гарантий реализации прав и свобод личности. Процессуальные гарантии функционально направлены на создание оптимальных условий для беспрепятственной реализации сторонами принадлежащих им процессуальных прав. Это достигается в том числе и путем конкретизации процессуальных прав как законодательной, так и правоприменительной.

В общей теории права конкретизация субъективных прав рассматривается как технико-юридический прием, который позволяет произвести нормативно-правовое закрепление субъективных прав в правовом материале, т.е. прямо указать на пределы содержания процессуальных прав[1], что указывает на различие «конкретизации» и «толкования».

В юриспруденции сформулированы различные мнения по трактовке понятия «конкретизация» и его соотношения с термином «толкование». Научные позиции по данному вопросу в некоторых случаях расходятся в диаметрально разные плоскости: от полного отождествления конкретизации и толкования[2], поглощение толкованием конкретизации[1] до утверждения об

---

[1] См.: Байниязова З.С. Принципы правовой системы России: проблемы теории и практики / под ред. В.Н. Синюкова. Саратов, 2006. С. 48–49; Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 227–268; Эбзеев Б.С. Конкретизация и актуализация норм Конституции РФ как условие и гарантия осуществления прав и обязанностей человека // Российское правосудие. 2008. № 3. С. 4–17.

[2] См.: Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов СССР. М., 1962. С. 25–26.

их автономности[2]. Следует согласиться с тем подходом, что толкование и конкретизация, несмотря на их тесную взаимосвязь, являются самостоятельными понятиями, так как преследуют различные цели, различные логические операции, и как следствие их использование приводит к различным результатам[3].

Результатом толкования норм является раскрытие их содержания для правильного, однозначного понимания и применения. Конкретизация способствует повышению точности и определенности правового регулирования, результаты конкретизации всегда оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения, т.е. создаются относительно новые правила поведения[4]. Конкретизация в гносеологическом аспекте – это метод познания, который способствует переходу от абстрактно-теоретических знаний к конкретно-теоретическим. Фактически можно говорить об отождествлении конкретизации как метода с методом движения от абстрактного к конкретному с помощью логико-гноселогических приемов (определения, описания, объяснения), т.е. это один из способов перевода нормативности права на уровни, которые дают возможность непосредственного его воплощения в реальное поведение субъекта.

Таким образом, цель конкретизации – повышение точности и определенности правового регулирования путем использования специфических средств ее осуществления.

Средствами конкретизации является ее логический механизм осуществления, который находит выражение в процессе формирования двух

---

[1] См.: Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979; Ноздрачев А.Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 2. М., 1968.

[2] См.: Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: Социально-юридическое исследование. Харьков, 1900. С. 10–11; Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988. С. 9–10.

[3] См.: Рабинович П.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) // Правоведение. 1985. № 6. С. 36.

[4] Там же.

понятий, отображающих явления, одно из которых представляет «видовой» случай другого, т.е. понятий, находящихся в родовых отношениях. Предполагается, что при отсутствии отношений между отображаемыми явлениями в виде взаимосвязи «общее–особенное–единичное» применение понятия «конкретизация» лишается смысла и становится методологически необоснованным[1]. Конкретизацию можно представить как логическую операцию, где при уменьшении объема первичного понятия посредством расширения его содержания возможно построение последовательности понятий, находящихся в определенных родовых отношениях. Подобный порядок построения предполагает, что новое (видовое) понятие входит в первичное (родовое) по объему: его содержание включает первичное понятие и расширяется за счет дополнительных признаков.

Рассмотрение конкретизации в качестве процессуальной гарантии субъективных процессуальных прав и ее значимости в создании условий для осуществления субъективных прав неоднократно указывали ученые-юристы. Обосновывается это тем, что такие процессуальные гарантии позволяют уяснить именно содержание субъективных прав[2]. В любом случае, когда вопрос касается арбитражных процессуальных правоотношений как отношений, складывающихся при отправлении правосудия, т.е. при определении взаимообусловленности процессуальных прав и обязанностей субъектов арбитражного процесса, возникает необходимость их формальной определенности.

В отраслевых науках, в частности цивилистического процессуального права, «конкретизацию» рассматривают как правоприменительную деятельность, осуществляемую при конкретизации защищаемого права. То есть в тех случаях, когда суд выявляет действительные права и обязанности сторон в спорном правоотношении, подлежащем рассмотрению судом, а

---

[1] См.: Рабинович П.М., Шмелева Г.Г. Указ. соч. С. 31–32.

[2] См.: Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве. М., 2009. С. 108–109.

также и в тех случаях, когда суд определяет содержание права в зависимости от фактических обстоятельств дела в случае отсутствия в законодательстве точного указания на содержание данного субъективного права[1].

Поэтому в аспекте сказанного в качестве процессуальной гарантии субъективных процессуальных прав следует рассматривать и законодательную конкретизацию, которая раскрывает содержание субъективного процессуального права, так и правоприменительную, т.к. раскрывает содержание субъективных процессуальных прав уже в конкретной правовой ситуации.

В контексте нашего исследования следует уточнить, что субъективные процессуальные права, во-первых, исполняют роль конкретизирующих процессуальных средств конституционного права на судебную защиту; во-вторых, они сами нуждаются в конкретизации, т.е. содержание субъективного процессуального права раскрывается путем указания на объем процессуальных действий правообладателя в целях достижения блага, заложенного в субъективном процессуальном праве, либо устанавливают дополнительные процессуальные права, четко определяющие сферу субъективной свободы.

Так, например, Б.С. Эбзеев применительно к конституционным правам указывает на то, что в любом случае, когда требуется конкретизация, она должна проводиться путем детализации правомочий субъектов, установления процессуальной формы и средств их осуществления[2].

Рассмотрение субъективных процессуальных прав как правовых средств конкретизирующих право на судебную защиту можно объяснить тем, что в своем конституционном содержании право на судебную защиту является правом непосредственно действующим, но для своей реализации одного этого ему недостаточно.

---

[1] См.: Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 93-95.

[2] См.: Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 13.

Реализация права на судебную защиту, представляя собой перевод общих конституционных предписаний на отраслевой законодательный уровень, сопровождается детализацией средствами арбитражного процессуального законодательства.

В этом смысле реализацию конституционного права на судебную защиту субъектами предпринимательской и иной экономической деятельности, установленного ст. 46 Конституции РФ, в рамках системы арбитражных судов следует рассматривать через призму правового регулирования общественных отношений, складывающихся при обращении в указанные судебные органы. Основными средствами, которые входят в механизм реализации права на судебную защиту и являются детализированными правомочиями субъекта, представляющие возможность пользования судебной защитой в полном объеме, следует рассматривать субъективные процессуальные права.

К важнейшим элементам права на судебную защиту в юридической литературе относят право на обращение в суд за защитой нарушенного права[1]. Данная правовая возможность непосредственно вытекает из норм международного права[2] и как элемент права на судебную защиту не подлежит какому-либо ограничению.

По смыслу статей 46 и 123 Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[3], право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и право быть выслушанным судом при разрешении дела по существу на основе состязательности и равноправия сторон[4].

---

[1] См.: Стецовский Ю.И. Судебная власть. М.: 1999. С. 120-128; Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Учебное пособие. М.: 1998. С. 300-302.

[2] Всеобщая Декларация прав и свобод человека (ст.8)// ; Европейская Конвенция прав и основных свобод (ст.6)// URL:http://europeancourt.ru/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-drugie-oficialnye-dokumenty/konvenciya-o-zashhite-prav-cheloveka-i-osnovnyx-svobod. (дата обращения 08.11.2011)

[3] (далее – КЗПЧ)

[4] Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 1999 года

Европейский суд по правам человека, интерпретируя в своих решениях смысл ст. 6 КЗПЧ, определяет, что национальные суды должны обосновать свои действия и мотивы в решении по делу, т.е. любое судебное разбирательство должно заканчиваться мотивированным решением. Целью мотивированности решений является то обстоятельство, что стороны должны быть уверены в том, что их требования были услышаны судом и получили надлежащую оценку[1]. Таким образом, в содержание право на судебную защиту должно включаться субъективное процессуальное право на результат судебного разбирательства[2].

Пункт 1 ст. 6 КСПЧ трактуется Европейским судом таким образом, что в понятие справедливое судебное разбирательство должно в обязательном порядке включаться такой элемент как исполнение окончательного решения по делу[3].

Таким образом, исходя из положений норм международного права и положений Конституции РФ, можно утверждать, что основными

№ 6-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 325 ГПК РСФСР в связи с жалобами граждан Б. Л.Дрибинского и А.А.Майстрова»//URL:// http://base.garant.ru/12115277/(датаобращения 17.05.2012);Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 УПК РФ в связи с запросом курганского областного суда, жалобами уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», ООО «Карелия» и ряда граждан» //URL:// http://main-law.ru/ksrf/5-p_ot_11-05-2005 (дата обращения 18.05.2012); Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 ГПК РФ в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» //URL:// http://www.consultant.ru/online/ (дата обращения 18.05.2012)

[1] Суоминен против Финляндии (Suominen v. Finland): Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 июля 2003 года (жалоба № 37801/97)// URL: http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/suominen-protiv-finlyandii-postanovlenie-evropejskogo-suda (дата обращения 09.11 2011)

[2] Кузнецов и другие против России (Kuznetsov and Others v. Russia): Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 января 2007 года (жалоба № 184/02) //URL: http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/kuznecov-i-drugie-protiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda. (дата обращения 09.11.2011)

[3] Вассерман против России (Wasserman v. Russia): Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 ноября 2004 года (жалоба № 15021/02) // URL: http://europeancourt.ru/tag/dostup-k-sudu/(дата обращения 09.11.2011)

процессуально-правовыми средствами наряду с иными, входящими в механизм реализации права на судебную защиту, являются субъективные процессуальные права, которые непосредственно детализируют правомочия субъекта. К таким правам следует относить:

- субъективное процессуальное право на доступ к правосудию;
- субъективное процессуальное право на судебное разбирательство;
- субъективное процессуальное право на результат судебного разбирательства;
- субъективное процессуальное право на исполнение судебного акта.

Здесь следует уточнить, что объектом законодательной конкретизации выступает конституционная норма, которая закрепляет право на судебную защиту. Таким образом, конкретизация направлена на технико-юридическую корректировку, т.е. уточнение и развитие ее содержания в нормах отраслевого законодательства. В результате конкретизации содержание отраслевых процессуальных норм, устанавливающих перечисленные субъективные процессуальные права, предопределяется содержанием конкретизируемой конституционной нормы, закрепляющей право на судебную защиту.

Справедливо мнение И.Н. Сенякина, утверждающего, что суть конкретизации заключается в формировании правовых предписаний, развивающих и уточняющих содержание генеральных положений законодательных актов, направленных на регулирование отдельных сторон и граней видовых общественных отношений[1].

Ученые, развивающие учение о конкретизации в общей теории права, утверждают, что конкретизация выступает способом достижения завершенности правового регулирования. Не соглашаться с данным аргументом нет оснований.

В рамках диссертационного исследования следует обратить внимание

---

[1] См.: Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства. Саратов, 1993. С. 60–61.

на то положение, что завершенность правового регулирования в сфере отправления экономического правосудия должна означать, что все основные элементы субъективного процессуального права определены и формально зафиксированы в нормах арбитражного процессуального законодательства.

Факт четкого закрепления субъективного процессуального права и последовательное его воплощение во всем нормативном материале является одним из средств, обеспечивающих субъективные процессуальные права и как следствие – обеспечивает реализацию права на судебную защиту.

Поэтому, если рассматривать законодательную конкретизацию субъективных процессуальных прав как уточнение либо раскрытие их содержательного объема, то ее целью следует считать детальность изложения, позволяющую судить о ее содержательно предельной исчерпанности.

Формы осуществления субъективных процессуальных прав могут уточняться через ту или иную совокупность конкретизирующих правомочий и их взаимосвязь. Различные права, а также объем их реализации зависят от процессуально-правового статуса лица, участвующего в деле, который во многом определяется формой защищаемого интереса (личный, публичный).

Для осуществления субъективных процессуальных прав немаловажной предпосылкой является уточняющая регламентация их содержания, прежде всего объектов, включающих различные блага, законные притязания на которые побуждают субъекта реализовать свои права. Для уточнения и развития содержательных признаков арбитражное процессуальное законодательство конкретизирует их путем увеличения объема субъективных процессуальных прав, которые действуют в меньшей сфере, но более точно определяют процессуальные действия участников судопроизводства в арбитражных судах, необходимые для достижения ими определенного результата.

Так, например**,** *субъективное процессуальное право на доступ к правосудию* согласно содержанию предполагает возможность инициирования судебной деятельности, возможность получения квалифицированной юридической помощи и возможность получения полной информации о судебном разбирательстве[1].

Содержание данного субъективного процессуального права зафиксировано не только в международных источниках, но и в нормах отечественного законодательства, а также в постановлениях высших судебных инстанций РФ.

Непосредственное юридическое обеспечение в виде конкретизации субъективных процессуальных прав открывается с момента признания их государством путем законодательного закрепления в арбитражном процессуальном законодательстве, т.е. используется законодательная конкретизация. Иными словами, определяющим моментом является их признание государством посредством соответствующей нормативно-правовой регламентации. Характер нормативно-правовой регламентации, включая уровень имплементации международных актов, которые устанавливают стандарты судебной защиты, придает социально-юридический смысл субъективным процессуальным правам. Одним из принципов гарантирующего характера, который выделяется учеными-правоведами, определяющим сущностное содержание любого права, является принцип соразмерности ограничений прав. Данный принцип распространяет свое действие и при нормативно-правовой регламентации субъективных процессуальных прав. На возможность ограничения прав федеральным законодателем обязательно при следовании общим принципам права, т.е. соблюдение требований справедливости, адекватности, соразмерности и необходимости защиты конституционно значимых

[1] См.: «Яковлев против России (Yakovlev v. Russia)» : Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2005 г. (жалоба № 72701/01). URL: http:// europeancourt. ru/tag/ glasnost-razbiratelstva/ (дата обращения: 20.03.2013).

ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, неоднократно указывал и Конституционный Суд РФ[1].

Принцип соразмерности ограничения и сохранения сущностного содержания при регламентации процессуальных прав в системе источников арбитражного процессуального права имеет общий смысл действия. Так, например, судебные извещения направляются участникам арбитражного судопроизводства по последнему известному месту жительства или по месту государственной регистрации юридического лица, указанным в ЕГРИП или в ЕГРЮЛ. Тем самым законодатель ограничивает возможность субъекта, если он находится вне указанного места, использовать данную ситуацию во вред другой стороне и оспорить в дальнейшем судебный акт по основанию его ненадлежащего извещения. В то же время такая правовая регламентация института судебных извещений позволяет сохранить баланс интересов как правосудия, так и иных участников процесса, путем исключения возможности злоупотребления правом на получение информации о судебном разбирательстве, уклоняясь от ее получения.

Европейский Суд по правам человека устанавливает, что право на доступ к правосудию не является абсолютным, оно может быть подвергнуто определенным ограничениям национальным законодательством, но с

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона “Об акционерных обществах”, статей 61 и 99 Гражданского кодекса РФ, статьи 31 Налогового кодекса РФ и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО “Медиа-мост” и ЗАО “Московская независимая вещательная корпорация”». URL:http://www.rg.ru/oficial /doc/min_and_vedom/ks/14-03.shtm (дата обращения: 12.04.2013); Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2010 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с жалобами открытых акционерных обществ “Газпром”, “Газпром нефть”, “Оренбургнефть” и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)». URL:http://www.rg.ru/2010/02/12/zhaloby-ks-dok.html (дата обращения: 12.04.2013); Определение Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 413-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.М. Леонова на нарушение его конституционных прав положением п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ». URL://http://sudbiblioteka.ru /ks/docdelo_ks/ konstitut_ big_4097.htm (дата обращения: 12.04.2013).

условием разумной соразмерности между используемыми средствами и законной целью таких ограничений[1].

В этом смысле закрепление различных ограничений в российском законодательстве в отношении инициирования судебной деятельности не расходится с установлениями Европейской конвенции по правам человека. Инициирование судебной деятельности следует рассматривать как собственно обращение в арбитражный суд с требованием о возбуждении производства по делу, так и обращение в период судебного разбирательства об изменении предмета, основания иска, увеличении или уменьшении исковых требований. Последние требования представляют собой дополнительные средства, позволяющие скорректировать предмет судебной защиты.

Право на судебную защиту, имея абсолютный характер[2], указывает на то, что арбитражный суд обязан принять к своему рассмотрению требование о защите, рассмотреть его и вынести соответствующий судебный акт. Однако, возможность, предоставленная законом на инициирование судебного процесса, реализуется уже в рамках конкретного арбитражного процессуального правоотношения, которое складывается между истцом и арбитражным судом. Фактически возникновение арбитражных процессуальных правоотношений правообладателя с конкретным арбитражным судом поставлено в зависимость от начала реализации права на судебную защиту. Значение арбитражного суда как органа государственной

---

[1] См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 февраля 1980 г. по делу «Девеер (Deweer) против Бельгии» (жалоба № 6903/75). URL:// http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/(дата обращения 15.05.2012); Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 1998 г. по делу «F.E. против Франции». URL:// http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения 15.05.2012); Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева». URL: http: //base. Consultant.ru /cons/cgi/online.cgi?req= doc;base=LAW;n=117357 (дата обращения: 20.09.2011).

[2] Сахнова Т. В. Цивилистический процесс: миссия в меняющемся мире // Вестник гражданского процесса. 2013. № 1; Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

власти, наделенного функциями отправления правосудия, заключается в необходимости претерпевания действия субъективного процессуального права на инициирование судебной деятельности. Претерпевание действия субъективного процессуального права на стадии возбуждения производства по делу выражается в исполнении обязанностей, сформулированных в ст. 127–129 АПК РФ.

Таким образом, арбитражное процессуальное законодательство регламентирует реализацию права на инициирование судебного процесса, устанавливая основания, порядок и формы обращения в арбитражный суд первой инстанции.

Поэтому совокупность норм арбитражного процессуального права, регламентирующих порядок обращения в арбитражный суд, можно охарактеризовать как особый процессуальный институт, которому присущи нормы со следующими признаками:

1) составляющие специфический юридический состав (правообразующего характера);

2) устанавливающие условия осуществления права: субъективного характера; объективного характера (общие и специальные).

Процессуальные последствия реализации права на инициирование судебной деятельности означают возникновение судебной деятельности по осуществлению правосудия и вынесение в последующем судебного решения как результата этой деятельности.

Для данного института не имеет значения, какой судебный акт и какого содержания будет вынесен по делу. Имеется в виду, что производство по делу может быть окончено без его рассмотрения по существу – прекращено, оставлено без рассмотрения и будет ли удовлетворено материально-правовое требование в рамках данного дела.

Наличие права на инициирование судебной деятельности предположительно свидетельствует о действительных субъективных правах и обязанностях сторон в материальном правоотношении, о нарушении

субъективных прав и законных интересов, принадлежащих одной из сторон. Именно поэтому ст. 125 АПК РФ содержит указание на необходимость формирования требования к ответчику со ссылками на законы и иные нормативные правовые акты, а также обстоятельства, на которых основаны заявленные требования. Установление в последующем арбитражным судом в результате судебного разбирательства дела наличия права на защиту означает, что права или охраняемые законом интересы данного лица действительно нарушены и возникает необходимость в их защите и восстановлении.

В случае, когда лицо обращается в арбитражный суд с заявлением, судья должен проверить наличие у него лишь права на инициирование судебной деятельности. Вопросы, касающиеся права на защиту, могут быть решены только в результате исследования и оценки доказательств по делу в ходе судебного разбирательства.

Поэтому правовое регулирование данного института должно четко закреплять основания и порядок обращения в арбитражный суд. Например, ст. 125 и ст. 126 АПК РФ указывают на необходимость ссылаться на конкретные доказательства в подтверждение оснований своих требований и необходимость представления данных доказательств совместно с исковым заявлением. Такое правовое регулирование позволяет арбитражным судам достаточно широко трактовать данные нормы, что может привести к необоснованному вынесению определения об оставлении искового заявления без движения, а впоследствии и возвращению искового заявления[1]. И хотя ст. 129 АПК РФ указывает, что истец не лишается права на судебную защиту и в дальнейшем, после устранения оснований, послуживших возвращению искового заявления, может повторно обратиться в арбитражный суд, в

[1] См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 апреля 2012 г. по делу № А19-17219/2011. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/921fb30b-e2f6-4108-9552-fc27c9dc82e0 (дата обращения: 20.05.2012); Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19 апреля 2012 г. по делу № А78-9447/2011. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/e8bd748a-eab8-4574-8edf-53935848f4b0 (дата обращения: 20.05.2012).

действительности же в случаях, когда истекает срок исковой давности, требования не будут удовлетворены, так как возвращение искового заявления не прерывает течения срока исковой давности.

В научной литературе сформулировано мнение относительно того, что на стадии возбуждения производства по делу процессуальная деятельность субъектов доказывания должна быть нацелена только на установление наличия предпосылок и соблюдения порядка возбуждения производства по делу[1].

Это объясняется тем, что согласно требованиям ч. 2 ст. 65 АПК РФ обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, определяются арбитражным судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права.

Арбитражный суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, необходимые для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения дела и принятия законного и обоснованного судебного акта до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом (ч. 2 ст. 66 АПК РФ).

Как следует из разъяснений, изложенных в п. 17 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 65 от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству»[2], в процессе подготовки дела к судебному разбирательству судья определяет предмет доказывания, достаточность представленных доказательств и рассматривает ходатайства об истребовании доказательств от третьих лиц.

При определении того, какие факты, указанные сторонами, имеют юридическое значение для дела и существует ли необходимость в истребовании доказательств или представлении дополнительных

---

[1] См.: Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 8.

[2] URL: http: // base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW; n= 65498 (дата обращения: 23.05.2012).

доказательств, суд должен руководствоваться нормами права, регулирующими спорные правоотношения.

Если судья установит, что представленных доказательств недостаточно для подтверждения требований истца или возражений ответчика либо они не содержат иных необходимых данных, восполнить которые стороны не могут, он вправе предложить им представить дополнительные доказательства. Поэтому непредставление истцом доказательств в обоснование обстоятельств, на которых строятся исковые требования, на стадии принятия искового заявления к производству арбитражного суда не должно ограничивать право на судебную защиту, поскольку определение необходимости в представлении дополнительных доказательств является процессуальной обязанностью суда.

Институт возбуждения производства по делу должен решать как общие задачи арбитражного судопроизводства, сформулированные в ст. 2 АПК РФ, так и специальные, решение которых должно обеспечивать реализацию субъективного процессуального права и интереса правообладателя, а также и интересы правосудия. Однако нормы данного института, пресекая возможность неправомерного обращения в арбитражный суд, должны в полной мере обеспечивать правообладателям доступность правосудия в арбитражных судах.

Именно таким образом, по нашему мнению, будет поддерживаться баланс частных интересов и интересов правосудия. Целесообразность такого подхода обусловливается необходимостью снижения нагрузки на судебный аппарат, которая в свою очередь определенным образом влияет на повышение качества рассмотрения дел, находящихся в производстве суда.

Изложенное указывает на необходимость внесения изменений в ст. 126 АПК РФ, касающихся представления прилагаемых документов в части введения правила о возможности, а не об обязательности представления документов, подтверждающих обстоятельства, на которых истец основывает свои требования.

Право на изменение предмета или основания иска также подвергается определенным ограничениям, установленным ст. 49 АПК РФ в отношении сроков реализации возможности по изменению предмета или основания иска, а также в отношении формулировки исковых требований. Изменению подлежит или предмет, т.е. само требование, или фактические (правовые) обстоятельства, послужившие основанием для обращения в арбитражный суд.

В содержание права на доступность правосудия включается и такое субъективное процессуальное право, как *право на получение квалифицированной юридической помощи*, закрепленное ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. Данное право следует отнести к процессуальным гарантиям специального характера, т.е. изначально оно обладает обеспечительным характером и гарантирует надлежащее осуществление всех иных процессуальных прав, предоставленных арбитражным процессуальным законодательством.

В арбитражном процессе это право получило уточнение в ст. 59 АПК РФ, которое предоставляет возможность любому лицу, участвующему в деле, вести свои дела лично или через представителя, оказывающего квалифицированную юридическую помощь.

Особенности реализации данного права в сфере арбитражного судопроизводства заключаются в том, что лица, заинтересованные в получении юридической помощи, вправе самостоятельно решать вопрос как о необходимости привлечения в арбитражный процесс представителя, так и об оптимальных формах получения такой помощи (обращение к адвокату, иному лицу, оказывающему квалифицированные юридические услуги, либо принятие в штат юриста). АПК РФ не предусматривает и не делает каких-либо исключений по субъектному составу участников арбитражного судопроизводства в части обязательного участия представителя, а также и в отношении участия в каком-либо процессуальном производстве. Однако

следует указать, что в соответствии с п.1 ст. 14 МПГПП[1] каждый имеет право на равенство перед судом; «справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Равенство перед судом включает в себя и равный доступ к правосудию. Это означает следующее:

1) право на обращение в суд должно быть доступно всем индивидам, независимо от гражданства или отсутствия такового либо их статуса, будь то лица, ищущие убежище, беженцы, рабочие-мигранты, дети без сопровождения;

2) любые различия в отношении доступа к правосудию, которые не основаны на законе и не могут быть оправданы по объективным и разумным основаниям, запрещены;

3) государствам рекомендуется предоставлять бесплатную юридическую помощь по сложным административным делам[2].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, которую он сформулировал в своих постановлениях[3], обязанность государства гарантировать защиту прав и свобод, в том числе права на получение квалифицированной юридической помощи, не ограничивает законодателя в выборе путей выполнения данной обязанности. Корреспондирующая обязанность государства данному праву состоит в том, чтобы обеспечить надлежащие условия каждому субъекту для обращения за юридической помощью в целях защиты и отстаивания своих прав и законных интересов.

Именно поэтому государство предполагает введение института

---

[1] Международный пакт о гражданский и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // URL// http://www.un.org/ru /documents/decl_conv/conventions/pactpol (дата обращения: 15.06.2014).

[2] См.: Келин Вальтер. Административные процедуры // Сборник по материалам международного экспертного семинара на тему «Роль административной юстиции в защите прав человека» (г. Москва, 14–15 декабря 2009 г.). М., 2010. С. 140.

[3] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Агентство корпоративной безопасности” и гражданина В.В. Макеева». URL:http://www.echr.ru/documents/doc/12051675/12051675.htm (дата обращения: 15.09.2011).

профессионального юридического представительства, мотивируя это тем, что данный институт имеет важное значение для защиты прав в условиях действия принципа состязательности и либерального характера арбитражного процесса.

Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что отсутствие профессионального представительства в ряде случаев (прежде всего, речь идет о вышестоящих судебных инстанциях) делает право на справедливое судебное разбирательство теоретическим и иллюзорным[1].

Таким образом, общественные отношения по поводу оказания юридической помощи воплощают в себе публичный интерес. Это объясняется тем, что они находятся во взаимосвязи с реализацией соответствующими субъектами конституционной обязанности государства по обеспечению надлежащих гарантий доступа каждого к правовым услугам и возможности привлечения каждым лицом, заинтересованным в совершении юридически значимых действий, квалифицированных специалистов в области права. Поэтому даже в сфере арбитражного судопроизводства оказание юридических услуг имеет публично-правовое значение.

Публичные начала в природе отношений по оказанию юридической помощи обусловлены так же тем, что, возникая в связи с реализацией права на судебную защиту, они протекают во взаимосвязи с функционированием институтов судебной власти. Соответственно право на получение квалифицированной юридической помощи, выступая гарантией защиты прав, свобод и законных интересов, одновременно является одной из предпосылок надлежащего осуществления правосудия, обеспечивая его состязательный характер и равноправие сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

Право на получение квалифицированной юридической помощи гарантируется всем лицам, участвующим в деле, которые имеют

---

[1] См.: Справка по вопросам, касающимся возможных направлений и перспектив совершенствования института представительства в арбитражных судах. URL:http:// www.arbitr.ru/_upimg/5069A8DC3D214146C23E3F8AEBFE0E5E_sprav.pdf(дата обращения: 16.04.2013).

заинтересованность в его результате, включая и третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета споров.

Данное право охватывает своим содержанием возможность участника арбитражного судопроизводства взыскать судебные расходы, потраченные на услуги представителя в соответствии с правилами гл. 9 АПК РФ. Данные расходы должны быть разумными, т.е. то, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства[1].

Из системного толкования ч. 1 ст. 41, ч. 2 ст. 51, ст. 110, ч. 3 ст. 271 АПК РФ следует, что судебные расходы на оплату услуг представителя, понесенные третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, в том числе в связи с подачей апелляционной жалобы, могут быть также возмещены по правилам гл. 9 АПК РФ.

Однако истолкование и применение законоположений института судебных расходов, понесенных в связи с услугами представителя, напрямую не предусматривают критерия ограничений и запретов на определение размера оплаты юридических услуг, но в то же время юридические услуги должны быть действительно оказаны, размер оплаты не должен ставиться в зависимости от исхода дела, а также должен быть разумным и действительно понесенным. Это объясняется тем, что в арбитражном процессе функция правосудия отделена от функций спорящих сторон, и они никаким образом не могут влиять на принятие решения.

Конкретизирующим средством субъективного процессуального права на доступ к правосудию является *право на получение информации о судебном*

[1] П. 13. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2016.

разбирательстве.

Исходя из положений Европейского Суда данное право по своей природе является гарантирующим. Европейский Суд закрепил позицию, что право на справедливое и публичное судебное разбирательство было бы лишено его сущности, если бы сторона дела не была проинформирована о судебном заседании таким образом, чтобы иметь возможность явиться на него, если бы ею было принято решение воспользоваться правом участвовать в судебном заседании, гарантируемым национальным законодательством[1].

В арбитражном судопроизводстве институт судебных извещений претерпел наиболее существенные изменения за последние 4 года, которые в большей степени нацелены на установление баланса интересов арбитражного суда и субъектов арбитражного процесса в скором и эффективном осуществлении правосудия.

Четкая регламентация извещения о проведении судебного заседания или процессуально значимого действия с указанием сроков и порядка направления судебных извещений практически исключает нарушение иных основных процессуальных прав при добросовестном поведении участников арбитражного процесса.

Важность права на получение информации подчеркивается тем положением, что его нарушение служит основанием для отмены судебного акта.

В части 1 статьи 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[2] говорится, что тексты судебных актов, за исключением приговоров, размещаются в сети Интернет после их принятия.

При этом следует иметь в виду, что согласно п. 4 ст. 1 названного Закона под судебным актом понимается решение, вынесенное в

---

[1] См.: § 21 Постановления Европейского Суда по делу «Яковлев против Российской Федерации».

[2] Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6217.

установленной соответствующим законом форме по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления конституционного, гражданского, административного или уголовного судопроизводства либо производства в арбитражном суде. К судебным актам относятся также решения судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, вынесенные в установленной соответствующим законом форме по результатам рассмотрения апелляционных или кассационных жалоб (представлений) либо пересмотра решений суда в порядке надзора.

Исходя из буквального, системного толкования вышеуказанного Закона арбитражный суд наделен обязанностью размещать все судебные акты в сети Интернет, за исключением протокольных определений[1].

Таким образом, конкретизация представляет собой преобразовательный способ перевода абстрактного содержания норм, закрепляющих субъективное процессуальное право, на уровень, позволяющий реализовать возможности, входящие в содержание субъективного процессуального права.

Поэтому сущность законодательной конкретизации состоит в преобразовании норм, закрепляющих в международных актах стандарты осуществления правосудия, и норм Конституции РФ, определяющих основы отправления правосудия в Российской Федерации, в нормы отраслевого процессуального законодательства. Результат правоконкретизации – установление конкретных возможностей субъекта, вовлеченного в сферу правосудия по достижению цели своего участия в судебном разбирательстве.

Однако следует отметить, что правотворческая конкретизация не может в полном объеме удовлетворить потребность в конкретизации субъективных процессуальных прав в той степени, которая необходима для

---

[1] См.: Протокол заседания рабочей группы Федерального арбитражного суда Уральского округа по обсуждению вопросов, возникающих в практике применения АПК РФ, от 15 июня 2012 г. № 2. - URL://http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR;n=134518;div=LAW; mb=LAW;opt=1;ts=DB7DE7258A263036103A2069169ECDB0;rnd=0.9560229457605643 (дата обращения: 12.05.2012).

их непосредственного осуществления.

В таких ситуациях необходима конкретизация в процессе правоприменения, которая обусловлена деятельностью органов судебной власти по завершению создания модели процессуального поведения, т.е. индивидуального юридического предписания.

Здесь следует обратить внимание на тот аспект, что «нельзя конкретизировать какие-либо правила путем их применения к конкретному лицу»[1]. Это объясняется тем, что индивидуализация норм не может рассматриваться в качестве конкретизации, так как в этом случае она будет отождествляться с правоприменением.

Индивидуальное поведение, т.е. модель процессуального поведения, формируется в процессе правоприменения, а конкретизации подвергается каждый из элементов юридической нормы, закрепляющей процессуальное поведение.

Например, при конкретизации гипотезы нормы происходит индивидуализация прав и обязанностей субъектов конкретного процессуального правоотношения. Поэтому конкретизация в процессе правоприменения представляет собой способ, который позволяет довести содержание исходной процессуальной нормы, закрепляющей процессуальное право, до максимальной конкретности в индивидуальные правила поведения.

Как следствие итоги и результаты конкретизации в процессе правоприменения могут быть обличены не в форму индивидуального акта правоприменения, а в форму актов высших судебных органов, которые устанавливают конкретное правило процессуального поведения общего характера, формулируемое правоприменителем в целях обеспечения реализации нормы, закрепляющей процессуальное право.

В этом смысле конкретизация соотносит общую норму с конкретизируемой как общее и особенное, устанавливая, что исходный объем субъективного процессуального права предопределяет содержание

[1] См.: Пиголкин А.С. Указ. соч. С. 58.

особенного, который содержит ряд отличительных признаков. Результаты правоприменительной конкретизации получили название «правоконкретизирующие положения»[1]. Фактически они представляют собой сформулированные правоприменителем правила процессуального поведения общего характера, которые конкретизируют содержание применяемой нормы права, устанавливающей субъективное процессуальное право. Формальная обязательность правоконкретизирующих положений исчерпывается однократным применением.

Примером такого правоконкретизирующего положения можно назвать Определение Судебной коллегии по экономическим спорам[2]. Конкретизируя понятие «существенное нарушение норм процессуального права», ч. 2 ст. 291.11 АПК РФ устанавливает, что таковым является ненадлежащее извещение третьих лиц, участвующих в деле, даже в случаях, когда они заявляли ходатайство об исключении их из числа лиц, участвующих в деле, так как процессуальный закон не предусматривает такой возможности. Так по общему правовому смыслу норм о судебных извещениях, суд должен гарантировать участие в судебном процессе лиц, привлеченных в судебное разбирательство, путем извещения о всех процессуальных действиях (ч. 3 ст. 9 АПК РФ, ч. 1 ст. 41 АПК РФ, ч. 2 ст. 78 АПК РФ, ч. 1 ст. 123 АПК РФ).

Отказ от осуществления права на представление вопросов, которые должны быть разъяснены при проведении экспертизы, влечет принятие решения не в пользу этой стороны (п. 2 ст. 9, ст. 65, ст. 168 АПК РФ), так как рассматривается судом как непредставление в суд доказательств,

---

[1] См.: Ткачева С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 14; Швырев В.С. К анализу категорий теоретического и эмпирического в научном познании // Вопросы философии. 1975. № 2. С. 3–14; Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988. С. 34.

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 21.01. 2015 г. по делу № 308-ЭС14-2538 URL://http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70754968/ (дата обращения: 14.04.2015).

отвечающих требованиям процессуального закона[1] и тем самым придается большая определенность смыслу выше указанных статей.

В приведенных примерах, уточняя смысл правовой нормы для конкретной ситуации, судом вносится ясность в смысл применяемой нормы.

Осознание права напрямую зависит и от субъекта правоприменительной деятельности. В этом смысле право в процессе интерпретационной деятельности вбирает в себя черты, свойственные мировоззренческой позиции человека с его идеалами, уровнем образования, нравственными принципами, существующими на данном этапе развития общества. Такую зависимость ученые объясняют тем фактом, что в процессе самым непосредственным образом задействовано сознание человека[2]. Это свойство характерно и для конкретизации субъективных процессуальных прав, происходящей в процессе правоприменения. Однако оно проявляется не просто в субъективном мнении о праве, а представляет собой фрагмент действительности, отражающий потребности юридической практики.

В этом аспекте правоприменительная конкретизация направлена на обеспечение наиболее определенного, детального применения правовых предписаний, т.е. весь процесс представляется в виде движения от абстрактного к конкретному. Правоприменительная конкретизация предполагает выявление не только структурной конкретизации субъективного процессуального права как внешнее его выражение, но и определение его сущности, а тем самым способов и методов его осуществления. Данный процесс предполагает удаление от абстрактной нормы, закрепляющей субъективное процессуальное право, которое по своей сути содержит известные моменты обобщенности, абстрагирования от тех или иных индивидуальных особенностей регулируемых общественных

---

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 16.01.2015 г. по делу № 302-ЭС14-7478. URL://http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n= 415498 (дата обращения: 14.04.2015).

[2] См.: Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М., 2011. С. 127.

отношений[1].

В общей теории права в содержание правоприменительной конкретизации включается весь процесс уточнения, детализации правовых нормативных предписаний в зависимости от конкретных фактических обстоятельств с целью наиболее оптимального, целесообразного, правильного применения права[2].

Правоприменительная конкретизация, так же как и законодательная, обладает свойством нормативности. Так, Н.Б. Зейдер, анализируя деятельность суда по рассмотрению гражданских дел, определял конкретизацию как придание праву максимальной определенности в процессе правоприменительной деятельности[3].

Несомненно, следует согласиться с тем посылом, что правоприменительная конкретизация обладает признаком нормативности, но в этом случае обязательность такой конкретизации необходимо признавать только за актами высших судов, за которыми признано официальное толкование применения норм права. К данным актам следует отнести постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ[4]. Последние по отдельным вопросам судебной практики действуют до момента принятия по данным вопросам Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Постановления высших судебных инстанций устраняют правовую неопределенность в ходе правоприменения, в том числе и путем конкретизации, так как рассматриваются в качестве совокупности правил

---

[1] См.: Алексеев С.С. Общая теория права : учебник : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 33.

[2] См.: Вопленко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 171.

[3] См.: Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 46-47.

[4] Разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными суда, данные Пленумом ВАС РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующего решения Пленума ВС РФ (ч. 1 ст. 3 О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» : Федеральный конституционный закон от 4 июня 2014 г. № 8-ФКЗ). URL://http://www.pravo.gov.ru, 04.06.2014. (дата обращения: 08.08.2014).

общего характера[1]. В этом случае конкретизация представляет собой средство интерпретации содержания процессуального права. Таким образом, происходит приближение к индивидуальному правовому регулированию.

Конкретизация субъективного процессуального права как нормативная, так и правоприменительная, должна проводиться по нескольким направлениями – указанием на предметную характеристику, субъектную и временную. Так, конкретизация предметной характеристики субъективного процессуального права предполагает указание на сферу поведенческой активности правообладателя, т.е. содержание процессуального права, определяя вид и меру конкретного права.

В.В. Лазарев считает, что наличное субъективное право подразумевает заранее известный круг деяний, допустимых для лица на его основе, и соответственно невозможность совершения любых иных действий в рамках того же права[2]. Так, истец, имея право на изменение предмета иска, не может обратиться одновременно с требованием об изменении основания иска.

Значение несоблюдения предметных границ при осуществлении субъективного процессуального права заключается в том, что правообладатель действует без права. Поэтому поведение участника процесса, вышедшего за границы предмета своих возможностей, не должно рассматриваться арбитражным судом как злоупотребление процессуальным правом, а такое процессуальное поведение просто не имеет правового эффекта, так как не основывается на субъективном процессуальном праве, и, как следствие, отсутствуют основания для удовлетворения подобного требования.

Предметная характеристика включает в себя и форму осуществления процессуального права, которую определяет закон. Например, АПК РФ не

---

[1] См.: Габов А. В. Иски по делам, возникающим из вексельных отношений (о взыскании вексельного долга) // Комментарий судебной практики. Выпуск 19. М., 2014. С. 18.

[2] Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 148.

предусматривает подачи в электронном виде ходатайства о зачете госпошлины. Поэтому такое ходатайство может быть подано в суд только на бумажном носителе[1].

Конкретизация субъективных характеристик процессуальных прав затрагивает процессуально-правовой статус участника, обладающего правом, который в той или иной мере влияет на использование правомочий. Процессуально-правовой статус участника процесса определяется конкретно-определенным набором субъективных процессуальных прав и обязанностей, которые позволяют осуществлять процессуальную деятельность. К компонентам процессуально-правового статуса следует отнести: арбитражную процессуальную правосубъектность, вид защищаемого интереса, процессуальные права и обязанности.

Содержание арбитражной процессуальной правосубъектности не охватывает конкретные субъективные процессуальные права и обязанности, а включает только способность быть их носителем, а также служит предпосылкой к их возникновению у конкретного лица.

Наличие процессуальных прав у определенного субъекта еще не означает возможность их самостоятельных осуществлений, например, в случаях с субъектами, интересы которых представляют законные представители. Здесь самостоятельность их участия в арбитражном процессе определяется в соответствии с процессуальным законом, который наделяет их такими же процессуальными правами и обязанностями. Однако в отношении этих лиц предусматриваются конкретные меры для того, чтобы в процессе реализации они (процессуальные права) были представлены другими лицами, способными к конструктивному решению в выборе определенных юридических действий в интересах указанных субъектов.

---

[1] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» - URL: //www.arbitr.ru (дата обращения:15.03.2011).

Таким образом, «право не терпит отсутствия юридически значимой воли у субъекта, оно восполняет его волей другого лица, отвечающей разумным и общепринятым требованиям»[1].

Арбитражная процессуальная правосубъектность, указывая потенциального субъекта права, позволяет путем распределения элементов (правоспособности и дееспособности) между субъектом права и его законным представителем установить юридически значимую волю лица – субъекта права, т.е. правоспособность недееспособного лица дополняется дееспособностью другого лица – законного представителя, который и осуществляет процессуальные права, принадлежащие представляемому.

Временные характеристики осуществления субъективного права представляют собой средства целенаправленного регулирования процессуальной деятельности. Существование процессуальных прав и обязанностей во времени представляет собой средство юридического воздействия на процессуальное поведение участников арбитражного судопроизводства. Воздействие в этом значении следует понимать в качестве ограничения активности правообладателя. Затруднение вызывает осознание правовых последствий истечения различного вида сроков в зависимости от их назначения (порождающих процессуальные права, установленные для осуществления процессуальных прав и исполнения обязанностей, сроков для защиты).

Сроки существования процессуального права не связаны непосредственно со сроками реализации процессуальных прав, но в то же время указывают на временной отрезок, в котором процессуальные права могут быть осуществлены. Например, право истца на выбор подсудности существует до момента предъявления иска; право на изменение предмета или основания иска, увеличения или уменьшения размера исковых требований – до принятия судебного акта, которым рассматривается дело по существу в

---

[1] См.: Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968. С. 34.

арбитражном суде первой инстанции.

Вывод по параграфу:

В параграфе определено, что субъективные процессуальные права могут уточняться через ту или иную совокупность конкретизирующих правомочий и их взаимосвязи. Различные права, а также объем реализации зависят от процессуально-правового статуса лица, участвующего в деле, который во многом определяется формой защищаемого интереса (личный, публичный).

Для уточнения и развития содержательных признаков арбитражное процессуальное законодательство конкретизирует их путем увеличения объема субъективных процессуальных прав, которые действуют в более узкой сфере, но точнее определяют процессуальные действия участников арбитражного судопроизводства, необходимые для достижения определенного результата. Цель конкретизации субъективных процессуальных прав состоит в уточнении либо раскрытии их содержательного объема, т.е. детальности изложения, позволяющей судить о его содержательно предельной исчерпанности.

Таким образом, конкретизация процессуальных прав должна осуществляться с соблюдением экстенсионального предела, т.е. должна четко фиксировать признаки процессуального поведения и обстоятельств их осуществления, предельно точно определяя адресата, а также меры ответственности.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что в процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон конкретизация способствует максимальной определенности субъективных процессуальных.

Определенность устанавливается путем уточнения экстенсионального (фактического объема возможностей, заложенных в субъективном процессуальном праве) и интенсионального (потенциального содержания возможностей, заложенных в субъективном процессуальном праве) пределов, что обеспечивает соответствие целей и задач правореализационного

процесса, а также ограничивает дискреционность процессуального поведения сторон в ходе судебного разбирательства.

§ 2. Пределы реализации прав сторон в системе процессуальных гарантий

Процессуально-правовое обеспечение реализации субъективных процессуальных прав сторон связано с закрепленными в законе пределами правомерного поведения субъектов арбитражного судопроизводства, устанавливающими границы процессуального поведения по реализации возможностей, определенных субъективным процессуальным правом.

Корректировка границ процессуального поведения производится путем законодательно закрепленной системы стимулов и ограничений. Данная система процессуально-правовых средств ориентирует поведение правообладателя в необходимом направлении, так как их установление опосредует социальное назначение и цели осуществления субъективного процессуального права.

Роль ограничений выполняют нормы арбитражного процессуального законодательства, которые представляют собой средства регулирования связей посредством определения границ юридически допустимого поведения субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, т.е. пределы ограничения.

Пределы ограничения свободы могут пониматься по-разному. Если рассматривать свободу поведения правообладателя и пределы ее ограничения с точки зрения естественно-правовой доктрины, то они выражают субъективные пределы, служащие отражением состояния личности через призму возможности определения ее поведения по собственному усмотрению. Данный аспект соотносится с правосознанием и общим уровнем правовой культуры, он взаимосвязан с добросовестным поведением участника арбитражного судопроизводства в период судебного

разбирательства, так как влияет на мотивы, цели и выбор средств реализации предоставленного права. Это положение получило свое закрепление в нормах арбитражного процессуального закона, а именно в ч. 2 ст. 41 АПК РФ, указывающей на необходимость добросовестного использования процессуальных прав.

Позитивно-правовое понимание свободы выражается в качестве меры допустимого законодательством поведения субъекта, образующей содержание субъективного процессуального права. Данный аспект указывает на объективные пределы ограничения свободы субъекта арбитражного процессуального правоотношения. В этом смысле свобода представляется в виде возможности осуществления предоставленных прав с учетом исключения нанесения вреда другому участнику арбитражного процесса, т.е. исключения нарушений прав других лиц, в том числе и путем злоупотребления процессуальными правами (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, подп. 2 ч. 1 ст. 41 АПК РФ).

Изложенные пределы отражают правовой критерий соотношения частных и публичных интересов и представляют собой границы субъективного процессуального права и рамки правомочий имманентных пределов.

Согласно воззрению В.С. Соловьева определенные критерии, сложившиеся на основе существующих социальных ценностей общества, очерчивают границы пользования предоставленными правами в пределах действующего законодательства[1]. Область процессуального права, будучи достаточно формализованной, гарантирует стороне широкую сферу правового поведения в судебном разбирательстве в целях отстаивания своих интересов в судебной защите, но ограничивает его антиправовые интересы путем указания на правомерные способы и формы осуществления процессуальных прав. Поэтому необходимо уточнить определенные смысловые различия между процессуально-правовыми средствами,

[1] См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М., 1996. С. 331.

устанавливающими пределы реализации субъективных процессуальных прав, и правовыми средствами, ограничивающими субъективные процессуальные права.

Конструктивной позицией по данному вопросу представляется взгляд Б.С. Эбзеева, который поясняет, что под пределами прав следует понимать границы признаваемой и защищаемой свободы индивида, а под ограничениями – допускаемые изъятия из статуса или из круга полномочий, составляющих нормативное содержание прав либо уменьшение объема благ, причитающихся обладателю права[1].

Объем и характер ограничений зависят от специфики правовых отношений. В этом смысле ограничения, которые устанавливаются нормами права, функционируют в диспозитивной сфере, стремятся минимизироваться и, как правило, в таких отношениях максимизирован уровень свободы. Нормы процессуального права, регулируя деятельность арбитражного суда и иных участников судопроизводства в период судебного разбирательства, функционируют в сфере, которая в большей части императивна. Как следствие ограничения в арбитражном процессуальном праве предопределены публичным интересом в его публично-субъективном аспекте. Поэтому их следует рассматривать как процессуально-правовые средства, выполняющие роль преодоления конфликта частных и публичных интересов, основной функцией которых является гармонизация интересов участников арбитражного судопроизводства и интересов правосудия.

В силу этого следует разделять понятия «пределы» и «ограничения» субъективных процессуальных прав, которые различаются по своей сути. Если пределы субъективных процессуальных прав гарантируют возможность их реализации в гармоничном соотношении с правами других участников

---

[1] Подробнее об этом см.: Круглый стол по теме «Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву» // Государство и право. 1998. № 7. С. 24.

арбитражного процесса, то ограничения отражают характер взаимоотношений сторон и арбитражного суда как представителя государства. Этим корректируется поведение правообладателя в направлении удовлетворения публичного интереса, т.е. интереса правосудия, а «ограничения представляют собой исключение определенных возможностей в деятельности лиц»[1].

Юридико-техническое выражение пределов и ограничений в нормативном материале также различно. Пределы реализации субъективного процессуального права, как правило, устанавливаются управомочивающими или запрещающими нормами, так как именно они предоставляют правообладателю возможность свободного выбора в отношении его использования. Иными словами, стороне предоставляется самостоятельность принятия решения о возможности реализации процессуального права и выборе средств и способов, с помощью которых он может это сделать. Например, при реализации права на инициирование судебной деятельности истцу предлагается несколько вариантов подачи искового заявления, из которых он может выбрать наиболее оптимальный, с его точки зрения, способ обращения в арбитражный суд: отправить исковое заявление по почте, предъявить его в канцелярию суда либо использовать электронную систему подачи заявлений.

Обязывающие нормы указывают на необходимость отправки копии искового заявления иным участникам процесса в целях исключения действий, которые ограничивают права иных участников судопроизводства, например, права на получение информации о начавшемся в отношении них судебном разбирательстве. В результате достигается цель предотвращения возможного нежелательного процессуального поведения субъекта-правообладателя путем сдерживания реализации антиобщественных интересов[2].

---

[1] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2005. С. 91.
[2] См.: Малько А.В. Указ. соч. С. 61.

Ограничения субъективных процессуальных прав устанавливаются обязывающими процессуально-правовыми нормами. Как следствие основой их содержания служат не субъективные процессуальные права правообладателя, а его активные или пассивные обязательства. В случае с обязывающими нормами при подаче искового заявления истец обязан оплатить государственную пошлину за обращение в арбитражный суд, выполнить условия, на которые указывают нормы института подсудности и другие меры.

Однако, исходя из методологии доктрины оптимума[1], именно определенные субъективным процессуальным правом пределы очерчивают рамки, в которых государство в лице законодателя может устанавливать ограничения прав, и именно таким образом корректируется поведение субъектов арбитражного процесса в направлении удовлетворения как собственно своих частных интересов, так и интересов правосудия. В целях недопущения данной конкуренции пределы субъективных процессуальных прав должны устанавливать адекватный (соразмерный, разумный, пропорциональный) баланс интересов. Это позволит каждому субъекту удовлетворить свой интерес, пользуясь правовой защитой[2].

В контексте вышеизложенного следует согласиться с мнением Е.В. Вавилина, который подчеркивает самостоятельность механизма реализации субъективного права относительно механизма исполнения обязанности. Самостоятельность данных явлений проецируется от субъективного права, которое позволяет выделять данные механизмы как автономные правовые категории[3].

Поэтому для выявления пределов субъективного процессуального

---

[1] См.: Ягафаров Д., Ягофарова И. Три концепции соотношения государства и личности в контексте проблемы прав человека // Академический юридический журнал. Иркутск, 2001. № 3. С. 16–21.

[2] См.: Лерхе П. Пределы основных прав // Государственное право Германии. Т. 2. М., 1994. С. 234–240.

[3] См.: Вавилин Е.В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 8–9.

права необходимо выяснить следующие вопросы: способ, порядок и возможные сроки его осуществления. В соответствии с этим к процессуальным гарантиям следует отнести процессуально-правовые средства, имеющие закрепление в арбитражном процессуальном законодательстве и устанавливающие объективные пределы реализации, такие как: принципы арбитражного процесса; юридические обязанности арбитражного суда как субъекта конкретного арбитражно-процессуального правоотношения; процессуальные юридические факты (юридические составы).

В свою очередь, процессуальные гарантии можно подразделить на подгруппы в зависимости от функций, которые они выполняют в правовом регулировании. В связи с этим выделяются:

– процессуальные гарантии, по своей природе предназначенные для обеспечения осуществления субъективных процессуальных прав. Данные процессуально-правовые средства выражены в арбитражном процессуальном законодательстве в виде отельных самостоятельных положений;

– процессуальные гарантии, содействующие осуществлению субъективных процессуальных прав своей определенной характеристикой. Например, процессуальные юридические факты;

– процессуальные гарантии, повышающие позитивную активность субъектов арбитражного процесса, создавая благоприятные условия для осуществления субъективных процессуальных прав.

В арбитражном процессуальном законодательстве в качестве таких процессуально-правовых средств выступают средства стимулирующего характера, т.е. субъективные процессуальные права, законные интересы, процессуальные льготы и т.д.

Таким образом, на пределы реализации субъективных процессуальных прав сторон влияют факторы как объективного характера, так и субъективного характера.

Объективные факторы, влияющие на реализацию субъективных

процессуальных прав, закрепляются процессуально-правовыми средствами, которые гарантируют правомерность действий правообладателя и указывают на общие условия, создающие среду их функционирования, т.е. на процессуально-правовой режим.

Субъективные факторы, влияющие на реализацию субъективных процессуальных прав, закрепляются процессуально-правовыми средствами, которые обладают информационно-целенаправленным воздействием на поведение участника судопроизводства. Такими процессуально-правовыми средствами будут выступать только средства, побуждающие правообладателя к действиям, нацеленным на выбор правомерного процесса реализации субъективного процессуального права, т.е. средства положительной мотивации.

Например, мотивом к правомерному поведению в процессе будут служить нормы (ч. 3 ст. 6^1 АПК РФ), указывающие, что данные о правомерности поведения являются предметом оценки при определении разумности срока судопроизводства. Правомерность поведения не связывается с использованием процессуальных средств, предусмотренных законодательством для осуществления защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в частности за изменение заявленных в суд требований, изучение материалов дела, заявление ходатайств, обжалование вынесенных судебных актов[1].

При разрешении вопроса о присуждении компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства арбитражная практика исходит не столько из того, какое процессуальное средство использовалось, а в какой форме производилось его осуществление. Например, неоднократность изменения и дополнения к иску, предъявления встречного иска, неявка заявителя без указания причин в судебное заседание и представления

[1] П. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, май, 2016.

доказательств, подтверждающих уважительность неявки указанием причин, обращением в инстанцию по пересмотру без соблюдения установленного АПК РФ порядка обжалования[1].

На наш взгляд, норму п. 9 ст. 148 АПК РФ следует отнести к средствам позитивного обязывания, так как она выполняет функции информационно-целенаправленного воздействия. Ее действие нацелено на то, чтобы сформировать побудительные мотивы у участника судопроизводства на поведение, которое исключает злонамеренность неявки в судебное заседание и таким образом обеспечивает действия правообладателя в интересах реализации субъективного процессуального права. Психологической основой побудительного мотива в данном случае будет являться момент избегания неблагоприятных последствий в виде оставления искового заявления без рассмотрения.

В случае, когда истец не совершает действий, указанных в п. 9 ст. 148 АПК РФ, т.е. повторно не является в судебное заседание и не представляет ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие либо об отложении судебного разбирательства, то это свидетельствует о потере интереса истца к судебной защите. В данной ситуации проявляется свойство правовых стимулов, которое заключается в том, что по своему внешнему воздействию на поведение субъекта средства позитивного обязывания не могут до конца определять целенаправленное поведение субъекта, они лишь влияют на мотивы путем «переключения» его интересов.

Побудительным мотивом служит и норма ч. 5 ст. 159 АПК РФ, которая указывает на необходимость своевременного обращения в арбитражный суд с соответствующим ходатайством, так как арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие

---

[1] См.: Решение Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20 августа 2010 г. № Ф09-3652/07-7/10 по делу № А60-12204/2006-С7 - URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR;n=107865;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=3DC9C3AF4EDC3032CFA7EE2FA61902E4; rnd=0.7771 46751061 0819 (дата обращения: 23.04.2012).

злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, за исключением случая, если заявитель не имел возможности подать такое заявление или такое ходатайство ранее по объективным причинам. В совокупностью с нормами п. 8 ч. 2 ст. 125, ч. 7 ст. 126, п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, устанавливающими обязательность выполнения досудебного порядка урегулирования спора, который в судебной практике рассматривается в качестве способа, позволяющего добровольно, без дополнительных расходов на уплату госпошлины со значительным сокращением времени восстановить нарушенные права и законные интересы, арбитражный суд может отказать в удовлетворении ходатайства об оставлении иска без рассмотрения, если из поведения ответчика не усматривается намерение добровольно и оперативно урегулировать возникший спор во внесудебном порядке. Оставление иска без рассмотрения может привести к необоснованному затягиванию разрешения возникшего спора и ущемлению прав одной из его сторон[1].

В арбитражном процессе стороны обладают диспозитивным процессуальным правом на присутствие в судебном заседании. Данным правом они могут распоряжаться по своему усмотрению. Однако субъективное процессуальное право предполагает, что основным правомочием является правомочие на активные действия правообладателя. Это положение закон связывает с добросовестностью его осуществления в форме явки на все судебные заседания с целью защиты требований и возражений, сформулированных в исковом заявлении или отзыве на него.

Здесь могут быть исключения из общего правила, которые указывают, что в случае определенных обстоятельств истец как инициатор судебного разбирательства в арбитражном суде может и не являться в судебное

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 г. – URL : http: // static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_130116.pdf (дата обращения:15.01.2016).

заседание, но в целях доведения судебного процесса до своего логического конца он обязан показать свое намерение. Поэтому закон указывает, что процессуальное право будет реализовано, но без его (истца) активного участия в судебном заседании. В этом случае осуществление права должно быть облечено в процессуальную форму: правообладатель должен заявить ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие либо при наличии определенных обстоятельств сторона должна заявить ходатайство об отложении судебного разбирательства с указанием причины невозможности его участия в судебном заседании. Побудительным мотивом в данном случае будет являться желание избежать неблагоприятных последствий в виде оставления заявления без рассмотрения (ст. 148 АПК РФ).

К процессуальным средствам, которые в той или иной степени влияют на волю субъекта в арбитражном судопроизводстве и направляют его в сторону правомерной реализации субъективных процессуальных прав, можно отнести и такие правовые средства, как процессуальные преимущества (процессуальные поощрения и процессуальные льготы) и процессуальные исключения.

Правовые льготы, создавая наиболее благоприятный режим для осуществления инициативной деятельности субъектов, повышают уровень их позитивной ответственности и представляют собой достаточно распространенное юридическое средство[1].

Исходя из этимологии слова «льгота», т.е. предоставление кому-либо преимуществ, частичное освобождение от выполнения установленных правил, обязанностей или облегчение условий их выполнения[2], в общей теории права понятие «льгота» рассматривают в соотношении с категорией «правовые стимулы». Повышение позитивной ответственности происходит за счет того, что льготы обладают не только компенсационным значением, но

---

[1] См.: Морозова И.С. Льготы в российском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 9.

[2] См.: Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М., 1985. С. 731.

также стимулирующим и гарантирующим значениями.

Рассматривая правовые льготы в том ракурсе, как они понимаются правовой наукой, правомерное облегчение положения субъекта[1] – это предоставленные дополнительные права, освобождение от определенных обязанностей, изъятия, исключения из единых требований нормативного характера, а также и особые права, так называемые преимущества или привилегии[2].

В области процессуального права льготы представляют собой преимущества организационно-процедурного характера.

Процессуальные льготы, являясь разновидностью правовых льгот отраслевого характера, обладают свойством, способствующим наиболее полному удовлетворению интересов и потребностей субъектов, позволяющим наиболее гибко, дифференцированно подходить к вопросам регулирования общественных отношений. Таким образом, они представляют собой средство создания режима наибольшего благоприятствования, который для сторон арбитражного процесса имеет компенсационное, стимулирующее либо гарантирующее значение с учетом специфических особенностей каждого конкретного случая. Тем самым процессуальные льготы расширяют круг процессуальных прав, так как предоставляют дополнительную возможность для реализации интереса, и в этом случае они становятся элементом процессуально-правового статуса.

Процессуальные льготы характеризуются более полным удовлетворением потребностей индивидов, позволяя согласовывать существующие в обществе интересы и выступая разновидностью правовых стимулов, побуждающих субъекта к более высокому уровню активности правомерного поведения[3].

---

[1] См.: Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В Малько. М., 2001. С. 747.

[2] См.: Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. С. 111; Морозова И.С. Указ. соч. С. 12.

[3] См.: Морозова И.С. Указ. соч. С. 7–8.

Например, судопроизводство в арбитражных судах ведется на государственном русском языке, но лица, которые не владеют им в полной мере, имеют возможность, представляющую собой исключения из общего правила, установленные ч. 2 ст. 12 АПК РФ, выступать в арбитражных судах на родном языке и пользоваться услугами переводчика. Таким образом, законодательство создает режим наибольшего благоприятствования для лиц, не обладающих необходимым уровнем знаний государственного языка, для реализации предоставленных субъективных процессуальных прав.

Процессуальная льгота представляет собой не только институт регулирования общественных отношений, но и является одним из элементов специального процессуально-правового статуса[1], что ее и отличает от других средств стимулирующего характера.

Таким образом, процессуальные льготы выполняют правостимулирующую функцию, которая побуждает к активному правомерному поведению путем формирования положительной правовой мотивации.

В связи с этим можно выделить следующие признаки процессуально-правовых льгот:

– способствуют наиболее полному удовлетворению законных интересов участников судопроизводства;

– представляют собой исключение из общих правил;

– в совокупности изменяют объем процессуальных прав специфическими возможностями правового характера;

– закрепляются в нормах арбитражного процессуального законодательства.

В общей теории права к процессуально-правовым средствам стимулирующего характера с определенной правовой конструкцией

[1] См.: Репьев А. Г. Правовые преимущества и законодательные исключения // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 4. С. 395–396.

относятся поощрения[1].

В науке сформировалась точка зрения, которая раскрывает социальное назначение поощрений. Такое назначение состоит в стимулировании поведения (деятельности), которое, не будучи юридически обязательным, является социально желательным и общественно полезным[2]. Сказанное позволяет заключить, что правовые поощрения выступают в форме юридического одобрения добровольного заслуженного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия[3].

К поощрениям, закрепленным в нормах АПК РФ можно причислить положения, устанавливающие распределение судебных расходов при заключении мирового соглашения. При заключении мирового соглашения, соглашения о примирении судебные издержки распределяются в соответствии с его условиями. В том случае, если в мировом соглашении, соглашении о примирении стороны не предусмотрели условия о распределении судебных издержек, суд разрешает данный вопрос с учетом следующего. Заключение мирового соглашения, соглашения о примирении обусловлено взаимными уступками сторон, и прекращение производства по делу ввиду данного обстоятельства само по себе не свидетельствует о принятии судебного акта в пользу одной из сторон спора. Поэтому судебные издержки, понесенные сторонами в ходе рассмотрения дела до заключения ими мирового соглашения, соглашения о примирении, относятся на них и распределению не подлежат.

Однако, как отмечается некоторыми учеными, преимущества могут (а в ряде случаев и должны) сопровождаться исключениями из них[4]. Это

---

[1] См.: Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 149.

[2] См.: Боброва Н.А. Указ. соч. С. 111–112.

[3] См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В Малько. С. 755.

[4] См.: Суменков С. Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ: монография / под ред. А. В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 188-189.

положение в полной мере применимо и к арбитражному процессуальному регулированию. Так выше приведенный пример о распределении судебных расходов при заключении мирового соглашения, содержит исключение о том, что судебные издержки, понесенные судом в связи с рассмотрением дела за счет средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации и денежные суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам, распределяются судом, в том числе по его инициативе, между сторонами поровну посредством вынесения определения.

Данной нормой поощряется активность стороны, которая инициативно указывает на нарушение досудебного порядка урегулирования спора. В случае неиспользования конструкции перераспределение судебных расходов по инициативе суда не будет произведено, так как данные действия не охватываются процессуальной функцией. Арбитражное процессуальное законодательство поощряет такие позитивные действия, которые являются обоюдовыгодными как для участника процесса, так и для правосудия. Сторона получает имущественную выгоду в виде судебных расходов по делу, даже в случае проигрыша процесса, а правосудие реализует превентивную функцию и таким образом решается задача, стоящая перед арбитражными судами, установленная в ст. 2 АПК РФ.

В связи с этим можно выделить следующие признаки, характеризующие поощрения:

всегда связаны с позитивными действиями, которые получают юридическое одобрение;

взаимовыгодность добровольности процессуальных действий для поощряемого субъекта и в целом для осуществления правосудия.

Поэтому верно определение, что поощрения всегда связаны с правомерным поведением, т.е. с заслугой – общепризнанным добросовестным правомерным поступком, «сверхисполнением» субъектом своих обязанностей либо достижением им общепризнанного полезного

результата и выступающего основанием для применения поощрения[1].

К средствам стимулирующего характера, формирующим правомерное поведение, относят и исключения, которые не являются по своей природе элементом правового статуса, а выступают юридическим средством регламентации нестандартных общественных отношений за счет создания альтернативного правилу варианта поведения, путем соответствующих приемов юридической техники — «за исключением», «кроме», «помимо» и т. д.[2].

Анализ действующего арбитражного процессуального законодательства позволяет сделать выводы, что к исключениям следует отнести такие нормативные изъятия, как: правовые презумпции (ст. 69, 70 АПК РФ); перераспределение бремени по доказыванию (ч. 1 ст. 65 и ч. 3 ст. 189 АПК РФ); правовые фикции (ст. 123 АПК РФ).

Следует отметить, что закрепление в механизме арбитражного процессуального регулирования процессуально-правовых средств, стимулирующих к правомерной деятельности на уровне субъективного восприятия нормативного материала, в целях реализации субъективных процессуальных прав представляется оправданным. Это объясняется тем, что средства позитивного обязывания позволяют организовать процесс достижения блага, заложенного в субъективных процессуальных правах, наиболее оптимальным способом с соблюдением баланса частных интересов правообладателя и публичного интереса государства.

Это положение естественно, так как объектом арбитражного процессуального регулирования является процессуальное поведение участников арбитражного процесса, правовое сознание субъектов арбитражного процесса в сферу правового регулирования не входит. Если рассматривать поведение субъекта как внешне наблюдаемую систему

---

[1] См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В Малько. С. 755.

[2] См.: Репьев А.Г. Указ. соч. С. 396.

действий, в которой реализуются внутренние побуждения человека, то оно выражается всегда в практических действиях. Процессуальное поведение регулируется правовыми нормами, которые, используя правовой инструментарий предлагают направление поведения субъекта в соответствии с целями процессуально-правового статуса. Процессуально-правовые средства рассчитаны на установление порядка осуществления юридически значимых действий и формируют определенный эталон, который выражается в процессуально-правовом статусе субъекта арбитражного процесса. Оценку отклонения может дать арбитражный суд в каждом конкретном случае путем сравнения поведения участника процесса с эталонным поведением. Поэтому в любом случае, когда действия субъекта отклоняются от эталонного установления, они являются целеотклоняющимися и в этом случае арбитражный суд должен расценивать это как форму злоупотребления процессуальными правами.

Таким образом, процесс правового стимулирования включает не только создание внешней благоприятной ситуации, но и необходимое соответствие ее внутренней структуре личности. Применительно к арбитражному процессуальному праву процесс стимулирования соответствует той идеальной модели правового поведения, которая закреплена в процессуально-правовом статусе. Поэтому процесс стимулирования в арбитражном процессуальном законодательстве определен таким образом, что он мотивирует правообладателя на активные действия в целях получения блага, заложенного в субъективном процессуальном праве. В этом смысле процессуально-правовые средства, устанавливающие субъективные пределы, выступают в качестве факторов экстенсивных мотивов, лежащих вне процессуальной деятельности субъектов арбитражного процесса, т.е. непосредственно с ней не связаны. Как правило, таковыми мотивами правомерной деятельности является желание избежать процессуальных неприятных последствий или процессуальной ответственности либо чувство долга.

Таким образом, субъективные пределы, закрепленные арбитражно-процессуальными средствами, детерминируют выбор и реализацию наиболее целесообразного варианта поведения правообладателя в рамках существующих правовых ограничений и преимуществ, и выступают в виде дополнительных гарантий независимого и беспристрастного механизма процессуального судопроизводства.

Следует обратить внимание на тот факт, что совокупность процессуально-правовых средств-ограничений и процессуально-правовых средств стимулирующего характера создает специфический правовой режим, в котором происходит реализация субъективных процессуальных прав. Такой режим характеризуется как режим действия процессуальных рисков[1]. Определить его позволяют следующие факты. Риск в качестве юридической категории характеризуется как сознательно волевое поведение лица, направленное на достижение правомерного положительного результата с неоднозначными перспективами развития, предполагающего вероятное наступление неблагоприятных последствий, повлекшее причинение прогнозируемого вреда[2].

Из предложенного определения риска можно вывести следующие характеристики:

– субъективный характер: сознательное поведение лица; целеполагание его деятельности;

– объективный характер: неоднозначность обстановки, в которой протекает деятельность субъекта; вероятность неблагоприятных последствий.

Применительно к судопроизводственной сфере данные характеристики находят свое проявление в следующем. Процессуальную деятельность

---

[1] См.: Решетникова И.В. Теория процессуальных рисков // Закон. 2012. № 6. С. 117–118.

[2] См.: Арямов А.А. Общая теория риска: юридический, экономический, психологический анализ. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2010. С. 25; Юдин А.В. Категория «риск в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 11–53.

участников судопроизводства, несомненно, можно охарактеризовать как сознательное процессуальное поведение с выражением волевого аспекта. Следует согласиться с определением юридической деятельности, данным В.Н. Карташовым[1], которое отражает качественную определенность и может быть применено к анализу рассматриваемых вопросов, связанных с содержанием, структурой, формой и функциями процессуальной деятельности. Являясь самостоятельной системой и представляя собой целенаправленную деятельность, процессуальная деятельность участников арбитражного судопроизводства имеет свои цели, задачи, функции, которые предопределены процессуально-правовым положением участника. Как отмечалось ранее, процессуально-правовое положение участника процесса в качестве элемента включает в себя законный интерес, характеризующий процессуальную деятельность как целевую, сознательную и направленную на достижение определенных правовых результатов.

Неоднозначность обстановки, в которой осуществляются субъективные процессуальные права, проявляется в следующем:

во-первых, правовая позиция участников судопроизводства основана на своих знаниях о позиции по делу в соответствии с возможными возражениями других лиц. В этом смысле знания лиц, участвующих в деле, в некоторой степени могут быть субъективными, в то время как знания арбитражного суда, его представление о рассматриваемом деле должны быть объективными и строиться только на подтвержденных фактах и нормах права, регулирующих правоотношения сторон. Решение же по делу – это отражение тех самых знаний, к которым арбитражный суд пришел в результате исследования и оценки доказательств;

во-вторых, арбитражное процессуальное законодательство четко указывает на различие в процессуальных функциях арбитражного суда и иных участников процесса. Арбитражный суд осуществляет правосудие и

---

[1] См.: Карташов В. Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 1.

любое незаконное вмешательство в его деятельность карается законом, вплоть до уголовной ответственности (ст. 294 УК РФ).

Связанные с этими обстоятельствами риски могут существовать в двух видах: а) нежелательное направление развития событий, т.е. принятие решения судом, которое не удовлетворяет требования истца; б) наступление вредных последствий в виде имущественных убытков, связанных с рассмотрением дела (судебные расходы).

В процессуальном законодательстве на вероятность наступления риска в виде неблагоприятных последствий указывается в общей форме (ч. 2 ст. 9, ч. 3 ст. 41 АПК РФ).

Специальные нормы конкретизируют данные неблагоприятные последствия. Так, нежелательное направление развития событий может быть вызвано неисполнением обязанности по представлению ответчиком отзыва на исковое заявление (ч. 4 ст. 131 АПК РФ), непредставление доказательств. В данном случае арбитражный суд принимает решение на основании имеющихся в деле доказательств. С учетом того, что возражение на каждое исковое требование должно быть оформлено в форме отзыва на исковое заявление, а отсутствие прямых опровержений указывает на признание факта (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ), то шанс получения решения не в пользу ответчика повышается, хотя в целом, конечно же, признание обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела, и признание иска – это два разных действия и по содержанию, и по юридическим последствиям.

Стороны несут риск неполучения юридически значимых сообщений, поступивших по адресу, указанному в ЕГРЮЛ. Существует риск отсутствия по адресу своего представителя в случае несвоевременного уведомления арбитражного суда по необходимости извещения по иному адресу своего нахождения, а также риск в случае непринятия мер по получению информации о движении дела (ст. 121 АПК РФ, п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса

юридического лица»[1]).

Институт обеспечительных мер (ст. 98 АПК РФ) также содержит нормы, указывающие на процессуальные риски, связанные с принятием обеспечительных мер. Например, когда исковые требования не были удовлетворены в полном объеме, а обеспечительные меры принимались в пропорциональном соотношении с первоначальным имущественным требованием истца. В этом случае истец несет риск выплаты ущерба из-за принятых обеспечительных мер. В ч. 2 ст. 111 АПК РФ неблагоприятные последствия злоупотребления процессуальными правами и неисполнения процессуальных обязанностей устанавливаются в виде убытков, связанных с несением судебных расходов.

Так, например, уменьшение истцом размера исковых требований в результате получения при рассмотрении дела доказательств явной необоснованности этого размера может быть признано судом злоупотреблением процессуальными правами и повлечь возложение на истца понесенных ответчиком судебных издержек (статья 111 АПК РФ)[2].

Аналогичная ситуация складывается в случаях, когда предъявляется иск о компенсации за несанкционированное использование товарного знака. Так, согласно п. 43.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»[3], рассматривая дела о взыскании компенсации в размере от 10 000 до 5 000 000 руб., суд определяет сумму компенсации в указанных законом пределах по своему усмотрению, но не выше заявленного истцом требования. Требование об уплате компенсации подлежит удовлетворению при наличии доказательств

---

[1] URL:http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/89373.html (дата обращения: 08.08.2014).

[2] См.: Пункт 22 Постановления Пленума ВС РФ № 1 от 21 января 2016 года «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» URL: http://www.vsrf.ru/documents/own/8474/ (дата обращения 22.09.2018)

[3] URL:http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/23485.html (дата обращения: 08.08.2014).

несанкционированного использования товарного знака, т.е. факта правонарушения. Размер же компенсации определяется судом исходя из конкретных обстоятельств дела, в том числе характера нарушения, срока незаконного использования, возможных убытков.

В условиях, когда в законе указан минимальный и максимальный размеры компенсации, а также предусмотрено право суда определять конкретный размер компенсации исходя из перечисленных выше критериев нарушения, истец, заявляя исковые требования в максимальном размере, в силу ст. 9 АПК РФ несет риск наступления последствий совершения им процессуальных действий, который в рассматриваемом случае заключается в отнесении на истца государственной пошлины пропорционально размеру необоснованно заявленной компенсации[1]. Данные нормативные положения констатирует тот факт, что риск является признаком процессуальной деятельности участников арбитражного судопроизводства. Содержание же категории «процессуальный риск» может быть раскрыто только путем анализа совокупности норм, которые реализуют принцип состязательности.

Процессуальные риски опосредованы причинением убытков, связанных с участием в судебном процессе, ответственностью за ненадлежащее исполнение процессуальной обязанности (несовершение процессуальных действий), с отказом от осуществления процессуального права.

Последовательная реализация концепции процессуальных рисков в арбитражном процессуальном праве обусловлена необходимостью соблюдения интересов как правосудия, так и процессуальных оппонентов. Специфика правовых средств в механизме арбитражного процессуального регулирования, опосредующих концепцию процессуальных рисков, оказывает положительное влияние на эффективность судебного разбирательства. Это объясняется тем, что лицо, участвующее в деле, проводит правовую оценку риска и, предполагая рисковый характер

[1] См.: Решение Арбитражного суда Приморского края от 23 мая 2014 г. по делу № А51-22505/2012. URL:http://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 08.08.2014).

некоторых процессуальных действий (бездействия), заранее знает, что его решение может привести к нежелательным последствиям. Это позволяет арбитражному суду при привлечении к процессуальной ответственности за совершение правонарушения, сопряженного с рисковым поведением, определить обоснованность (разумность) поведения субъекта правонарушения. В этом случае комплексность оценки определяет причинно-следственные связи между риском и возможными или состоявшимися юридическими последствиями.

Таким образом, процессуальный риск способствует упорядочиванию арбитражных процессуальных правоотношений, приведению их к определенным правилам. Если рисковая деятельность выходит за пределы правомерного поведения, реакцией выступает процессуальная ответственность. Это связано с тем, что реализация прав и обязанностей субъектов права происходит в условиях действия принципа состязательности, который определяет форму арбитражного судопроизводства. Как следствие предполагается необходимость в соизмерении поведенческих возможностей с риском неблагоприятных последствий для правоохраняемых интересов в результате действий как самого субъекта – носителя субъективных прав и обязанностей, так и других субъектов. Поэтому правообладатель должен избирать такой вид реализации субъективных процессуальных прав, при котором минимизируются отрицательные последствия процессуальных рисков, заложенных в нормах объективного права. Сообразно этому возникает потребность в более эффективной правовой регламентации судопроизводственных процедур. С одной стороны, такая регламентация может устранить либо компенсировать отрицательные последствия риска, с другой – создать условия для реализации его созидательного потенциала, ибо риск – это не только возможные потери, но и просчитываемый успех[1]. В таком аспекте

[1] См.: Дятлов Ю.А. Правореализующий риск (проблемы теории и практики) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 4.

процессуальные риски, заложенные в нормах арбитражного процессуального права, следует рассматривать как один из способов получения правового результата в случаях, когда с помощью традиционных средств этого сделать не представляется возможным.

Фактически арбитражное процессуальное законодательство последовательно реализует концепцию процессуальных рисков, которая представляет собой взаимосвязь трех различных аспектов:

1) правовое явление, регулирующее взаимодействие субъектов арбитражно-процессуальных правоотношений;

2) элемент процессуальной деятельности как совокупность положительных и неблагоприятных правовых последствий, которые могут наступить при выборе конкретных процессуальных средств для реализации субъективных процессуальных прав;

3) особый тип активного отношения субъекта арбитражных процессуальных отношений к действительности, который включает в себя оценку вероятности наступления событий или обстоятельств, приводящих к процессуальным рискам, а также эффективности выбранных методов его минимизации.

На наш взгляд, процессуальный риск можно охарактеризовать как риск необоснованный. Ошибки, влияющие на возникновение риска, могут иметь различную природу:

ошибки в оценке вероятности наступления того или иного результата;

ошибки в оценке планируемой выгоды, осознание не всех вариантов развития события;

ошибки в оценке собственного влияния на развитие ситуации.

Нормы арбитражного процессуального законодательства, в которых упоминается процессуальный риск, различны, они не дают однозначного ответа на вопрос, что представляет собой процессуальный риск как правовая категория. Остается невыясненным и вопрос о правовых последствиях процессуального риска, поскольку процессуальный закон говорит о них в

самом общем виде.

В связи с этим можно утверждать, что этапом исследования процессуального риска должно быть определение необходимого понятийного аппарата, так как все правовые категории и понятия выступают определенными ступеньками познания и опорными пунктами, через которые юридическая наука может двигаться к новым результатам познания. Так, категориальный статус понятия «процессуальный риск» можно охарактеризовать в качестве самостоятельной категории, которая проявляется как элемент арбитражно-процессуального правового регулирования, и как элемент процессуальной деятельности сторон.

На сегодняшний момент категорию «процессуальный риск» можно рассматривать как системообразующую категорию, поскольку идея процессуального риска принизывает практически все институты арбитражного процессуального права. Несомненно, следует указать и на тот аспект процессуального риска, который в качестве категориального понятия может быть рассмотрен крайне широко и многогранно, т.е. не только как правовая дефиниция, но и как общая философская категория, действующая или имеющая место в действительности. Признание факта существования процессуального риска позволяет воздействовать на него путем изучения его свойств и качеств, что в последующем уменьшает степень неопределенности, которая сопутствует процессуальной активности. Именно в этом и будет выражаться регулятивная способность риска как функция приспособления субъектов арбитражного процесса к процессуально-правовому режиму деятельности арбитражного суда. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что до момента включения принципа состязательности в систему принципов арбитражного процессуального права и его активного воздействия на судопроизводство, термина «процессуальный риск» не существовало. Он появился только после того как в законодательство стали включаться процессуально-правовые средства реализации принципа состязательности, а также с момента представления сторонам широкого

круга процессуальных прав, т.е. многовариантности процессуального поведения.

Таким образом, процессуальный риск следует рассматривать как системообразующий элемент арбитражного процессуального законодательства и неотъемлемое свойство арбитражных процессуальных правоотношений, являющихся предметом арбитражного процессуального регулирования, который представляет собой жизненно объективный набор вероятных вариантов процессуального поведения сторон, среди которых вместе с достижением положительного регулятивного эффекта существуют и возможности наступления негативных правовых последствий.

Объективные пределы, обеспечивающие реализацию субъективных процессуальных прав, имеют четкую нормативную обозначенность процессуальных действий правообладателя, т.е. они закрепляют форму, средства и методы осуществления процессуальных прав и как следствие гарантируют достижение правовой цели. В силу этого объективные пределы реализации субъективного процессуального права всегда определяются законодателем исходя из конкретных условий.

Арбитражное процессуальное законодательство, детально регламентируя субъективные процессуальные права, устанавливает объективные пределы их реализации. Такие пределы определяются критериями, которые не только очерчивают меру свободы субъекта в рамках предоставленного ему субъективного процессуального права, но и указывают на момент его приобретения и утраты (абсолютно определенные), а также критерии, устанавливающие возможности правообладателя использовать субъективные процессуальные права по своему усмотрению (относительно определенные).

Формулировка таких пределов в арбитражном процессуальном законодательстве производится путем использования оценочных понятий, что в свою очередь приводит к относительной определенности пределов субъективного процессуального права. Как следствие достигается та степень

необходимой свободы в рамках процессуально-правового статуса, которая основывается на диспозитивном методе процессуально-правового регулирования арбитражно-процессуальных отношений: по соглашению сторон подсудность дел может быть изменена (ст. 37 АПК РФ); стороны могут заключить мировое соглашение (ч. 4 ст. 48 АПК РФ); третьи лица могут вступить в дело (ч. 1 ст. 50 и ч. 1 ст. 51 АПК РФ).

Объективные пределы субъективных процессуальных прав всегда действуют во взаимосвязи, что еще раз подчеркивает взаимообусловленность системы процессуальных гарантий. Относительно определенные пределы, устанавливая возможность выбора способа реализации субъективного процессуального права, гарантируют осуществление права по своему усмотрению. Абсолютно определенные пределы устанавливают границы, при которых исчерпывается возможность способа реализации процессуального права, по своему усмотрению. Гарантирование осуществления субъективных процессуальных прав в этом случае возможно только при строгом соблюдении этих критериев. Например, третьи лица могут вступить в дело на стороне истца или ответчика (относительно определенный предел) до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в первой инстанции (абсолютно определенный предел).

Отнесение принципов арбитражного процессуального права к процессуальным средствам, устанавливающим объективные пределы реализации субъективных процессуальных прав сторон арбитражного процесса, объясняется тем, что принципы являются концептуальными основами арбитражного процессуального права, конкретно выражаясь в норме или нормах права, указывают на условия, в которых осуществляется субъективное процессуальное право.

По своей юридической природе принципы арбитражного процессуального права выступают нормами права, отличающимися от обычных, рядовых норм своим особым общественно-политическим и юридическим значением, именно тем, что они характеризуют важнейшие

качественные черты арбитражной процессуальной системы[1]. Посредством системы принципов определяются цели, задачи, направления арбитражного процессуального регулирования, которые в дальнейшем получают свое логическое развитие и конкретизацию в иных нормах и правилах поведения субъектов арбитражного процесса.

Принципы, находя свое выражение в процессуальных нормах, предопределяют содержание последних, т.е. достаточно широкая сфера действия позволяет говорить о взаимодействии принципов и реализации субъективных процессуальных прав. Взаимодействие происходит на уровне обязательности соответствия процессуальной деятельности системообразующим нормам арбитражного процессуального права, т.е. принципам, поэтому реализация субъективных прав должна в полной мере соответствовать и подчиняться принципам арбитражного процессуального права.

Необходимо отметить, что действие принципов носит системный характер[2], и в этом смысле они должны выстраивать иерархию ценностей, защищаемых процедурой судопроизводства: защита нарушенных прав и законных интересов, обеспечение доступности правосудия, справедливое судебное разбирательство, укрепление законности, соблюдение арбитражной процессуальной формы как особой социальной ценности и т.д.

Анализ научных исследований, посвященных проблемам правовых принципов, позволяет утверждать, что данная проблема многоаспектна. Однако имеет место позиция, объединяющая все научные мнения относительно данной категории и указывающая на значимость и познавательный потенциал правовых принципов. Причем значимость

---

[1] См.: Тараненко В.Ф. Принципы арбитражного процесса и влияние советской процессуальной теории на их формирование : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1984. С. 13.

[2] См.: Шерстюк В.М. Развитие принципов арбитражного процессуального права. М., 2004. С. 8; Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 15; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, Т. 1. С. 171–176; и др.

правовых принципов дифференцируется в зависимости от сферы их действия.

В частности, объективные пределы устанавливаются *принципом диспозитивности*. Изучение научных мнений относительно содержания принципа диспозитивности и форм его проявления в цивилистических процессах позволяет сделать вывод, что принцип диспозитивности своим содержанием охватывает правовые возможности по приобретению, осуществлению и распоряжению предоставленными как материальными, так и процессуальными правами, в целях возникновения, изменения и прекращения процессуальных правоотношений[1].

Наиболее емкий и точный круг полномочий, раскрывающий содержание принципа диспозитивности, сформулирован А.Т. Боннером, который относит к таким правомочиям право на судебную защиту и право на совершение распорядительных актов[2]. На наш взгляд, такое определение раскрывает положение, что право на судебную защиту реализуется в отраслевом процессуальном законодательстве посредством субъективных процессуальных прав, которые, с одной стороны, влияют на развитие судебного процесса, а с другой – способствуют отстаиванию интересов в разрешении материально-правового спора. Правомочия распорядительного характера находятся в прямой связи с материальными правами, подлежащими защите в суде. Поэтому научные исследования, посвященные вопросам диспозитивности в гражданском судопроизводстве, в большей степени добавляют и раскрывают указанные формы нормативного

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 169-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан И.С. Бакшеева, З.Т. Бакшеевой, Н.П. Рыльцова, М.И. Рыльцовой, А.И. Черменевой (Голубцовой) на нарушение их конституционных прав статьей 37 АПК РФ 1995 года». URL:// http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_3858.htm; Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 АПК РФ в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан». - URL:// http://base.garant.ru/12136181/

[2] См.: Гражданский процесс : учебник / под ред. М.С. Шакарян. М., 1985. С. 40 (автор главы – А.Т. Боннер).

выражения рассматриваемых правомочий[1].

Данный принцип предоставляет возможность самостоятельного принятия решения правообладателем о реализации права на инициирование судебной деятельности путем возбуждении производства по делу в арбитражных судах (ст. 4 АПК РФ), распоряжения процессуально-правовыми средствами, предоставляющими возможность защиты нарушенного права путем выбора наиболее оптимальных форм реализации субъективных процессуальных прав (ст. 36, 37, 59, 90, 153[1] АПК РФ и др.), распоряжения предметом судебного разбирательства (ст. 49, 138, 257, 273 АПК РФ и др.). Однако его действие ограничено по некоторым делам публичного производства, когда природа спорного публичного правоотношения не предполагает возможности свободного распоряжения субъективным материальным правом[2].

Несмотря на то, что принцип диспозитивности не имеет своей конкретной нормативной формулировки в арбитражном процессуальном законодательстве, его следует рассматривать и как принцип, устанавливающий объективные пределы реализации субъективных процессуальных прав. В качестве объективных пределов реализации субъективных процессуальных прав могут быть процессуально-правовые средства, устанавливающие «диспозитивные запреты»[3].

---

[1] См., например: Тараненко В.Ф. Принцип диспозитивности и состязательности в советском гражданском процессе : учебное пособие / отв. ред. М.С. Шакарян. М., 1990. С. 11–14; Поляков И.Н. Принцип диспозитивности в деятельности судебных и общественных юрисдикционных органов, рассматривающих гражданские дела. М., 1997. С. 8; Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / отв. ред. М.А. Викут. Саратов, 1970. С. 69–70; Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М., 2002. С. 164–166.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан». - URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=48523;dst=0;ts=7C2ED6E771 B9FF051796B5774729FCC9;rnd=00708325570449233 (дата обращения: 22.04.2012).

[3] См.: Плешанов А.Г. Указ. соч. С. 171–172; Чистякова О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе РФ : дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 44.

Диспозитивные запреты – это императивные предписания в отношении исполнения обязанностей, вытекающие из диспозитивных начал и получившие прямое закрепление в арбитражном процессуальном законодательстве. В этом смысле пределы реализации субъективных процессуальных прав представляют собой ограничения в сфере исполнения обязанности (ч. 3 ст. 41 АПК РФ). Неисполнение процессуальных обязанностей лицами, участвующими в деле, влечет за собой последствия, предусмотренные арбитражным процессуальным законодательством. Следует отметить, что субъект арбитражного процесса при реализации субъективных процессуальных прав должен руководствоваться не только своими интересами, но и интересами иных участников арбитражного процесса, а также и интересами правосудия.

Например, ч. 1 ст. 82 АПК РФ устанавливает процессуальное право о привлечении эксперта при необходимости рассмотрения вопросов, требующих специальных знаний. В этом случае ограничения указывают на способ реализации данного права путем:

заявления ходатайства с указанием мотивов о необходимости назначения экспертизы (ст. 165 АПК РФ);

получения согласия от всех участвующих в деле лиц (ч. 1 ст. 108, ч. 4 ст. 110 АПК РФ).

В данном случае неисполнение лицами, участвующими в деле, обязанности по внесению на депозитный счет арбитражного суда денежных сумм в установленном размере влечет отклонение ходатайства о назначении экспертизы.

Объективные пределы также связаны с определением сроков осуществления процессуального права. Так, ходатайство о проведении экспертизы может быть заявлено в суде первой или апелляционной инстанции до объявления председательствующим в судебном заседании исследования доказательств законченным (ч. 1 ст. 164 АПК РФ), а при возобновлении их исследования – до объявления законченным дополнительного исследования доказательств (ст. 165 АПК РФ).

Такие законодательные установления определяют способ реализации как субъективных процессуальных прав, так и процессуальных обязанностей, а именно соразмерность процессуальных прав и обязанностей и недопустимость злоупотребления процессуальным правом, тем самым предопределяя качественный состав арбитражного процессуального правоотношения, устанавливая баланс процессуальных прав и обязанностей, а также и меру взаимной ответственности субъектов арбитражного процесса. Механизм реализации конкретного субъективного процессуального права не функционирует, если отсутствует соответствующая, корреспондирующая процессуальному праву обязанность. Как следствие у арбитражного суда как обязанного лица в правоотношении отпадает необходимость исполнять установленную законом обязанность.

Содержание принципа диспозитивности включает и возможность отказа от реализации субъективного процессуального права. В этом случае предполагается, что правообладатель не может отказаться от тех возможностей, которые входят в субъективное процессуальное право, но по тем или иным причинам не считает нужным их осуществление. Отказ от процессуальных прав невозможен, так как они являются элементом процессуально-правового статуса и закреплены в нем в качестве обязательной структурной составляющей. В силу этого арбитражное процессуальное законодательство содержит нормы, императивно указывающие на невозможность отказа от процессуального права, например, ч. 3 ст. 4 АПК РФ устанавливает невозможность отказа от права на обращение в арбитражный суд; ч. 4 ст. 156 АПК РФ устанавливает невозможность отказа от права на участие в судебном разбирательстве в случае, когда такая явка необходима в интересах правосудия.

Поэтому пределы реализации субъективных процессуальных прав в рамках действия принципа диспозитивности очерчены принципом их сохранения в случае отказа граждан и юридических лиц от этих прав, как определенного ограничителя свободы воли правообладателя,

препятствующий прекращению субъективного процессуального права.

Например, перечень оснований ст. 148 АПК РФ включает в себя основания, указывающие на наличие факта потери интереса к судебному разбирательству, которое не должно рассматриваться как процессуальное нарушение.

Это относится к положению п. 9 ч. 1 ст. 148 АПК РФ когда истец не явился в судебное заседание, в том числе и по вызову арбитражного суда, и не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие или об отложении судебного разбирательства, а ответчик не требует разбирательства дела по существу, арбитражный суд оставляет заявление без рассмотрения.

Если анализировать данную норму более глубоко, то следует отметить следующее. Явка в судебное заседание представляет собой одну из форм реализации субъективного процессуального права на судебное разбирательство. Как правило, в нормах арбитражного процессуального законодательства присутствие в судебном заседании признается правом, а не обязанностью стороны. Неявка лица, извещенного в установленном порядке о времени и месте судебного разбирательства, является его волеизъявлением, свидетельствующим об отказе от реализации своего права на непосредственное участие в судебном разбирательстве и иных процессуальных прав, поэтому не служит препятствием к рассмотрению дела судом. Стороны должны пользоваться добросовестно своими правами, на это также нацеливает Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 57[1].

Данное установление предполагает, что если сторона действительно заявила обоснованное исковое требование и надеется на защиту своего нарушенного права, то в силу действия принципа состязательности она будет

[1] См.: абз. 2. Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 9.

активно использовать предоставленные законом права. Если же сторона потеряла интерес к судебному процессу в силу некоторых известных ей обстоятельств на определенный период времени либо навсегда, то она должна известить об этом арбитражный суд в форме, предусмотренной действующим процессуальным законодательством – отказ от исковых требований, заключение мирового соглашения, заявление соответствующего ходатайства, связанного с рассмотрением дела (например, ходатайства, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 222.6. АПК РФ). Однако в общих нормах арбитражного процессуального законодательства, к которым относят нормы, регулирующие исковое производство и правила которого распространяют свое действие на все виды процессуальных производств, закрепление данной возможности отсутствует.

Более того следует указать на тот аспект, что по смыслу ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах лицо самостоятельно определяет объем своих прав и обязанностей в гражданском процессе и поэтому реализует их по своему усмотрению. Распоряжение своими правами по усмотрению лица является одним из основополагающих принципов судопроизводства и представляет собой результат субъективного решения, обусловленного личной оценкой субъектом обстоятельств разрешаемого вопроса.

В специальных статьях арбитражного процессуального законодательства данный стандарт получил свое закрепление (как при рассмотрении дел в суде первой инстанции – п. 3 ч. 1 ст. 129 АПК РФ; п. 3 ч. 1 ст. 222.6 АПК РФ; так и при рассмотрении дел в порядке производства по пересмотру судебных актов – п. 4. ч. 1 ст. 264 АПК РФ; п. 3 ч. 1 ст. 281 АПК РФ; п. 4 ч. 1 ст. 291.5 АПК РФ; п. 4 ч. 1 ст. 308.3 АПК РФ).

По нашему мнению, возможность распоряжения материально-правовым требованием, находящимся на рассмотрении арбитражного суда существенно ограничено действующим законодательством. Так возможность его осуществления, предусмотренная законом (право на отказ от иска

полностью или в части, право на заключение мирового соглашения ст. 49 АПК РФ), создает правовые последствия совершения таких действий в форме невозможности повторного обращения с тождественными требованиями, т.е. связывается с результативностью реализации права на судебную защиту.

Исключение указанных правовых последствий возможно либо в строго ограниченные временные рамки (заявления ходатайства о возвращении искового заявления на стадии возбуждения производства по делу ст. 129 АПК РФ) либо ставит дальнейшую судьбу этого требования в зависимость от усмотрения арбитражного суда (решение вопроса об оставлении без рассмотрения при повторной неявке истца) и усмотрения ответчика (ответчик не требует рассмотрения дела по существу ст. 148 АПК РФ). Также ст. 148 АПК РФ указывает на возможную форму осуществления данного права (отсутствие ходатайства о рассмотрении дела в отсутствие или об отложении судебного разбирательства), что при наличие существующих условий, указанных выше, не может гарантировать оставление искового заявления без рассмотрения.

Истец, обладая правом на обращение в арбитражный суд, при потере интереса к судебному процессу должен имеет возможность самостоятельного решения данного вопроса, т.е. арбитражное процессуальное законодательство должно предусматривать возможность истца в активной форме сделать заявление об оставлении искового заявления без рассмотрения, что в полной мере будет соответствовать действию принципа диспозитивности.

В связи этим, предлагается дополнить часть 1 ст. 148 АПК РФ пунктом 10 следующего содержания:

«10) до вынесения решения по делу от истца поступило ходатайство об оставлении искового заявления без рассмотрения;».

Таким образом, принцип диспозитивности в механизме обеспечения реализации субъективных процессуальных прав можно отнести к элементам, носящим организационный характер и выполняющим функцию регулятора

способов и средств реализации субъективных процессуальных прав. Действие данного принципа проявляется в следующих направлениях:

1) обеспечивает динамику арбитражного процесса;

2) устанавливает пределы усмотрения при реализации процессуальных прав;

2) гарантирует многообразие средств и способов реализации субъективных процессуальных прав, вплоть до отказа от реализации права на судебную защиту;

3) гармонизирует законные интересы:

– интересы лиц, участвующих в деле;

– интересы лиц, участвующих в деле, и правосудия.

Считаем необходимым прямое закрепление принципа диспозитивности в процессуальном законодательстве, предложив следующую дефиницию статьи:

«Принцип диспозитивности:

1. Каждое лицо, обратившееся за судебной защитой, вправе распоряжаться своими требованиями по своему усмотрению, кроме случаев, установленных настоящим Кодексом.

2. Правила, установленные п. 1 настоящей статьи, выполняются лицами, в интересах которых подано обращение в суд.

3. Суд рассматривает дела в пределах требований, указанных обратившимся за судебной защитой лиц, и не может выходить за пределы требований.

4. Выход за пределы требований возможен только в случаях, установленных настоящим Кодексом».

Принцип состязательности, закрепленный в Конституции России (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 10), является демократическим принципом судопроизводства, согласно которому разбирательство дела происходит в форме спора сторон в судебном заседании.

Если принцип диспозитивности определяет степень свободы и предел

распоряжения субъективными процессуальными правами, то принцип состязательности указывает, в какой форме должно осуществляться субъективное процессуальное право.

Закрепление в арбитражном процессуальном законодательстве принципа состязательности сторон и распространение его действия на все виды производств и стадии арбитражного процесса разделяют арбитражную процессуальную деятельность на функцию защиты прав и законных интересов и функцию правосудия (разрешение дела арбитражным судом).

Арбитражная судебная практика воспринимает тенденции развития арбитражного процессуального законодательства, а правоприменитель при вынесении решений толкует нормы в соответствии с основными началами законодательства. Например, в решении Арбитражного суда Алтайского края суд, применив п. 27 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству», рассмотрел дело и вынес решение без отзыва ответчика и без его участия, а лишь руководствуясь действиями принципа состязательности, который возлагает неблагоприятные последствия на сторону, использовавшую предоставленные ей процессуально-правовые средства для реализации своих прав и исполнения обязанности[1].

Таким же образом поступил и Арбитражный суд Ростовской области, удовлетворив требования истца в полном объеме, исходя из имеющихся в деле доказательств, представленных истцом. Отзыв на исковое заявление ответчиком не представлялся, исковые требования не оспаривались[2].

Так как ч. 2 ст. 9 АПК РФ распространяет свое действие только на стороны, то иные лица, участвующие в деле в силу ч. 2 ст. 131 АПК РФ, вправе направить в арбитражный суд и другим лицам отзыв на исковое

---

[1] См.: Решение Арбитражного суда Алтайского края от 23 мая 2011 г. по делу № А03-4565/2011. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/8fb92b8f-c440-4c4b-bbeb-d1f79c479b4c (дата обращения: 25.10.2012).

[2] См.: Решение Арбитражного суда Ростовской области от 23 мая 2011 г. по делу № А53/5171-11. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/bb39a871-ca1b-48eb-817c-7ff916718447 (дата обращения: 25.10.2012).

заявление. Таким образом, законодатель не устанавливает в отношении иных лиц процессуальные обязанности на предмет представления отзыва в установленные сроки. Именно поэтому меры процессуальной ответственности в виде наступления неблагоприятных последствий для иных лиц, участвующих в деле, не применимы.

В то же время состязательность приводится как принцип всего судопроизводства в арбитражном суде и в силу этого положения ч. 2 ст. 9 АПК РФ должны распространять свое действие на иных лиц, участвующих в деле, с теми же последствиями, как и для сторон. К такому выводу можно прийти, анализируя процессуальные функции иных лиц, участвующих в деле. Фактически они пользуются процессуальными правами и обязанностями сторон, участвуют в процессе в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав либо охраняемых законом интересов. Исключением из данного правила могут быть только лица, указанные в ст. 42 АПК РФ, т.е. не принимавшие участия в деле.

Именно активность сторон на всех стадиях процесса всегда рассматривалась в науке как одно из ярких проявлений состязательности[1]. Через установление процессуальной активности законодатель предполагает сформировать у сторон понимание необходимости добросовестно-активного осуществления предоставленных им процессуальных прав (ч. 2 ст. 41 АПК РФ), что в свою очередь ведет к освобождению арбитражного суда от функций принуждения сторон к совершению тех или иных процессуальных действий.

Таким образом, принцип состязательности в механизме обеспечения выполняет функцию воздействия на процессуальное поведение участников арбитражного процесса. Его действие проявляется в следующих направлениях:

1) определяет форму осуществления субъективного процессуального

[1] Решетникова И.В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 117; Решетникова И.В. На пути от следствия к состязанию. Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции / под ред. В.В. Яркова. Екатеринбург, 1998. С. 73–91.

права (активная–пассивная);

2) устанавливает разделение функций защиты прав и законных интересов и функции осуществления правосудия.

Принцип процессуального равноправия, несомненно, должен рассматриваться как принцип, играющий важную роль в установлении объективных пределов реализации субъективных процессуальных прав. Данный принцип находится в теснейшей связи с принципом состязательности, так как действие данных принципов в механизме арбитражного процессуального регулирования выражается в их системной взаимообусловленности.

Своим содержанием данный принцип охватывает не только равенство сторон в арбитражном процессе, т.е. предоставление равных процессуальных прав и процессуальных средств в ходе судебного разбирательства, но и процессуально-правовую самостоятельность сторон арбитражного процесса. Именно процессуально-правовая самостоятельность сторон арбитражного процесса позволяет им состязаться перед судом, а состязательная форма процесса обеспечивает им равенство в процессе.

Принцип процессуального равноправия сторон указывает арбитражному суду, проводящему судебное разбирательство, на необходимость обеспечения не только всех процессуальных прав, которые предоставлены лицам, участвующим в деле, но и равноправия пользования ими.

В силу вышеизложенного следует уточнить, что в качестве объективного предела реализации субъективного процессуального права должна рассматриваться системность действия принципов состязательности и процессуального равноправия.

Интегративность (integro – целый) данных принципов представляет собой такую взаимосвязь, когда изменение содержания одного из элементов в данной системе влечет изменение во всей системе. Интегративное свойство проявляется на всех стадиях арбитражного процесса. Именно с данным

понятием отождествляется нарушение принципов состязательности и процессуального равноправия арбитражного процесса, которые служат основанием для отмены судебных актов.

Например, арбитражное процессуальное законодательство указывает, что на лицах, участвующих в деле, лежит обязанность получения информации о ходе судебного разбирательства, включая получение автоматизированной копии судебного акта. Если апелляционная жалоба подана с пропуском срока, но с ходатайством о его восстановлении, лицо не вправе ссылаться на то, что в адрес заявителя не поступала копия мотивированного решения, так как в данном случае уважительность причины пропуска срока на подачу апелляционной жалобы отсутствует. Если при наличии данного условия арбитражный суд восстановит срок, то это повлечет нарушение принципа равноправия сторон и нарушение баланса их интересов[1].

Данное интегративное свойство проявляется и в институте доказывания, в частности, нормы ст.ст. 9, 10, 65 АПК РФ действуют в совокупности и обязывают лиц, участвующих в деле, раскрыть доказательства перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания в суде первой инстанции. Поэтому в дальнейшем при пересмотре судебных актов в апелляционной инстанции апелляционный суд, учитывая положения ч. 2 ст. 268, ч. 2 ст. 272 АПК РФ и разъяснения, данные в п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» не может принимать дополнительные доказательства ввиду отсутствия уважительных причин, препятствовавших ответчику представить их в суд первой

[1] См.: Определение девятого арбитражного апелляционного суда о возвращении апелляционной жалобы от 24 мая 2013 г. по делу № А40-13510/13 (79-128). - URL:http: //kad.arbitr.ru/PdfDocument/7c3e9094-0a04-49d7-bd62-566d1bd0dd16/A40-13510-2013_ 2013 0524 _Opredelenie. pdf (дата обращения: 26.05.2013).

инстанции[1].

Принцип гласности определяет объективные пределы реализации субъективных процессуальных прав. Принцип гласности, распространяя свое действие на судебное разбирательство и содержание всех судебных актов арбитражного суда, выступает в качестве процессуальной гарантии, обеспечивающей информированность лиц, участвующих в деле, о всех процессуальных действиях и решениях, принятых в период судебного разбирательства.

Нормативное содержание принципа гарантирует возможность получения информации в зале судебного заседания (непосредственная форма), а также через телекоммуникационные источники (опосредованная форма). Нормативное закрепление данных положений позволяет говорить об укреплении гарантий гласности в арбитражном судопроизводстве и о повышении статуса состязательной формы судопроизводства[2]. Это проявляется в том, что процессуальное законодательство регламентирует в полной мере процесс получения судебной информации через порядок обращения.

Ценность перечисленных принципов заключается в способности отражать специфику правового воздействия на процесс реализации субъективных процессуальных прав, в том числе и систематизировать процессуальную деятельность, указав критерии, позволяющие оценить качество правореализации, Поэтому принципы рассматривают в качестве ориентира, направляющего деятельность субъектов арбитражного процесса

---

[1] См.: Постановление девятого арбитражного апелляционного суда от 24 мая 2013 г. № 09АП-13314/2013 по делу № А40-2097/13. - URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/af113314-ba04-4bf0-b01a-e6a964422e7c/A40-2097-2013_20130524_Postanovlenie%20apelljacii.pdf (дата обращения: 26.05.2013).

[2] См.: Шерстюк В.М. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы о совершенствовании арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства // Концепция развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека : сборник научных статей. Краснодар; СПб., 2007. С. 17–19.

по реализации субъективных процессуальных прав[1].

Однако, если исходить из понимания системности методологии, то здесь следуют обратить внимание на то, что принципы арбитражного процессуального права, будучи его основополагающими идеями, пронизывают все институты арбитражного процессуального права. Более того, необходимо согласиться с мнением ученых, утверждающих, что в процессе судебного разбирательства происходит применение процессуальных норм и принципы арбитражного процессуального права распространяют свое действие на процессуальную деятельность субъектов, становясь одновременно принципами судопроизводства[2]. Поэтому закрепленные в нормах арбитражного процессуального права принципы находят свое выражение как на уровне отрасли в целом, так и на уровне институтов, его составляющих.

Посредством нормотворческой функции принципы обеспечивают: формирование концепции арбитражного процессуального законодательства, а именно концепции процессуальных рисков; адекватность отражения в нормах арбитражного процессуального законодательства объективных потребностей развития арбитражных процессуальных отношений; единство и внутреннюю согласованность арбитражных процессуальных норм.

Посредством регулятивной функции принципы способствуют: преодолению пробелов в системе норм арбитражного процессуального права; правильному толкованию нормы арбитражного процессуального права; возможности давать оценку законности и обоснованности норм арбитражного процессуального права.

Информационная функция принципов реализуется в том, что они выступают носителями дескриптивной информации, используемой в

---

[1] См.: Фокина М.А. Указ.соч. С. 480.

[2] См.: Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С. 49; Ткачев Н.И. Понятие принципов гражданского процессуального права (общеметодологические проблемы) // Вестник Саратовской государственной академии права. 1998. № 1. С. 24.

качестве основы для выработки прескриптивной информации, содержащейся в нормах арбитражного процессуального права.

Информационная функция принципов распространяется и за рамки информационного обеспечения содержания арбитражных процессуальных норм. В этом случае информация, содержащаяся в различных элементах структуры принципов, оказывает непосредственное (прямое) воздействие на сознание субъектов, помогая им в концентрированном виде получить представление о сущности и особенностях арбитражного процессуального регулирования.

В процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон принципы в своей системной взаимообусловленности следует рассматривать в качестве средств правового воздействия на сознание субъектов, обеспечивающих получение информации о концептуальной основе процессуального законодательства, о сущности предоставленных процессуальных прав и эффективных формах их осуществления для достижения цели участия в судебном разбирательстве.

Помимо перечисленных функций принципы выполняют и функцию пределов реализации процессуальных прав. Обладая свойствами информативности, регулятивности и нормативности, они позволяют повысить результативность воздействия норм на процессуальное поведение субъектов, устанавливают баланс интересов участников процесса, обеспечивая согласованность действий субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, направляют процесс осуществления процессуальных прав по правильному пути, т.е. по пути, отвечающему интересам правосудия.

В качестве процессуальной гарантии, устанавливающей объективные пределы реализации субъективных процессуальных прав, выступает арбитражная процессуальная форма. Представляя собой систему требований, закрепленных нормами АПК РФ, процессуальная форма указывает арбитражному суду и участникам процесса на совокупность необходимых

процессуальных действий и порядок их проведения, которые предусмотрены арбитражным процессуальным законодательством и необходимы для достижения положительного результата в целях защиты нарушенных прав[1].

Анализируя работы, посвященные проблемам определения процессуальной формы, следует отметить, что практически все ученые солидарны во мнении, что при строгом соблюдении процессуальной формы она в полной мере обеспечивает защиту нарушенных прав и гарантирует вынесение законных и обоснованных решений.

Именно процессуальная форма как правовая конструкция очерчивает пределы реализации субъективных прав, устанавливая процедуру рассмотрения дела путем указания последовательности и способов совершения процессуальных действий, закрепления требований к процессуальным документам. Существенное нарушение формы, несоблюдение правил, ее составляющих, влечет за собой признание отдельных действий либо актов, принятых судом вне формы, незаконными и их отмену[2].

Представляя собой, упорядоченный, регламентированный законом процесс, внутреннее содержание которого может быть представлено в виде какой-либо модели или конструкции, процессуальная форма указывает на пределы реализации субъективных прав путем закрепления процессуальных средств, определяя порядок осуществления субъективного права. Нарушение данного порядка влечет недостижение правового результата совершенного процессуального действия.

Предлагается выделение функций арбитражной процессуальной формы, которые она выполняет в механизме обеспечения реализации субъективных процессуальных прав: стимулирующей, правообеспечительной

---

[1] См.: Арбитражный процесс : учебник для вузов / под ред. Т.А. Григорьевой. М., 2007. С. 37–38.

[2] См.: Чечина Н.А. Судебная защита и конституционные принципы гражданского процессуального права // Проблемы соотношения материального и процессуального права : труды ВЮЗИ / отв. ред. М.С. Шакарян. М., 1980. С. 42.

и охранительной.

Стимулирующая функция выражается в воздействии на сознание и волю участников арбитражного процесса, повышает активность при самостоятельной реализации прав и «служит средством мотивации в выборе того или иного варианта юридически значимого поведения»[1].

Процессуальная форма проявляет свое стимулирующее действие уже при ознакомлении субъектов процесса с правовой нормой, закрепляющей права и обязанности. И таким образом информативное свойство права.

Правообеспечивающая функция направлена непосредственно на обеспечение правореализационного процесса и включает в себя такие методы гарантирования, без которых невозможен либо затруднителен процесс реализации прав в арбитражном судопроизводстве.

Фактически закон обозначает пределы осуществления прав, предоставляя в этих рамках определенную свободу, иными словами, объем полномочий определяется законом.

Охранительная функция процессуальной формы заключается в наличии мер процессуального характера, предотвращающих нарушение субъективных процессуальных прав или устраняющих препятствия на пути их реализации.

Однако следует отметить, что нарушение требований процессуальной формы, т.е. нарушение норм процессуального права, не всегда служит безусловным основанием отмены судебного акта по этому основанию, что подтверждается примерами из практики. Так, право ответчика по использованию процессуального средства защиты в виде предоставления отзыва должно быть реализовано в сроки, установленные судом. Нарушение сроков приводит к неблагоприятным последствиям, указанным в ч. 3 ст. 131 АПК РФ, т.е. отнесение судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела на лицо, не исполнившее процессуальную обязанность. Данную ситуацию следует изучить более

[1] См.: Боброва Н.А. Указ. соч. С. 120–135.

детально в целях выяснения основания наложения процессуальной ответственности в виде отнесения судебных расходов.

Как следствие, возникает необходимость научного поиска признаков, необходимых и достаточных для определения арбитражной процессуальной формы. При формулировании определения процессуальной формы большинство ученых вкладывают в содержание весьма разнородные по своей природе и значению признаки процессуальной формы, не всегда характеризующие ее сущность. Конструирование определения процессуальной формы для выявления ее значения в механизме обеспечения субъективных процессуальных прав, по нашему мнению, следует осуществлять на основе анализа и движения от абстрактного к конкретному. Это наиболее рациональный подход, позволяющий выявить взаимосвязь внутренних и внешних слагаемых.

Если рассматривать арбитражную процессуальную форму как совокупность условий, установленных арбитражным процессуальным законом для совершения субъектами арбитражного процесса процессуальных действий, посредством которых они осуществляют свои функции, то можно сделать вывод о необходимости абсолютнейшего соблюдения всех установленных арбитражным процессуальным законом судопроизводственных прав, т.е. четкого соблюдения арбитражной процессуальной формы. Но, например, неисполнение требований ст. 125 и 126 АПК РФ при составлении искового заявления влечет последствия в виде оставления искового заявления без движения с последующим возвращением. Таким образом, истец не претерпевает процессуальных санкций, но и не добивается правового результата – возбуждения производства по иску. Как следствие исключается понимание арбитражной процессуальной формы как совокупности императивных требований к порядку совершения процессуальных действий, нарушение которых влечет применение процессуальной санкции.

Арбитражная процессуальная форма закрепляет наиболее

целесообразные пути реализации субъективных процессуальных прав, а также гарантирует, что результативность осуществления субъективного процессуального права будет наиболее высокой при соблюдении ее требований. Таким образом, процессуальная форма представляет собой не что иное, как процессуальное средство, организующее наиболее оптимальную реализацию субъективных процессуальных прав. В силу этого нарушение требований арбитражной процессуальной формы не всегда ведет к применению санкций. В силу этого довода позволим себе не согласиться с мнением Ю.А. Поповой относительно того, что «строгое соблюдение гражданской процессуальной формы гарантируется применением санкций, указанных в ч. 2 ст. 364 ГПК РФ, безусловных оснований к отмене судебного акта»[1].

В случае нарушения требований процессуальной формы участником процесса он не испытывает каких-либо негативных последствий, которые можно охарактеризовать как меры процессуальной или иной ответственности. Фактически такое лицо возвращается в первоначальное состояние, в котором оно находилось до осуществления субъективного процессуального права. Например, ч. 7 ст. 148 АПК РФ указывает на исковое заявление без рассмотрения, если арбитражный суд установит, что исковое заявление не подписано или подписано лицом, не имеющим права подписи, либо лицом, должностное положение которого не указано. В соответствии с ч. 3 ст. 149 АПК РФ оставление искового заявления без рассмотрения не лишает истца права вновь обратиться в арбитражный суд с заявлением в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без рассмотрения.

Однако, если субъективное процессуальное право осуществляется без определенной степени добросовестности и влияет на процесс реализации

---

[1] Попова Ю.А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 27.

прав иных субъектов арбитражного процесса, а также негативным образом воздействует на отправление правосудия, то такие действия приводят к неблагоприятным последствиям. Например, предоставление отзыва на иск должно быть реализовано в установленные судом сроки, их нарушение приводит к неблагоприятным последствиям, указанным в ч. 3 ст.131 АПК РФ, т.е. отнесение судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела на лицо, не исполнившее процессуальную обязанность.

Нарушение требований процессуальной формы, совершенное судьей при отправлении правосудия, не является безусловным основанием для отмены судебного акта. На это указывают положения ч. 1 ст. 364 ГПК РФ, ч. 3 ст. 270, ч. 3 ст. 288 АПК РФ. Законодатель устанавливает, что отмена судебного акта по основаниям нарушения норм процессуального права может состояться только в случаях, когда это привело к принятию неправильного решения.

Например, действующее процессуальное законодательство, как арбитражное процессуальное, так и гражданское процессуальное, устанавливает, что в случае изменения процессуально-правового статуса лица, участвующего в деле, данное процессуальное действие как юридический факт закрепляется вынесением определения, а само разбирательство по делу начинается сначала. То есть, если с начала процесса лицо было привлечено в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования, а затем в силу изменения исковых требований стало соответчиком, но данный факт не получил закрепления путем вынесения определения, а решением по делу были удовлетворены исковые требования, в том числе и к такому лицу, то невынесение судьей определения об изменении процессуально-правового статуса не будет служить основанием для отмены, хотя в целом это является нарушением норм процессуального права. В указанном случае права соответчика по делу не нарушаются, ему предоставлен весь круг субъективных процессуальных

прав, а также созданы условия для их осуществления[1].

Аналогично решается вопрос и в арбитражном процессе. Даже в случаях, когда не отправляется определение ответчику, которым он привлекается в процесс, но в последующем арбитражный суд неоднократно оповещал его о судебных заседаниях и признавал явку обязательной, его право на участие в судебном заседании считается не нарушенным[2].

Другой пример. В производство суда были приняты и разрешены в сокращенные сроки три иска о признании права собственности на объекты недвижимого имущества, при формальном проведении и упрощении досудебной подготовки и ненадлежащем извещении всех участников процесса, при отсутствии документов, подтверждающих оплату пошлины в полном размере и ходатайств о ее снижении либо об отсрочке уплаты госпошлины. Совершение всех процессуальных действий, в том числе и составление трех мотивированных решений по указанным гражданским делам, заняло незначительный промежуток времени – несколько минут.

Высшая квалификационная коллегия судей Республики Башкортостан указанные действия судьи признала как основание к привлечению его к дисциплинарной ответственности, так как такие действия свидетельствуют о явном пренебрежении судьей нормами гражданско-процессуального законодательства, чем нарушен основной принцип судопроизводства – суд должен быть объективным, справедливым и беспристрастным[3].

Однако Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации (далее – ВККС РФ) отменила принятое ранее решение, указав, что судебные акты, вступившие в законную силу, нельзя признать результатом его пренебрежительного отношения к своим должностным обязанностям, умаляющим авторитет судебной власти.

---

[1] См.: Гражданское дело № 2-527/2011 года // Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

[2] Постановление 12-го арбитражного апелляционного суда от 17.12.2014 г. по делу № А57-7402/2011. - URL://http://base.garant.ru/60483121/(дата обращения: 18.01.2015).

[3] См.: Решение ВККС от 15 декабря 2011 г. - URL:// http: //www.vkks.ru/ ss_detale.php? newid=10348 (дата обращения: 25.11.2012).

Свое решение ВККС РФ обосновала тем, что судебные акты не являлись предметами проверки вышестоящей судебной инстанции, т.е. фактически стороны указанных дел признали их законными и справедливыми. Таким образом, на первый взгляд формальный подход суда к рассмотрению дела можно объяснить тем, что в приведенном случае нет отступления от принципа законности. Принцип соблюден, поскольку право, представляя собой целостную систему, регулирующую поведение граждан и юридических лиц, включает в себя не только догмы предписаний, но и содержит общественную волю, которая не всегда может вкладываться в рамки формальной процедуры. Поэтому оценка всех обстоятельств дела с учетом цели правосудия позволила вынести справедливые решения.

Однако, если нарушения норм процессуального права затрагивают существо субъективного процессуального права, например, когда в основу решения положены обстоятельства, которые не были подтверждены в соответствующем порядке, то данный судебный акт должен быть отменен, так как процессуальный оппонент не мог осуществить право на участие в доказывании.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что нарушение норм процессуального права, т.е. нарушение требований процессуальной формы, не всегда является нарушением субъективных процессуальных прав. И отмена судебного акта по основаниям нарушения процессуальной формы, несоблюдение составляющих ее правил возможна только в совокупности с нарушением субъективных процессуальных прав. Данная мысли подтверждается тем фактом, что современное процессуальное законодательство, подвергаясь дифференциации, позволяет осуществлять правосудие в форме ускоренного производства, которое в свою очередь содержит специфические процессуально-правовые средства, позволяющие отправлять правосудие без наличия сложного состава процессуальных юридических фактов, присущего классическим видам процессуальных

производств[1].

В этом смысле, представляя собой упорядоченный, регламентированный законом процесс, внутреннее содержание которого может быть выражено в виде какой-либо конструкции, процессуальная форма устанавливает пределы реализации субъективных прав путем указания на определенные процессуальные средства, ограничивающие использование субъективного процессуального права, либо под страхом применения процессуальной санкции, либо недостижения правового результата. Арбитражная процессуальная форма, предусматривая последовательность, сроки совершения, содержание процессуальных действий, а также способы их фиксации, организует наиболее оптимальное сочетание процессуальных юридических составов, обеспечивающих эффективное отправление правосудия в арбитражных судах.

Таким образом, процессуальные юридические факты и процессуальные юридические составы также должны рассматриваться в качестве объективных пределов реализации субъективных процессуальных прав. О правообеспечительной функции процессуальных юридических фактов уже говорилось в процессуальной науке. В.В. Ярков считает, что правообеспечительная функция процессуальных юридических фактов проявляется в том, что они обеспечивают нормальный ход судопроизводства[2] путем указания на условия и способы реализации процессуального права, правовые последствия процессуального действия (бездействия).

В системе процессуальных юридических фактов процессуальные документы, представляя собой средства фиксации в письменном виде, играют активную роль в процессе реализации субъективных процессуальных прав и обязанностей, выступая в качестве юридических фактов, с которыми связывается возникновение, изменение или прекращение определенных

---

[1] См.: Папулова З.А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 5–6.

[2] См.: Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. С. 90–91.

правоотношений. Выполняя роль важного средства-инструмента в технологии применения права, они способствуют оптимальной реализации в поведении людей предписаний, заложенных в правовой норме[1]. В юридической науке существует точка зрения относительно того, что под процессуальными актами следует понимать действия, направленные на движение процессуального правоотношения, тогда как под процессуальными поступками – действия, обращенные на реализацию процессуальной правосубъектности или компетенции государственного суда и защиту нарушенных процессуальных прав[2].

Исходя из этого посыла, можно сделать вывод о том, что процессуальные акты как процессуальные средства, указывающие на пределы реализации субъективных прав, выполняют несколько функций в процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон:

во-первых, регулятивную функцию, так как процессуальные акты, вынесенные арбитражным судом, устанавливают рамки конкретного поведения в пределах правил, предписываемых арбитражным процессуальным законом;

во-вторых, информационную функцию, так как указывают на сроки и порядок осуществления правомочий для правомерной реализации субъективных процессуальных прав. Например, определение об оставлении искового заявления должно содержать конкретные обстоятельства, послужившие основанием для оставления искового заявления без движения, а также сроки устранения данных оснований, таким образом, непосредственно указывая на состав необходимых действий, которые следует совершить для дальнейшей реализации субъективных прав истца.

Процессуальные поступки как юридические факты, на наш взгляд, напрямую связаны с субъективными факторами, которые непосредственно отражают отношение субъекта к реализуемым правовым требованиям, его

---

[1] См.: Лукич Р. Методология права. М., 1981. С. 285–287.
[2] См.: Рожкова М.А. Указ. соч. С. 35.

установки и волю в момент совершения предписываемых действий.

Вывод по параграфу:

В параграфе сформулировано, что пределы реализации субъективных процессуальных прав сторон можно определить как совокупность процессуально-правовых средств, закрепленных в арбитражном процессуальном законодательстве и устанавливающих границы их процессуального поведения путем указания на процессуальные действия, необходимые для преобразования законодательно установленной возможности в состояние фактического ее осуществления.

Пределы реализации субъективных процессуальных прав представляют собой обусловленные правовой природой процессуального права, а также принципами арбитражного процессуального права совокупность процессуально-правовых средств, устанавливающих критерии их правомерного осуществления.

Пределы реализации субъективных процессуальных прав подразделяются на:

1) *объективные пределы*, которые закрепляют форму, средства и методы осуществления субъективных процессуальных прав, гарантируют достижение правовой цели как неизбежного результата и устанавливаются абсолютно определенными или относительно определенными критериями. К ним следует отнести: принципы арбитражного процессуального права, арбитражную процессуальную форму, юридические обязанности арбитражного суда как субъекта конкретного арбитражного процессуального правоотношения, процессуальные юридические факты (юридические составы);

2) *субъективные пределы*, к которым относятся процессуально-правовые средства стимулирующего характера, побуждающие правообладателя к действиям, направленным на выбор правомерного процесса реализации субъективного процессуального права, т.е. средства положительной мотивации. Это: субъективные процессуальные права,

законные интересы, процессуальные льготы, процессуальные поощрения и другие средства.

Совокупность процессуально-правовых средств-ограничений и процессуально-правовых средств стимулирующего характера создает специфический правовой режим, в котором происходит реализация субъективных процессуальных прав. Такой режим характеризуется как режим действия процессуальных рисков. Таким образом, процессуальный риск рассматривается как базовая категория арбитражного процессуального права, основным условием существования которой является свободный выбор субъектом варианта процессуального поведения. Процессуальный риск – это подвергающаяся оценке и волевому регулированию присущая процессуальной деятельности субъектов арбитражных процессуальных правоотношений вероятность несения ими негативных последствий, закономерно связанных с разнообразными факторами объективного и субъективного характера.

ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ ОХРАНЫ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

§ 1. Превентивно-обеспечительные меры в системе процессуальных гарантий охраны прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

Процессуальные гарантии охраны прав сторон в арбитражном суде первой инстанции представляют собой процессуально-правовые средства, закрепленные в арбитражном процессуальном законодательстве и обеспечивающие неукоснительную охрану процессуальных прав сторон от любых нарушений как арбитражного суда, так и иных участников процесса. Это процессуальные средства, которые выражают охранно-защитный потенциал права, начиная с мер профилактики и заканчивая процессуальной ответственностью. К числу процессуальных гарантий охраны следует отнести всю совокупность мер процессуального принуждения, которые применяются арбитражным судом.

Данные меры направлены на предупреждение процессуальных правонарушений, устранение причин, их порождающих, восстановление нарушенного субъективного процессуального права. Обеспечительную функцию процессуальные гарантии охраны выполняют только в качестве позитивных процессуально-правовых средств. Это означает, что их применение должно основываться на строгом соблюдении требований арбитражного процессуального законодательства. Так, например, процессуально-правовым средством обеспечения прав сторон служит юридическая ответственность в контексте правомерного и неправомерного поведения субъектов арбитражных процессуальных правоотношений[1]. Но как процессуальная гарантия она возможна лишь при условии ее законности, обоснованности, гуманности, с соблюдением соответствующих правил реализации, включая требования касающиеся соблюдения прав лица,

[1] См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. С. 45.

привлекаемого к ответственности. В случаях неправомерного применения мер процессуальной ответственности данное правовое средство не может рассматриваться в качестве процессуальной гарантии.

Государственное принуждение реализуется не только в форме юридической ответственности, оно имеет достаточно широкий спектр иных форм, мер и способов принудительного воздействия. В специальной юридической литературе принуждение определяется как физическое, психическое или иное воздействие уполномоченных органов[1]. Воздействие на сознание и поведение субъектов осуществляется путем применения принудительных мер, содержащихся в санкциях правовых норм, в установленном процессуальном порядке. Вследствие этого у субъекта, к которому применяются меры государственного принуждения, возникают отрицательные последствия различного характера: личного, имущественного или организационного. Меры государственного принуждения, по мнению ученых, применяются в целях борьбы с правонарушениями и иными нежелательными последствиями, а также для охраны общественной безопасности и правопорядка[2]. Такое определение указывает на достаточно широкий спектр средств государственного принуждения, каждое из которых выполняет в механизме защиты прав только ему присущую функцию.

Проблема дифференциации мер государственного принуждения достаточно часто становится объектом научных разработок области права, но

---

[1] См.: Кожевников С.Н. Меры защиты в советском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1968. С. 4–9; Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С. 35; Кузнецов Н.В. Санкции в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1981; Мелихов В.А. Процессуальная ответственность как особая форма государственного принуждения (теоретико-правовой анализ) : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 8; Новиков А.Г. Гражданская процессуальная ответственность : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 7–8; Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 61; Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1972. С. 18–19; Алексеев С.С. Общая теория права : учебник : в 2 т. М., 1982. Т.1. С. 272–283.

[2] См.: Серегина В.В. Сущность и формы государственного принуждения по советскому праву (общетеоретические проблемы) : дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1987. С. 81.

и в области философии, политологии, социологии[1].

Исследования государственного принуждения в области права как категориального понятия свидетельствуют, что взгляды ученых на его трактовку и характеристику расходятся. Используются такие термины, как «тип», «способ», «средство», «мера» и др. Несмотря на это, при отдельных различиях во мнениях ученые сходятся в одном, что дифференциация форм (мер) государственного принуждения зависит от целей, назначения, основания, процедуры и последствий их применения.

Раскрывая содержание понятия «мера», необходимо констатировать, что его толкование обусловлено осуществлением либо проявлением чего-то в установленных рамках, а также как «определенные мероприятия, совокупность самих действий, направленных на достижение определенных целей»[2]. Однако следует отметить, что общей целью применения всех принудительных мер независимо от отрасли права, в которой они применяются, является охрана конституционности, законности и правопорядка[3]. По своему объективному содержанию меры

---

[1] См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990; Козельский Я.П. Философия нравоучительная. Русская философия права: философия веры и нравственности: антология / под ред. А.П. Альбова, Д.В. Масленникова. СПб., 1997; Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983; Плахов В.Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М., 1985; Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность (социологический аспект). Харьков, 1972.

[2] См.: Шишкин А.Г. Меры юридической ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 15.

[3] См.: Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 36; Афанасьев С.Ф. Судебно-правовая политика в сфере гражданского судопроизводства // Российская правовая политика : курс лекции / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. 461–462; Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 34; Бахрах Д.Н. Административная ответственность. М., 1999. С. 537; Бутнев В.В. Гражданская процессуальная ответственность. Ярославль, 1999. С. 51; Власов А.А. Проблемы обеспечения законности по ГПК и АПК РФ 2002 г. // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 6. С. 27; Евдокимов С.В. Правовосстановительные меры в российском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 10; Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6; Савельева Т.А. Судебная власть в гражданском процессе : учебное пособие. Саратов, 1997. С. 22–23; Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву / науч. ред. И.А. Галаган. Воронеж, 1991. С. 75; Цихоцкий А.В.

государственного принуждения представляют собой правовые ограничения, т.е. определенные лишения имущественного, личного или организационного характера, для субъектов арбитражных процессуальных правоотношений.

Более того, анализ изученных источников позволяет говорить о том, что общетеоретическая конструкция мер государственного принуждения включает все их многообразие, а отраслевые конструкции мер принуждения содержат свой конкретный перечень мер. Однако, несмотря на это, трансформируясь в отраслевое законодательство, любая из мер государственного принуждения должна пониматься в том значении, которое определено в общетеоретической конструкции.

Как в науке общей теории права, так и в отраслевых юридических науках, выделяются следующие меры государственного принуждения, которые связаны с процессом развития правонарушения:

1) меры предупреждающего характера (превентивные);

2) меры пресекающего характера (меры пресечения);

3) меры процессуального обеспечения;

4) меры защиты и восстановительные;

5) меры юридической ответственности в виде мер наказания.

В формате перечисленных мер государственного принуждения справедливо мнение ученых, которые утверждают, что в конечном итоге преодоление правонарушения возможно только на основе применения юридической ответственности, а все иные меры направлены на возможность осуществления мер юридической ответственности[1].

При определении мер процессуального принуждения следует исходить из функционального назначения их общих и специальных целей и задач, а также учитывать их значение и роль в охране законности при осуществлении правосудия арбитражными судами. Например, на

Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. С. 291; и др.

[1] См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. С. 91–92.

современном этапе развития науки гражданского процессуального права выделяются несколько видов гражданского процессуального принуждения, к которым относятся: меры гражданского процессуального предупредительного воздействия; меры процессуального пресечения; меры гражданской процессуальной защиты.

Так, А.В. Юдин указывает, что мерами гражданского процессуального предупредительного воздействия является профилактика нарушений норм гражданского процессуального права, процессуального пресечения – предупреждение правонарушений, мер гражданской процессуальной защиты – недопущение негативных последствий действий участников судопроизводства[1].

Соглашаясь в главном с приведенной классификацией, полагаем целесообразным более глубоко рассмотреть содержание каждого из вида мер процессуального принуждения.

В системе мер процессуального принуждения помимо юридической ответственности выделяются меры, предшествующие ее наступлению, а именно предупреждения (превентивные), меры пресечения (оперативного воздействия), меры процессуального обеспечения и меры защиты.

Приведенная система мер процессуального принуждения отражает не только динамику модели правового поведения, но и динамику реального поведения, которое квалифицируется как противоправное.

Противоправность поведения представляет собой процессуальное правонарушение, которое может проявляться как в форме злоупотребления процессуальными правами, так и неисполнения процессуальной обязанности. Данное утверждение в полной мере соотносится с нормами ч. 2 и ч. 3 ст. 41 АПК РФ.

Каждая из мер процессуального принуждения применяется на определенной стадии развития процессуального правонарушения и

---

[1] См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005. С. 342.

ориентирована на ликвидацию последствий противоправного действия.

Рассмотрим каждую из них. Меры защиты, целью которых является восстановление нарушенного права без применения мер юридической ответственности, используются арбитражным судом по инициативе лиц, участвующих в деле. Основанием применения мер защиты служит то обстоятельство, что лицо, участвующее в деле, нарушает субъективные процессуальные права других участников арбитражного процесса, отказывается добровольно их восстановить либо этому препятствует.

Меры превентивного характера, меры пресечения и меры процессуального обеспечения имеют общую целевую направленность и поэтому их объединяют в единый комплекс мер превентивно-обеспечительного характера. Превентивно-обеспечительные меры государственного принуждения могут конкретизироваться, модифицироваться и компоноваться в зависимости от отрасли права – частной или публичной[1].

Например, частному праву присущи меры регулятивного характера, которые применяются компетентными государственными органами в случаях невозможности урегулирования сторонами возникшего конфликта, например определение судом доли в общей собственности на имущество[2].

В публичном праве в качестве самостоятельного вида обеспечительных мер выделяются меры ограничения прав, которые предусматриваются в публичных целях в отношении законопослушных граждан и не связаны с противоправным поведением лиц.

Указанные меры корреспондируют положениям ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой право

---

[1] См.: Советское гражданское законодательство : учебник : в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., доп. М., 1985. Т. 1. С. 225; Петрухин И.Л. Уголовно-процессуальное принуждение и свобода личности // Советское государство и право. 1984. № 4. С. 84; Попкова Е.С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными формами государственного принуждения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9–10; Сенякин И.Н. Федерализм – безопасность личности // Конституционное развитие России. Саратов, 1986. С. 105–107.

[2] Советское гражданское законодательство / под ред. О.А. Красавчикова. Т. 1. С. 226–227.

каждого физического и юридического лица на уважение и защиту, принадлежащего ему, не умаляет право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для контроля за использованием собственности согласно общим интересам.

В арбитражном процессуальном праве в качестве мер превентивно-обеспечительного характера, по нашему мнению, можно выделить следующие: меры превентивного характера; меры пресечения; меры регулятивного характера; меры ограничения прав.

Такая отраслевая конструкция системы мер принуждения, содержащая свой определенный перечень мер в их конкретном сочетании, обусловлена спецификой отрасли арбитражного процессуального права, которая проявляется в публично-правовых и частных началах правовой природы арбитражного процессуального права. Иными словами, правовое регулирование общественных отношений, складывающихся в период осуществления правосудия в арбитражных судах**,** закрепляет определенные приемы юридического воздействия, характеризующие использование данного комплекса в арбитражном процессуальном праве. Метод юридического воздействия, с помощью которого происходит правовое регулирование арбитражных процессуальных правоотношений, сочетает в себе элементы императивного (метод субординации) характера с диспозитивным (метод координации) началом. Императивное регулирование осуществляется на властно-императивных началах, присущих деятельности арбитражных судов как органу государственной власти. Диспозитивный метод оказывает влияние на активность сторон, их правомерные действия в арбитражном процессе.

В сфере арбитражного процессуального права основанием применения мер превентивного характера следует считать предположения о возможности совершения процессуального правонарушения субъектами арбитражных процессуальных правоотношений, в отношении которых такие меры применяются. В юридической литературе цель мер превентивного

воздействия утверждается как предотвращение негативных явлений, наносящих вред общественным и иным интересам[1].

В сфере арбитражного процессуального права цель мер превентивного характера состоит в непосредственном предупреждении возникновения процессуальных правонарушений, а также их устранении лицом, допустившим противоправное поведение. Применение превентивных процессуальных мер возможно на всех стадиях арбитражного процесса. Однако, исходя из задач настоящего исследования, особое внимание следует обратить на меры превентивного характера, которые применяются арбитражными судами первой инстанции при разбирательстве дела.

На стадии возбуждения производства в качестве мер превентивного воздействия предлагается институт оставления искового заявления без движения. Основанием применения данной меры арбитражным судом служит предположение, которое базируется на факте либо на явных признаках того, что ненадлежаще выполненные процессуальные действия истца несут в себе угрозу нарушения порядка предъявления искового заявления. Иными словами, истец либо недостаточно точно сформулировал свои требования, а также фактические и правовые обстоятельства, либо не представил соответствующие документы, о чем его и информирует арбитражный суд путем указания на конкретную причину, которую следует устранить истцу в сроки, определенные судом. Здесь налицо именно обоснованное предположение арбитражного суда о возможности совершения процессуального правонарушения. Так, например, не представлены документы, подтверждающие направление другой стороне копии искового заявления. В этом случае возможно предположить, что истец выполнил требования об отправке, но по каким-либо причинам не приложил документ к исковому заявлению[2].

---

[1] См.: Базылев Б.Т. Указ. соч. С. 15.

[2] См., например: Определение Арбитражного суда г. Москвы об оставлении искового заявления без движения по делу № А40-162054/12 117-1564 от 16 декабря 2012 г. URL:

Таким образом, арбитражный суд устраняет причины и условия возможного правонарушения, предупреждая, что в случае неисполнения мероприятий в объеме и в сроки, указанные в определении, действия истца трансформируются в противоправное деяние. В этом случае возникает потребность в применении новой формы принуждения, а именно исковое заявление будет возвращено без рассмотрения, т.е. будет применена мера пресечения. В этом смысле возвращение искового заявления без рассмотрения как меру пресечения в ответ на совершенное процессуальное правонарушение следует расценивать не как санкцию за неправомерное поведение, а как средство предупреждения нарушения порядка отправления правосудия. Исходя из совокупности требований норм ст. 125 и 126 АПК РФ нарушение порядка отправления правосудия будет проявляться, например, в сложности определения предмета доказывания по делу, если истец недостаточно точно сформулировал предмет и основание иска.

Как следствие арбитражным судом, на который возложена обязанность выяснения «наличия или отсутствия обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле» (ч. 1 ст. 64 АПК РФ), будет вынесено необоснованное решение в той ее конкретной разновидности, которую АПК РФ расценивает как неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела. В последующем это приведет к отмене судебного акта, вынесенного по делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 270 АПК РФ.

Высший Арбитражный Суд РФ в своих определениях неоднократно указывал на то, что судам, выясняя действительную общую волю сторон, необходимо устанавливать статус лица, предъявившего иск в полном объеме и юридически значимые для дела факты[1]. Нарушения субъективных

---

http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8f5dd922-0fb4-450a-a05c-4a10e8924eb5/A40-162054-2012 _ 20121217_Opredelenie.pdf (дата обращения: 05.05.2013).

[1] См.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 сентября 2009 г. № ВАС 12284/09. URL:http://kad.arbitr. ru/Card/aa181bfc-6d3d-411e-bfc5-88142d91d4e6 (дата обращения: 15.03.2013); Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 20 марта 2006 г. № КГ-А40/1814-06 по делу № А40-3342/05-100-34. URL: http:// kad.arbitr.ru/Card/111fc1d9-bb28-4386-936f-2c24c8aa86ce (дата обращения: 16.03.2013).

процессуальных прав иных участников арбитражного процесса могут выражаться, например, в нарушении права на «законный суд» при нарушении правил о подсудности; в случае ненаправления истцом исковых документов ответчику нарушается его право на судебную защиту в части неполучения заблаговременно информации о предъявленных к нему требований, что не позволяет обстоятельно подготовиться к процессу, продумать способы защиты против иска, свою правовую позицию, собрать и представить арбитражному суду документы, опровергающие достоверность представленных истцом доказательств.

На стадии подготовки к судебному разбирательству в качестве мер превентивного воздействия выступает вынесение арбитражным судом определения о назначении подготовки дела к судебному разбирательству.

В соответствии с ч. 1 ст. 134 АПК РФ арбитражный суд обязан вынести определение о подготовке дела к судебному разбирательству с указанием всех конкретных процессуальных действий, необходимых для проведения подготовки дела. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что определение должно содержать как состав и содержание действий арбитражного суда, которые он обязан совершить, так и перечень процессуальных действий, которые обязаны совершить стороны в процессе подготовки, сроки их совершения. В этом же определении арбитражный суд предупреждает о тех последствиях и мерах, которые наступят в случае нарушений требований суда[1]. В определении арбитражный суд указывает на процессуальные права лиц, участвующих в деле. Перечень обязательных для совершения процессуальных действий лиц, участвующих в деле,

[1] См., например: Определение Арбитражного суда г. Москвы о принятии искового заявления к производству, подготовке дела к судебному разбирательству и назначении по делу №А40-153965/12 от 29 ноября 2012 г. URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDo cument /0866913f-c717-4da3-a302-aa682a6b4415/A40-153965-2012_20121129_Opredelenie.pdf (дата обращения: 15.09. 2013); Определение Арбитражного суда г. Москвы о принятии искового заявления к производству, подготовке дела к судебному разбирательству и назначении по делу № А40-162054/12 117-1564 от 24 декабря 2012 г. URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocu ment/0f362ca1-644f-45e9-8891-935cae41ea77/A40-162054-2012_20121224_Opredelenie.pdf (дата обращения: 15.09.2013).

определяется исходя из конкретных обстоятельств каждого дела[1]. Арбитражный суд самостоятельно планирует проведение всего процесса разрешения дела с учетом сроков, определенных законом для рассмотрения дела в суде первой инстанции по конкретному виду производства.

Таким образом, определение о подготовке дела, выполняя превентивную функцию, предупреждает возможные процессуальные правонарушения путем четкого указания на порядок совершения необходимых действий, а также видов мер процессуального принуждения, которые могут быть применены в дальнейшем к субъекту в случае отклонения его поведения от идеальной модели, зафиксированной в нормах арбитражного процессуального права в качестве процессуально-правового статуса.

Как меру превентивного характера следует рассматривать и проведение собеседования со сторонами и иными участниками арбитражного процесса. Данное процессуальное действие не является обязательным, поэтому о целесообразности его проведения арбитражный судья решает самостоятельно. Для проведения собеседования судья может приглашать стороны неоднократно в пределах срока, отведенного для подготовки судебного разбирательства, т.е. до проведения предварительного судебного заседания. При неявке одной из сторон, надлежащим образом извещенной о проведении собеседования, арбитражный суд вправе провести его с одной стороной, но в этом случае обязательно ведется протокол. Неявка сторон по вызову на собеседование не влечет каких-либо неблагоприятных последствий для неявившейся стороны. В ходе собеседования арбитражный суд может предложить истцу уточнить свои требования и обстоятельства, на которые он ссылается в обоснование своих требований, а ответчику – суть возражений и их основания.

---

[1] См.: О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 URL:http:// smolensk.arbitr.ru/law/docs/30. (дата обращения: 15.09.2014).

Таким образом, предварительно выясняется намерение сторон о раскрытии своих правовых позиций и доказательств до начала судебного разбирательства и проводится оценка перспектив правомерности процессуального поведения сторон в дальнейшем процессе. Раскрытие доказательств в соответствии с ч. 3 ст. 65 и п.1 ч. 1 ст. 138 АПК РФ следует рассматривать как обязанность лиц, участвующих в деле, неисполнение которой, исходя из смысла действующего процессуального закона, расценивается как злоупотребление процессуальным правом, т.е. как одно из оснований применения мер государственного принуждения. Поэтому арбитражный суд в целях исключения возможности злоупотребления процессуальными правами разъясняет сторонам способы и сроки раскрытия доказательства, обозначение доказательства, которое может сопровождаться ходатайством об истребовании судом необходимого доказательства, его представление в арбитражный суд, обмен состязательными документами.

Проверка арбитражным судом полномочий лиц, участвующих в деле, и их представителей, проводимая в соответствии со ст. 163 АПК РФ, также реализует превентивную функцию. Это обусловлено тем фактом, что участие в арбитражном процессе лица, участвующего в деле, либо представителя связывается с волеизъявлением доверителя на совершение именно этим лицом процессуальных действий от его имени, которые будут в дальнейшем порождать правовые последствия.

В стадии судебного разбирательства в качестве меры превентивного воздействия можно охарактеризовать подготовительную часть судебного заседания. В соответствии с ч. 2 ст. 153 АПК РФ председательствующий арбитражный судья обязан совершить действия, разъясняющие лицам, участвующим в деле, их процессуальные права и обязанности, информировать о последовательности их совершения, а также обеспечивать условия для всестороннего и полного исследования доказательств и обстоятельств дела.

Таким образом, можно сделать вывод, что меры превентивного

воздействия в арбитражном процессуальном праве направлены на лиц, участвующих в деле, в целях правомерной реализации ими субъективных процессуальных прав и исключения совершения ими процессуальных правонарушений. Использование арбитражных процессуальных мер превентивного воздействия представляет собой целенаправленную деятельность арбитражного суда, рассматривающего конкретное дело, с определенным кругом субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, которую можно охарактеризовать в качестве индивидуального предупреждения.

Выделение в отдельную группу мер пресечения вызвано тем, что они направлены на уже совершенное конкретное процессуальное правонарушение, а также на другие объективно-противоправные действия, совершаемые лицами, участвующими в деле. Меры пресечения в этом смысле оказывают локализующее воздействие на различных стадиях проявления противоправного процессуального поведения, включая и момент нарушения требований норм арбитражно-процессуального законодательства. Также выделяют такую отличительную черту мер пресечения, как отсутствие наказания субъекта в качестве целеполагания применения мер пресечения процессуального принуждения.

Анализ норм институтов – возвращения искового заявления (ст. 129 АПК РФ), оставления искового заявления без рассмотрения (ст. 149 АПК РФ), прекращения производства по делу (ст. 150 АПК РФ), признания арбитражным судом явки лиц, участвующих в деле, обязательной, удаления лица из зала судебного заседания (ч. 4 ст. 154 АПК РФ) – позволяет говорить о том, что данные институты следует рассматривать в качестве мер пресечения. Все вышеперечисленные меры, перечень которых не является закрытым, применяются арбитражным судом в случаях, когда он устанавливает факт совершения процессуального правонарушения, например, при возвращении искового заявления по правилам ст. 129 АПК РФ, нарушение правил подсудности, что в дальнейшем может привести к

отмене судебного акта, так как дело рассмотрено незаконным составом суда. При оставлении искового заявления без рассмотрения по правилам ст. 148 АПК РФ противоправность действий выражается в нарушении либо условий реализации права на предъявление искового заявления (пп. 1, 2, 5, 7 ч. 1 ст. 148 АПК РФ), либо порядка предъявления искового заявления (пп. 3, 4, 8 ч. 1 ст. 148 АПК РФ). В этих случаях пресекается возможность вынесения нескольких судебных решений по тождественным делам юрисдикционными органами, т.е. нарушение правового запрета со стороны, подавшей соответствующее исковое заявление, либо пресекается неисполнение обязанности, возложенной на истца федеральным законом или договором, которая предусматривает соблюдение обязательного досудебного порядка урегулирования спора (п. 2. ч. 1 ст. 148 АПК РФ), или обязанности по передаче дела на рассмотрение третейского суда (п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ).

Определенной спецификой обладает основание, указанное в п. 6 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, в отношении заключения сторонами третейского соглашения о передаче спора на рассмотрение третейского суда во время судебного разбирательства. Данное основание предопределяет возможность дальнейшего разбирательства дела, находящегося в производстве арбитражного суда, и неприменения мер по оставлению искового заявления без рассмотрения к лицам, заключившим соглашение. Это вызвано теми обстоятельствами, что заключенное третейское соглашение содержит признаки правонарушений, например, оно недействительно либо не исполнимо в будущем. В этом случае дальнейшее разбирательство спора арбитражным судом также следует расценивать как меру пресечения противоправных действий.

Часть 4 ст. 63 АПК РФ, устанавливая правила проверки полномочий судебного представителя, указывает на отказ арбитражного суда в признании полномочий соответствующего лица на участие в деле при непредставления лицом, участвующим в деле, его представителем необходимых документов в подтверждение полномочий или представления документов, не

соответствующих требованиям, установленным арбитражным процессуальным законодательством и другими федеральными законами, а также в случае нарушения правил о представительстве, установленных статьями 59 и 60 АПК РФ.

Целью, которая, объединяя все вышеперечисленные институты, позволяет их рассматривать в качестве мер пресечения, является необходимость прекращения противоправного поведения лиц, участвующих в арбитражном процессе, для обеспечения законности судебного процесса. Так же можно указать и на то обстоятельство, что меры пресечения в арбитражном процессе, не преследуя цели применения санкции, создают условия для последующего привлечения нарушителя к юридической ответственности, например при неявке в судебное заседание, признанной обязательной.

Меры регулятивного характера принимаются арбитражным судом в тех случаях, когда возникает необходимость устранения неопределенной процессуальной ситуации, в том числе и возможных разногласий между лицами, участвующими в деле. Причем здесь речь идет не о процессуальном правонарушении как таковом, а именно об урегулировании создавшейся ситуации, когда стороны не могут самостоятельно ее разрешить.

В арбитражном процессуальном праве специфика мер регулятивного характера проявляется в том, что их применение не связано с неправомерным поведением субъектов в процессе, а направлено на разрешение процессуально значимых вопросов и принятие решения по ним.

В связи с этим меры регулятивного характера могут применяться как по ходатайству лиц, участвующих в деле, так и по инициативе суда.

Например, иск предъявлен к ответчику, местонахождение которого не было известно. В этом случае применение регулятивной меры, предусмотренной п. 1 ч. 2 ст. 39 АПК РФ, а именно передачи дела по подсудности, обеспечивает право ответчика на законный суд. Если же обе стороны ходатайствуют о передаче дела по месту нахождения большинства

доказательств (п. 2 ч. 2 ст. 39 АПК РФ), то применение регулятивной меры вызвано обеспечением оптимизации судебного процесса.

Аналогичный характер имеют меры, закрепленные в пп. 2^1, 3 ст. 130 АПК РФ. Они определяют возможность и необходимость соединения или разъединения судебных дел, вызванные целесообразностью их применения. Обстоятельства, способствующие объединению либо разъединению судебных дел, имеют объективный характер, который предотвращает возможность противоречивого разрешения взаимодействующих требований.

Судебное поручение как мера регулятивного характера, закрепленная ч. 1 ст. 73 АПК РФ, предоставляет право арбитражному суду поручить другому арбитражному суду произвести определенные процессуальные действия по получению доказательств, находящихся на территории другого субъекта РФ.

Таким образом, цель применения мер регулятивного характера в арбитражном процессе состоит в устранении обстоятельств, негативные детерминанты которых могут в дальнейшем трансформироваться в нарушения, указывающие на незаконность проведенной судебной процедуры, либо вызвано необходимостью оптимизации судебного разбирательства.

Арбитражное процессуальное законодательство в целях защиты законных интересов лиц, участвующих в деле, либо публичных интересов устанавливает меры государственного принуждения, которые ограничивают определенные права тем или иным способом.

В свою очередь, меры ограничения прав можно подразделить на меры:

процессуального обеспечения, ограничивающие имущественные и неимущественные права субъектов, вовлеченных в сферу арбитражного судопроизводства, в целях обеспечения исполнимости итоговых судебных актов по делу;

обеспечивающие законные интересы, ограничивающие процессуальные права субъектов, вовлеченных в сферу арбитражного судопроизводства, в целях защиты публичных интересов, частных интересов

и интересов других лиц.

Меры процессуального обеспечения ставят своей целью обеспечить правильное и своевременное рассмотрение дела, имущественные требования заявителя и исполнение принятого по делу судебного акта. Способом достижения указанной цели является установление различных запретов и ограничений для лиц, в отношении которых применяются меры процессуального обеспечения[1]. Собственно меры процессуального обеспечения, закрепленные в арбитражном процессуальном законодательстве, имеют широкий перечень, включающий меры обеспечения иска (гл. 8 АПК РФ), обеспечение исполнения судебного акта (ст. 100 АПК РФ).

С точки зрения развития судебного процесса в процессуальной науке принята следующая классификация мер процессуального обеспечения: меры предварительной защиты; меры обеспечения требований, переданных на рассмотрение арбитражного суда; меры исполнения итоговых судебных актов. Например, при всей схожести правового регулирования института обеспечения доказательств с обеспечением иска по целям и способам их достижения данные меры следует отнести к различным видам мер обеспечительного характера. Обеспечение доказательств следует квалифицировать как меру регулятивного характера, так как при ее применении не производится каких-либо ограничительных действий в отношении прав субъектов, от которых должно получить соответствующее доказательство. Цель применения данной меры состоит в урегулировании ситуации, требующей оперативного закрепления необходимой информации.

Различие между мерами по обеспечению доказательств и обеспечительными мерами проявляется и в действиях, опосредующих ту или иную меру. В отношении обеспечения доказательств АПК РФ использует терминологию «собирание», «истребование», как следствие установленные

[1] См.: Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / под ред. и с предисл. М.К. Треушникова, Ю.А. Поповой. Краснодар, 2004. С. 189.

формы исследования доказательств, а именно осмотр, исследование, прочтение, фиксация на фото- или видеопленку, прослушивание. Все эти действия по обеспечению доказательств не ограничивают права лиц, у которых данное доказательство истребуется. Доказательства после исследования возвращаются лицам, от которых они были получены (ч. 10 ст. 75 АПК РФ, ч. 1 ст. 77 АПК РФ, ч. 1 ст. 80 АПК РФ). И только в определенных случаях арбитражный суд, признав целесообразность хранения доказательств в арбитражном суде либо у хранителей, задерживает их до вступления в законную силу итогового судебного акта по делу (ч. 2 ст. 80 АПК РФ). В то время как обеспечительные меры всегда представляют собой определенный запрет на совершение действий, изъятие товаров, арест имущества, задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации и т.д.

В силу этого довода невозможно согласиться с мнением, высказанным Н.В. Павловой в отношении того, что «процедура обеспечения доказательств связана с причинением должнику ущерба»[1].

М.З. Шварц указывает на отличительные признаки обеспечительных мер и мер по обеспечению доказательств, логично утверждая, что правовые последствия неприменения мер обеспечения доказательств и обеспечительных мер также различны[2].

Различия в правовых последствиях проявляются в том, что непринятие обеспечительных мер затрудняет либо делает полностью невозможным исполнение итогового судебного акта по делу и предотвращения значительного ущерба. Непринятие мер по обеспечению доказательств делает невозможным либо затруднительным установление обстоятельств дела в силу того, что доказательство, подтверждающее те или иные факты, входящие в предмет доказывания по делу, может быть безвозвратно утрачено. Следует также обратить внимание на тот аспект, что в некоторых

---

[1] Павлова Н.В. Ускоренная судебная защита. Предварительные обеспечительные меры в коммерческом процессе. М., 2005. С. 147.

[2] См.: Шварц М.З. Обеспечение доказательств – новый способ собирания доказательств в арбитражном процессе? URL: http://ppt.ru/news/47154 (дата обращения: 08.09.2010).

случаях использование одних и тех же названий, таких как «арест товаров и денежных средств на счетах», «конфискация», «изъятие», позволяет смешивать не только меры обеспечения доказательств с обеспечительными мерами, но и собственно меры процессуального обеспечения с мерами ответственности.

На невозможность смешения данных понятий неоднократно указывал Конституционный Суд РФ в своих постановлениях, давая разъяснения относительного того, что в каждом конкретном случае существует необходимость четкого уяснения, в каком качестве выступает та или иная мера государственного принуждения[1]. Так, например, такую меру государственного принуждения, как арест, в случаях ее применения арбитражным судом до вынесения итогового судебного акта следует понимать как меру процессуального обеспечения. В таком аспекте она не направлена на прекращение права собственности, не является санкцией, в последующем возможны обжалование и применение различных мер в качестве встречного обеспечения. При наложении ареста как меры процессуального обеспечения не будет устанавливаться и противоправность действий субъекта.

Меры, обеспечивающие не только права сторон, но и права других лиц, устанавливаются как превентивные. К ним следует отнести положения, закрепляющие:

непринятие арбитражным судом отказа от иска, уменьшение размера исковых требований, признание ответчиком иска (ч. 5 ст. 49 АПК РФ);

отказ в утверждении мирового соглашения (ч. 5 ст. 49 АПК РФ, ч. 6 ст. 141 АПК РФ);

---

[1] См.: Постановление Конституционного Суда РФ № 8-П от 20 мая 1997 г. «По делу о проверке конституционности пункта4 и 6 статьи 242 и статьи 280 ТК РФ в связи с запросом Новгородского областного суда».URL://http://www.consultant.ru/document/cons_ doc_ LAW_ 14550/ (дата обращения: 22.08.2012); Постановление Конституционного Суда № 8-П от 11 марта 1998 г. «По делу о проверке конституционности статьи 266 ТК РФ, части 2 статьи 85 и статьи 222 КоАП РСФСР в связи с жалобами граждан М. Гаглоевой и А.Б. Петрякова». URL:http://base. garant.ru/12110905/ (дата обращения: 22.08.2012).

отказ в реализации права на признание стороной обстоятельств (ч. 4 ст. 70 АПК РФ);

пресекательные сроки для совершения процессуальных действий (ст. 115 АПК РФ).

Указанные действия арбитражного суда предполагают необходимость выяснения обстоятельств, свидетельствующих о противоречии закону, а именно императивным нормам, либо о нарушении прав других лиц. Следует отметить, что права других лиц нужно трактовать шире, чем права лиц, участвующих в деле. Особенно это важно при разбирательстве дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, когда Суд по интеллектуальным правам рассматривает дела об оспаривании нормативных правовых актов. Это объясняется тем, что нормативный правовой акт устанавливает правила поведения, которые обязательны для неопределенного круга лиц.

При утверждении мирового соглашения на суд возлагается обязанность по проверке заключенного сторонами мирового соглашения на соответствие его императивным нормам законодательства. Например, если предметом мирового соглашения могут быть сделки, данная обязанность предполагает проверку мирового соглашения на соответствие императивным нормам закона о сделках (к порядку заключения крупных сделок, сделок, в которых имеется заинтересованность). Основываясь на изложенном, суд проверяет представленное на утверждение либо оспариваемое мировое соглашение на соответствие указанным нормам закона при наличии необходимых доказательств, представленных заинтересованными лицами.

Проверка нарушений императивных норм о сделках имеет большое значение, так как в дальнейшем такая сделка не подлежит самостоятельному оспариванию от определения, которым утверждено мировое соглашение.

В качестве меры ограничения права следует рассматривать и отказ в принудительном исполнении решения третейского суда, вынесенного против лица, в случае, когда соответствующее заявление поступило в арбитражный

суд после возбуждения процедуры банкротства. В данной ситуации арбитражный суд должен исследовать вопрос, может ли легализация решения третейского суда вне рамок конкурсного производства повлечь нарушение принципа равной судебной защиты, тем самым создать условия для существенного нарушения прав лиц, имеющих право на удовлетворение своих требований в рамках конкурсного производства[1].

Установление в арбитражном процессуальном законодательстве пресекательных сроков обусловлено необходимостью гарантировать правовую определенность в материальных правоотношениях и стабильность гражданского оборота. Именно таким образом было дано обоснование Конституционным Судом РФ в одном из своих постановлений[2].

При всем целевом различии мер процессуального обеспечения и мер, обеспечивающих законные интересы, их объединяет тот факт, что применение мер по ограничению прав не связывается с имевшим место противоправным поведением лица, в отношении которого они применяются. Предполагается, что применение таких мер целесообразно в ситуации, когда ограничением права одного субъекта удовлетворяются интересы других заинтересованных субъектов.

Вывод по параграфу:

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что охранительную функцию процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон выполняют процессуально-правовые средства, закрепленные в арбитражном процессуальном законодательстве. С их помощью происходит воздействие на волю субъектов арбитражных процессуальных правоотношений под

---

[1] См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 февраля 2013 г. № 12751/12. URL: http://www.arbitr. ru /bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_3cea9d01-716c-4f85-b74c-9c19b5f72b0d (дата обращения: 23.04.2013).

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры ”Дом культуры им. Октябрьской революции”, открытого акционерного общества ”Центронефтехимремстрой”, гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области». URL: http://base.garant.ru/12143100/ (дата обращения: 24.04.2013).

угрозой применения мер процессуального принуждения, к которым следует отнести:

– меры превентивно-обеспечительного характера;

– процессуальные меры защиты;

– меры процессуальной ответственности.

Процесс индивидуального предупреждения связан с целенаправленной деятельностью арбитражного суда, рассматривающего конкретное дело по использованию:

– мер превентивного характера;

– мер пресечения;

– мер регулятивного характера;

– мер процессуального обеспечения.

Меры превентивно-обеспечительного характера применяются арбитражным судом в целях индивидуального предупреждения неправомерной реализации субъективного процессуального права или исключения процессуального правонарушения.

§ 2. Процессуальные меры защиты в системе процессуальных гарантий охраны прав сторон

В отечественной правовой науке к мерам государственного принуждения наряду с обеспечительными мерами и мерами юридической ответственности относятся меры защиты.

Проблема правовой защиты всегда была объектом повышенного интереса юристов и как следствие в науке разработано достаточно широкое понятие, которое охватывает своим содержанием различные меры, направленные на охрану и защиту прав граждан и организаций, предусмотренных законом[1].

[1] См.: Григорьева Т.А. Арбитражная юрисдикция в современной России. Саратов, 2002. С. 130; Прокопович Г.А. Юридическая ответственность в российском праве (теоретический аспект) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 24.

В самом общем смысле под процессуальными средствами охраны и защиты понимаются процессуальные формы осуществления надзора и контроля, меры защиты прав при обжаловании, меры ответственности виновных за нарушение законодательства; процессуальная ответственность и государственное принуждение[1].

Одним из элементов, входящих в систему процессуальных гарантий охраны субъективных процессуальных прав сторон, является защита и те процессуальные меры защиты, которые выступают в качестве процессуальных средств, закрепленных в арбитражном процессуальном законодательстве в целях восстановления нарушенных субъективных процессуальных прав сторон и принуждения правонарушителя к исполнению обязанностей.

Как уже говорилось, в зависимости от стадий развития процессуального правонарушения меры государственного принуждения подразделяются на несколько самостоятельных видов, каждый из которых выполняет свою определенную функцию для предотвращения негативных последствий противоправных деяний.

Действие мер защиты характеризуется как первичные правоохранительные санкции, представляющие собой средства правового воздействия в отношении обязанных лиц с целью восстановления в полном объеме нарушенных субъективных прав[2].

Цель применения мер защиты состоит в восстановлении нарушенного (оспоренного) субъективного права без применения мер ответственности к субъекту, совершившему противоправное действие в виде неисполнения обязанности. Именно целевое назначение данных мер выделяется учеными в системе мер государственного принуждения в качестве их отличительной

---

[1] См.: Строгович М.С., Патюлин В.А., Витрук Н.В. и др. Права личности в социалистическом обществе / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. М.,1981. С. 178, 204; Валеев Д.Х. Процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве. Казань, 2001. С. 75.

[2] См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 218.

черты[1].

Процессуальные меры защиты, не затрагивая законных интересов и не создавая дополнительных обязанностей у лица, причинившего вред реализации субъективных процессуальных прав, обеспечивают интересы другой стороны путем восстановления его нарушенного субъективного процессуального права, которое происходит вследствие принуждения обязанного лица к совершению действий, необходимых для устранения препятствий в реализации субъективного процессуального права.

В круг действий, охватываемых понятием «восстановление права», по нашему мнению, следует включать действия, направленные на обеспечение неприкосновенности субъективного процессуального права, на пресечение неправомерных действий либо на ликвидацию последствий.

Так, например, законодатель, регламентируя порядок проведения судебного заседания с участием арбитражных заседателей, устанавливает процессуальную меру защиты, которая применяется по ходатайству одной из сторон либо при отсутствии возражений сторон в случае повторной неявки в судебной заседание одного или двух арбитражных заседателей (ч. 4 ст. 19 АПК РФ). Указанная процессуальная мера защиты пресекает затягивание рассмотрения дела, тем самым восстанавливая право сторон на разрешение дела в разумные сроки. В данном случае арбитражный суд не вмешивается в диспозитивную сферу по распоряжению процессуальными правами, так как в его полномочия входит обеспечение оперативности рассмотрения дела. Суд, конечно же, может при несогласии с единоличным рассмотрением дела

---

[1] См.: Ардашкин В.Д. Меры защиты как общеправовая научная категория // Актуальные проблемы теории социалистического государства / редкол.: Н.В. Витрук, Л.С. Мамут, С.В. Поленина и др. М., 1977. С. 162–164; Казулин А.И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 7; Лысенко С.Л. Гарантии прав и свобод личности в советском обществе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1972. С. 19; Корешкова И.Н. Конституционные права и свободы советских граждан и их развитие в текущем законодательстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1981. С. 18–20; Тихонова Б.Ю. Субъективные права советских граждан в условиях развитого социализма. М., 1983. С. 100.

принять меры к формированию состава арбитражных заседателей по правилам, предусмотренным арбитражным процессуальным законодательством. В этом случае должны применяться правила п. 2 ч. 3 ст. 18 АПК РФ, а именно замена арбитражного заседателя. Тогда будет реализовано право на рассмотрение дела с участием арбитражных заседателей.

Определенные процессуальные меры защиты, закрепленные в арбитражном процессуальном законодательстве, имеют своей целью восстановление субъективных материальных прав. К таким мерам можно отнести, например, немедленное исполнение решения (ч. 3 ст. 182 АПК РФ), индексацию присужденных денежных сумм (ст. 183 АПК РФ)[1].

Приведенные примеры подтверждают один из характерных признаков процессуальных мер защиты, отличающих их от иных мер процессуального принуждения, которые могут быть применены арбитражным судом, а именно их применение возможно только после соответствующего обращения участника арбитражного процесса. Так, например, меры процессуальной ответственности используются арбитражным судом по своей инициативе, и следствием их применения является наказание лица, противоправность действий которого наносит вред как процессу осуществления правосудия, так и правам лиц, участвующих в деле.

А.Х. Гольмстен, выделял предупредительный и восстановительный характер мер гражданской процессуальной защиты[2]. Такой подход к рассмотрению процессуальных мер защиты позволяет выяснить, в чем конкретно проявляются данные функции и какое значение для обеспечения прав они имеют.

Процессуальные меры защиты выступают разновидностью мер государственного принуждения и как следствие им присущи три функции:

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2008 № 244-О-П «По жалобе гражданина Петрова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base= ARB;n=67936. (дата обращения 24.02.2015).

[2] См.: Гольмстен А.Х. Указ. соч. С. 238–239.

восстановительная, обеспечительная и пресекательная.

Восстановительная функция служит основой для процессуальных мер защиты. Объясняется это тем, что в первую очередь должно восстановиться положение лица, пострадавшего от неправомерных действий правонарушителя. С восстановительной функцией связана пресекательная функция процессуальных мер защиты, назначение которой – прекращение противозаконных или создающих угрозу нарушения субъективных процессуальных прав действий, которые носят длящийся характер. Потребность в защите возникает в момент нарушения охраняемого объекта[1]. Применение мер защиты наиболее целесообразно на данном этапе.

Научно обоснована позиция Ш. Менглиева, рассматривавшего и другую сторону защиты, а именно ее целевое назначение, которое проявляется в восстановлении права[2].

Анализируя основные признаки процессуальных мер, можно указать на их обеспечительную функцию, выражающуюся в стимулировании к надлежащему исполнению обязанностей под страхом применения мер процессуальной ответственности. Эта функция связана с гарантированием осуществления правомерного поведения как в форме добросовестной реализации субъективных процессуальных прав, так и в форме надлежащего исполнения обязанностей.

Основным назначением процессуальных мер защиты является гарантирование устойчивого функционирования субъективных процессуальных прав как посредством обеспечения своевременной реализации субъективных процессуальных прав, так и с помощью устранения последствий, вызванных неправомерным поведением участников арбитражного процесса.

Применение процессуальных мер защиты, как и иных процессуальных мер принуждения, базируется на виновной основе, т.е. презумпции вины, в

---

[1] См.: Григорьева Т.А. Указ. соч. С. 130.
[2] См.: Менглиев Ш. Защита имущественных прав граждан. Душанбе, 1989. С. 84.

силу чего арбитражный суд не выясняет субъективную сторону деяния лица[1].

В ряде работ отмечается, что для применения мер защиты достаточно объективно-противоправного поведения[2], поэтому вина не входит в фактическое основание применения процессуальных мер защиты: это основание ограничивается фактом нарушения права и интереса управомоченного.

Аналогичной точки зрения придерживался О.С. Иоффе, обращавший внимание на то, что неправомерное поведение само по себе является основанием для реализации этих мер. В связи с этим характер совершенного деяния (виновность или невиновность) не должен рассматриваться в качестве основания для применения соответствующих мер[3].

Следует обратить внимание и на аспект, указывающий на отсутствие связи реализации процессуальных мер защиты с возложением дополнительного обременения на лицо, в отношении которого применяются процессуальные меры защиты. Иными словами, независимо от наличия или отсутствия вины обязанность по восстановлению правового положения лица должна быть выполнена. Собственное отношение нарушителя к своим противоправным действиям, а также наличие причинной связи между нарушением и убытками в данной ситуации не имеют никакого значения.

Продолжая рассуждать об основании применения мер государственного принуждения, важно обратить внимание на мнение некоторых ученых, которые утверждают, что основанием для мер государственного принуждения служит неисполнение либо промедление с исполнением обязанности по

---

[1] См.: Ермаков А.Н. Меры защиты в арбитражном процессуальном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 14.

[2] См.: Алексеев С.С. Общая теория права. Т. I. С. 280; см. также: Шабуров А.С. Поведение людей в правовой сфере. Правомерное поведение. Правонарушение // Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1998. С. 415.

[3] См.: Иоффе О.С. Общие положения // Гражданско-правовая охрана интересов личности / под ред. Б.Б. Черепахина. М., 1969. С. 37.

восстановлению нарушенного правового положения[1].

Таким образом, наука не сформулировала единого взгляда на основания применения мер защиты. Речь ведется либо об объективно противоправном поведении (или просто о противоправности), либо о нарушении нормы права, либо нарушении субъективного права (или интереса), либо неисполнении субъективной обязанности, либо, наконец, некоторые из перечисленных оснований объединяются в одно[2].

Необходимо выбрать ту категорию, которая является «причиной» применения процессуальных мер защиты, а не последствиями наличия этой причины. Сами последствия не будут служить основанием данных мер, они становятся уже следствием наличия указанной «причины» в виде добровольно не исполненной обязанности восстановить правовое положение, которое является содержанием охранительного правоотношения.

Таким образом, можно выстроить логическую цепочку: неисполнение обязанности влечет нарушение субъективного процессуального права и нормы права или наоборот. Данное обстоятельство играет важную роль, так как моменты неисполнения обязанности (или совершение противоправного поведения) и нарушения права могут не совпадать.

По нашему мнению, основанием для процессуальных мер защиты является факт противоправного поведения лица. Противоправность может выражаться в виде процессуального действия по неисполнению обязанности, которая установлена нормой процессуального права с одновременным нарушением субъективного процессуального права другой стороны. Нарушение субъективного процессуального права в этом случае выражается

---

[1] См.: Базылев Б.Т. Государственное принуждение и правовые формы его осуществления в советском обществе : дис. … канд. юрид. наук. Киев, 1968. С. 280; Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 51.

[2] См. например: Кожевников С.Н. Указ. соч. С. 15, 17; Шевченко Я.Н. Средства защиты в гражданском праве // Советское государство и право. 1977. № 7. С. 59; Нечаева А.М. Правонарушения в сфере личных семейных отношений. М., 1991. С. 169; Звягинцева Л.М. Меры защиты в советском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. С. 9; Ардашкин В.Д. Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1968. С. 7.

в виде дальнейшей невозможности его неосуществления. При отсутствии нарушения субъективного процессуального права применение процессуальных мер защиты нецелесообразно, так как нечего восстанавливать. Нарушение норм процессуального права без нарушения субъективного процессуального права влечет применение к правонарушителю иных мер государственного принуждения, которые наиболее оптимальны в каждом конкретном случае, – превентивно-обеспечительных мер процессуальной ответственности.

Целевое назначение процессуальных мер защиты проявляется в их возможности восстановить правовое положение различными способами: пресечением действий, нарушающих права (интересы) лица; побуждением к выполнению процессуальной обязанности.

В случаях, когда цель восстановления достигается иным путем, например добровольным исполнением обязанности, необходимость в применении процессуальной меры защиты отпадает. Например, когда судья самостоятельно заявляет самоотвод при наличии обстоятельств, указывающих на невозможность осуществления правосудия в соответствующем составе.

Отвод судьи применяется как процессуальная мера защиты в случаях, когда требуется защита права на справедливый суд, который в свою очередь является неотъемлемым элементом права на судебную защиту. Право на беспристрастный суд считается нарушенным, если существуют основания, указанные в ст.ст. 21, 22 АПК РФ, т.е. имеются основания для квалификации судьи как «субъективно небеспристрастного» или «объективно небеспристрастного». Наличие таких обстоятельств не только указывает на нарушение субъективного процессуального права, но и влияет на законность судебной процедуры, что в последующем влечет отмену судебного акта. Если же арбитражный судья, принимающий участие в рассмотрении дела, самостоятельно заявляет отвод, то таким образом он без применения процессуальных мер защиты устраняет угрозу нарушения субъективного

процессуального права.

Аналогичная ситуация складывается и при применении такой процессуальной меры защиты, как истребование доказательства судом по ходатайству одной из сторон. Арбитражное процессуальное законодательство закрепляет право сторон на представление доказательств в целях подтверждения обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела. Таким образом, если лицо, у которого находится истребуемое доказательство, до обращения лица, участвующего в деле, к арбитражному суду представит его, то это действие следует расценивать как устранение угрозы нарушения процессуального права. В случае отказа в добровольном представлении доказательства арбитражный суд выносит определение об истребовании на основании ходатайства лица, участвующего в деле. Тем самым суд включается в процесс сбора доказательств и под угрозой применения мер процессуальной ответственности указывает лицу, у которого имеется доказательство, о необходимости восстановления процессуального права стороны. И только в случае несоблюдения процедуры представления доказательства в суд (нарушение сроков, отказ без уважительной причины, неизвещение суда о невозможности представления доказательства вообще) на лицо будут наложены меры процессуальной ответственности в виде судебного штрафа. Однако здесь следует отметить следующее. Меры процессуальной ответственности лицо несет в связи с тем, что оно не выполнило указания суда, которые являются императивными для всех субъектов, вовлеченных в сферу правосудия, и тем самым проявило неуважение к суду.

Нарушение субъективного процессуального права и отказ в его восстановлении влечет несколько иные, но не менее жесткие последствия. Так, действия стороны, не представившей доказательства, арбитражный суд квалифицирует по ч. 3^1 ст. 70 АПК РФ, норма которой содержит процессуальную фикцию. В этом случае непредставление доказательства рассматривается как перераспределение бремени по доказыванию и сторона, не представившая доказательство, должна будет доказать отсутствие факта,

на который указывала другая сторона. Иными словами, обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существа заявленных требований.

Появление в арбитражном процессуальном законодательстве такой нормы обосновано, она согласуется с концепцией процессуальных рисков, закрепление которой способствует оптимизации судебного разбирательства. Особенно это важно при таких обстоятельствах, когда ответчик пассивен и не выражает свою волю в процессе. В этих случаях арбитражный суд исходит из положения, что сторона, не представившая в суд возражений относительно тех или иных обстоятельств, тем самым фактически соглашается, что данные обстоятельства имели место.

Такой подход был сформулирован Высшим Арбитражным Судом РФ при рассмотрении одного из дел[1], в котором отражено, что в случаях, когда ответчик имел реальную возможность раскрыть информацию[2], но не сделал этого, на него будут возложены негативные последствия в связи с несовершением процессуальных действий.

Следовательно, нежелание представить доказательства должно квалифицироваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого аргументировано со ссылкой на конкретные документы указывает процессуальный оппонент. Участвующее в деле лицо, не совершившее процессуального действия, несет риск наступления последствий такого своего поведения.

---

[1] Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 декабря 2011 г. о передаче дела в Президиум № ВАС-12505/11. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/b456933b-cb41-4a01-a55f-e89c16460181 (дата обращения: 15.03.2013).

[2] К таким случаям Высший Арбитражный Суд РФ относил возможность доступа к документам в силу того, что субъект арбитражного процесса в материальном правоотношении является единственным акционером общества либо руководителем единственного участника юридического лица.

Двенадцатый арбитражный апелляционный суд отменил решение Арбитражного суда Саратовской области, принятое по делу № А57-14008/11, на основании того, что истец в нарушение норм ст. 65 АПК РФ не представил в материалы дела доказательства, подтверждающие факт оказания ответчику услуг по водоснабжению и водоотведению за период с 24 июня 2010 г. по 14 июля 2010 г. (как предусмотрено п. 10.1 договора № 9664). Из материалов дела следует, что акт присоединения к сетям МУПП «Саратовводоканал» истребовался арбитражным судом апелляционной инстанции по ходатайству стороны у истца, но не был им представлен. Как следствие арбитражный суд определил дату начала потребления по имеющимся в деле доказательствам, представленным ответчиком, и отменил решение первой инстанции[1].

В данном случае можно констатировать, что установление признания не соответствующего действительности факта существующим вызывает определенные негативные последствия для стороны, прямо не опровергающей доводы другой. Поэтому процессуальную фикцию можно рассматривать не только как необходимое условие для формирования презумпции относительно факта, подлежащего установлению по делу, но и как санкцию за неправомерное процессуальное поведение по доказыванию, т.е. меру ответственности.

В целях выявления устойчивых признаков мер защиты ученые, занимающиеся данной проблематикой, проводят их классификацию по различным основаниям. В гражданском праве меры защиты подразделяют на следующие виды: пресекательные (негаторный иск), восстановительные (виндикация, кондикция и др.), отказные (отказ от заключения договора), превентивные (признание права)[2].

---

[1] См.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июля 2012 г. по делу № А57-14008/2011. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/c68132e9-419e-4933-a441-1e01 7919b15b (дата обращения: 18.03.2013).

[2] См.: Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1990. С. 24–31.

Например, Л.М. Звягинцева проводит разделение мер защиты, закладывая в основание одной классификации объект защиты, в основание другой – их целевую направленность[1].

А.В. Юдин, указывая на многообразие процессуальных мер защиты, выделяет такое основание их классификации, как функциональный признак[2]. Д.Г. Нохрин считает, что в основе классификации мер процессуальной защиты должен лежать субъектный признак[3].

А.Н. Ермаков, проводя классификацию процессуальных мер защиты в арбитражном процессуальном праве, достаточно убедительно и логично представляет классификацию процессуальных мер защиты по следующим основаниям: по составу арбитражного суда; по категории дел; по инстанционному характеру арбитражных судов; по целевой направленности; в зависимости от стадии процесса; по объекту защиты. При этом автор указывает на возможность разделения всех процессуальных мер защиты на процессуальные меры защиты, применение которых возможно в результате факта нарушения правового предписания; процессуальные меры защиты, которые используются для устранения препятствий в осуществлении своевременного рассмотрения и разрешения дела[4].

При классификации процессуальных мер защиты следует уделить особое внимание тому факту, что данные меры применяются арбитражным судом: а) по ходатайству участников судопроизводства; б) в целях восстановления субъективного процессуального права.

Научно аргументирована классификация, предложенная Д.Г. Нохриным. Мы считаем, что, закладывая в основу классификации субъектный признак, процессуальные меры защиты могут быть подразделены следующим образом:

---

[1] См.: Звягинцева Л.М. Указ. соч. С. 76–77.

[2] См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005. С. 352.

[3] См.: Нохрин Д.Г. Меры защиты в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 10. С. 6–7.

[4] См.: Ермаков А.Н. Указ. соч. С. 13.

– меры, применяемые в отношении состава арбитражного суда, рассматривающего дела, например отвод судьи, арбитражного заседателя (ст. 19, 21, 22 АПК РФ). Полагаем необходимым отметить, что отмена судебного акта вышестоящей инстанцией в связи с допущенной судебной ошибкой вряд ли следует рассматривать как процессуальную меру защиты. Это связано с тем, что в силу ст. 46 Конституции РФ, ст. 2, 4, 6^1,7–9 АПК РФ, устанавливающих обязанность суда в отправлении правосудия, а также задачи правосудия (разрешение конфликта, внесение правовой определенности в неопределенную ситуацию, принцип оперативности рассмотрения экономических споров), действия арбитражных судов вышестоящей инстанции по своей сути направлены на принудительное исполнение возложенных на суд первой инстанции полномочий по надлежащему осуществлению правосудия. В этом смысле отмена судебного акта ориентирована на восстановление нарушенного правового состояния, нормального хода реализации прав. Поэтому данные мероприятия следует квалифицировать как меры восстановительно-компенсационной процессуальной ответственности, в основе которых заложена защита нарушенных прав и охраняемых законом интересов;

– меры, применяемые в отношении лиц, участвующих в деле (истребование доказательств, заявление об обеспечении доказательств, заявление о фальсификации доказательств, заявление о назначении экспертизы ст. 82 АПК РФ). В свою очередь данные меры можно подразделить на:

– применяемые в отношении сторон,

– применяемые в отношении третьих лиц,

– применяемые в отношении лиц, выступающих в защиту публичных интересов и интересов других лиц;

– меры, применяемые в отношении лиц, содействующих осуществлению правосудия (а именно, заявление о проведении дополнительной экспертизы согласно ст. 87 АП РФ).

В зависимости от формы инициации применение процессуальных мер

защиты осуществляется:

– в активной форме путем представления в арбитражный суд соответствующего заявления либо ходатайства о применении процессуальных мер защиты;

– в пассивной форме ввиду отсутствия возражений на применение процессуальных мер защиты, например продолжение рассмотрения дела в судебном заседании арбитражного суда первой инстанции по правилам ст. 137 АПК РФ.

Процессуальные меры защиты по основанию их применения могут классифицироваться следующим образом:

– процессуальные меры, применяемые при невыполнении обязанности участниками судопроизводства;

– процессуальные меры, применяемые при нарушении нормы процессуального права, например замечания на протокол (ч. 7 ст. 155 АПК РФ).

Среди процессуальных мер защиты, применяемых арбитражным судом по способу воздействия, можно выделить следующие:

– меры, принуждающие к совершению действий по восстановлению субъективного процессуального права, существовавшего до нарушения;

– меры, пресекающие противоправное поведение, нарушающее субъективное процессуальное право. Благодаря применению данных мер защиты ставится преграда к нарушению права;

– меры, принуждающие к исполнению процессуальной обязанности;

– меры, способствующие установлению, изменению и прекращению правоотношений.

Взяв за основание классификации результат действия процессуальной меры защиты, возможно выделение следующих процессуальных мер:

– меры, восстанавливающие субъективное процессуальное право;

– меры, пресекающие деятельность, создающую опасность нарушения нормального хода реализации субъективного процессуального права;

– меры, направленные на признание субъективного процессуального права.

Вывод по параграфу:

Проведенная классификация процессуальных мер защиты позволяет выявить их наиболее типичные признаки:

1. Применение их арбитражным судом возможно только по ходатайству лиц, участвующих в деле, в случаях, нарушающих субъективное процессуальное право (или создающих угрозу его нарушения);

2. Взаимосвязь с субъективным процессуальным правом, т.е. осуществление защиты только конкретной процессуальной мерой, а не возможностью ее замены иной мерой.

Процессуальные меры защиты, направленны на восстановление нарушенного права, пресечение противоправного поведения субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, а также обеспечение исполнения обязанностей могут осуществляться только в форме реализации полномочий арбитражным судом.

Возложение меры защиты, как и любой иной меры процессуального принуждения, носит предупредительный характер, т.е. их наличие оказывает дисциплинирующее воздействие на субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, предупреждая тем самым противоправное поведение с их стороны и обеспечивая надлежащее исполнение предусмотренных арбитражным процессуальным законодательством обязанностей.

На основании выделенных признаков можно сформулировать следующее определение анализируемых мер защиты.

Процессуальные меры защиты – это предусмотренные законом процессуальные средства гарантирующего характера, применяемые арбитражным судом по ходатайству лиц, участвующих в деле, независимо от формы вины нарушителя в целях правового воздействия на лиц, нарушающих субъективное процессуальное право либо создающих угрозу его нарушения путем выполнения определенных функций:

– общей функции, присущей всем мерам процессуального принуждения, а именно предупреждение противоправного поведения субъектов арбитражных процессуальных правоотношений под страхом применения мер процессуальной ответственности;

– специальной функции, свойственной только процессуальным мерам защиты, а именно восстановление нарушенных субъективных процессуальных прав.

§ 3. Процессуальная ответственность в системе процессуальных гарантий охраны прав сторон

Ответственность как правовую категорию в юридической науке достаточно часто рассматривают в качестве гарантирующего средства[1]. Такому взгляду способствует цель установления юридической ответственности, а именно обеспечения стабильной жизнедеятельности общества. Именно осознанное разумное существование человека в обществе предполагает не только уяснение субъектом степени своей свободы, но и осознание им ответственности за свои поступки.

Данный постулат указывает на необходимость рассмотрения юридической ответственности, а точнее процессуальной ответственности, в качестве процессуальной гарантии применительно к настоящему научному исследованию. Для этого необходимо: во-первых, определить понятие «процессуальная ответственность» и ее признаки, позволяющие идентифицировать ее в качестве самостоятельного вида юридической ответственности; во-вторых, выявить функции, которые она выполняет в качестве процессуальной гарантии в процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

При определении понятия «процессуальная ответственность» следует учитывать, что категория «ответственность» является объектом изучения не

[1] См., например: Витрук Н.В. Правовое положение личности. С. 156; Мордовец А.С. Указ. соч. С. 23; Валеев Д.Х. Указ. соч. С. 33–34.

только правовых, но и социально-политических наук, философии, этики, психологии, каждая из отрасли знаний рассматривает данную категорию в преломлении предмета своего исследования[1].

Многообразие мнений в правовой науке относительно термина «ответственность» вызвано тем, что авторы либо широко интерпретируют ответственность, соотнося ее с санкциями, а к санкциям относят все виды мер принуждения[2], либо достаточно узко, в этом случае ответственность выражается только как неисполнение обязанности в конкретном правоотношении[3].

Некоторые авторы, рассматривая категорию «юридическая ответственность», указывают на то, что ее содержание составляют правоотношения, возникающие между правонарушителем и потерпевшим[4]. Указанные правоотношения определяются наличием субъективных прав и обязанностей его участников: потерпевший обладает правом на защиту, правонарушитель несет обязанность, заключающуюся в претерпевании воздействия на него мер принуждения. Они возникают с момента совершения правонарушения, а прекращаются с момента фактического исполнения обязанности по претерпеванию мер ответственности.

В ряде научных исследований такие правоотношения квалифицируются как правоотношения юридической ответственности. Однако при соотношении с охранительными правоотношениями наблюдаются определенные различия. Некоторые авторы утверждают, что данные понятия следует рассматривать как идентичные, но с уточнением, что под правоотношением ответственности понимается форма, в которой реализуются последствия применения мер

---

[1] См., например: Белецкая Л.И. Свобода и ответственность : автореф. дис. … канд. филос. наук. Саратов, 1972; Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность. М., 1969; Тунгулаг Г. Проблема социальной ответственности: философский аспект : автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1989; Сперанский В.И. Социальная ответственность в системе общественных отношений (социальный аспект) : автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1990.

[2] См.: Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 85.

[3] См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 85.

[4] См.: Кирсанова А.В. Правоотношения юридической ответственности / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. Самара, 2009. С. 55.

ответственности[1]. Несомненно, это правильный вывод, указывающий на невозможность отождествления категории ответственности с правоотношением.

Современные исследования в области юридической ответственности предполагают возможность выделения мер юридической ответственности в публичном и частном праве. Обоснование такой классификации авторы видят в разделении права на публичное и частное со свойственным каждому из них механизмом воздействия на общественные отношения[2].

Подразделение юридической ответственности на виды позволяет учитывать особенности правового регулирования в той или иной сфере общественных отношений в свете их значимости. Процессуальные отрасли права, включая арбитражное процессуальное право, относятся к отраслям публичного права. Как следствие общие особенности, свойственные публичной юридической ответственности, будут присущи и процессуальной ответственности, так как они соотносятся как общее и частное. Так, например, установление особой процедуры применения мер государственного принуждения в публичном праве предполагает не только соблюдение основных принципов привлечения к юридической ответственности, но и указание на компетентный орган по применению к правонарушителю мер государственного принуждения, который представляет государство в указанных правоотношениях. Применительно к сфере осуществления правосудия в арбитражных судах таким органом является арбитражный суд.

Основные цели всех видов юридической ответственности – это пресечение противоправных действий, принудительное восстановление нарушенного права. В публичных правоотношениях правонарушение затрагивает интересы всего общества в целом, при этом может иметь место

---

[1] См.: Попондуполо В.Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность / науч. ред. Н.И. Овчинников. Владивосток, 1985. С. 59.

[2] См.: Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве (история, теория, практика). 2-е изд, перераб. и доп. СПб., 2010. С. 3–6.

одновременно нарушение прав отдельных лиц, в связи с чем публичная юридическая ответственность будет преследовать помимо перечисленных выше целей и иную цель – наказание правонарушителя.

Публичная правовая ответственность, в частности процессуальная ответственность, предусматривается только процессуальным законом. В юридической науке достаточно длительное время велась дискуссия о самостоятельности процессуальной ответственности как одного из подвидов юридической ответственности[1], что указывает на необходимость более детального выяснения данного вопроса в рамках настоящего исследования.

Несмотря на наличие общих признаков, которые присущи всем видам публичной правовой ответственности, между отдельными видами публичной ответственности существуют и определенные отличия, позволяющие произвести дальнейшую классификацию. Виды публичной ответственности можно классифицировать по сферам общественных отношений, что позволяет выделить отдельный вид, который реализуется при отправлении правосудия, а затем и вид процессуальной ответственности, осуществляемый в правосудии по экономическим спорам. Такая классификация позволяет учесть интерес, специфику целей ответственности, функции, которые выполняет тот или иной вид публично-правовой ответственности. Немаловажным фактором является и определение критерия общественной опасности. Выделение данного признака вызвано необходимостью отличать проступки и малозначительные деяния от преступлений.

Например, неуважение к суду как основание для применения мер государственного принуждения установлено ст. 297 УК РФ, ст. 17.3 КоАП РФ и ст. 154 АПК РФ. Именно критерий общественной опасности, который

[1] См.: Скачкова О.С. Процессуальная ответственность: понятие и содержание : дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2007; Чечина Н.А. Актуальные проблемы науки гражданского процессуального права // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004; Медведев И.Р. Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 135; Нохрин Д.Г. Формы государственного принуждения в гражданском судопроизводстве // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2005. № 4. С. 76; Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 180; Юдин А.В. Указ. соч. С. 300–306; и др.

определяется исходя из совокупности мотива, цели, времени, места, обстановки, вида вины, величиной причинённого вреда, является определяющим признаком.

Так, например, ст. 297 УК РФ предполагает действие в виде оскорбления участников судебного разбирательства. Анализ приговоров, принятых по данной статье, свидетельствует, что лица, осужденные по данной статье, оскорбляли судью при отправлении им правосудия или иных участников судебного разбирательства в нецензурной форме, с явным вызовом и без раскаяния о содеянном[1]; действовали умышленно, осознавая, что оскорблением участника судебного разбирательства нарушается нормальная деятельность суда по отправлению правосудия, и, желая этого, с целью публичного и демонстративного унижения его чести и человеческого достоинства, подавления морального духа, в присутствии других участников судебного разбирательства, в грубой неприличной форме, избрав унизительную форму общения с человеком[2]; оскорбления в неприличной форме, противоречащей нравственным нормам и правилам поведения в обществе, осознавая при этом, что своими действиями они нарушают нормальную деятельность суда по отправлению правосудия[3].

Анализ постановлений, принятых по ст. 17.3 КоАП РФ, указывает, что неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов может проявляться: в отказе по требованию судебного пристава прекратить неуважительные высказывания о сотрудниках суда[4], нецензурных выражений[1], осуществлении

---

[1] См., например: Апелляционное постановление по уголовному делу № 22-1003/2016 от 9 июня 2016 года Томского областного суда. URL: https://rospravosudie .com /court-tomskij-oblastnoj-sud-tomskaya-oblast-s/act-525746409/ (дата обращения: 15.06.2016).

[2] См.: приговор Грачёвского районного суда Ставропольского края от 9 июня 2016 года по уголовному делу № 1-53/2016. URL: https://rospravosudie.com/court-grachevskij-rajonn yj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-523949699/ (дата обращения: 15.06.2016).

[3] Приговор Центрального районного суда г. Читы от 6 июня 2016 года по уголовному делу №1-406-16. URL: https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-chity-zabaj kalskij-kraj-s/act-523826930/(дата обращения: 15.06.2016).

[4] См.: Постановление мирового судьи судебного участка г. Бологое Тверской области от 17 июня 2016 года по делу №5-541/2016 . URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-

фотокопирования материалов дела без разрешения председателя суда, курении в не предназначенном для этого места, вносе в здание суда запрещенных предметов и впоследствии обнаруженных[2], нахождении в состоянии алкогольного опьянения[3] и в других действиях, нарушающих установленные правила поведения в суде[4].

При квалификации правонарушения по данной статье необходимо отличать нарушение порядка (правил поведения в суде) и нарушение процессуального порядка, установленного нормами ст. 154 АПК РФ. Обязательным признаком состава данного правонарушения является наличие продолжающегося противоправного поведения лица после сделанного однократного замечания (требования) о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила.

Так же при квалификации правонарушения по ст. 17.3 КоАП РФ следует разграничивать деяния, являющиеся преступлениями, предусмотренными ст. 297 УК РФ. При квалификации преступлений по ст. 297 УК РФ субъектами преступления являются участники судебного процесса. Субъективная сторона может быть только умышленной и характеризуется

---

uchastok-g-bologoe-s/act-229588501/ (дата обращения: 20.06.2016); Постановление мирового судьи судебного участка г. Бологое Тверской области от 22 апреля 2016 года по делу №5-310/2016. - URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-g-bologoe-s/act-229028736/ (дата обращения: 20.06.2016).

[1] См.: Постановление мирового судьи судебного участка №10 по Кировскому району г. Уфа Республики Башкортостан от 30 июня 2016 года по делу № 5-407/2016-10. - URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-10-po-kirovskomu-rajonu-g-ufy-s/act-230625721/ (дата обращения: 03.07.2016).

[2] См.: Постановление исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № 2 Мончегорского судебного района - мировой судья судебного участка № 3 Мончегорского судебного района Мурманской области от 30 июня 2016 года по делу № 5-308/2016. URL: https://rospravosudie.com/court-cudebnyj-uchastok-2-mirovogo-sudi-g-monchegorsk-s-podvedomstvennoj-territoriej-s/act-229656965/(дата обращения 03.07.2016).

[3] См.: Постановление мирового судьи судебного участка № 2 Баймакского района и г. Баймак Республики Башкортостан от 28 июня 2016 года. - URL:https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-po-g-bajmak-i-bajmakskomu-rajonu-respubliki-bashkortostan-s/act -229634225/ (дата обращения 03.07.2016).

[4] См.: Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Панинского судебного района Воронежской области. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-mirovogo-sudi-paninskogo-rajona-voronezhskoj-oblasti-s/act-229640761/ (дата обращения: 03.07.2016).

сознательным противоправным действием лица. Умысел, как правило, является прямым. При квалификации по ст. 17.2 КоАП РФ субъектами могут быть не только субъекты процесса, но и иные лица, присутствующие в здании суда. Субъективная сторона, т.е. вина, может быть выражена как в форме умысла, так и в форме неосторожности.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ предусматривает возможность наложения судебного штрафа за неуважение к суду, если совершенные действия не влекут за собой уголовную ответственность. Например, по общему правилу непредставление отзыва на исковое заявление влечет неблагоприятные последствия для ответчика. Наложение иных мер процессуальной ответственности, в частности судебных штрафов, противоречит принципу состязательности.

Однако в практике арбитражных судов существует позиция, согласно которой суды квалифицируют данное правонарушение как проявленное неуважение к суду по ст. 199 АПК РФ и налагают на виновных судебный штраф[1].

Здесь складывается двойственная ситуация. С одной стороны, отзыв на исковое заявление по своему функциональному назначению является способом формирования правовой позиции ответчика и с представлением доказательств в суд. Поэтому в случае непредставления доказательств арбитражный суд в порядке искового производства не имеет возможности истребовать их самостоятельно без ходатайства лиц, участвующих в деле, и как следствие наложение мер процессуальной ответственности может быть расценено как незаконное. С другой стороны, если поведение ответчика влечет неоднократное отложение рассмотрения дела, то оно может квалифицироваться как недобросовестное отношение к своим

[1] См.: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 6 августа 2007 г. по делу № Ф09-6181/07-С5. URL://http://kad.arbitr.ru/Card/2572c32f-e124-42df-a44b-7e56ad1fa412 (дата обращения: 29.04.2013); Решение Арбитражного суда Пермского края по делу № А50-4491/2006-Г-3. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/e571b41d-9088-4aab-8aaa-d20b40d07cdc (дата обращения: 30.04.2013).

процессуальным обязанностям. В этом случае на него могут быть наложены меры процессуальной ответственности в виде штрафа со ссылкой на ч. 2 ст. 41 и ч. 2 ст. 119 АПК РФ.

К основаниям, связанным с проявлением неуважения к арбитражному суду, относятся злоупотребление процессуальным правом (ч. 2 ст. 41, ч. 2 ст. 119 АПК РФ) и неисполнение требования арбитражного суда (абз. 1 ч. 1, ч. 2 ст. 16 АПК РФ).

Злоупотребление процессуальным правом реализуется в форме неисполнения процессуальной обязанности. Именно поэтому злоупотребление субъективным процессуальным правом тоже является правонарушением, но через обязанность по добросовестному использованию процессуальных прав. Недобросовестность связывается с нарушением пределов дозволенных прав, при котором изменяются в стороны ухудшения как интересы участников арбитражного процесса, так и интересы правосудия. В этом выражается социальная опасность злоупотребления процессуальными правами, которая, по мнению А.В. Юдина, при внешнем соблюдении правовых норм искажает их целевое назначение, тем самым причиняя вред интересам как правосудия, так и участников процесса[1]. К проявлению неуважения к суду в форме злоупотребления субъективным процессуальным правом можно отнести оставление в зале судебного заседания диктофона во время вынесения судом решения (в этом случае происходит нарушение тайны совещательной комнаты), действия по затягиванию процесса (в том числе представление недостоверных доказательств[2], заявление ходатайств об истребовании заключения эксперта из материалов предыдущего арбитражного дела[3], неоднократный отвод судье).

---

[1] Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 4.

[2] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2007 г. по делу № 17АП-1127/07-ГК. - URL: http://kad.arbitr.ru/Card/e35889a7-8bb4-45a2-aedb-a58d9a0ac331 (дата обращения: 28.04.2013).

[3] См.: Решение Арбитражного суда Саратовской области от 22 октября 2012 г. по делу № А57-11795/2012. - URL:http://kad.arbitr.ru/Card/326bef0e-2011-4453-a474-c3ed5a135d98. (дата обращения: 28.04.2013).

По всем рассмотренным видам правонарушений предусмотрены различные наказания, хотя и выражены в виде имущественной санкции – штрафа. Уголовный кодекс РФ предусматривает до 80 тысяч рублей, Кодекс РФ об административных правонарушениях устанавливает сумму до 1000 тысячи рублей, Арбитражный процессуальный кодекс РФ – две тысячи пятьсот рублей для физических лиц, пять тысяч рублей – для должностных лиц, сто тысяч рублей – для организации. граница штрафа также указывает на их различную видовую принадлежность.

Так, например, ст. 315 УК РФ предусматривает ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта, что предполагает злостное неисполнение субъектами, обязанными в силу закона исполнить вступившее в законную силу решение суда, а равно воспрепятствование его исполнению. Анализ практики применения названной статьи констатирует, что нарушение проявляется в неприменении мер по осуществлению действий в пользу лица, указанного в судебном решении[1], при обстоятельствах, указывающих на возможность такого исполнения.

Статья 17.4 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за непринятие мер по частному определению суда или по представлению судьи. Так, в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 29 УПК РФ, если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие нарушению прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при рассмотрении дела, то суд вправе вынести частное постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

---

[1] См.: Приговор мирового судьи по делу 1-36/2016; приговор мирового судьи судебного участка № 5 Пролетарского судебного района г. Ростова-на-Дону от 17 июня 2016 года по делу № 1-21/2016 г. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-3-novokuzneckogo-rajona-s/act-229577832/ (дата обращения 03.07.2016).

Суд вправе вынести частное постановление и в других случаях, если признает это необходимым. Ч. 3 ст. 188.1 АПК РФ предусматривает, что неисполнение частного определения арбитражного суда влечет за собой ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. При квалификации правонарушений по данной статье следует учитывать следующее. Названные представления по своей природе являются процессуальными решениями, адресованными конкретным лицам и содержащими обязательные предписания, за невыполнение которых указанные лица могут быть привлечены к административной ответственности.

Субъектами ответственности по данной статье являются должностные лица, оставившие без рассмотрения частное определение (постановление) суда или представление судьи, либо не принявшие меры к устранению указанных в них нарушений закона, либо давшие на них несвоевременный ответ. С объективной стороны рассматриваемое правонарушение выражается в бездействии должностного лица, которое заключается в оставлении им без рассмотрения частного определения (постановления) суда или представления судьи в непринятии мер к устранению указанных в них нарушений закона, а также в даче несвоевременного ответа на частное определение (постановление) суда или представление судьи, т.е. в нарушении сроков, установленных для этих видов судебных актов.

Таким образом, правонарушение посягает на установленный законом порядок рассмотрения частных определений суда или представлений судьи, принятия по ним соответствующих мер, а также на определенные законом сроки ответа, который необходимо дать на частное определение суда или представление судьи. Это в корне отличает состав рассмотренного правонарушения от процессуального правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 66 АПК РФ. При квалификации правонарушения по ст. 66 АПК РФ следует учитывать, что субъектом ответственности может быть любое лицо, которое по информации арбитражного суда имеет необходимое доказательство. С

объективной стороны данное правонарушение выражается в бездействии лица, которому предписано представить истребуемое доказательство. Таким образом, данное процессуальное правонарушение посягает на порядок выяснения обстоятельств, необходимых для рассмотрения конкретного дела.

При общей аналогии целей публичной ответственности – правопорядок при осуществлении правосудия, в каждом представленном виде ответственности заложены своя собственная цель, основания и задачи того или иного вида ответственности.

Исходя из вышеизложенного рассуждения можно прийти к выводу, что основной целью юридической ответственности, реализующейся в сфере осуществления правосудия применительно к каждому из приведенных видов, является охрана конституционного правопорядка при отправлении правосудия. Цель установления уголовно-правовой ответственности – охрана интересов правосудия при производстве по конкретному делу независимо от вида судопроизводства, а также и порядок исполнения судебных актов. Цель административно-правовой ответственности в сфере осуществления правосудия заключается в обеспечении нормального функционирования органов судебной власти. Цель процессуальной ответственности (арбитражной процессуальной) – охрана процессуального порядка при осуществлении правосудия арбитражными судами.

Субъектами правонарушения уголовно-правовой ответственности выступают лица, вовлеченные в сферу осуществления правосудия и наделенные законом определенными правами и обязанностями. Субъектами правонарушения административно-правовой ответственности могут быть любые субъекты, в отношении которых составлен протокол об административном правонарушении, независимо от того, являются ли они субъектами, обладающими правами и обязанностями для осуществления процессуальных функций, либо просто присутствуют в здании суда. Субъектами арбитражной процессуальной ответственности представляются только участники арбитражного процесса, а также лица, на которых

возложена арбитражным судом процессуальная обязанность по совершению действий, необходимых для дальнейшего отправления правосудия по экономическим спорам.

Анализ процессуальной ответственности как отдельного вида публичной юридической ответственности дает основание для классификации на правоотношение негативной ответственности и правоотношение позитивной ответственности. В этом случае негативная ответственность понимается как охранительное отношение; позитивная ответственность – как регулятивное отношение, в рамках которого осуществляется стимулирование правомерной деятельности субъектов[1].

В науке общей теории права учеными выделяются позитивная ответственность (перспективная), которая осознается субъектом до начала осуществления прав, и ретроспективная ответственность, наступающая вследствие совершения противоправного действия (бездействия)[2].

Так, например, А. С. Бондарев указывает, что «в основе позитивной юридической ответственности лежит социальная необходимость в правовом регулировании тех или иных видов положительных общественных отношений, выраженная законодателем в виде соответствующих этим потребностям регулятивных правовых норм, указывающих субъектам права образцы не только возможного, но и должного их поведения»[3].

Таким образом, перспективная ответственность характеризуется как обязанность правильного активно-сознательного выполнения человеком своих социальных обязанностей, обусловленных необходимостью соблюдения общественных интересов. Позитивная ответственность может

---

[1] См.: Кирсанова А.В. Указ. соч. С. 49.

[2] См.: Иванова О.М. Основания, цели и задачи юридической ответственности. Самара, 2009. С. 17–18.

[3] См.: Бондарев А. С. Юридическая ответственность — исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 133.

быть нарушена сознательно, вследствие чего наступает ретроспективная ответственность[1].

Анализ норм арбитражного процессуального законодательства также позволяет утверждать, что в арбитражном процессуальном праве существует возможность выделения двух вышеуказанных видов процессуальной ответственности:

1) ретроспективной как правовой подотчетности и процессуальной санкции за действия субъекта арбитражного процессуального правоотношения, идущие вразрез с интересами правосудия;

2) перспективной как обязанности лица, участвующего в деле, активно и сознательно осуществлять свои субъективные процессуальные права и обязанности, обусловленные необходимостью соблюдения интересов правосудия и иных лиц, участвующих в деле.

Таким образом, перспективную юридическую ответственность следует рассматривать как заложенное в норме процессуальное средство обеспечения реализации субъективного процессуального права и исполнения юридической обязанности. Ретроспективную юридическую ответственность как действие процессуально-правового механизма обеспечения реализации субъективного процессуального права и исполнения юридической обязанности.

В арбитражном процессуальном праве фактически нормы ч. 2 ст. 9 АПК РФ содержат правовую конструкцию перспективной ответственности За последние несколько лет развитие арбитражного процессуального законодательства идет в направлении совершенствования института состязательности. Следует отметить, что это не просто изменение некоторых норм, раскрывающих содержание принципа состязательности, а согласованный процессуальный механизм, объединенный единой концептуальной основой. Положения ст. 9 АПК РФ, а именно концепция

---

[1] См.: Липинский Д.А. Позитивная ответственность: за и против // Право и политика. 2005. № 11. С. 19–22.

повышения процессуальной активности сторон в арбитражном процессе и усиление процессуальной ответственности за последствия совершения либо несовершения процессуальных действий в процессе судебного разбирательства (ч. 2 ст. 9, ч. 3 ст. 41 АПК РФ) находят последовательное закрепление в арбитражном процессуальном законодательстве.

Самостоятельность процессуальной ответственности выражается в том, что меры процессуальной ответственности установлены нормами арбитражного процессуального законодательства и их применение возможно только в период разрешения дела в арбитражных судах.

Анализ мер процессуальной ответственности позволяет выделить присущие ей особенности:

1) процессуальная ответственность представляет собой один из видов государственного принуждения, обеспечивающих оперативность и эффективность проведения судебного разбирательства в арбитражных судах;

2) процессуальные санкции применяются за нарушение правил реализации субъективных процессуальных прав (злоупотребление правом) и выполнения обязанностей, выражаются в неблагоприятных процессуально-правовых последствиях правонарушения, которые возлагаются на правонарушителя арбитражным судом в различных формах. Карательное свойство процессуальных санкций может проявляться как в дополнительном обременении имущественного характера (наложение штрафов в порядке и в размерах, установленных гл. 11 АПК РФ), так и в обременениях неимущественного характера, например ограничении субъективных процессуальных прав либо возложении дополнительных процессуальных обязанностей. Например, ограничение субъективного процессуального права на участие в судебном заседании проявляется в удалении из зала судебного заседания (ч. 4 ст. 154 АПК РФ), рассмотрении дела в отсутствие лица, надлежащим образом уведомленного о проведении судебного заседания. Мера процессуальной ответственности в данном случае реализуется именно в ограничении субъективного процессуального права, поэтому

обстоятельства, послужившие основанием применения данной меры воздействия, не подлежат переоценке судом проверочной инстанции;

3) фактическим основанием процессуальной ответственности выступают как виновное поведение правонарушителя в различных формах его проявления, так и процессуальный риск, т.е. допускаемая субъектом арбитражных процессуальных правоотношений возможность наступления вероятных событий, за которые он несет ответственность.

Изучение объективной стороны процессуального правонарушения показало, что большая часть правонарушений совершена в форме бездействия (ст. 131, 156, ч. 4 ст. 205, ч. 3 ст. 210 АПК РФ и др.).

Таблица 1

Статистические данные о деятельности арбитражных судов[1]

Виды нарушений	**Г о д ы**						
	2009	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**[2]	**2014**[3]	**2015**[4]
Непредставление истребуемых доказательств	209	319	361	437	630	428	372
Проявление неуважения к суду	99		159	156	269	226	256
Общее количество вынесенных определений о наложении судебных штрафов	483	614	778	1573	1500	1456	1996

Как свидетельствует статистика, большинство составов процессуальных правонарушений являются формальными, что избавляет суд от необходимости установления вреда и причинно-следственной связи между вредом и неправомерным процессуальным деянием.

---

[1] См.: Официальный сайт. Федеральные арбитражные суды Российской Федерации. - URL: http// arbitr.ru/press-centr/news/totals/index_ar.htm (дата обращения: 14.06.2013).

[2] Аналитическая записка к статистическому отчету о работе арбитражных судов в Российской Федерации в 2013 году. - URL:http://www.arbitr.ru/_upimg/BA56B64409E63370CC611FE1DCC99CB8_an_zap.pdf (дата обращения: 12.08.2014).

[3] Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2014 год. - URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2885 (дата обращения 15.02.2016).

[4] Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2015 год. - URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3423 (дата обращения 15.02.2016).

Неправомерность процессуальных действий обусловлена неисполнением лицами процессуальных обязанностей, таких как неисполнение обязанности представить истребуемое судом доказательство: а) по причинам, признанным судом неуважительными, б) неизвещение суда о невозможности представления доказательства вообще (ч. 9 ст. 66 АПК РФ). Однако следует учитывать, что в случаях, когда не представляются доказательства, необходимые суду, а предложены в порядке ч. 2 ст. 2 АПК РФ, данные основания не могут рассматриваться в качестве применения к лицу мер процессуальной ответственности[1].

При квалификации процессуального правонарушения в порядке ч. 5 ст. 210 АПК РФ арбитражный суд руководствуется ч. 5, 9 ст. 66 АПК РФ и, как правило, дополнительная квалификация такого правонарушения, как неуважение к арбитражному суду, не осуществляется[2].

При квалификации обстоятельств, свидетельствующих о неисполнении процессуальной обязанности, следует обращать внимание на то, что меры процессуальной ответственности могут применяться только по основаниям, установленным нормами арбитражного процессуального законодательства. В случаях же, когда арбитражный суд в процессе рассмотрения дела обязывает лиц, участвующих в деле, совершить действия, направленные на реализацию ими процессуальных прав по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для дела, то неисполнение указаний арбитражного суда должно квалифицироваться как проявление неуважения к суду.

Нормативным основанием процессуальной ответственности выступает непосредственная норма процессуального права, устанавливающая ответственность за правонарушение, которое конструируется как

---

[1] См., например: Дело № А50-11748/2006-Г-03. - URL:http://kad.arbitr.ru/Card/758 ac407-8e74-4e78-9afd-ad8cb21ff6e4 (дата обращения 19.04.2013).

[2] См., например: Дело № А50-6812/2006-А-12. - URL:http://kad.arbitr.ru/Card/d88 a7039-7b5a-471b-b1b7-c646f90ca2e1 (дата обращения: 28.04.2013).

неотъемлемая часть состава правонарушения[1].

Однако для возникновения конкретного правоотношения процессуальной ответственности одного лишь нормативного основания недостаточно, необходимо наличие состава юридических фактов, порождающих правоотношения ответственности[2].

Меры процессуальной ответственности применяются только на виновной основе, что в целом соответствует общим началам юридической ответственности за нарушение правовых норм. Виновность предполагает, что субъект имел возможность соблюсти процессуальные правила и нормы, но не предпринял все необходимые меры для этого. Это стимулирует субъекта, привлекаемого к процессуальной ответственности, к должному выполнению своих обязанностей. К тому же лицо, привлекаемое к ответственности, может представить доказательства своей невиновности в соответствии с гл. 7 АПК РФ по результатам исследования. В данном случае у судьи не будет оснований для наложения мер процессуальной ответственности.

Так, норма ст. 115 АПК РФ указывает, что пропуск процессуальных сроков, погашающих право на совершение процессуальных действий (ст. 115 АПК РФ), предполагается совершенным по неуважительной причине, пока не будет доказано обратное (ч. 2 ст. 117 АПК РФ).

На наш взгляд, в качестве уважительных причин следует рассматривать только те объективные, т.е. не зависящие от лица, обстоятельства, которые воспрепятствовали своевременному воплощению в жизнь требований процессуальной нормы.

Так, например, лицо, у которого истребуется доказательство, не будет привлекаться к процессуальной ответственности, в случае его представления арбитражному суду в судебное заседание, на котором рассматривается вопрос о наложении судебного штрафа с указанием причины невозможности

---

[1] См.: Курис П.М. Международные правонарушения и ответственность государства. Вильнюс, 1973. С. 102.

[2] См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 864.

представления доказательства в установленный судом срок и если арбитражный суд признает данную причину уважительной. На это указывает часть 9 статьи 66 АПК РФ, так как именно в данном судебном заседании должна быть выявлена виновность лица.

Проведенный анализ позволяет выявить функции процессуальной ответственности, под которыми следует понимать основные направления воздействия норм процессуальной ответственности на арбитражные процессуальные отношения, через которые достигаются цели процессуальной ответственности[1].

Процессуальной ответственности присущи следующие функции:

охранительная, так как ее цель можно определить как охрану субъективных процессуальных прав и законных интересов субъектов арбитражных процессуальных правоотношений;

регулятивная (организующая), так как регулирует поведение субъектов арбитражных процессуальных правоотношений в направлении правомерного совершения процессуальных действий.

В юридической литературе также выделяются превентивная (предупредительная), карательная (штрафная), правовосстановительная (компенсационная) и воспитательная функции. В связи с этим в общей теории права называют следующие виды юридической ответственности: восстановительно-компенсационную, карательно-штрафная.

По мнению Н.В. Витрука, основная цель восстановительно-компенсационной ответственности состоит в восстановлении нарушенного правового состояния субъекта права, в возмещении либо компенсации нанесенного ущерба правонарушением[2].

Целью карательно-штрафной ответственности является наказание нарушителя путем причинения ему материальных тягот, духовно-

---

[1] См.: Трофимова М.П. К вопросу о понятии функций юридической ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». Тольятти, 1999. № 3. С. 47.

[2] См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. С. 54–55.

психологических и иных обременений посредством возложения на него дополнительных обязанностей.

В науке процессуального права учеными выделяются три вида процессуальной ответственности. Помимо штрафной ответственности и компенсационной называется еще ответственность в виде неблагоприятных последствий, связанная с применением процессуальных фикций[1].

Анализируя процессуальную ответственность в виде неблагоприятных последствий, связанную с применением процессуальных фикций, следует указать следующее. Основанием ее применения будет служить факт невыполнения обязанности, возложенной на субъектов арбитражных процессуальных отношений. Например, в случае неоповещения арбитражного суда о смене адреса местонахождения целью наложения меры ответственности будет являться ограничение субъективных процессуальных прав, которое в последующем трансформируется в причинение материальных затрат либо наложение дополнительной обязанности.

Такой вывод напрашивается в связи с тем, что, как правило, невозможность участия в рассмотрении дела и отсутствие осуществления процессуальных прав приводят к проигрышу в рассматриваемом деле. Материальные и иные затраты, дополнительные обязанности, которые несет проигравшая сторона, связаны с несением судебных издержек по делу; исполнением судебного акта, которым ликвидируется правовая неопределенность в материальном правоотношении и который содержит определенную обязанность имущественного либо неимущественного характера.

Самостоятельный анализ данного вида процессуальной ответственности, на наш взгляд, представляется нецелесообразным, так как она относится к разновидности карательно-штрафной процессуальной ответственности. Следует подчеркнуть, что карательно-штрафная процессуальная ответственность несет функцию наказания и в зависимости

[1] См.: Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России : учебник. М., 2001. С. 122.

от этого может быть подразделена на подвиды: а) причинение имущественных обременений; б) причинение неимущественных обременений в виде неблагоприятных процессуальных последствий.

Наказание в виде имущественного обременения в арбитражном процессуальном законодательстве представляет собой судебные штрафы, которые налагаются на лиц, вовлеченных в сферу арбитражного судопроизводства. Применение карательно-штрафной процессуальной ответственности обусловлено следующими факторами: неисполнение процессуальной обязанности; отсутствие уважительных причин по исполнению указанных требований. Данный вид процессуальной ответственности применяется к лицам, вовлеченным в сферу судопроизводства в арбитражных судах, как реакция арбитражного суда на противоправные процессуальные действия, причинившие вред процессу осуществления правосудия в арбитражных судах, нарушением субъективных процессуальных прав и законных интересов процессуального оппонента.

В то же время следует подчеркнуть, что наказание правонарушителя не является самоцелью установления института процессуальной ответственности. Данный институт служит средством превенции совершения новых правонарушений, именно в этом выражается его превентивная функция.

Восстановительно-компенсационная ответственность преследует цель восстановления правового состояния субъекта права и стабильности реализации им субъективных процессуальных прав. Данная цель может быть достигнута путем восстановления правового состояния через возмещение убытков, причиненных стороне при производстве по делу либо путем итерации (лат. iteration – повторения; повторное действие), т.е. повторного совершения процессуальных действий для предоставления дополнительной возможности реализации субъективных процессуальных прав. Например, при принятии мер по обеспечению иска, которые в последующем могут причинить имущественный вред стороне, АПК РФ устанавливает возможность обращения в арбитражный суд с требованием возмещения

понесенных убытков. К таким мерам относится возможность получения компенсации за нарушение разумных сроков судопроизводства.

Выделение восстановительно-компенсационной процессуальной ответственности вызывает дискуссию. В связи с этим в правовой науке сложилось несколько мнений, причем обсуждается именно рассмотрение отмены судебного акта как меры государственного принуждения. Одни ученые утверждают, что данная мера относится к мерам ответственности[1], другие считают, что ее следует рассматривать как меру защиты[2], третья группа ученых утверждает, что отмена судебного постановления является полномочием вышестоящей инстанции[3].

Диссертант разделяет позицию тех ученых, которые указывают на наличие восстановительно-компенсационного вида процессуальной ответственности и причисляют к нему и отмену судебного акта.

Цель юридической ответственности достигается путем осуществления ею определенных функций. Как восстановительно-компенсационной, так и штрафной процессуальной ответственности, в той или иной мере присущи регулятивная, восстановительная, превентивная и воспитательная функции, однако их содержание различается в зависимости от специфики конкретного его вида.

Применительно к восстановительной функции процессуальной ответственности следует достаточно четко различать два аспекта восстановления:

1) общеправовой аспект восстановления, т.е. восстановление

---

[1] См.: Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000. С. 92; Самсонова Л.С. Применение норм гражданского процессуального права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 10; Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005. С. 338–339.

[2] См.: Ермаков А.Н. Указ. соч. С.25; Комаров В.В. Метод правового регулирования гражданских процессуальных отношений : автореф. … дис. канд. юрид. наук. Харьков, 1980, С. 14; Нохрин Д.Г. Меры защиты в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 10. С. 6–7.

[3] См.: Алискеров М.А. Метод гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2006. № 7. С. 82–83.

законности в судебном разбирательстве;

2) специально-правовой аспект восстановления, т.е. восстановление правового состояния субъектов, вовлеченных в сферу судопроизводства в арбитражных судах, чьи права были нарушены.

Функция общеправового восстановления реализуется в определенной мере всеми видами процессуальной ответственности. Функцию восстановления в специально-правовом значении, наоборот, выполняет восстановительно-компенсационная процессуальная ответственность.

Полагаем, что именно факт реализации процессуальной ответственностью функции восстановления правового состояния потерпевшего может быть взят как критерий для разграничения процессуальной ответственности на два качественно противоположных вида: штрафную и восстановительно-компенсационную.

Особенности целевого предназначения восстановительно-компенсационной процессуальной ответственности обусловливают факт того, что объем и характер ее мер, как правило, не зависят от степени общественной опасности деяния и личностных характеристик правонарушителя, а определяются потерпевшим самостоятельно, исходя из нанесенного вреда принадлежащим ему правам.

Восстановительно-компенсационная процессуальная ответственность – это ответственность перед потерпевшим, поэтому в силу действия принципа диспозитивности применение мер восстановительно-компенсационной процессуальной ответственности возможно только по инициативе потерпевшего.

Например, проверка судебного акта в порядке апелляционного и кассационного пересмотра возможна по инициативе лица, участвующего в деле. Однако после возбуждения производства в вышестоящих инстанциях проверка по основаниям, указанным в ч. 4 ст. 270 и ч. 4 ст. 288 АПК РФ, будет осуществляться арбитражным судом независимо от доводов, представленных в жалобе. Данные основания являются безусловными, при

их обнаружении судебный акт подлежит отмене. Правовые последствия их обнаружения несколько различны в рамках той инстанции, которая их обнаружила.

Суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции, о чем выносит определение. И в этом случае сторонам предоставляется возможность повторной реализации всех процессуальных прав. Причем, исходя из разъяснений, данных в Постановлении ВАС РФ от 28 мая 2009 г. № 36[1], стороны обладают достаточно широкими процессуальными правами, в том числе изменения предмета и основания иска, размера исковых требований, предъявления встречного иска, т.е. ограничения, установленные в ч. 3 ст. 266 АПК РФ, не будут действовать.

Суд кассационной инстанции так же независимо от доводов приведенных в кассационной жалобе, осуществляет проверку оснований, перечисленных в ч. 4 ст. 288 АПК РФ. При их наличии судебный акт подлежит отмене или изменению и направлению на новое рассмотрение в нижестоящий арбитражный суд, вынесший судебный акт (неправосудное решение), суд обязан повторно рассмотреть дело. Таким образом, лицам, участвующим в деле, предоставляется дополнительная возможность для реализации субъективных процессуальных прав.

Данные полномочия судов вышестоящих инстанций выполняют общеправовую восстановительную функцию, она направлена на восстановление справедливости проведенной судебной процедуры, с точки зрения публичных интересов, так как выявленные нарушения судебной процедуры не только нарушают субъективные процессуальные права лиц, участвующих в арбитражном судопроизводстве, но и дискредитируют судебную власть как государственный институт. Когда осуществляется

---

[1] См.: О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 36 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 8. С. 105–107.

проверка по иным основаниям, указанным в ст.ст. 270 и 288 АПК РФ, полномочия арбитражного суда проверочной инстанции осуществляют специально-правовую функцию, так как они ограничены интересами лица, подавшего жалобу, и выход за ее пределы невозможен. Поэтому восстановительно-компенсационную процессуальную ответственность следует рассматривать как процессуальную гарантию, действие которой направлено на обеспечение соблюдения арбитражными судами законности при отправлении правосудия. Восстановительно-компенсационная процессуальная ответственность преследует цель восстановления законности порядка осуществления правосудия по делам, отнесенным к подведомственности арбитражных судов.

Рассмотренные меры процессуальной ответственности позволяют сделать вывод о том, что в нормах арбитражного процессуального права последовательно реализуется концепция широкого понимания юридической ответственности. Положения этой концепции определяют необходимость осознания лицом, участвующим в деле, всего комплекса предоставленных ему субъективных процессуальных прав, их правомерной реализации, а также последствий своего поведения в процессе судебного разбирательства и его правовой значимости.

Каждый из видов процессуальной ответственности проявляется как соответствующая форма отрицательной реакции государства на нарушение законности при производстве дел в арбитражных судах.

Меры процессуальной ответственности, карательные по своей природе, преследуют цель обеспечения правильности и своевременности судебного разбирательства в арбитражных судах в форме принуждения правонарушителя к выполнению процессуальных предписаний, выраженных в неотвратимой реакции на факты нарушения норм арбитражного процессуального законодательства.

Все изложенное позволяет сделать определенные выводы. Основанием процессуальной ответственности является процессуальное правонарушение,

т.е. деяние субъекта, обладающего процессуальными правами и обязанностями и нарушающего требования норм процессуального права либо не исполняющего указания арбитражного суда. Нормативным основанием служит комплекс норм, в соответствии с которыми устанавливаются и применяются меры процессуальной ответственности. Фактическим основанием процессуальной ответственности является конкретное совершенное процессуальное деяние, не соответствующее требованиям норм процессуального права.

Под процессуальным правонарушением понимается противоправное, социально вредное деяние, которое состоит в нарушении порядка рассмотрения и разрешения дел, отнесенных к подведомственности арбитражного суда, совершаемое путем несоблюдения процессуальных правовых норм. Состав процессуального правонарушения как совокупность признаков, необходимых и достаточных для возложения процессуальной ответственности, включает объект процессуального правонарушения и объективную сторону, субъект процессуального правонарушения и субъективную сторону. Объектом процессуального правонарушения является порядок осуществления судопроизводства в арбитражных судах. Объективная сторона процессуального правонарушения выражается в том, что наступление вредных последствий не является обязательным, достаточно лишь противоправности совершенного деяния, что исключает необходимость установления причинно-следственной связи между совершенным процессуальным деянием и вредными последствиями. Особенность проявляется и в субъективной стороне, которая выражается в действии презумпции вины правонарушителя. Это обстоятельство указывает на исключение необходимости доказывания вины правонарушителя, что в принципе не исключает для правонарушителя возможности доказывания отсутствия его вины. Впоследствии это может повлечь изменение в применении мер процессуальной ответственности. Субъектом процессуального правонарушения признаются лица, обладающие

арбитражной процессуальной деликтоспособностью как составляющей арбитражной процессуальной правосубъектности.

Процессуальную ответственность следует рассматривать как самостоятельный вид публичной юридической ответственности, имеющей своей целью охрану процессуального порядка осуществления правосудия по делам, отнесенным к подведомственности арбитражных судов, и повышение правового сознания участников арбитражного процесса.

Вывод по параграфу:

Проведенный анализ процессуальной ответственности позволяет утверждать, что являясь элементом арбитражного процессуального регулирования, процессуальная ответственность формирует правомерное поведение участников арбитражного процесса в целях охраны порядка осуществления судопроизводства в арбитражных судах, а в случаях нарушения – путем его принудительного восстановления.

Формы реализации процессуальной ответственности: добровольное правомерное поведение участников арбитражного процесса (позитивная ответственность) и судебно-принудительная форма как реакция на неправомерное поведение участников арбитражного процесса (ретроспективная).

Меры процессуальной ответственности представляют собой систему процессуально-правовых средств, применяемых арбитражным судом в целях устранения препятствий в порядке отправления правосудия арбитражными судами. К ним следует отнести меры восстановительно-компенсационной процессуальной ответственности и меры штрафной процессуальной ответственности.

В процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции процессуальную ответственность следует рассматривать как оптимизирующее средство реализации процессуальных прав, которое в позитивном аспекте воздействует на сознание правообладателя, формируя его правомерное поведение в целях

охраны порядка осуществления судопроизводства в арбитражных судах, тем самым выполняя стимулирующую и правообеспечительную функцию.

В качестве гарантии охраны указывает на границы свободы поведения правообладатели и внешних, принудительных факторов его мотивации, через указание на процессуальные санкции как последствия за нарушение пределов допускаемой свободы выбора.

ГЛАВА 4. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ СТОРОН В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

§ 1. Понятие эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

На современном этапе развития науки процессуального права ученые достаточно часто обращаются к вопросам эффективности того или иного правового института в рамках процессуальных отраслей. Такой интерес особенно возрос в последние годы в связи с существенными государственно-правовыми преобразованиями в сфере отправления правосудия, что определяет зависимость функционирования судебной власти от политико-правовых преобразований, происходящих в стране.

Проблемы эффективности того или иного правового явления рассматриваются с позиции соотношения цели и результата. Такой доминирующий подход к трактовке понятия «эффективность» лежит в основе большинства концепций, разработанных в научных исследованиях различных отраслей права[1].

Первоначально понятие «эффективность» было предметом изучения экономических наук и только в XIX в. пришло в правовую науку, став объектом пристального внимания теоретиков права. Дефиницию «эффективность» рассматривали применительно к деятельности организаций, муниципального и государственного управления и только

[1] См.: Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 3–11; Просандеев Д.В. Эффективность правореализационного процесса : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 171; Попова Ю.А. Гражданская процессуальная форма – гарантия эффективности правосудия по гражданским делам // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 193–204; Лазарев В.В. Эффективность актов (вопросы теории). Казань, 1975. С. 207; Швецов С.Б. Эффективность правоприменительной деятельности : дис. … канд. юрид. наук, СПб., 2004. С. 156; Курочкин С.А. Об эффективности норм гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 24–32.

впоследствии права.

В теории права эффективность определяется в качестве способности средства, которое применяют в целях юридических установлений[1]. Анализ работ, посвященных исследованию указанной категории, позволяет говорить о достаточно широком спектре мнений, которые условно можно обобщить в два подхода.

Первый подход, сформулированный в научных трудах, указывает на то, что результат и цель должны полностью совпадать, именно тогда можно говорить об эффективности правовых явлений[2]. Сторонники данного подхода утверждают, что при определении эффективности важен только тот результат, который приводит к достижению общественно полезной цели. Эффективность в самом обобщенном смысле выражает рациональный способ достижения цели[3]. Данная концепция, основанная на трудах философов, в дальнейшем ориентировала ученых на определение эффективности как способа достижения цели, которая представлялась им идеальной моделью[4].

В философском аспекте эффективность рассматривается в качестве категории, связанной с осмысленной деятельностью человека, характеризующей его целенаправленные действия[5]. В этой интерпретации цель обусловлена объективными условиями, а также средствами, необходимыми для

---

[1] См.: Кудрявцев В.Н. Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В и др. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 4; Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989. С. 283; Лебедев М.П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. 1963. № 1. С. 24; Хусаинова О. В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. … юрид.наук. М., 2009. С. 7–8.

[2] См., например: Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок : в 2 ч. / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1975; Эффективность правовых средств обеспечения качества продукции / под ред. В.П. Грибанова. М.,1987.

[3] См.: Андрющенко М.Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Ученые записки кафедры общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 12: Философия. Л., 1971. С. 48.

[4] См.: Багдасарян В.Х. Причина и цель : автореф. дис. … канд. филос. наук. Ереван, 1967. С. 3.

[5] См.: Андрющенко М.Н. Указ. соч. С. 43; Попов Л.Л. Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка. М., 1976. С. 83.

ее достижения. Поэтому возникает потребность выявления этих связей, знание которых важно для определения возможности достижения цели.

Таким образом, существует известная взаимообусловленность цели и средств, которую можно определить как формулу «средства детерминируют цель, а выбор средств определяется характером цели». При этом цель и достигнутые фактические результаты рассматриваются в качестве факторов, интегрирующих систему гарантий судопроизводства, состоящую из совокупности связанных и взаимодействующих элементов[1]. По нашему мнению, если брать за основу такое понимание эффективности, то оно должно соотноситься с понятием качества правового явления, выполняющего определенные функции как в правовом аспекте, так и в социальном аспекте. Например, функциями органов судебной власти можно считать и разрешение правовых конфликтов в обществе, и охрану социальных ценностей, признаваемых государством. Подобное осмысление дает возможность выделить такие понятия, как «факторы, создающие условия для эффективной деятельности судебных органов» и «критерии эффективности деятельности судебных органов». Однако они не являются тождественными.

Анализ понятия «критерии эффективности» предопределяет поиск качественных свойств исследуемого объекта и нацеливает на выявление показателей, позволяющих произвести их оценку. Совместный анализ указанных понятий дает возможность определить тот оптимум между затрачиваемыми усилиями и фактически достигнутыми результатами функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Второй подход представлен позициями ученых, которые утверждают, что при достижении некоторого положительного результата, не совпадающего с целью, можно говорить о повышении эффективности[2].

---

[1] См.: Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок : в 2 ч. / под ред. В.Н. Кудрявцева. С. 23.

[2] См.: Полевин С.М. Эффективность права и законодательство о разводах // Правоведение. 1971. № 3. С. 98.

Например, М.С. Строгович обратил внимание на то, что эффективность может быть как с высокой, так и с низкой степенью, а также с нулевой в случаях, когда позитивные и негативные результаты уравновешиваются[1]. Последователи данной идеи в развитие концепции эффективности правосудия также утверждают, что эффективность может быть выражена в большей или меньшей степени[2]. При исследовании эффективности правового регулирования, а также методов ее выявления они определяли рассматриваемую категорию как действенность, оказывающую целенаправленное влияние на общественные отношения[3]. Определяя эффективность норм как социальную результативность их действия, ученые характеризуют итог как превращение возможностей, заложенных в правовой норме, в действительность[4]. Таким образом, эффективность рассматривается как общественно полезный результат. Этот подход трактует эффективность в более широком смысле в сравнении с первым. Основная идея данной концепции сконцентрирована в формуле: показатель эффективности складывается из результата действия правовой нормы, ее первоначального состояния и произведенных затрат[5].

Серьезный вклад в развитие теории эффективности права был сделан советскими учеными-правоведами в 70-х гг. прошлого столетия. В этот период отмечается повышенный интерес к данной проблеме и как следствие выдвинуто множество гипотез относительно определения эффективности права, а также влияющих на нее факторов. Так, например, В.И. Никитинский

---

[1] См.: Алексеева Л.Б., Строгович М.С., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 211–212.

[2] См.: Анохин В.С. Эффективность правосудия в сфере экономики: состояние и перспективы улучшения. URL://http://www.juristilib.ru/book_4821.html. (дата обращения: 04.08.2013).

[3] См.: Пашков А.С., Чечот Д.М. Указ. соч. С. 3–4.

[4] См.: Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права: теоретические проблемы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 11.

[5] См., например: Самощенко И.С., Никитинский В.И. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 4; Кудрявцев В.Н. Проблемы эффективности права в развитом социалистическом обществе // Проблема государства и права. М., 1974. Вып. 9. С. 18–25.

акцентировал внимание на то обстоятельство, что эффективность правовой нормы следует определять как фактический результат ее действия, соразмерный с социальными целями, для достижения которых была создана эта норма. Автор отрицает возможность применения экономических понятий эффективности «экономичность», «рациональность» при изучении эффективности правовых явлений. Однако он учитывал последствия действия нормы, как отрицательные, так и положительные. Давая оценку эффективности действия правовой нормы, по мнению В.И. Никитинского, следует иметь в виду пропорции отрицательных результатов к наступлению намеченных результатов[1]. В последующем автор скорректировал свою позицию в отношении отрицательных и положительных результатов, признав их выражением экономичности и полезности, но не эффективности применения нормы[2].

На недопустимость определения степени эффективности правовых предписаний без учета материальных затрат, времени и энергии указывали и другие авторы. Они утверждали, что при определении эффективности действия правовых предписаний важно не только достижение цели, но и те средства, затраты, которые требуются для ее достижения[3]. Данной точки зрения придерживались и авторы коллективной монографии «Эффективность правовых норм», подчеркивая необходимость достижения социальной цели права при определении степени ее эффективности[4].

Несколько в ином направлении развивала свои идеи В.В. Лапаева. Ее концепция эффективности основывалась на том, что системообразующим элементом является правообразующий интерес[5].

Объединяющей основой изложенных взглядов на определение

---

[1] См.: Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., 1971. С. 24.
[2] См.: Венгеров А.Б., Никитинский В.И., Самощенко И.С. К изучению эффективности действующего законодательства // Правоведение. 1971. № 4. С. 25–27.
[3] См.: Пашков А.С., Явич Л.С. Указ. соч. С. 41.
[4] См.: Эффективность правовых норм. С. 22.
[5] См.: Лапаева В.В. Эффективность действия права // Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2001. С. 501–502.

эффективности через результаты, изменение общественных отношений, вызванные реализацией правовых норм, может служить то обстоятельство, что авторы указывали на невозможность правильной оценки эффективности правовой нормы без связи с другими элементами.

Исследования в области эффективности правосудия раскрывают это понятие с позиции уровня достижения задач, которые установлены для правосудия[1]. Однако данный подход был критически оценен со стороны некоторых ученых, которые указывали, что при сопоставлении результатов с целями правосудия можно говорить лишь о формуле вычисления эффективности, а не о самой эффективности правосудия[2].

Эффективность правосудия, по мнению А.В. Цихоцкого, определяется как способность правосудия, имманентно ему присущая, по достижению целей, которые поставлены законом[3].

М.А. Викут достаточно критично отзывалась об определении эффективности, которое дано А.В. Цихоцким, указывая на то, что данное правило не предоставляет возможности для выявления эффективности по конкретному делу и, как следствие, регулятивное воздействие закона на судебную деятельность не может рассматриваться как единственный и главный фактор[4].

На наш взгляд, справедливо мнение М.А. Викут, так как качественные и количественные показатели, характеризующую данную деятельность и ее результаты, зависят от ряда других моментов (правосознания, судейского корпуса, степени развития организационно-технического оснащения и т.д.).

---

[1] См.: Анашкин Г.З., Петрухин И.Л. Эффективность правосудия и судебные ошибки // Советское государство и право. 1968. № 8. С. 59; Петрухин И.Л. Социологический метод исследования эффективности правосудия // Советская юстиция. 1971. № 4. С. 10.

[2] См.: Бойков А.Д. К изучению эффективности уголовно-правового закона // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973. С. 174.

[3] См.: Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам : дис. … д-ра юрид. наук. Новосибирск, 1998.

[4] См.: Викут М.А. Обеспечение судами прав лиц, участвующих в гражданском деле, как одно из условий эффективности правосудия // Проблемы доступности и эффективности в арбитражном и гражданском судопроизводстве / отв. ред. И.А. Приходько. М., 2001. С. 133.

Поэтому далеко не все результаты практики, даже если они достаточно устойчивые, могут рассматриваться как показатели эффективности либо неэффективности процессуального закона.

Следует также принимать во внимание, что существуют разные методологические подходы к исследованию самого понятия «эффективность», например онтологический, феноменологический либо праксеологический. На основе онтологического метода возможно изучение эффективности как процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в целом, так и конкретного элемента, входящего в его структуру без учета факторов, которые оказывают влияние на объект исследования. Феноменологический подход предполагает определение эффективности через практику правоприменения. В рамках праксеологического подхода эффективность, полезность и экономичность выделяются в качестве самостоятельных признаков действия. Например, А.В. Цихоцкий считает, что категория «эффективность» может выступать объектом исследования праксеологии – науки о действии, рассматриваемом отвлеченно от субъекта действия и от области его проявления. В силу этого автор утверждает, что правосудие по гражданским делам может характеризоваться с позиции его эффективности, полезности и экономичности. Развивая эту мысль, он указывает на то, что полезность следует рассматривать как соотношение намеченных результатов и побочных результатов, которые способны возникнуть вне зависимости от действующего субъекта. Как следствие такие побочные результаты могут носить как социально-отрицательный, так и социально-положительный характер[1].

Анализ проблем эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон следует проводить с учетом того, что проблема эффективности данного механизма является частью более широкой проблемы – эффективности права. В этом смысле эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон следует

[1] См.: Цихоцкий А.В. Указ. соч. С. 148–151.

рассматривать как частную проблему, соотносимую с общей проблемой эффективности права и особенно с проблемой эффективности механизма арбитражного процессуального регулирования и эффективности правосудия.

Поэтому необходимо учитывать все ранее полученные результаты проведенных исследований по проблематике эффективности права. Однако изучение эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон следует проводить с учетом того, что данный механизм представляет собой целостность, характеризующуюся внутрисистемными связями, определяющими автономность ее элементов. Оценка же эффективности элемента определенного уровня (объектного, субъектного, инструментального) должна осуществляться исходя из свойств данного элемента.

Таким образом, преодолевая односторонность и абстрактность онтологического, праксеологического, феноменологического подходов, возможно учитывать их свойства и качества. Как следствие в сферу проводимого анализа должны включаться процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в целом, его структурные элементы, факторы, которые оказывают влияние на объект исследования. Эффективность же каждого элемента должна определяться через практику правоприменения и оцениваться через свойства их полезности.

В целях преодоления ограниченности познавательных возможностей и границ понятия «эффективность», сформулированного в представленных концепциях, сохраняя научные и, несомненно, значительные результаты, полученные ранее, следует высказать свое мнение относительно рассматриваемой проблемы, которое в целом представляет собой синтез вышеизложенных концепций в свете современных реалий. Жизненно важная точка зрения, согласно которой при определении эффективности того или иного правового явления результат должен соответствовать цели и в своей идеальной модели они должны полностью совпадать. Только тогда можно говорить об эффективности правового явления, т.е. о максимально

возможном уровне достижения его целей. В этом смысле эффективность представляет собой свойство правового явления[1], которое обладает качественными признаками, отделяющими его от других смежных феноменов правового характера.

При анализе эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон следует учитывать различия понятий «эффективность права» и «эффективность правоприменительной деятельности». Так, например, Т.Г. Морщакова и И.Л. Петрухин отмечали, что уровень эффективности нормы права может быть снижен за счет неэффективности ее применения[2]. Эффективность же правоприменительной деятельности как совокупности слагающих ее юридически значимых действий определяется через возможность достижения требуемых результатов, которые соответствуют целям. Этим показателем выражается и различие в методологических подходах к пониманию эффективности законодательства и эффективности правоприменения. Применительно к предмету данного исследования на эти различия следует акцентировать внимание вследствие того, что процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон структурно состоит из разнообразных элементов – процессуальных гарантий, обеспечительной деятельности субъектов. При исследовании эффективности процессуальных гарантий, которые закреплены в нормах арбитражного процессуального права, возможно применение подходов, которые используются для исследования эффективности законодательства (онтологический подход).

Для анализа эффективности элементов субъектного уровня, т.е. обеспечительной деятельности арбитражного суда и сторон, могут применяться методы исследования эффективности, разработанные в рамках эффективности правоприменительной деятельности, в частности

---

[1] См.: Дегтярев С.В. Цели и задачи судебной власти на современном этапе // Правоведение. 2005. № 6. С. 6.

[2] См.: Право и социология. М., 1973. С. 270.

эффективности процессуальной деятельности (феноменологический и праксеологический подходы).

Аналогичной позиции придерживается И.А. Иконицкая, утверждая, что отрицательная эффективность правовой нормы, обусловленная отрицательной социальной целью, является аномалией[1]. По нашему мнению, следует указать на некоторые не совсем верные выводы, высказанные ранее относительно отрицательной и положительной эффективности действия правовых норм. В определенной степени такие выводы формулируются в связи с отождествлением понятий «эффект» и «эффективность». «Эффект», происходящий от латинского слова «effectus», означает исполнение, действие либо результат, следствие каких-либо причин, действия. Предположительно данный эффект может быть как отрицательным, так и положительным. «Эффективность» как категория, не совпадающая с понятием «эффект», указывает на способность выполнять определенную деятельность и достигать необходимого или желаемого результата с наименьшими затратами времени и усилий.

Применительно к методам и подходам исследования категории «эффективность» выделяется диспозиционный подход, в рамках которого эффективность рассматривается как система определенных качеств. Данный подход интересен в формате исследования эффективности конкретного субъекта – арбитражного суда или стороны, т.е. персонально-определенного участника с индивидуальным правосознанием, правовой культурой и иными личностными характеристиками – профессиональными, квалификационными, половозрастными, психологическими и т.д.

Однако исходя из предмета настоящего исследования, который был определен еще в начале работы, а именно процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, без рассмотрения факторов, оказывающих влияние на его формирование,

---

[1] См.: Иконицкая И.А. Проблемы эффективности в земельном праве / отв. ред. Н.И. Краснов. М., 1979. С. 33.

нами предлагается использовать предельно широкие рамки исследования. Данный подход предполагает формирование представления об эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав, т.е. детальное описание, включая формулировку понятия «эффективность», раскрытие факторов и условий, которые влияют на эффективность, определение критериев и показателей, а также соотношений между данными терминами. Именно такой подход позволяет сформировать целостность взгляда и определить рамки анализа, в частности, для элементов объектного уровня и инструментального – содержательный и технико-юридический аспект, для элементов субъектного уровня – характеристика процессуального поведения, которая обусловлена особенностями ситуации.

Таким образом, рамки исследования сводятся к выявлению эффективности субъекта, эффективности процессуальной деятельности и эффективности применяемых процессуально-правовых средств в целях достижения цели функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Если термин «эффективность»[1] означает производительный, т.е. дающий конкретный результат, то можно вывести дефиницию: эффективность – это определенное состояние объекта, которое позволяет ему в силу его свойства достичь ожидаемый от его функционирования результат. Поэтому достижение ожидаемого результата зависит от тех качественных признаков, которые присущи предмету, и именно данные признаки в оптимальном соотношении делают его способным к выполнению тех функций, которые от него ожидают. Понятие «эффективность» обладает такими чертами, которые находят выражение в любом государственно-правовом явлении. На это свойство эффективности ученые обращали внимание и ранее, указывая, что эти свойства проявляются независимо от

[1] От лат. «effectivus» – производительный. См.: Лехин И.В., Петров Ф.Н. Словарь иностранных слов. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей. 1949. С. 774.

объективного развития общества[1]. В этом смысле следует согласиться с мнением тех исследователей, которые утверждают, что рассмотрение эффективности любого правового явления должно соотноситься с определяемым его понятием как общее и частное, т.е. общая категория «эффективность» выступает родовым, а понятие «эффективность рассматриваемого правового явления» (в нашем исследовании «процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции») видовым.

Рассматривая процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон как инструмент взаимодействия арбитражного суда и сторон процесса, определяющий принципы и последовательность выполнения действий, в целях обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, включающий различные элементы, разнообразные по своей природе и функциям, можно выявить, каким образом работает тот или иной элемент в достижении цели. В свою очередь, это позволяет выделить важнейшие, узловые процессуально-правовые средства-инструменты и средства-деяния, которые занимают ведущее иерархическое положение среди всех других.

Представляя собой структурный элемент механизма арбитражного процессуального правового регулирования, процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон стремится к общей цели, т.е. созданию режима благоприятствования для развития арбитражных процессуальных правоотношений, а следовательно, к удовлетворению интереса в судебной защите путем осуществления правосудия арбитражными судами. Анализ эффективности каждого элемента, т.е. процессуальной гарантии, должен определить максимально возможный уровень достижения целей при помощи данного явления. После того как установлен потенциальный уровень достижения цели, можно определить реальный уровень достижения поставленных целей, а затем и формальную эффективность, которая

[1] См.: Цихоцкий А.В. Указ. соч. С. 233.

устанавливается соотношением потенциального и реального уровней, которые, чем ближе к друг другу, тем выше эффективность того или иного процессуально-правового средства.

При определении эффективности процессуальных гарантий должна учитываться не только цель их установления, но и обстоятельства, связанные с непосредственной реализацией, а именно:

– форма реализации процессуального права (соблюдение, исполнение, использование);

– способы реализации (активный или пассивный, личный или делегированный).

Эффективность должна исследоваться с точки зрения оценки именно качественного состояния отдельных элементов указанного механизма и только после этого представляется возможным вывести концептуальное понятие эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон.

Комплексное исследование предполагает не только изучение его структурных элементов, но и порядка их взаимодействия. Ранее проведенный анализ позволил выявить факторы, которые оказывают внешнее влияние на формирование модели процессуально-правового механизма обеспечения прав, а также и его внутреннюю структуру, т.е. совокупность факторов внутреннего характера: субъективное процессуальное право (элемент объектного уровня); арбитражный суд и стороны (субъектный уровень), включая нравственно-психологический фактор; процессуально-правовые средства (инструментальный уровень) – и внешнего характера: организационный (организационно-правовой) фактор; социально-политический фактор.

Субъективное процессуальное право как объектный элемент, относящийся к внутренним факторам формирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, являясь системообразующим, определяет возникновение и развитие иных компонентов процессуально-

правового механизма обеспечения прав. Его эффективность зависит от степени конкретизации и определенности в действующем законодательстве пределов дозволенной свободы, которая в свою очередь обеспечивает стороне возможность осуществления участия в судебном разбирательстве.

Здесь проявляется диалектическая связь объект–субъект, которая проявляется в процессуальном поведении, находящемся в прямой зависимости от широты предоставленной процессуальной свободы, выраженной в правах и обязанностях конкретного субъекта и его способности к самоорганизации и саморегуляции, т.е. активности субъекта.

Поэтому на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон будет оказывать влияние как способность субъекта к самореализации и саморегуляции, так и форма реализации субъективного процессуального права, а именно соблюдение, использование, исполнение.

В форме соблюдения правовых предписаний сторона процесса прямо следует правовому предписанию, тем самым она в силу прямого указания закона правоограничена в выборе варианта процессуального поведения.

Использование права опосредовано активным оценочным отношением стороны к осуществляемым правомочиям, ориентирует его на такое процессуальное поведение, которое бы позволяло совершать юридически значимые действия, ценные как для самого субъекта, так и для осуществления прав иных участников процесса и правосудия в целом.

Исполнение как форма правореализации обусловлено тем, что обязывает субъекта к выполнению действий по отношению к правам иных участников процесса и рассматривается в качестве их надлежащего обеспечения.

Эффективность арбитражного суда и сторон, как элементов субъектного уровня, возможно определить с учетом параметрического описания планируемых результатов, которые рассматриваются как цели взаимосвязей арбитражного суда и сторон. А именно условия, способствующие и препятствующие достижению целей - обеспечения

оперативного информационного обмена между субъектами арбитражного процесса; выполнение субъектами процессуальных функций; интенсификация осуществления процессуальных прав и обязанностей. Субъекты должны обладать также определенными характеристиками, которые будут или способствовать, или препятствовать взаимодействию. Примечателен тот факт, что параметры часто определяют характер взаимодействия и алгоритм, по которым будет осуществляться процесс достижения целей. Именно поэтому в фокусе исследования оказывается анализ зависимости процесса взаимодействия от параметрических характеристик участвующих в нем субъектов.

Можно выделить три фактора, которые, по нашему мнению, определяют ход взаимодействия:

мотивационный,

информативный,

фактор навыков.

Под мотивационным фактором подразумевается определенная потребность сторон во взаимодействии.

Информативность предполагает обладание сторонами определенным уровнем знаний, необходимых для установления интеракции.

Фактор навыков, проявляясь в способности изменять ход взаимодействия, позволяет добросовестно использовать установленные законом процессуальные средства.

Таким образом, эффективность элементов субъектного уровня, арбитражного суда и сторон складываются из нескольких составляющих:

– поставленной цели;

– конкретных приемов и средств ее достижения;

– процессуальной деятельности (действий).

Способность к саморегуляции тесно связана с личностно-психологическим уровнем, так как нормы права не несут какого-либо регулятивного воздействия, если не находят преломления в психике

конкретного субъекта. Способность личности к восприятию правового воздействия указывает, что исследование эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав не может осуществляться без учета мотивов, устремлений и поведенческих результатов. Это объясняется диалектическим характером взаимодействия субъекта и собственно правовой системы, так как не только нормы закона влияют на правосознание субъекта, но и в свою очередь правосознание является важнейшим фактором, позволяющим оценить предоставленные права и в последующем влиять на их реализацию.

Изучение психологического уровня и его эффективности представляется затруднительным в силу сложности, а нередко и невозможности, измерения психологических показателей, так как к измерению психологических процессов невозможно подходить с теми же критериями, как и к объектам материального мира. Поэтому эффективность процессуально-правового механизма с точки зрения психологических факторов влияния можно оценить путем анализа показателей уровня неконструктивной конфликтности в процессе судебного разбирательства, выражающегося в отсутствии злоупотребления процессуальными правами, использования или неиспользования предоставленных возможностей, а фактически производя оценку перевода правовых предписаний в поведение субъекта и подвергая анализу взаимодействие процессуальных норм с сознанием субъекта, так как именно это взаимодействие определяет мотивацию индивида[1].

Нравственно-психологическая составляющая является необходимым компонентом, так как ориентирует субъекта на выбор правильного процессуального поведения с учетом уровня правосознания и правовой культуры, что и указывает на значимость данного фактора. Выбираемые формы и способы реализации субъективного процессуального права напрямую зависят от уровня и развитости правового сознания. Поэтому в

[1] См.: Лукашова Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 247.

условиях трансиндивидуальной функции гражданского судопроизводства возрастает роль профессионального судебного представительства. На необходимость пересмотра значения правового регулирования института судебного представительства и возрастающей роли профессионального юридического представительства указывает и тип правового регулирования цивилистического процессуального законодательства. Формула «дозволено все, что прямо не запрещено законом» требует особого уровня развития социально-психологических, нравственных, правовых качеств личности, которые проявляются в характере и содержании деятельности субъектов при решении социальных задач с помощью автономных правовых средств[1].

Профессиональный судебный представитель повышает качество процесса осуществления субъективных процессуальных прав, так как высокий уровень правовых установок, соизмерение своей деятельности с принципами действующего права и требованиями правовых норм выражается в правомерном поведении. Так, например, доступность квалифицированной юридической помощи для граждан рассматривается как создание условий, обеспечивающих эффективную реализацию гражданами Российской Федерации своих конституционных прав и свобод[2]. Позитивное отношение к правовым принципам и нормам становится необходимостью в условиях действия режима процессуальных рисков.

В научной литературе, посвященной вопросам эффективности субъектов, указывается, что при оценке его эффективности следует учитывать его специфические характеристики, а также и ситуации, в которой субъекту предстоит решать задачи. Специфические характеристики рассматриваются как универсальная готовность воспринимать ситуацию

---

[1] См.: Матузов Н.И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 3. С. 6–16.

[2] Пояснительная записка по внесению изменений в государственную программу Российской Федерации «Юстиция», утвержденную Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312. URL: http://regulation.gov.ru/projects #npa=45128 (дата обращения: 13.01.2016)

достаточно широко, притом сохраняя определенную гибкость в подходах и методах деятельности[1].

Эта готовность проявляется в четкой формулировке цели, стремлением решать поставленные задачи с опорой на внутреннюю мотивацию, а также и склонностью к выработке оптимального решения.

Эффективность элементов инструментального уровня определяется через качество нормативного материала, которое имеет большое значение для обеспечения прав сторон. Это связано в первую очередь с закреплением конкретных процессуальных гарантий в действующем законодательстве. С точки зрения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон нормативное закрепление процессуальных гарантий должно отражать цель, функции и способы их реализации.

Приведем пример с таким процессуально-правовым средством, как процессуальная ответственность. Можно выделить следующие цели карательно-штрафной процессуальной ответственности: во-первых, предупреждение совершения процессуальных правонарушений; во-вторых, восстановление нарушенного хода осуществления правосудия; в-третьих, наказание лица, совершившего процессуальное правонарушение. Исходя из этих целей, можно сделать вывод о том, что эффективность карательно-штрафной процессуальной ответственности следует определять по трем параметрам:

1) как средства предупреждения совершения процессуальных правонарушений как самим правонарушителем, так и иными лицами, вовлеченными в сферу осуществления правосудия;

2) как средства восстановления нарушенного процесса отправления правосудия;

3) как средства наказания лица, совершившего процессуальное

---

[1] См.: Боровиков Д.А. Эффективность как социально-психологическая категория: онтологический подход // Вестник Удмуртского Университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2011. Вып. 2. С. 73-74.

правонарушение.

Анализ эффективности процессуальной ответственности как процессуальной гарантии, выполняющей охранительную функцию, позволяет говорить о невозможности отождествления данного правового средства с нормой процессуального законодательства, его закрепляющего. Это объясняется следующим. Рассмотрение эффективности процессуальной ответственности только с позиции эффективности нормы процессуального права, которая устанавливает данную ответственность, приводит к выводу, что эффективность процессуальной ответственности зависит только от уровня реализуемости процессуальных норм, которые ее устанавливают: чем выше вероятность привлечение виновного лица к процессуальной ответственности, тем выше ее эффективность. В вышеизложенном правиле заложен экономический подход к анализу процессуальной ответственности[1]. Он основывается на том положении, что тяжесть наказания должна превышать «выгоду» от совершения правонарушения. Однако можно повысить вероятность привлечения к ответственности до 100 %, но тем не менее не добиться ее высокой эффективности. В этом скрывается методологическая ошибка экономического подхода к определению эффективности процессуальной ответственности, а именно к сведению всех функций процессуальной ответственности к наказанию и игнорировании психологических факторов, влияющих на ее эффективность. Действительно, эффективность функции наказания карательно-штрафной процессуальной ответственности можно определить через вероятность и тяжесть наказания.

Эффективность же других функций карательно-штрафной процессуальной ответственности, например функции предупреждения совершения процессуальных правонарушений как самим правонарушителем, так и иными лицами, вовлеченными в сферу осуществления правосудия, можно определить только с учетом психологической реакции лица,

[1] См.: Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis. 1993. № 1. Вып. 1. С. 34.

совершившего правонарушение, на совершение правонарушения. Если ответная психологическая реакция лица, на которого наложены меры процессуальной ответственности, носит резко отрицательный характер, то вероятность совершения этим лицом правонарушения в будущем сократится. Однако, если же лицо, на которое наложены меры процессуальной ответственности, не испытывает чувства вины за содеянное, то тогда эффективность процессуальной ответственности по частной превенции резко падает.

Эффективность процессуальной ответственности по частной превенции так же во многом зависит от реакции субъектов процесса на факт совершения лицом процессуального правонарушения и привлечения его к процессуальной ответственности, а также на величину мер имущественной ответственности. Если же рассматривать эффективность процессуальной ответственности по общей превенции, то она зависит от готовности участников арбитражного процесса к совершению процессуальных правонарушений после введения норм, устанавливающих меры процессуальной ответственности.

По функции восстановления нарушенного процесса отправления правосудия эффективность процессуальной ответственности следует определять исходя из соотношения числа случаев, когда в результате привлечения лица к процессуальной ответственности нарушенный процесс осуществления правосудия был восстановлен, к общей численности случаев привлечения лиц к процессуальной ответственности. Как следствие, эффективность процессуальной ответственности выше в тех случаях, когда выше вероятность применения мер процессуальной ответственности, выше вероятность восстановления нарушенного процесса осуществления правосудия и ниже уровень готовности лиц к совершению процессуальных правонарушений. Например, когда определение арбитражного суда об истребовании доказательств не исполняется, наложение судебного штрафа не достигает цели, так как не устраняет препятствия в осуществлении

правосудии, это связано с тем, что доказательство, истребуемое судом, так и остается не полученным. В этом случае эффективность процессуальной ответственности не является высокой, она не достигла целей ее установления в нормативном материале.

Для решения данной проблемы можно предложить два направления:

1) установление персонифицированной ответственности при наложении штрафа;

2) увеличение суммы судебных штрафов до суммы существенно-обременительной для правонарушителя.

Проявление неуважения к суду может выражаться и в действиях иных субъектов, которые не указаны в ч. 5 ст. 119 АПК РФ. Здесь имеются в виду ситуации, когда суд обращается к субъектам в форме определения с указанием состава действий, необходимых исполнить в целях осуществления своевременного правосудия, но носящих организационный характер. Например, запросы суда о возможности проведения определенного вида экспертизы в экспертное учреждение. В связи с этим предлагаем новую редакцию ч. 5 ст. 119 АПК РФ:

«*Арбитражный суд вправе наложить судебный штраф за проявленное неуважение к арбитражному суду на лиц, участвующих в деле, лиц, присутствующих в судебном заседании, а также на иных лиц, в случаях предусмотренных процессуальным законодательством, связанных с рассматриваемым делом и нарушающих нормальное развитие судебного дела в разумный срок. Судебный штраф за неуважение к суду налагается, если совершенные действия не влекут за собой уголовную ответственность и административную ответственность.*».

Проведенный анализ показывает, что проблема эффективности процессуальной ответственности не имеет однозначного решения, она должна определяться в каждом отдельном случае, как того требует законодательство РФ и сложившаяся процессуальная ситуация. Поэтому можно сделать вывод, что эффективность процессуальных гарантий – это

такое их свойство, которое можно оценить на основании анализа множества актов их реализации, отражающих пригодность процессуально-правового средства в заданных условиях достигать требуемого результата. Однако низкая эффективность одного процессуального средства не может являться основанием для признания неэффективности всего процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон. Так, например, если субъект, на которого возложена обязанность представления доказательства, не обеспечивает представления доказательств по неуважительной причине, то к нему применяется мера процессуальной ответственности в виде штрафа. Но если и после этого субъект игнорирует выполнение обязанности, то суд исходя из ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ презюмирует, что данный субъект признает факт другой стороной, так как он прямо его не оспаривает, отказываясь представлять доказательство иного, но при условии, что его несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существа заявленных требований.

Вывод по параграфу:

Системное действие процессуальных гарантий, даже при неэффективности одной из них, устраняет препятствие в отправлении правосудия, восстанавливает субъективное процессуальное право другой стороны и тем самым повышает эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в целом.

Социально-политическая обусловленность как внешний фактор формирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон проявляется в целеполагании судопроизводства – урегулировании правового конфликта как цели судопроизводства или внедрении желаемых социальных и политических целей через урегулирование правового конфликта. В свою очередь, процессуально-правовые средства, опосредующие цель судопроизводства, выступают одной из форм воздействия на социально-политический компонент.

Таким образом, эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон реализуется как свойство, указывающее на способность его структурных элементов в совокупности достигать результатов, соответствующих целям функционирования объекта обеспечения – субъективного процессуального права, которое можно оценить на основе качественных и количественных показателей.

Эффективность элементов субъектного уровня, арбитражного суда и сторон складываются из нескольких составляющих:

– поставленной цели;

– конкретных приемов и средств ее достижения;

– процессуальной деятельности (действий).

Эффективность элементов инструментального уровня определяется через качество процессуальных гарантий, нормативного закрепление которых должно отражать цель, функции и способы их реализации.

§ 2. Факторы, влияющие на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

В научной литературе существует точка зрения, согласно которой на эффективность того или иного правового явления различные факторы и условия имеют неодинаковую степень влияния[1]. В целях выявления всего комплекса факторов, оказывающих влияние на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон, следует обратиться вначале к определению понятия «фактор». Исходя из этимологии этого слова, которое означает «источник воздействия на объект», можно с утверждением сказать, что фактор воздействует на определенное правовое явление, тем самым подвергая его свойства

[1] См., например: Мингазов Л.Х. Указ. соч. С. 127.

изменениям. В последующем эти изменения оцениваются на основе критериев пригодности данного правового явления.

Таким образом, факторы активно воздействуют на объект в целях развития и стабилизации его качественных признаков, отражающихся в показателях, основанных на критериях оценки этих качественных признаков. Поэтому при выявлении и классификации факторов следует определить способы их воздействия, которые могут отличаться как по содержанию, так и динамикой модификационных процессов.

В большинстве научных исследований факторы и условия рассматриваются как равнозначные понятия. Однако различия проявляются в их действиях по отношению к эффективности исследуемого явления.

Условия, в отличие от факторов, опосредуют конкретную внешнюю среду, в которой правовое явление может возникнуть и развиваться, т.е. это обстоятельства, от которых что-либо зависит, обстановка, в которой что-либо происходит [1]. Фактор, исходя из этимологии слова, указывает на движущую силу, причину чего-нибудь[2]. На наш взгляд, фактор является конкретным проявлением внешней сферы, детализируя ее, выступает отдельным элементом условия.

Воздействие условий на эффективность правового явления происходит опосредованно. Если мы говорим об условиях существования, то правосудие проявляется в определенных социальных, политических, экономических, духовных и правовых условиях, отражающих степень потребности общества в правосудии как правовом явлении.

Применительно к предмету исследования уже обращалось внимание, что в процессе отправления правосудия не только должны быть подвержены

---

[1] См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 821.

[2] Фактор (от лат. factor – делающий, производящий) – воздействующее условие, т.е. условие в ситуации нестатического отношения с обусловленным, но в процессе воздействия на него. См.: Сагатовский В.Н. Философские категории: авторский словарь. 2011. URL: http://www.terme.ru/dictionary/1071/word/faktor (дата обращения: 26.09.2013).

.

защите нарушенные права и законные интересы, но и собственно обеспечена реализация процессуальных прав. Правосудие осуществляется на основе принципа состязательности, который, распределяя процессуальные функции арбитражного суда и иных участников процесса, требует активного поведения сторон по реализации возможностей, составляющих то или иное субъективное процессуальное право, а от суда – создания условий для осуществления процессуальных прав сторонами. Тем самым эффективность процессуально-правового механизма представляется как составная часть эффективности правосудия, так как характеристики правосудия могут быть раскрыты через свойства процессуально-правового механизма, а факторы, оказывающие влияние на качество и эффективность правосудия, также воздействуют на эффективность процессуально-правового механизма. Например, государство, принимая на себя обязательства, в том числе и международные, в целях развития качественных признаков судебной власти должно провести ряд мероприятий и предпринять меры, способствующие их развитию и стабилизации. В число таких мероприятий, исходя из смысла документов Европейской комиссии по эффективности правосудия, Консультативного совета Европейских судей (КСЕС)[1], а также реализуемых федеральных программ по развитию и совершенствованию судебной системы России[2], следует отнести:

– повышение качества функционирования судебной системы;

– формирование (укрепление) независимой и беспристрастной

---

[1] См.: URL://https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=9CCJEPLEN&Language=lan French& Site=&BackColorInternet=B9BDEE&BackColorIntranet=FFCD4F&BackColorLogged=FFC69 (дата обращения: 17.08.2013).

[2] См.: Федеральная целевая программа «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» : утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212. - URL: http: //www.garant.ru /products/ipo/prime/doc/92762 (дата обращения: 15.08.2013); Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» : утверждена Постановлением Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583. URL: http: //base.garant.ru/ 190031/ (дата обращения: 12.08.2013); Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : утверждена Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406. URL: // http://www.garant.ru/pro ducts/ ipo/prime/doc/70192624/ (дата обращения: 12.08.2013); Проект «Поддержка судебной реформы». URL: http: // www.fer.ru/jrsp/procnotices.htm (дата обращения: 12.08. 2013).

судебной системы;

– обеспечение разумных сроков рассмотрения дел в судах;

– гуманизацию правосудия;

– эффективную борьбу с коррупцией в судебной системе;

– повышение качества судебных актов и обеспечение безусловного исполнения судебных решений;

– повышение уровня открытости и прозрачности судебной системы;

– определение механизмов получения гражданами и предприятиями полной информации о деятельности судебной системы, а также ее четкую регламентацию;

– повышение подготовки кадрового потенциала судебной системы;

– обеспечение надлежащего материально-технического ресурсного обеспечения деятельности судебной системы;

– создание системы возмещения гражданам и юридическим лицам вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство и исполнение судебных актов в разумные сроки;

– развитие информационных технологий в сфере деятельности судебной системы.

Реализация указанных мероприятий создает условия для повышения эффективности правосудия и оказывает воздействие на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции. Например, развитие информационных технологий в сфере деятельности судебной системы находит свое проявление в законодательно установленной возможности участия в судебном заседании в формате видеоконференц-связи (ст. 153.1 АПК РФ); повышение уровня открытости и прозрачности судебной системы находит свое проявление в создании механизма получения субъектами процесса информации о деятельности судебной системы (обращение в арбитражные суды, получение информации о движении дела с использованием системы arbitr.ru). Мероприятия по повышению подготовки кадрового потенциала судебной

системы относятся к факторам, способствующим росту профессионализма судебного корпуса, административного судебного персонала.

Однако помимо условий, которые достаточно активно воздействуют на эффективность деятельности органов судебной власти, существуют и иные условия, действие которых не представляется оценить конкретными показателями, так как они оказывают опосредствованное влияние на эффективность деятельности органов судебной власти. К таким условиям относятся социально-экономические, политические, идеологические, а также условия несоциального характера – природные, техногенные[1].

Например, влияние политических условий происходит в косвенной форме и проявляется посредством изменения функций права в сторону действия права как средства социального управления и контроля в обществе, согласования различных интересов, содержания принципа верховенства права, неэффективности системы формальных гарантий прав граждан во взаимоотношениях с властью и т.д.

Экономические условия также оказывают косвенное воздействие на эффективность деятельности органов судебной власти. Например, экономический кризис 2008–2009 гг. оказал негативное влияние на систему арбитражных судов, дав прирост рассматриваемых дел (+7%) в 2008 г., по сравнению с 2007 г., из них в порядке искового производства (+17,9%); в 2009 г. количество дел, рассмотренных арбитражными судами, увеличилось, дав прирост (+45%), из них в порядке искового производства (+76%); в 2010 г. эти показатели снизились, общее количество дел, рассмотренных первой инстанцией, уменьшилось (–15,1%), однако отмечалось увеличение дел искового производства (+1,7%).

Снижение количества рассмотренных дел в 2010 г. произошло в основном за счет уменьшения количества поступивших заявлений территориальных органов Пенсионного фонда РФ о взыскании с организаций и граждан обязательных платежей и санкций, что явилось следствием

[1] См.: Мамай Е.А. Указ. соч. С. 117.

принятия и введения в действие с 1 января 2010 г. Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (в ред. от 4 июня 2014 г.)[1].

Нагрузка на судей первой инстанции составляла соответственно 56 дел в 2009 г., 52 дела – в 2010 г., 47 дел – в 2011 г., 57 дел – в 2012 г., 58 дел – в 2013 г.[2]

Таким образом, повысилась интенсивность деятельности арбитражных судов, что на первый взгляд предполагает ухудшение качества работы в виде нарушений сроков рассмотрения дел, однако на качество правосудия это не оказало никакого влияния. Сроки рассмотрения дел кардинальным образом не изменились. Так, если в 2009 г. с нарушением сроков было рассмотрено 5,9 % дел, то в 2010 г. эта цифра составляла 6,9 %, а в 2011 г. – 6,8%, в 2012 г. – 7,8 % , в 2013 г. – 7,9 % от общего количества всех рассмотренных дел.

К условиям социально-общественного характера можно отнести мнение потребителей услуг судебной системы относительно доступности и полноты информации о судебной системе, культуры общения судей и работников суда; мнение экспертов о профессионализме судей и работников суда. Такие опросы на сегодняшний день проводит, например, журнал «Юрист компании»[3].

О влиянии общественного мнения на качество российского законодательства и эффективность юридических норм неоднократно говорилось в работах, посвященных данной проблематике[4]. Это объясняется

---

[1] Собрание законодательства РФ. 2009. № 30, ст. 3738; 2014. № 23, ст. 2928.

[2] Таблица основных показателей работы арбитражных судов в 2009–2013 гг. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/724306690007BEE7080EE56EAB938A93_1.pdf (дата обращения: 05.07.2014).

[3] См.: URL:http://www.lawyercom.ru/rating/ (дата обращения: 15.05.2013).

[4] См.: Бонк Е.Л. Общественное мнение и эффективность права : дис. … канд. юрид. наук, М., 1981; Демидов А.С. Право и общественное мнение: вопросы теории : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008; Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В и др. Указ. соч. М., 1980. С. 133.

тем, что «в общественном мнении явственнее обнаруживается воля лиц, выражающих общественное мнение, активное стремление так, а не иначе воздействовать на общественную жизнь, в том числе и на поведение людей»[1].

Данные условия оказывают социально-психологическое воздействие на деятельность органов судебной власти, но при определенных обстоятельствах могут рассматриваться как индикатор эффективности работы органов судебной власти.

Среди условий социально-общественного характера очевидную специфику имеет фактор, отражающий общий уровень правовой культуры и правового сознания населения[2].

Правосудию как правовому явлению свойственна самореферентная закрытость. Иными словами, правосудию как правовому явлению присуща собственная избирательность в отношениях с воздействующими на нее внешними факторами. Из всех условий, в которых система функционирует, правосудие выбирает только те, в которых оно действительно нуждается и может стабилизировать и оптимизировать собственное состояние. В этом смысле правосудие самореферентно контролирует самовоспроизводство событийных элементов. Именно здесь подключается «аутопойезис», т.е. все, что функционирует в системе как в целостном образовании – элементы, действия, структура, обязано собственному процессу воспроизводства системы и в этом смысле невозможен импорт инородных элементов.

Приведем пример. Уровень профессионализма судейского корпуса и технической оснащенности в арбитражных судах достиг такого состояния, когда внедрение новых информационно-компьютерных технологий в судебный процесс было воспринято как недостающий элемент, позволяющий справиться с возникшей высокой загруженностью в посткризисный период

---

[1] Бонк Е.Л. Общественное мнение и эффективность юридической нормы // Правоведение. 1979. № 5. С. 41–44.

[2] См.: Тихомиров Ю.А., Павлушкин А.В. и др. Об организации и проведении правового мониторинга // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 134.

2008–2009 гг., а именно в 2010–2012 гг., когда нагрузка составляла 58, 52, 66 дел в месяц на одного судью первой инстанции[1].

В этом плане правосудие может стабильно функционировать только в том случае, если оно организовано в соотношении с факторами, которые находятся в определенной закономерности и пропорциональности, свойственными правосудию. Всякое нарушение этой гармонии приводит к неизбежному понижению эффективности деятельности судебных органов по осуществлению правосудия, т.е. выводит его из состояния оптимального сочетания критериев, определяющих его эффективность.

Можно привести еще один пример. Фактором изменений в правовом регулировании процедуры упрощенного производства стали показатели ее неэффективности, которые отразились в арбитражной судебной статистике. В этом смысле высокая степень диспозитивности норм гл. 28 АПК РФ, регулирующей упрощенное производство, свела использование данного вида производства к весьма низким показателям. Императивное ограничение в исковой форме защиты прав в отношении требований с определенной денежной суммой или предметом требований позволило исправить ситуацию. Рассмотрение споров в упрощенном порядке увеличилось за последние года[2], что предполагает повышение эффективности осуществления правосудия по сложным делам, требующим скрупулезной судебной деятельности.

Выявление и систематизация условий дают возможность правильно оценить воздействие всевозможных факторов на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон. По нашему мнению, их раскрытие должно основываться на правиле, что эффективность данного механизма в инструментальном аспекте выступает частью системы

---

[1] См.: Сведения о судебной нагрузке в арбитражных судах Российской Федерации в 2010–2012 гг. URL:http://arbitr.ru/_upimg/3A03DED0728DA4B9AFB86BF88212379F_2.pdf (дата обращения: 13.09.2013).

[2] 2015 год – 42,58%; 2016 – 44,14%; 2017 г. – 53,36%; 2018г. – 54, 86% (Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов) - URL:http:// www.cdep.ru/index.php? id=79&item=4757 (дата обращения: 22.03.2019)

более общего порядка, т.е. условий и факторов, детерминирующих эффективность механизма арбитражного процессуального правового регулирования, и в этом смысле они соотносятся как общее и частное.

При анализе условий, влияющих на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции необходимо учитывать следующее:

1) взаимообусловленность и взаимную детерминацию различных условий, оказывающих влияние на правотворчество и правоприменение. Эти процессы не могут вызывать никаких сомнений, так как качество эффективности правореализационного процесса во многом зависит от недостатков правотворчества (качества законов), которые выявляются в процессе правоприменения. Так же существует и обратный эффект, когда провореализационный процесс снижает эффект действия закона;

2) условия и факторы оказывают непосредственное воздействие на эффективность правоприменения: они обладают способностью усиливать или, наоборот, снижать результативность целенаправленно используемых средств.

Основываясь на этих общих постулатах, которые относятся к проблемам эффективности правовых явлений, можно рассмотреть наиболее значимые условия, оказывающие воздействие на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

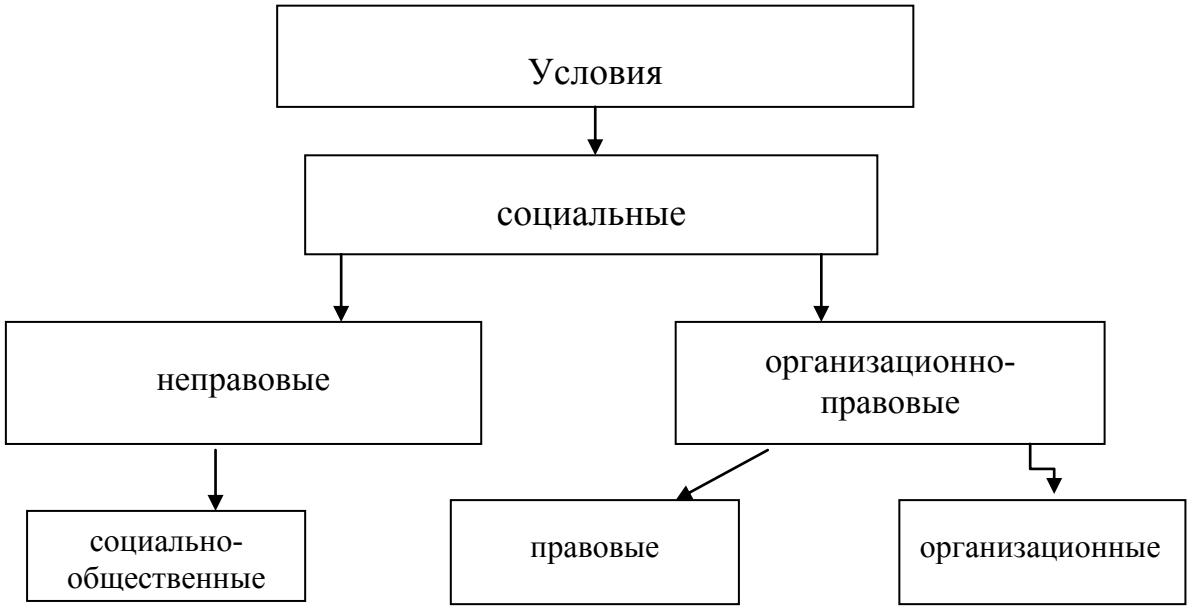
В целях продуктивного изучения многочисленных условий с различным содержанием и различной степенью воздействия целесообразно представить их в систематизированном виде. Для классификации условий эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон считаем возможным предложить следующие критерии: способ воздействия на исследуемый объект (прямой или косвенный), характер взаимодействия (положительный или отрицательный), степень объективизации (объективная или субъективная).

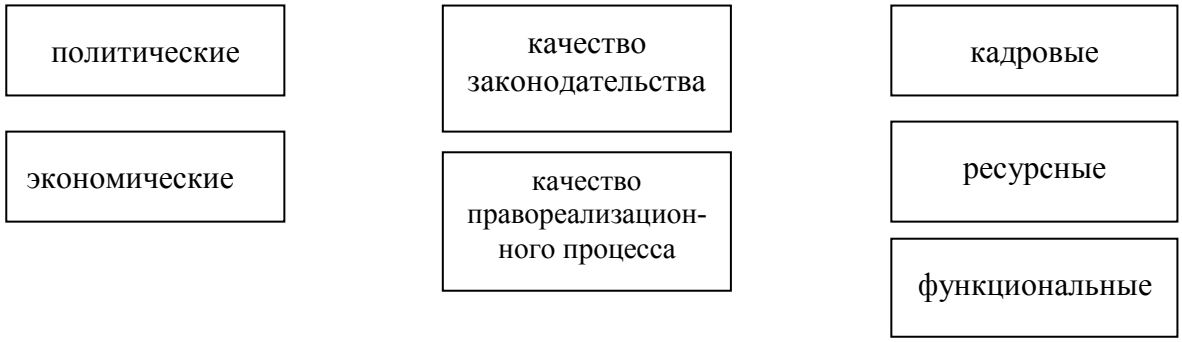
Данная классификация позволяет: во-первых, рассмотреть весь комплекс условий и факторов, который тем или иным способом способен повлиять на эффективность действия механизма обеспечения субъективных процессуальных прав; во-вторых, найти пути совершенствования средств, способов и форм воздействия.

Беря за основу классификации способ воздействия на объект, можно предложить следующее. На эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон оказывают влияние условия социального характера.

Способ воздействия применительно к социальным условиям, к которым относятся экономические, политические, социально-общественные, правовые, позволяет выделить в отдельную группу правовые условия, так как именно они оказывают непосредственное воздействие на механизм обеспечения субъективных процессуальных прав, что и определяет их в качестве фактора.

Правовые факторы предоставляют возможность выделить их подвиды: правовые и организационно-правовые условия. В качестве собственно-правовых факторов следует рассматривать качество законодательства и качество правореализационного процесса. К организационным факторам следует отнести кадровые, функциональные и ресурсные. Все перечисленные условия и факторы можно представить в виде схемы.





Как видно из приведенной схемы, все указанные условия и факторы активно взаимодействуют и обладают определенной взаимообусловленностью. Так, качество арбитражного процессуального законодательства определяется государственной волей, которая в свою очередь детерминируется системой неправовых факторов – социально-общественных, экономических и политических. В этом смысле содержательный аспект качества арбитражного процессуального законодательства во многом зависит от его соответствия закономерностям развития общества и состояния экономики в целом. Как следствие необходимым условием качества процессуальных законов будет соответствие принимаемых процессуальных норм уровню и потребностям развития российского общества.

Факторы неправового характера, будучи внешними источниками влияния, создают обстановку воздействия на качество правотворческого процесса, итогом чего является качество законодательства и правореализационного процесса.

Исходя из понимания процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, который представляет собой инструмент взаимодействия арбитражного суда и сторон процесса, можно указать, что объектом воздействия факторов следует считать, во-первых, правореализационную деятельность субъектов арбитражного процесса, а, во-вторых, нормы арбитражного процессуального права, закрепляющие процессуальные гарантии.

В связи с таким утверждением можно провести градацию факторов, выделив общие, оказывающие воздействие на эффективность механизма арбитражно-процессуального регулирования в целом, и конкретные факторы, влияющие только на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон.

Приведенная классификация обусловлена тем обстоятельством, что процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон проявляет свое действие в динамике через элементы субъектного уровня, т.е. через процессуальную деятельность арбитражного суда и сторон. Функционирование данного механизма предполагает взаимодействие его элементов в процессе, который представляет собой обеспечение реализации субъективных процессуальных прав в рамках определенных стадий его развития. В этом смысле элементы процессуально-правового механизма, подвергаясь воздействию того или иного фактора, обусловливают его эффективность.

Рассматривая комплекс факторов, влияющих на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, следует указать на тот факт, что по степени объективизации можно выделить факторы объективного характера и факторы субъективного характера. К факторам объективного характера следует отнести: качество арбитражного процессуального законодательства, качество правореализационного процесса.

Факторы субъективного характера включают в себя личностные характеристики субъектов правореализации, которые определяют уровень профессионализма субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, т.е. опыт, умения, навыки, знание действующего законодательства, его принципов и требований; уровень правового сознания субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, означающий субъективное отношение к нормам права, мотивационные установки.

Исследование эффективности процессуально-правового механизма

обеспечения прав сторон не может быть проведено без учета субъективных факторов. Нормы арбитражно-процессуального законодательства, как и любые другие, не обладают свойством регулирования и управления сознанием личности извне. Субъект, сообразуя свое поведение со своими потребностями, выступает в правовом регулировании как активный субъект, обладающий способностью к самоорганизации и саморегуляции.

Небезызвестно, что не любая деятельность может оцениваться как эффективная, целесообразная и не все результаты труда являются оптимальными и ожидаемыми. Во многом эффективность правореализационного процесса определяется правомерностью поведения субъектов, так как именно оно связывает норму права и тот эффект, на который рассчитано ее принятие[1].

Раскрытие личностных характеристик в контексте правомерного поведения приобретает особое значение, так как именно способы организации психики с объективными и субъективными условиями действительности позволяют показать диалектику взаимосвязи личности и правовой системы[2].

Влияние правосознания на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон выражается в том, что оно может быть как положительным, так и негативным фактором. Роль правосознания определяется через три основные функции: познавательную, регулятивную и оценочную. С учетом того, что арбитражное процессуальное законодательство последовательно реализует концепцию процессуальных рисков, правосознание может быть фактором, способствующим возникновению эффекта процессуального риска, а также может и нивелировать рисковую ситуацию путем принятия конструктивного решения.

Необходимо придавать значение и факторам, относящимся к субъектам

---

[1] См.: Общая теория права. М., 1995. С. 297.
[2] См.: Щафиров В.М. Право в человеческом измерении // Правоведение. 2004. № 3. С. 206.

реализации:

– точное и последовательное соблюдение субъектами требований норм арбитражного процессуального закона;

– собственные интересы;

– собственные мотивы;

– процессуально-правовую активность.

При определении влияния объективных факторов необходимо в первую очередь отметить состояние арбитражного процессуального законодательства. Как подчеркивает Л.А. Терехова, создание и обновление законодательства должно носить комплексный характер и учитывать особенности механизма правового регулирования[1].

При определении влияния качества правореализационного процесса необходимо принимать во внимание факторы, характеризирующие обстановку и процесс реализации норм арбитражного процессуального права:

– правильный выбор форм, методов и средств реализации субъективных процессуальных прав;

– реализацию субъективных процессуальных прав в соответствии с принципами арбитражного процессуального права.

Например, в качестве факторов, влияющих на продолжительность рассмотрения судом дел, выступают:

– категория дела;

– число участников процесса, наличие/отсутствие третьих лиц в процессе;

– количество заявленных требований и наличие встречных исков;

– необходимость проведения экспертиз, допроса свидетелей, участие в деле иностранных лиц, а также применение норм иностранного права[2].

---

[1] См.: Терехова Л.А. Проблемы повышения эффективности судебной защиты жилищных прав граждан : дис. … канд. юрид. наук. Омск, 1995. С. 3.

[2] См.: Рекомендации о применении критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации : информационное письмо Высшего

Необходимо отметить, что нормы арбитражного процессуального законодательства и деятельность по их реализации находятся в диалектическом единстве. Так, правозапрещающие арбитражные процессуальные нормы действуют в статике, реализация иных норм возможна только в динамике. Некоторые арбитражные процессуальные нормы вызывают эффект уже тем, что они получили закрепление в законе и их эффективность выражается в соблюдении предписания, т.е. нормы арбитражного процессуального законодательства ограничивают стороны арбитражного процесса в выборе варианта поведения.

Правоограничение вариантов поведения выражается как в форме запрета на способ процессуального поведения (ч. 2 ст. 41 АПК РФ), так и в форме запрета на использование определенных процессуальных средств в силу прямого указания в законе (ч. 1 ст. 222.2 АПК РФ).

Другие арбитражные процессуальные нормы достигают цели только лишь активным действием по их осуществлению. В этом случае эффективность выражается характером правореализующих действий, определяющих формы непосредственной реализации права – использование и исполнение.

Одним из показателей эффективности нормы арбитражного процессуального права является оптимальная степень ее реализации. Уровень реализации зависит от множества объективных и субъективных факторов. На сегодняшний день можно утверждать, что уровень соблюдения норм арбитражно-процессуального права достаточно высок. На это указывает приведенная статистика арбитражных судов РФ, в частности, процент отмены вышестоящими арбитражными судами судебных актов по основаниям, нарушения норм процессуального права.

Арбитражного Суда РФ № 167 от 1 июля 2014 г. URL:http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/110088.html (дата обращения: 22.08.2014).

Таблица 2[1]

Годы	**Апелляционная инстанция**	**Кассационная инстанция**[2]
2011	0,025%	0,047%
2012	0,025%	0,042%
2013	0,024%	0,038%
2014	0,021%	0,039%
2015	0,3 %	1,1 %
2016	2,6%	4.27%
2017	2,47%	3,6%
2018	2,17%	3,49%

В то же время, если брать не статистические показатели, а провести качественный анализ, то процент нарушений норм арбитражно-процессуального права, которые рассматриваются как гарантии справедливого судебного разбирательства, а именно: законность состава арбитражного суда, извещение лиц, участвующих в деле, велик. В среднем каждый пятый судебный акт, подвергающийся пересмотру, отменяется по этим основаниям апелляционным судом и каждый третий акт – кассационной инстанцией.

Таким образом, эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции можно определить как соотношение количества отменных судебных актов по основаниям ч. 4 ст. 270 АПК РФ к общему количеству отмененных судебных актов апелляционной инстанцией. Наглядно это видно из приведенной схемы 1.

---

[1] Процент отмены рассчитывался от количества жалоб, поступивших на пересмотр в соответствующую инстанцию.

[2] См.: URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/724306690007BEE7080EE56EAB938A93 _1.pdf (дата обращения: 20.08.2014); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2014 год URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2885 (дата обращения: 15.01.2015); Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2015 год http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3423 (дата обращения 20.02.2016).

Схема 1.

Эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон зависит как от уровня правового регулирования, так и от процессуальной деятельности субъектов арбитражных процессуальных отношений. Особо следует остановиться на деятельности арбитражного суда, так как взаимодействие с другими субъектами арбитражного процессуального правоотношения должно основываться на принципе обеспечения субъективных процессуальных прав.

Арбитражный суд свободен в выборе форм реализации процессуального поведения. Это обусловлено тем, что судья обладает усмотрением, пределы которого предоставляют ему свободу выбора поведения, вытекающего из буквы закона. Данная свобода усмотрения позволяет арбитражным судам предпринимать шаги, способствующие качественному рассмотрению и разрешению дел путем применения различных предусмотренных АПК РФ средств. Например, при повышающейся нагрузке на судей использовать средства, исключающие нарушение сроков рассмотрения дела, такие как заключение мировых соглашений. Так, согласно статистическим данным в период с 2010 г. по 2013

г. сроки рассмотрения дел не являлись критическими, так как в судах первой инстанции повышался уровень окончания дел в связи с заключением мировых соглашений.

Таблица 3.

Количественные показатели	**Годы**			
	2010	**2011**	**2012**	**2013**
Кол-во дел, рассмотренных первой инстанцией	1 197 103	1 078 383	1 409 545	1 247 863
Кол-во дел на одного судью	58	52	66	58
Кол-во определений о заключении мировых соглашений[1]	37 739	29 519	32 728	30295
%	3,3	2,8	2,4	2,4
Кол-во дел с нарушением сроков рассмотрения[2]	82 541	72 948	110 330	90 464
%	6,9	6,8	7,8	7,5

Процедура судебного рассмотрения по конкретному делу содержит определенные ограничения поведения судьи при осуществлении усмотрения, т.е. действуют юридически закрепленные пределы. Именно они помогают осуществить возможный контроль за усмотрением судьи со стороны лиц, участвующих в деле, и принять решение каким образом можно воздействовать на деятельность суда.

В связи с этим особое значение приобретает процессуальная форма судейского усмотрения, которая должна выделять обязательные правила, установленные процессуальным законодательством, именно для суда.

При применении судейского усмотрения немаловажно установление пределов выбора, которые получили закрепление в соответствующей норме, применяемой к определенным правоотношениям, а также соблюдение правил процедуры рассмотрения и разрешения дел.

---

[1] См.: Справка об утверждении мировых соглашений арбитражными судами Российской Федерации в 2009–2013 гг. URL:http://arbitr.ru/_upimg/44242F59ECC6BD184B560F30D1D0DA76_3.pdf (дата обращения: 26.09.2014).

[2]Таблица основных показателей работы арбитражных судов Российской Федерации в 2009–2013 гг. URL://http://arbitr.ru/_upimg/9A722CAA5045E32D46304A764C9D449B5. pdf (дата обращения: 15.09.2014).

В связи с этим возникает вопрос об объеме творческих функций, которыми наделен судья. В силу объективных причин перечислить все варианты поведения арбитражного суда в конкретных ситуациях не представляется возможным.

Относительно широкий спектр факторов, оказывающих влияние на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, создает достаточную сложность в применении. Необходимо ограничить воздействие конкретных факторов, которые гипотетически могут снижать эффективность. Несомненно, что степень влияния многообразных факторов на эффективность различна, но эти различия определяются степенью детерминированности факторов друг с другом. Поэтому решение задачи о причинно-следственной связи факторов с эффективностью процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон достаточно актуально.

Выводы по параграфу:

Проведенный анализ условий и факторов эффективности процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон позволяет сделать следующие выводы.

1. Эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции детерминируется многообразным комплексом условий: общими и специальными, негативными и положительными. Значительную роль играют правовые факторы как объективного, так и субъективного характера. Последние оказывают влияние на правосознание субъектов правообеспечительной деятельности.

2. Условия и факторы эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции обладают взаимообусловленностью, они оказывают прямое или косвенное влияние на развитие качественных признаков процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав.

3. Условия и факторы, влияющие на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой

инстанции, образуют сложную систему, в рамках которой принципиальное различие приобретают подсистема естественных, объективно возникающих факторов, и подсистема средств, целенаправленно используемых для воздействия на элементы указанного механизма.

Таким образом, условия и факторы, влияющие на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, представляют собой внутренне обусловленный комплекс разнообразных по содержанию и модификационным процессам явлений правового и неправового характера, направленный на стабилизацию его качественных признаков в целях обеспечения правомерной реализации субъективных процессуальных прав.

§ 3. Критерии эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

Признавая фундаментальность и значимость разработок существующих исследований, посвященных проблемам эффективности права, вместе с тем следует сказать, что применительно к эффективности процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав возникает потребность уточнения как содержательных аспектов исследования этой проблемы, так и ее категориального аппарата.

Праксеологический подход к анализу эффективности взаимодействия арбитражного суда и сторон означает осмысление их деятельности с точки зрения ее функциональности, результативности, выявление тех действий и операций, выполнение которых не удовлетворяет, выяснение причин неэффективности, изучение возможностей, потенциала и неиспользованных резервов, выработку предложений по повышению эффективности деятельности.

Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, рассматриваемый нами, как

подсистема государственно-правового механизма обеспечения прав человека и гражданина, функционирует в сфере осуществления экономического правосудия. Исходя из конституционных положений, основной целью деятельности судебной власти является обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Цель такой деятельности состоит в создании условий непосредственного воплощения прав и свобод человека и гражданина путем создания возможностей для их фактической реализации, в том числе и процессуальных прав, которые могут быть нарушены в процессе рассмотрения и разрешения подведомственных дел. Проведенный анализ процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон позволяет утверждать, что данный механизм представляет собой одну из составляющих гарантий правосудия в части закрепления эффективных процессуально-правовых средств гарантирующего свойства. Недостаточный уровень гарантирующих средств реализации процессуальных прав ведет к утверждению, что в целом правосудие не обладает достаточным уровнем юридических гарантий, и соответственно, не может считаться высокоэффективным в обеспечении прав сторон.

Вопросы, касающиеся выявления критериев, характеризующих качественные свойства процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, представляются дискуссионными. Дискуссионность вопроса детерминируется несколькими факторами: понятием «эффективность», качественными признаками исследуемого явления и собственно определением «критерий» в его соотношении с термином «показатель».

Как видно из предыдущего анализа, понятие «эффективность процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон» включает в себя разноплановые явления. Это и юридический эффект от реализации процессуально-правовых средств гарантирующего характера, и наполнение норм арбитражного процессуального права, и содержание правореализационного процесса.

Проблема эффективности процессуально-правового механизма

обеспечения прав сторон многовариантна и, несомненно, важным аспектом является раскрытие критериев, позволяющих произвести оценку эффективности составляющих его элементов на способность функционирования в целях обеспечения правомерной реализации субъективных процессуальных прав участников арбитражного процесса.

Как следствие можно указать на то, что эффективность процессуально-правового механизма, определение критериев и показателей его эффективности соотносятся с эффективностью правореализационного процесса в сфере осуществления экономического правосудия.

В общей теории права термин «реализация» понимается как сложный и многогранный процесса практического осуществления права в практику. Его содержанием выступает подчинение воли субъектов в их деятельности и общении требованиям правовых деклараций, определений, принципов и норм[1].

Таким образом, эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав следует рассматривать как эффективность взаимодействия арбитражного суда и сторон в правореализационном процессе.

Как правило, результат функционирования того или иного правового явления опосредован целеполаганием и средствами достижения намеченного результата. В научной литературе цель определяется как желаемый результат и мерило эффективности, т.е. критерий, по которому можно судить об эффективности того или иного правового явления. Этот аспект дает ученым ориентировку на установление целой системы целей, которые должны решать правовые явления.

Г.А. Жилин, определяя иерархию целей арбитражного судопроизводства, в качестве приоритетной указывает защиту нарушенных прав[2].

---

[1] См.: Вопленко Н.Н. Реализация права: учебное пособие. Волгоград, 2001. С. 4-5.

[2] См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / под ред. Г.А. Жилина. М., 2006. С. 6.

М.Ш. Пацация, развивая эту мысль, приходит к выводу, что эффективность процессуальной деятельности должна оцениваться на основании решения универсальных целей, а именно: доступности правосудия, справедливости, своевременности[1].

Авторы подводят итог дискуссии, что основным критерием эффективности является достижение цели. С таким постулатом сложно не согласиться.

Критерии и показатели эффективности правообеспечительной деятельности арбитражного суда могут рассматриваться как в контексте эффективности судопроизводства по конкретному делу, так и собственно в контексте способности правосудия как вида государственной деятельности достигать поставленные перед ним цели.

Научные исследования, посвященные вопросам эффективности того или иного правового явления, в рамках которых проводится анализ критериев и показателей, содержат неоднозначные трактовки данных терминов[2].

Применительно к оценке эффективности правоприменительной деятельности исследователи указывают на способность критерия выступать в качестве методологического фильтра, позволяющего осуществить оценку состояния и динамики развития объекта исследования посредством вычленения некоторых его свойств[3].

Исследуя проблемы эффективности правосудия, А.В. Цихоцкий указывает на наличие качественных и количественных критериев, позволяющих определить свойство правового явления, которое создает

---

[1] См.: Пацация М.Ш. Указ. соч. С. 286–287.

[2] См.: Алексеев С.Н. Эффективность институционально-правового механизма обеспечения правопорядка : автореф. дис. … канд. юрид.наук. Н. Новогород, 2011. С. 9; Жинкин С.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 13; Марочкин С.Ю. Эффективность норм международного права: понятие, критерии и условия. Свердловск,1984. С. 38–59; Мингазов Л.Х. Эффективность норм международного права : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 66–68; Цихоцкий А.В. Указ. соч. С. 17; и др.

[3] См.: Мамай Е.А. Указ. соч. С. 101.

возможность для достижения того или иного результата[1]. Эффективность судопроизводства по конкретно рассматриваемому делу ученый предлагает оценивать по критериям, дающим возможность оценить установление фактических обстоятельств дела; правильность определения материально-правовых оснований рассматриваемого дела; наличие или отсутствие процессуальных нарушений; соблюдение или несоблюдение сроков рассмотрения дела; характер мотивировки решения; качество составления протокола судебного заседания; качество составления решения суда[2].

Применительно к проблеме эффективности правосудия, в частности к его качественным признакам, можно сказать, что в соответствии с основополагающими международными актами, закрепляющими стандарты защиты прав и свобод, правосудие должно отвечать принципам доступности, справедливости, независимости, открытости, гласности, разумности сроков осуществления. Однако эти качества правосудия должны быть подвергнуты оценке, в связи с чем возникает необходимость разработки прямых оценочных критериев качества правосудия, которые позволили бы отразить уровень эффективности судебных систем.

Исследователи в целях разработки критериев оценки качества правосудия используют определенные меры и оценочные средства[3], позволяющие идентифицировать проблемы и области, требующие улучшения в целях эффективного функционирования судебной системы.

Так Европейская комиссия по эффективности правосудия разработала методику оценки качества правосудия[4], применяя различные меры и средства, дающие возможность провести анализ: независимости судьи, роли

---

[1] См.: Цихоцкий А.В. Указ. соч. С. 142.
[2] См.: Цихоцкий А.В. Указ. соч. С. 260.
[3] См.: Контрольный список для управления временем (Checklist показателей для анализа сроков судебного разбирательства в судебной системе). Принят CEPEJ на 6-м пленарном заседании (7–9 декабря 2005 г.). URL: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CEPEJ (2005) 12&Ver=Rev&Language=lanFrench&Site=COE&BackColorInternet=eff2fa&BackColorIntranet=eff2fa&BackColor Logged=c1cbe6#P48_3572 (дата обращения: 15.08.2013).
[4] См.: URL://http://www.coe.int/t/dghl/cooperation/cepej/evaluation/2012/Rapport _fr.pdf (дата обращения: 15.08.2013).

иных специалистов права, защиты принципов, связанных с процессом, разумных сроков осуществления правосудия, доступа к правосудию, эффективности организации судов и судебных разбирательств, приспособленности к потребностям и ожиданиям общества.

При определении критериев эффективности деятельности судей, по мнению Н.В. Куприяновича, следует учитывать следующие факторы: законность решения суда; своевременность рассмотрения дела; качество составления процессуальных актов судьями. Также необходимо принимать во внимание следующие организационные моменты судебной работы: время, затраченное на рассмотрение дела в его соотношении с необходимым; кадровый отбор судей; меры по стимулированию труда судейского корпуса; оснащенность судебных офисов высокотехнологическим оборудованием[1].

Используемые оценочные системы в Российской Федерации сориентированы на характеристику процедуры осуществления правосудия и не содержат оценки результатов деятельности судов, также в них отсутствует ориентация на системные взаимосвязи с прочими институтами, содействующими отправлению правосудия. Этого не скажешь о системе оценки, разработанной Комиссией по эффективности правосудия. Данная система содержит принципы и методологические подходы, которые позволяют выявить действенные инструменты в вопросе организации справедливого правосудия с учетом особенностей правовой политики государств стран–членов Совета Европы, а также принимает в расчет интересы потребителей правосудия, предупреждая нарушения ст. 6 Европейской конвенции по правам человека.

Совокупной оценке подвергаются: общие экономические и демографические данные; государственные расходы, включающие и расходы на функционирование судебной системы, прокуратуры, предоставляемой правовой помощи; доступ к правосудию с учетом средств по предоставлению

---

[1] См.: Куприянович Н.В. Критерии эффективности деятельности мировых судей // Мировой судья. 2006. № 1. С. 3.

правовой помощи населению, судебных издержек, а также дохода судебной системы; удовлетворенность потребителей судов (с учетом доверия публики), наличие процедур компенсации в случае судебных нарушений; организация судов, в том числе и оснащение высокотехнологическим оборудованием; развитие альтернативных форм урегулирования споров; профессионализм судей, персонал суда; оценка справедливости процесса по категориям дел с учетом сроков рассмотрения; профессионализм адвокатского корпуса; исполнение решений и т.д.[1]

При детальном анализе можно удостовериться, что фактически подвергается оценке совокупность качественных характеристик правосудия, включая характеристики судебной процедуры, кадрового состава судейского корпуса, сопутствующие организационные аспекты, а также наличие правовых институтов, способствующих повышению качества осуществления правосудия. Такая достаточно широкая система критериев оценки правосудия отражает многофункциональность и сложнообразованность правосудия как правового явления, качество которого невозможно оценить с помощью единственного интегративного или главного критерия, ограниченного количественными показателями конечных результатов, связанных с уровнем и динамикой рассматриваемых дел. Именно поэтому критерий эффективности правосудия отражает правовые и социальные аспекты деятельности судебных органов. Эксперты, которые проводят оценку качества правосудия, в дальнейшем на основе полученных результатов предлагают меры и конкретные средства для улучшения эффективности деятельности судебных органов в пользу граждан.

В последнее время определяющей тенденцией развития процессуального законодательства является поиск оптимального соотношения между результатом деятельности органов судебной власти и

[1] Rapport d'évaluation des Systèmes judiciaires européens de la CEPEJ - Edition 2012 (données 2010) - Les Etudes de la CEPEJ N° 18. Оригинальный перевод автора. - URL:http:// www.coe.int/t/dghl/cooperation/cepej/evaluation/2012/Rapport_fr.pdf (дата обращения: 05.09.2013).

способами его достижения и измерительными средствами эффективности деятельности органов судебной власти.

В.В. Ярков обратил внимание на то, что развитие процессуального законодательства в направлении его оптимизации и рационализации не должно приводить к снижению уровня правовых гарантий[1]. Такой подход предполагает, что первостепенным вопросом при проведении реформаторских мероприятий в судебной системе должен стать вопрос о реализации концепции прав человека в процессуальном законодательстве. Данная концепция получила закрепление в международных конвенциях, устанавливающих стандарты осуществления правосудия, а также в Конституции РФ.

В этом ракурсе изменения Арбитражного процессуального кодекса РФ, устанавливающие вынесение только резолютивной части решения по делам упрощенного производства, не являются мерой по усилению процессуальных гарантий прав сторон[2]. Мотивированность решений суда имеет диалектическую взаимосвязь с иными элементами права на справедливое судебное разбирательство. Отсутствие мотивов в решении рассматривается как отсутствие в нем фактов заслушивания сторон при проведении судебного разбирательства, что, в свою очередь, свидетельствует и о нарушении принципа процессуального равноправия сторон («equality of arms»)[3]. Мотивированность решений суда имманентно связана с их законностью и обоснованностью, так как в значительной мере эти требования к решению

---

[1] См.: Ярков В.В. Гармонизация гражданского процессуального права в странах Евразии сквозь призму развития гражданского судопроизводства на постсоветском пространстве: Национальный доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст : Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.) : сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина. М., 2012. С. 416.

[2] Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 10, ст. 1321.

[3] «Kuznetsov and others v. Russia», 11.04.2007 [Электрон. ресурс]. URL: http://www.echr.coe.int (дата обращения: 12.09.2015); Hirvisaari v. Finland», 27.09.2001 [Электрон. ресурс]. URL: http://www.echr.coe.int. 1 (дата обращения: 12.09.2015).

суда как к акту правосудия объективируются в мотивировочной части этого решения как процессуального документа.

Анализ работ в области права позволяет утверждать, что выделяется достаточно большое количество критериев эффективности судебной власти. К которым относят: вынесение судами обоснованных и законных решений; обеспечение судами прав лиц, участвующих в гражданских делах; обеспечение судами других социально-полезных результатов, указанных в законе; достижение результата с минимальными социальными издержками; законность, обоснованность и справедливость каждого вынесенного решения (приговора) суда; своевременное рассмотрение дел; качество составления процессуальных документов судьей; время, затрачиваемое на рассмотрение одного дела в отношении с объективно необходимым; подбор и расстановка судебных кадров; стимулирование труда судей; техническая оснащенность судебных помещений и др.

При этом следует указать на тот аспект, что сформулировать исчерпывающие по содержанию методические рекомендации относительно того, как осуществлять расчет эффективности процессуально-правового механизма является достаточно сложным. Поэтому в качестве цели исследования критериев и показателей эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции следует определить лишь создание теоретического и эмпирического каркаса для их будущих научных разработок.

Задачи же изучения эффективности указанного механизма могут заключаться в следующем:

1. определение критериев и показателей эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции;
2. проведение их классификации по группам и видам;
3. определение возможности их применения для выяснения существующих проблем и возможных путей повышения

эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Соответственно, критерии эффективности правообеспечительной деятельности арбитражного суда должны определяться функциями судебной власти (правозащитная, регулятивная, правореализационная и др.). В этом случае, на наш взгляд, можно выделить следующие критерии эффективности правообеспечительной деятельности:

способность обеспечивать и защищать субъективные процессуальные права сторон, обеспечивать законность осуществления процессуальных прав лицами, участвующими в деле;

способность обеспечивать в своей деятельности должное применение норм процессуального права;

способность принимать обоснованные и законные судебные акты по итогам реализации конкретного процессуального действия участниками процесса;

способность воздействовать на процессуальные отношения путем принятия общеобязательных решений.

Предложенные критерии эффективности правообеспечительной деятельности арбитражного суда имеют определенную взаимосвязь, и каждый из критериев дает возможность оценить эффективность такой деятельности.

В целом, критерии эффективности показывают уровень достижения судебной власти целей, которые поставлены перед ней. На основе анализа критериев эффективности можно воздействовать на соответствующие области судебной деятельности.

Следует отметить, что термин «критерий» в научной литературе используется для определения и классификации чего-либо[1], а термин «показатель» дает возможность судить о развитии и ходе чего-нибудь и

[1] См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 300.

указывает на результат процесса[1]. Именно в такой интерпретации данные понятия выступают как средства определения степени качественного состояния исследуемого объекта. Причем критерии представляют эталон, обладающий признаком эффективности, и могут рассматриваться как система качественных признаков, которые дают оценку имманентно присущего свойства, позволяющего использовать его в качестве института обеспечения правомерной реализации субъективных процессуальных прав.

В процессе эмпирического исследования объекта показатель служит средством измерения достигнутых результатов, т.е. степени эффективности анализируемого функционирующего объекта. Таким образом, показатели указывают на реально достигнутое состояние функционирования объекта исследования, по ним можно судить о его эффективности.

Наше суждение о том, как следует различать и использовать данные термины в разных значениях, не является оригинальным. Еще в середине XX в. И.В. Шмаров верно предсказывал невозможность отождествления критерия эффективности и ее показателей, абсолютно правильно уточняя, что каждый критерий детерминирует соответствующие показатели[2].

В юридической литературе выделяется достаточно большое число как количественных, так и качественных показателей эффективности деятельности судебной власти.

К количественным показателям относятся официальные статистические данные, применяемые для оценки состояния правового явления в целом. Состояние исследуемого объекта всегда характеризуется определенным набором величин, которые могут быть измерены и выражены в числовом значении[3]. Качественные показатели применяются для оценки как единичного элемента, входящего в единую систему, так и

---

[1] См.: Там же. С. 538.

[2] См.: Шмаров И.В. Критерии и показатели эффективности наказаний // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 5.

[3] См.: Волгин Л.Н. Проблема оптимальности в теоретической кибернетике. М., 1968. С. 10.

для оценки системы в целом.

В научной литературе сформулированы показатели осуществления правосудия по гражданским делам, характеризующие ту или иную сторону правосудия:

уровень организации правосудия (количество федеральных судов, служебная нагрузка судей, специализация судей);

финансовое и материально-техническое обеспечение правосудия (здания обеспеченность судов транспортными средствами, оргтехникой, юридической литературой; финансовое обеспечение судов);

трудовые ресурсы правосудия (среднесписочная численность судей; численность народных заседателей; численность работников, не связанных с отправлением правосудия);

результаты правосудия (общее количество судебных решений, количество зафиксированных судебных постановлений, содержащих процессуальные и материально-правовые ошибки; количество латентных судебных ошибок, количество судебных решений по отдельным категориям гражданских дел)[1].

О качестве правообеспечительной деятельности арбитражного суда можно судить в тех случаях, когда итоговые судебные акты приняты без нарушения норм процессуального права, именно в этом случае считается, что все субъективные процессуальные права были обеспечены надлежащим образом. Показателями качества правообеспечительной деятельности могут служить сведения официальной статистики арбитражных судов, которые указывают на количество дел, по которым судебные акты отменены судом вышестоящей инстанции по основаниям нарушения норм материального права и количество дел, рассмотренных вышестоящей инстанцией.

Оценить же действительную эффективность правообеспечительной деятельности арбитражного суда, можно по показателям, которые указывают

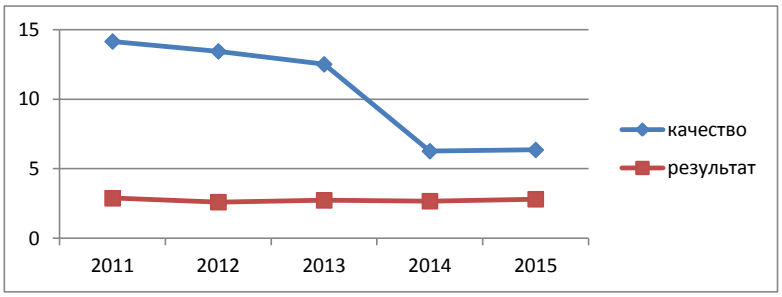
---

[1] См.: Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам : дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2007 С. 230-231.

на количество дел, по которым судебные решения отменены по процессуальным основаниям и количеству дел, рассмотренных вышестоящей инстанцией.

На приведенной схеме можно увидеть, что качество правообеспечительной деятельности, которое рассматривалось как ожидаемая эффективность гораздо выше действительного результата правообеспечительной деятельности арбитражного суда. Это связано с тем, что в действительности за период 2011-2015 год судебные акты арбитражного суда первой инстанции содержали нарушения норм процессуального права, данные нарушения были подтверждены арбитражным судом апелляционной инстанции, путем отмены судебных актов по основаниям ч. 3 и ч. 4 ст. 270 АПК РФ.

Схема 2.



На основе общих статистических данных можно выявить и факторы, которые тем или иным образом оказывают влияние на правообеспечительную деятельность арбитражного суда.

Например, к таким факторам можно количество дел, рассмотренных судом первой инстанции, нагрузку на судей, неправомерность действий лиц, участвующих в деле, вследствие которых на них налагались штрафы.

Необходимо отметить, что на эффективность правообеспечительной деятельности арбитражного суда оказывают влияние и иные определенные объективные и субъективные факторы.

Например, оценивая эффективность правообеспечительной деятельности арбитражного суда в отношении обеспечения права на судебное разбирательство в разумные сроки, следует фиксировать не только факт увеличения либо уменьшения количества дел, рассмотренных с нарушением сроков, но и оценивать организацию судебного рассмотрения арбитражным судом с точки зрения его планирования, в соответствии со сроками (организационный критерий), а также и процессуальную активность сторон (правовой, нравственный критерий). Нравственный критерий имеет огромное значение, так как форма осуществления предоставленных процессуальных прав, реализация которых может повлечь увеличение сроков рассмотрения дел, имеет значительное влияние.

Например, в 2011 г. арбитражными судами первой инстанции было рассмотрено 1 078 383 дел, из них 72 948 (6,8 %) дел – с превышением сроков, установленных АПК РФ. Причины нарушения сроков рассмотрения по 7 242 (9,9%) дел были связаны с применением ст. 18 АПК РФ, в частности с заявлением сторонами ходатайств об отводе судьи, что и увеличивало сроки рассмотрения дел. Так в 2012 г. при общем количестве рассмотренных дел в первой инстанции – 1 409 545 – 110 330 дел было рассмотрено с превышением сроков, из них 7 356 (6,7 %) по основаниям ст. 18 АПК РФ[1]. В 2013 году при общем количестве рассмотренных дел в первой инстанции – 1 24863 – 90464 (7,2%) дел было рассмотрено с превышением сроков, из них 6834 (7,5 %) по основаниям ст. 18 АПК РФ [2]. Уже в 2014 году при общем количестве рассмотренных дел в первой инстанции – 1 425 500, дел рассмотренных с превышением сроков составило 78 279 (5,5%), из них по

[1] См.: Справка о применении арбитражными судами РФ норм АПК РФ, влияющих на сроки рассмотрения дел в 2011–2012 гг. URL:http://arbitr.ru/_upimg/F3534C8F44DF138F 7D 1FD64384AF 55E7 _16.pdf (дата обращения: 12.10.2013).

[2] См.: Аналитическая записка к статистическому отчету о работе арбитражных судов в Российской Федерации в 2013 году URL:http://www.arbitr.ru/_upimg /BA56B64409E63370CC611FE1DCC99CB8_an_zap.pdf (дата обращения: 16.11.2015).

основаниям ст. 18 АПК РФ – 6715 (8,6%)[1]; в 2015 году общее количество рассмотренных дел в первой инстанции составило 1 531 473 дела, из них 60 403 (3,9%) – с превышением сроков, установленных АПК РФ, нарушения сроков рассмотрения дел, связанные с применением ст. 18 АПК РФ, составили – 5 074 (8,4%)[2]; в 2016 году общее количество рассмотренных дел в первой инстанции составило 1 571 316 дела, из них 60 313 (3,8%) – с превышением сроков, установленных АПК РФ, нарушения сроков рассмотрения дел, связанные с применением ст. 18 АПК РФ, составили – 2 925 (4,8%); в 2017 году общее количество рассмотренных дел в первой инстанции составило 1 747 979 дела, из них 60 728 (3,5%) – с превышением сроков, установленных АПК РФ, нарушения сроков рассмотрения дел, связанные с применением ст. 18 АПК РФ, составили – 1 680 (2,7%); в 2018 году общее количество рассмотренных дел в первой инстанции составило 1 907 737 дела, из них 76 060 (4%) – с превышением сроков, установленных АПК РФ, нарушения сроков рассмотрения дел, связанные с применением ст. 18 АПК РФ, составили – 904 (1,2%). Из статистических данных просматривается, что выбранный критерий действительно имеет влияние на сроки рассмотрения дела.

Таким образом, процессуальная активность сторон, выразившаяся в обращении с ходатайством об отводе состава суда и связанная с реализацией права на законный состав суда, повлияла на право рассмотрения дела в разумные сроки. Применительно к данной ситуации поведенческая активность субъектов рассматривается как отрицательная. Как следствие эффективность правообеспечительной деятельности арбитражного суда по обеспечению права на разумные сроки судебного разбирательства, является низкой, т.е. в полной мере арбитражные суды не смогли обеспечить социально адекватную

---

[1] См.: Сводные статистические данные о деятельности федеральных арбитражных судов за 2014 год URL:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2885 (дата обращения: 24.09.2016).

[2] См.: Сводные статистические данные о деятельности федеральных арбитражных судов за 2015 год URL:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3423 (дата обращения: 24.09.2016).

самореализацию субъектов.

Организационный аспект указывает на то, каким образом было осуществлено планирование деятельности самого судьи в связи с судебным разбирательством и деятельностью судебного аппарата. Так, согласно статистическим данным в 2011 г. было разослано судебных актов с нарушением сроков 42 710, т.е. 4,0%; в 2012 г. – 61 545, т.е. 4,4 %[1]; в 2014 г. – 43 553, т.е. 3,0%[2]; в 2015 году эта цифра составила – 38 411, т.е. 2,5%[3]; в 2016 г. – 39310, т.е. 2,5% ; в2017 г. – 40397, т.е. 2,3% ; в 2018 г. – 74 390, т.е. 3,9%. Эти цифры указывают на то, что организационно-управленческая деятельность связана со способностью организационного обеспечения функционирования арбитражного суда.

При определении эффективности осуществления субъективных процессуальных прав сторонами следует выявить наиболее типичные черты и признаки, которыми сопровождается правореализационный процесс.

В качестве таковых признаков можно рассматривать:

а) процессуально-правовое положения субъектов;

б) степень активности поведения;

в) особенности реализуемых правовых предписаний.

Как следствие можно сделать определенные выводы. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон рассматривается как инструмент взаимодействия арбитражного суда и сторон, т.е. инструмент согласования деятельности арбитражного суда и сторон, в целях обеспечения оперативного информационного обмена между субъектами арбитражного процесса и интенсификации осуществления субъективных процессуальных. Критерии его эффективности должны отражать качество процесса

[1] См.: Справка о применении арбитражными судами РФ норм АПК РФ, влияющих на сроки рассмотрения дел в 2011–2012 гг.

[2] См.: Сводные статистические данные о деятельности федеральных арбитражных судов за 2014 год URL:http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2885 (дата обращения: 24.09.2016).

[3] См.: Сводные статистические данные о деятельности федеральных арбитражных судов URL:http://www.cdep.ru (дата обращения: 24.04.2019).

взаимодействия арбитражного суда и сторон, а именно деятельность арбитражного суда по созданию условий для реализации процессуальных прав и процесс осуществления прав сторонами (правообеспечительная деятельность), т.е. качество исполнения основных функций, а также наличие условия для их осуществления. Фактически оценке должна подвергаться оптимальность процесса подготовки, организации и осуществления такой деятельности.

Поэтому в качестве критериев эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции можно выделить:

1. качество обеспечения информационного обмена между субъектами;
2. качество правообеспечительной функции арбитражным судом;
3. качество осуществления субъективных процессуальных прав сторон.

Степень эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции отражают дифференцированные показатели, на основе которых определяется распространенность тех или нарушений в реализации субъективных процессуальных прав.

В силу этого можно выделить следующие группы показателей

1. институциональные показатели, отражающие степень достижения цели, которые позволяют оценить результат деятельности и средства достижения ее цели;
2. субъектно-деятельностные показатели, которые позволяют оценить как мотивационно-ценностные (уровень правосознания и правовой культуры), так и профессиональные характеристики субъектов (выбор средств, методов деятельности, процессуальная активность субъекта и т.д.).

Примерами показателей, которые характеризуют деятельность сторон по осуществлению процессуальных прав можно назвать: количество поданных обращений арбитражному суду, количество принятых обращений к

рассмотрению арбитражным судом, количество удовлетворенных им обращений; количество определений, вынесенных за непредставление доказательств, неуважение к суду, нарушение порядка судебного разбирательства, неявку в судебное заседание, невыполнение указаний арбитражного суда, за невыполнение процессуальной обязанности.

Примерами показателей, которые характеризуют качество выполнения правообеспечительной функции арбитражным судом можно назвать: количество решений, отмененных по основаниям нарушения процессуальных норм; количество, поданных сторонами заявлений и ходатайств; количество, принятых им к рассмотрению заявлений и ходатайств; количество определений, удовлетворивших заявленное требование; количество определений, оставленных без изменений вышестоящей инстанции; количество нарушений сроков рассмотрения заявленного требований.

Выводы по параграфу:

Таким образом, критерии и показатели эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон представляют собой объективные фактические данные, находящиеся между собой в корреляционной связи, позволяющие отражать с высокой степенью достоверности способность эффективного функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Критерии эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон отражают качество процесса взаимодействия арбитражного суда и сторон, а именно качество правообеспечительной деятельности арбитражного суда и качество процесса осуществления субъективных процессуальных прав сторонами.

Показатели эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции указывают на реально достигнутое состояние функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, по ним можно судить о

распространенности тех или нарушений в реализации субъективных процессуальных прав.

§ 4. Пути повышения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции

Выявление путей повышения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции должно базироваться на определенных методологических подходах. Основываясь на правиле, что процессуально-правовой механизм обеспечения субъективных процессуальных прав – это многоэлементное правовое образование, содержащее совокупность процессуально-правовых средств гарантирующего характера, применяется инструментальный подход, который позволит обозначить наиболее значительные, комплексные проблемы, подлежащие разрешению при определении путей совершенствования эффективности процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Эффективность процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции как общая тенденция проявляется во множестве отдельных аномалий, создаваемых реализацией отдельных элементов, и как следствие частные гипотетические модели повышения его эффективности будут малопродуктивны. Инструментальный метод исследования предоставляет возможность проанализировать процессуально-правовой механизм обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции в контексте собственно-юридического аспекта, рассмотрев его с позиции целей процессуально-правовых средств.

Однако разрешение проблемы совершенствования процессуального законодательства не должно сводиться только к формальному улучшению

качества процессуального закона, оптимизирующему процедуру рассмотрения правовых конфликтов. Требуется системный подход, который мог бы установить баланс между процедурными, экономическими, социальными и правовыми средствами, создающими условия для эффективной деятельности судебных органов.

Любая система предполагает своей целью самосохранение, прогрессивное развертывание и развитие системообразующих начал по направлению к их полной реализации и достижению совершенного состояния[1]. Поэтому функционирование всего процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон следует изучать как целостное явление, но оценке должны подвергаться и конкретные элементы, входящие в эту систему.

Процессуально-правовой механизм обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции как система более низкого уровня, входящая компонентом в систему более высокого ранга, напрямую связан с эффективностью правотворческой и правоприменительной деятельности. Поэтому при определении путей повышения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции следует учитывать направление единой концепции развития цивилистического процесса как в судоустройственной, так и в судопроизводственной плоскости.

Единое понимание роли анализируемого института в механизме арбитражного процессуально-правового регулирования предоставит основание для создания стройной концепции процессуально-правовых средств, которые могут рассматриваться как исходные положения оптимизации цивилистического процесса.

Проблема эффективности процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции должна не только подвергаться анализу через призму

[1] См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 497.

конкретных процессуальных норм, закрепляющих процессуально-правовые средства обеспечительного характера, но и сопоставляться с элементами структуры правового статуса личности. Государственная правовая политика, выраженная в нормах современного законодательства, будет бесплодной, а нормы – мертворожденными, если в них присутствует элемент игнорирования основных потребностей субъектов права.

В этом плане нельзя не обратиться к психологическому аспекту, который позволяет сформировать методологию определения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения субъективных процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции в русле социально-психологических факторов. Факторы социально-психологического характера обусловливают «сознательное, добровольное и ответственное отношение личности к выполнению юридических обязанностей, использованию гарантированных действующим законодательством прав и свобод для осуществления личных потребностей и интересов, а также для реализации их социального предназначения и роли»[1].

Можно предположить, что существуют закрепленные связи между внешними социально-правовыми структурами, в которые включена личность, и внутренними структурно-психологическими образованиями правосознания, которые определяют ее предрасположенность и готовность к правомерному поведению. Эффект правореализующей деятельности во многом опосредован, он находится в прямой зависимости от состояния поведенческих компонентов правосознания, прежде всего от готовности к активным действиям по использованию правовых средств при достижении поставленных задач[2].

Разработанные методики позволяют оценить уровень субъективного

---

[1] См.: Новик Ю.И. Психологические аспекты правового регулирования (теоретическое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. Мн., 1990. С. 3.

[2] См.: Сапун В.А. Юридическое образование и уровни правосознания // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева. СПб., 2003. С. 81–84; Турбова Я.В. Правосознание в структуре юридической деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 8.

контроля над разнообразными ситуациями и определить степень ответственности человека за свои поступки. Лица с низким субъективным контролем (они склонны считать свои успехи и неудачи следствием обстоятельств) эмоционально неустойчивы, малообщительны, у них слабый самоконтроль и высокая напряженность, что указывает на высокую вероятность искажения у таких людей правовой информации, что в последующем влечет выбор негативного стереотипа поведения.

Лица с высоким показателем субъективного контроля, наоборот, обладают эмоциональной стабильностью, упорством, решительностью, общительностью, высоким самоконтролем и сдержанностью. Таким людям гораздо проще вырабатывать правовые установки, позволяющие в дальнейшем ориентироваться в ситуациях и выбирать правовые модели поведения.

Таким образом, эффективность, качество и содержание правореализующей деятельности обусловлены состоянием основных компонентов на обыденном уровне. Некоторые элементы профессионального (специализированного) правосознания могут включаться в процесс осознания юридических обязанностей, способствовать принятию решения, выбору целей, оценке последствий реализации права. Результат правореализующей деятельности, усвоение правовых предписаний, формирование принципов поведения в немалой степени зависят от развитости и сформированности компонентов правового сознания.

При определении путей повышения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции следует учитывать следующие факторы:

1) наиболее рациональное проведение анализа повышения эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции применительно к элементам, т.е. к части, а не к целому;

2) разработка направлений должна отвечать требованиям конкретности

и исключать абстрактность анализа;

3) определение направлений должно соотноситься с общей концепцией развития цивилистического процесса;

4) перечень направлений обладает определенной долей условности, так как по своей сути не может быть исчерпывающим.

Следование вышеизложенным исходным положениям, а также взаимообусловленность элементов процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции указывают на то, что повышение его эффективности должно реализовываться в совершенствовании процессуального законодательства применительно к формам и методам данного механизма.

В концентрированном виде повышение эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции должно выражаться в правовых условиях эффективности; в качестве законодательства, закрепляющего процессуальные гарантии, и в качестве правореализационного процесса. В юридической литературе сформулировано правило относительно того, что именно от качества нормативно-правовой основы зависит эффективность государственной охраны прав[1]. Несомненно, такое утверждение имеет под собой серьезную основу.

Некачественные нормы права оказывают негативное влияние на содержание судебной деятельности. Вырабатывается экстенсивный путь развития судебной системы: увеличиваются сроки рассмотрения дел, что обусловлено необходимостью судейского толкования противоречий, заложенных в нормах права. Данное обстоятельство порождает субъективизм в судебной деятельности, который в некоторых случаях может дать отрицательный результат, так как существует опасность выхода за действительные рамки содержания нормы. Качество нормативно-правового

---

[1] См.: Бутылин В.Н. Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан : учебное пособие. М., 2002. С. 67.

материала, несомненно, оказывает влияние на эффективность действия механизма обеспечения прав, но это – не единственный фактор. При известных условиях он вносит некоторую деформацию в процессуальную деятельность и в целях его нивелирования требует учета при анализе сложившейся ситуации.

Процессуальная деятельность, представляя собой разновидность жизнедеятельности человека как формы активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование, обладает такими же качественными характеристиками, в том числе и осознанностью. Не уделяя большого внимания трансформации полученной информации в осознанное отношение, так как этот процесс относится к психофизической сфере, следует указать, что на сознание субъектов процессуальной деятельности значительное влияние оказывают основополагающие начала применяемого законодательства, выраженные в форме принципов. Особое воздействие на содержание процессуальной деятельности, как уже неоднократно указывалось, отводится принципу состязательности.

Необходимо отметить, что в последнее время именно усиление принципа состязательности стало отдельным направлением в развитии арбитражного процессуального законодательства. Такой подход определен стремлением повысить процессуальную активность сторон в арбитражном процессе и усилить их процессуальную ответственность.

Положения арбитражного процессуального законодательства о распределении процессуальных функций и повышении процессуальной активности сторон, которые последовательно реализуются в практике применения арбитражного процессуального законодательства, кардинально изменили характер процессуальной деятельности и в первую очередь эти изменения коснулись процесса доказывания[1].

[1] См., например: Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 282; Ярков В.В. Будущее системы гражданской юрисдикции:

Процессуально-правовые средства, опосредующие концепцию процессуальных рисков, оказывают воздействие на процессуальное поведение лиц, участвующих в деле, обязывая их проводить правовую оценку риска и определяя предположение о рисковом характере некоторых процессуальных действий (бездействия) арбитражного суда, указывая на вероятность наступления неблагоприятных последствий для него в случае невыполнения обеспечительной функции судебной деятельности.

К числу неблагоприятных последствий для арбитражного суда можно отнести принятие незаконного и необоснованного решения по делу, которое может наступить вследствие неверного толкования фактических обстоятельств дела; недостаточности доказательств, представленных в судебное заседание; ошибочного определения нормы, подлежащей применению в конкретном деле; неправильной аргументации при принятии решения по делу и т.д.

В силу этого арбитражный суд не может оставаться пассивным субъектом процесса, так как в последующем это отразится на принятом судебном акте по делу и он будет подлежать отмене.

Так, например, право сторон *на участие в доказывании* включает возможность: предъявления доказательств; знания об аргументах процессуального оппонента до начала судебного заседания; участия в исследовании доказательств; получения оценки доказательств со стороны арбитражного суда. По общему правилу оценка доказательств судом совершается на основании внутреннего убеждения судьи в результате беспристрастного, всестороннего, полного, объективного и непосредственного рассмотрения имеющихся в деле доказательств. Всесторонность предполагает, что арбитражный суд должен дать оценку всей совокупности доказательств в их взаимосвязи. Оценка доказательств тесно

попытка прогноза // Система гражданской юрисдикции в канун XXI века // Правоведение. 2001. № 1. С. 34; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2011 г. № 13258/11. URL:http://www. arbitr.ru/_upimg/ B9 BEA 5082B96E8C4169287B7F854FA72 _april.pdf (дата обращения: 29.07.2012).

увязана с их представлением, собиранием и исследованием[1]. Поэтому при проведении оценки доказательств арбитражный суд обязан принять все необходимые меры для того, чтобы в материалах дела было собрано достаточное их количество для вынесения обоснованного судебного акта. Именно в таких действиях и проявляется активное влияние арбитражного суда на формирование совокупности доказательств, установленное в п. 2 ст. 66 АПК РФ, поэтому арбитражный суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства[2].

Также следует обратить внимание на тот аспект, что стороны в случаях не возможности самостоятельного истребования доказательств могут обратиться к арбитражному суду за содействием в их истребовании по правилам ст. 66 АПК РФ. В силу ст. 159 АПК РФ ходатайства и заявления подаются в арбитражный суд в письменной форме и разрешаются арбитражным судом после заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле. По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 9 АПК РФ, которое гласит, что каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право представлять доказательства арбитражному суду. Достаточность доказательств, подтверждающих обстоятельства на которых строятся требования сторон, определяется как самой стороной его представляющей на основе указания закона, а также судом в соответствии с ч. 2 ст. 71 АПК РФ. Данные действия арбитражного суда не нарушают принципа состязательности в арбитражном процессе, они являются имманентно присущими обеспечительной функции и способствуют выполнению задач по защите нарушенных прав, установленных ст. 2 АПК РФ, что позволяет в дальнейшем вынести законный, обоснованный и мотивированный судебный акт по делу.Реализация данного права на представление доказательств не может ставиться в зависимость от одобрения другой стороной.

---

[1] См.: Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. М., 2010. С. 550–551.

[2] См.: Борисова Е.А. Апелляция в гражданском и арбитражном процессе. М., 1997. С. 80.

Поэтому в целях оптимизации процесса доказывания и исключения воспрепятствования реализации права на представление доказательств предлагается внести изменения в **ч. 6 ст. 66 АПК РФ**, изложив ее в следующей редакции:

«6. Об истребовании доказательств арбитражный суд выносит определение единолично не позднее следующего дня после дня поступления заявления в суд без извещения сторон.

В определении указываются срок и порядок представления доказательств.

Копия определения направляется лицам, участвующим в деле, а также лицу, у которого находится истребуемое судом доказательство».

В целях исключения возможных противоречий при применении арбитражного процессуального законодательства предлагается исключить из **п. 1 ст. 159 АПК РФ** положение о порядке рассмотрения заявлений и ходатайств об истребовании новых доказательств, изложив его в следующей редакции:

«1. Заявления и ходатайства лиц, участвующих в деле, о достигнутых ими соглашениях по обстоятельствам дела, существу заявленных требований и возражений, и по всем другим вопросам, связанным с разбирательством дела, обосновываются лицами, участвующими в деле, и подаются в письменной форме, направляются в электронном виде или заносятся в протокол судебного заседания, разрешаются арбитражным судом после заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле».

В соответствии с ч. 1 ст. 82 АПК РФ для разъяснений вопросов, возникающих при рассмотрении дела, требующих специальных знаний, арбитражный суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, и с согласия лиц, участвующих в деле.

На основании ч. 2 ст. 64, ч. 3 ст. 86 АПК РФ заключения экспертов относятся к доказательствам, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих

требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

По некоторым категориям дел заключение экспертизы служит средством доказывания обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения спора, и без выяснения данного обстоятельства нельзя правильно решить вопросы, например, при определении экономической обоснованности тарифов (определение цены, которая была бы установлена регулирующим органом при соблюдении законодательства в сфере тарифообразования). Непроведение экспертизы по таким категориям дел может повлиять на результат разрешения спора по существу.

В контексте норм процессуального права суды должны разъяснять сторонам право заявить ходатайство о проведении судебной экспертизы. При отсутствии от сторон ходатайства о назначении судебной экспертизы надлежит сделать запрос у сторон на согласие о ее проведении. В случае непроведения таких действий судебный акт будет подлежать отмене вышестоящей инстанцией[1].

В период реформирования процессуального законодательства возникает необходимость в том, чтобы некоторые вопросы, касающиеся назначения экспертизы, были уточнены в процессуальном законе. Так, п. 1 ст. 82 АПК РФ и ст. 79 ГПК РФ следует изложить в следующей редакции:

«*Для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле, а также может назначить экспертизу по своей инициативе, если назначение экспертизы предписано законом или предусмотрено договором, необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства или проведения дополнительной либо повторной экспертизы.*

[1] См.: Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 апреля 2013 г. по делу № А29-4610/2012. URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocument /588612e2-fb74-4d01-b5a1-bd539d443d78/A29-4610-2012_20130412_Postanovlenie%20kassacii.pdf (дата обращения: 28.10.2013).

Если при рассмотрении дела возникли вопросы, для разъяснения которых требуются специальные знания, и согласно положениям Кодекса экспертиза не может быть назначена по инициативе суда, то при отсутствии ходатайства или согласия на назначение экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, суд разъясняет им возможные последствия незаявления такого ходатайства (отсутствия согласия).

В случае, если такое ходатайство не поступило или согласие не было получено, оценка требований и возражений сторон осуществляется судом с учетом положений статьи 65 АПК РФ (56 ГПК РФ) о бремени доказывания исходя из принципа состязательности, согласно которому риск наступления последствий несовершения соответствующих процессуальных действий несут лица, участвующие в деле».

При осуществлении полномочий по защите нарушенных прав арбитражный суд должен определить круг обстоятельств, имеющих значение для квалифицированного рассмотрения дела. Круг обстоятельств арбитражный суд определяет исходя из требований и возражений лиц, участвующих в деле, в соответствии с подлежащими применению нормами материального права. Из этого следует, что сообразно действию принципа законности, который устанавливает, что арбитражный суд обеспечивает правильное применение действующего законодательства в конкретно рассматриваемом деле, суд обязан учитывать не только требования и возражения лиц, участвующих в деле, но и самостоятельно, несмотря на указание сторон, определять применимое к правоотношению законодательство. Невыполнение данной обязанности влечет ошибочное определение фактических обстоятельств дела и в последующем судебный акт, вынесенный по делу, подлежит отмене.

Поэтому в целях повышения эффективности действия арбитражно-процессуальных гарантий реализации прав сторон на участие в доказывании следует оптимизировать процессуально-правовой порядок раскрытия доказательств. Оптимизация должна осуществляться в форме введения

временных ограничений на предоставление отзыва на исковое заявление с установлением неблагоприятных последствий нарушения установленного срока в виде невозможности представления доказательств. Другими словами, требуется усиление арбитражно-процессуальных гарантий, которые обеспечивают более высокую степень упорядоченности и препятствуют осуществлению «процессуальных диверсий»: а) реализации субъективных процессуальных прав иных участников арбитражного процесса; б) оперативному отправлению правосудия.

Например, по делу № А03-1462/2013 срок рассмотрения в первой инстанции был равен 8 месяцам 29 дням. В течение этого времени дело откладывалось 4 раза с вынесением определения об отложении судебного разбирательства, 1 раз выносилось определение о продлении срока рассмотрения, 1 раз дело приостанавливалось. В указанный период от сторон поступило 9 ходатайств различного характера и дополнений к ним, связанных с истребованием доказательств, приобщением дополнительных доказательств, назначением экспертизы, 7 из которых были представлены после даты назначения дела к судебному разбирательству от 2 апреля 2013 г., одно из которых было заявлено 19 сентября 2013 г.[1]

По делу № А03-3093/2012 срок рассмотрения составлял 7 месяцев 30 дней, в течение которого было вынесено 5 определений, препятствующих движению дела, основанием которых были ходатайства о назначении экспертизы, истребованию доказательств. Все ходатайства были заявлены после даты назначения дела к судебному разбирательству[2].

Аналогичная ситуация складывалась и по делу № А08-1021/2013, срок рассмотрения которого составил 7 месяцев 30 дней. На протяжении этого времени было вынесено 4 определения об отложении судебного разбирательства на основании ходатайства сторон о приобщении

---

[1] См.: Карточка дела № А03-1462/2013. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/8e35f6d2-ed73-4b3d-a8df-6c942ecf1079 (дата обращения: 01.11.2013).

[2] См.: Карточка дела № А03-3093/2012. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/57e9b04d-798a-4208-aa96-5cffe3e47e10 (дата обращения: 01.11.2013).

доказательств, дополнительных доказательств после вынесения определения о назначении судебного разбирательства[1].

Данная тенденция свойственна и иным делам, рассмотренным с превышением сроков судебного разбирательства, когда стороны за пределами сроков подготовки дела представляют доказательства, что не способствует оперативности правосудия[2].

Таким образом, введение норм, устанавливающих временные ограничения возможности реализации субъективного процессуального права, соответствует общей концепции арбитражного процессуального законодательства и обусловлено необходимостью осуществления правосудия в разумные сроки.

Поэтому можно предложить следующую дефиницию ч. 3 и 4 ст. 131 АПК РФ:

«3. Отзыв на исковое заявление направляется в арбитражный суд и лицам, участвующим в деле, заказным письмом с уведомлением о вручении в срок, установленный арбитражным судом. О направлении отзыва и сроке, в течение которого лица, участвующие в деле, должны представить отзыв, должно быть указано в определении о принятии искового заявления к производству арбитражного суда.

Арбитражный суд вправе не принимать отзыв на исковое заявление по истечению срока, указанного в определении о принятии искового заявления.

4. В случае, если в установленный судом срок ответчик не представит отзыв на исковое заявление и доказательства, опровергающие исковые требования, арбитражный суд рассматривает дело по имеющимся в деле доказательствам.

---

[1] См.: Карточка дела № А08-1021/2013. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/ac520cb6-9281-4524-bb1c-7c83ac38e8a0 (дата обращения: 01.11.2013).

[2] См.: Дело № А08-1022/2013. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/46401341-83f6-4ae4-b147-2e30217 0db2d; Дело № А09- 3332/2013. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/a91b434a-8523-46e9-8791-fbb3c108383d; Дело № А04-1317/2012. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/6dbb0259-7285-453a-abae-a76c54dd95fa; Дело № А25-1197/2010. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/c4d 984b9-8e04-4eac-afa5-192e34c3320c (дата обращения: 01.11.2013).

5. В отзыве на исковое заявление указываются:

1) наименование истца, его место нахождения или, если истцом является гражданин, его место жительства;

2) наименование ответчика, его место нахождения или, если ответчиком является гражданин, его место жительства, дата и место рождения, место работы или дата и место государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;

3) возражения относительно каждого довода, касающегося существа заявленных требований, со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты, а также доказательства, обосновывающие возражения;

4) перечень прилагаемых документов;

5) ходатайство об истребовании доказательств».

В этом случае неблагоприятные последствия временных ограничений реализации права на представление доказательств для сторон являются более убыточными, чем выгода, получаемая при совершении неправомерных действий и как следствие такая регламентация будет стимулировать стороны для более тщательной подготовки материалов, послуживших основанием для обращения в арбитражный суд, а также в пользу заключения мирового соглашения в тех ситуациях, когда ответчик понимает свою слабую позицию по делу.

Еще Г.Ф. Шершеневич указывал, что «если у лица, подчиненного власти, сохраняется свобода действий, выбор между которыми определяется сильнейшим мотивом, то задача норм права состоит в том, чтобы оказать воздействие на волю этого лица, вызвать сильнейший мотив в пользу требуемого поведения. Государство, в своей правовой нормировке, стремиться вызвать такой мотив угрозою невыгодных последствий в случае совершения действий, не согласных с его требованиями <…> придется делать выбор между тем страданием, которое ожидается при отказе от удовольствия, соединенного в представлении с действием, запрещенным

правом»[1].

Таким образом, посредством процессуально-правовых средств создается режим наибольшего благоприятствования для правомерных интересов как субъектов доказательственной деятельности, так и правосудия.

Основное предназначение принципа состязательности как элемента, формирующего концепцию процессуальных рисков, проявляется в стимулировании процессуальной активности лиц, участвующих в деле, с предоставлением возможности оценки процессуальных рисков и управления ими. Процессуальный риск способствует упорядочиванию арбитражных процессуальных правоотношений, приведению их к определенным правилам. Если же рисковая деятельность выходит за рамки правомерного поведения и пределы законного интереса, то реакцией выступает процессуальная ответственность.

Принцип состязательности в процессуально-правовом механизме обеспечения прав сторон выполняет функцию воздействия на процессуальное поведение сторон арбитражного процесса путем определения формы осуществления субъективного процессуального права (активная – пассивная).

Следует отметить, что принцип состязательности в качестве процессуально-правового средства, устанавливающего объективный предел реализации субъективного процессуального права, недостаточно конкретен для правоприменения, так как сам нуждается в детализации. Таким средством конкретизации и мерой сдерживания может выступать принцип процессуального равноправия, он должен указывать арбитражному суду на необходимость гарантированного предоставления равного объема возможностей сторонам в процессе судебного разбирательства. Однако принцип равноправия сторон устанавливает субъективные границы, т.е. равные процессуальные возможности для убеждения суда в своей правоте[2],

[1] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911. С. 286.
[2] См.: Воронов А.Ф. Указ. соч. С. 482.

но не конкретизирует объективно-временные пределы активности сторон.

Объективно-временные пределы устанавливают те процессуально-правовые средства, которые указывают арбитражному суду на необходимость проверки осуществления сторонами процессуальных прав, а также регламентируют время для их совершения.

Принятие судебного акта в отношении процессуального действия либо по итогам рассмотрения дела представляет собой результат квалификации событий и отношений сторон с позиции права. В связи с состязательной формой арбитражного процесса возникает определенное противоречие в сущности познавательной деятельности арбитражного суда[1].

Преодолеть данное противоречие позволяют некоторые процессуально-правовые средства, объединенные единой концептуальной идеей: соединение (разъединение) дел в производство; распорядительные права сторон; передача дел из одного арбитражного суда в другой арбитражный суд; замена ненадлежащего ответчика, привлечение в дело другого лица в качестве ответчика; процессуальное соучастие; продление сроков рассмотрения дела; восстановление процессуальных сроков; принятие решения арбитражным судом об отнесении судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами; упрощенное производство и другие средства.

Все перечисленные процессуальные действия дают возможность арбитражному суду в границах дозволенного найти то необходимое для конкретной ситуации решение, которое удовлетворяло бы и интересы лиц, участвующих в деле, и интересы правосудия. Арбитражный суд, интерпретируя события, подлежащие установлению для разрешения спора, в соответствии с действующим законодательством исправляет либо направляет ход судебного разбирательства в русло отправления правосудия.

Это позволяет говорить о наличии в нормах арбитражного процессуального права косвенного закрепления принципа процессуальной

[1] См.: Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе. М., 2003. С. 33.

оперативности, т.е. формирование идеи целесообразности процессуальных действий.

Таким образом, развитие системы принципов арбитражного процессуального права происходит за счет взаимодействия системы принципов с внешними объективными социально-экономическими факторами, влияющими на правовую систему. Целостность системы принципов в этом случае не нарушается, более того, прослеживается ее способность к самоорганизации за счет самоусложнения.

Сложно согласиться с утверждением, что система принципов права обладает свойством постоянства элементов, составляющих ее структуру. Принципы как руководящие положения, имеющие определяющее значение для всей системы процессуальных институтов и выражающие наиболее существенные черты процессуального права[1], подвергаются воздействию происходящих социально-экономических процессов. Более того, государство, принимая на себя определенные международные обязательства, обязано имплементировать дух международных договоров во внутреннее законодательство. Таким образом, Российская Федерация, ратифицировав Европейскую конвенцию по правам человека, взяла на себя обязательство обеспечивать своим гражданам право на справедливое судебное разбирательство.

Так, например, Заключение от 24 ноября 2004 г. № 6 «О справедливом судебном разбирательстве в разумные сроки и роли судов в судебных процессах с учетом альтернативных способов разрешения споров», принятое Консультативным Советом европейских судей Совета Европы, указывает на необходимость закрепления следующих принципов оптимизации судебных процедур[2]:

---

[1] См.: Советское гражданское процессуальное право : учебное пособие / под ред. М.А. Гурвича. С. 28.

[2] Заключение № 6 по вопросу справедливого судебного разбирательства в разумный срок и роли судьи в судебном процессе с учетом альтернативных способов урегулирования споров. (Принято на 5-й сессии КСЕС 22–24 ноября 2004 г. в г. Страсбурге) (CCJE (2004)

принцип рассмотрения дела в двух судебных заседаниях;

принцип применения санкций по отношению к сторонам и адвокатам в случаях неправомерного использования судебных процедур;

принцип активной роли суда в обеспечении оперативного судебного разбирательства с соблюдением прав сторон и принципа их равенства;

принцип свободы определения судьей формы ведения судопроизводства (устной или письменной)[1].

Как следствие, система принципов арбитражного процессуального права с позиций долгосрочных интересов общества, реализуемых за счет гибкого приспособления к внешним социально-политическим и экономическим факторам в свете правовых нововведений, совершенствования процесса судебного разбирательства и оптимизации процессуальных норм, открывает новые свойства, позволяющие выполнять ее функциональное назначение в арбитражном процессуальном регулировании.

Основываясь на значении слова «оперативность», т.е. способности быстро, вовремя исправить или направить ход дела[2], принцип процессуальной оперативности определяет такой способ организации процессуальной деятельности, который при соблюдении баланса интересов правосудия и лиц, участвующих в деле, позволяет в наиболее короткие сроки принять взаимовыгодное решение и вынести законный и обоснованный судебный акт по делу. Принцип процессуальной оперативности получил свое закрепление в ч. 1 и 2 ст. 6.1 АПК РФ: необходимость рассмотрения дел в арбитражных судах в сроки, установленные арбитражным процессуальным законодательством.

Op. № 6). Страсбург, 24 ноября 2004 года // URL:http:// ec.europa.eu/priorities/justice-and-fundamental-rights_ (дата обращения 12.07.2014).

[1] См.: Постановление Президиума Совета Судей РФ от 24 марта 2011 г. № 257 «О результатах деятельности рабочей группы по выполнению поручения Президента Российской Федерации от 5 декабря 2010 г. №ПР-3520 о путях оптимизации нагрузки на судей» // Доступ из СПС «Гарант».

[2] См.: Ожегов С.И. Указ. соч. С. 441.

Бесспорно, процессуальное законодательство должно содержать следующие процессуально-правовые средства принципа процессуальной оперативности: средства получения информации о движении дела; средства управления длительностью судебного разбирательства.

Средства получения информации о движении дела и средства управления длительностью судебного разбирательства, предоставленные лицам, участвующим в деле, определяются в качестве средств обеспечения эффективности, прозрачности и предсказуемости судебной системы Европейской комиссией по эффективности правосудия[1] в списке показателей продолжительности судебного разбирательства[2].

Получение сторонами информации о движении дела включает в себя следующие возможности:

знание о начале судебного разбирательства (ст. 121, 125 АПК РФ);

получение разъяснения о смысле вводимой в отношении стороны судебной процедуры (ст. 127, 135, 141 АПК РФ и др.);

получение доказательственной информации, предоставленной другой стороной (ст. 9, 41, 65, 162 АПК РФ и др.);

получение информации о процессуальных мерах, которые могут быть предприняты судом в отношении участника процесса (ст. 70, 93, 137 АПК РФ и др.);

получение информации о продолжительности экспертизы (ст. 82 АПК РФ), продолжительности и количестве слушаний по существу дела (ст. 152,

---

[1] См.: Европейская комиссия по эффективности правосудия. URL:https://wcd.coe.int /ViewDoc.jsp?Ref=CEPEJ(2005)12&Ver=Rev&Language =lanFrench&Site=COE&BackColor Internet=eff2fa&BackColorIntranet=eff2fa &BackColorLogged =c1cbe6 (дата обращения: 15.09.2013).

[2] См.: Европейская комиссия по эффективности правосудия. URL: https://wcd.coe.int /ViewDoc.jsp?Ref=CEPEJ(2005)12&Ver=Rev&Language=lan French&Site=COE&BackColor Internet=eff2fa&BackColorIntranet=eff2fa&BackColorLogged=c1cbe6#P48_3572 (дата обращения: 22.09.2013). Checklist рассматривается Европейской комиссией по эффективности правосудия не в качестве анкеты, а как инструмент, с помощью которого возможны получение необходимой информации и дальнейший анализ о продолжительности судебного разбирательства, необходимой пользователям юстиции, с целью уменьшения чрезмерных задержек, обеспечения эффективности процедур, обеспечения прозрачности и предсказуемости. Checklist позволяет установить место и причины таких задержек.

160 АПК РФ);

получение выводов как по совершенным процессуальным действиям, так и по итогам судебного слушания (гл. 20 и 21 АПК РФ).

Фактически все эти возможности предусмотрены арбитражным процессуальным законодательством и обеспечены соответствующими обязанностями арбитражного суда.

Возможность сторон оказывать влияние на время судебного разбирательства складывается из следующих составляющих: возможность ускорить сроки рассмотрения дела (ст. 6.1 АПК РФ); возможность увеличить сроки рассмотрения дела (ч. 2 ст. 205 АПК РФ).

В некоторых случаях увеличение срока рассмотрения дела происходит не по объективным причинам, связанным со сложностью рассмотрения дел, а в силу «процессуальных диверсий» сторон, которые выражаются в заявлении различного рода ходатайств, влияющих на сроки рассмотрения дела, например об отводе судьи. В связи с тем, что в арбитражных судах достаточно активно используется технология ВКС, представляется возможным заявление ходатайств в отношении отвода судьи, обеспечивающего проведение ВКС. Как следствие, предполагаем целесообразным для исключения возможности заявления подобного рода ходатайств и злоупотребления правом на влияние состава суда дополнить ст. 21 АПК РФ «Отвод судьи» пункт 4 следующего содержания:

«пункт 4. Отводу по основаниям, предусмотренным п. 1 настоящей статьи, не подлежат судьи, исполняющие судебное поручение об организации сеанса видеоконференц-связи».

Вышеизложенное позволяет утверждать, что повышение эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон должно осуществляться путем совершенствования качества арбитражного процессуального законодательства, основное направление которого обязано отражать усиление юридической гарантированности процессуально-правовых средств. Иными словами, повышение степени

вероятности достижения блага, заложенного в субъективном процессуальном праве, и снижение уровня вероятности воспрепятствования этому нивелируют стихийность и произвольность, тем самым обеспечивают прогрессивное развитие процессуального законодательства.

Оптимальность норм арбитражного процессуального законодательства следует рассматривать как необходимую и достаточную суммарную совокупность правил и норм, позволяющих рациональным образом осуществлять процессуальную деятельность. Наиболее быстрое решение задач судопроизводства в арбитражных судах может происходить путем четкой регламентации субъективных процессуальных прав и обязанностей, а также через закрепление конкретных видов неблагоприятных последствий ненадлежащего осуществления или исполнения обязанностей.

Несомненно, значительное влияние на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон оказывает правореализационный процесс. Его комплексное исследование позволяет установить взаимозависимость поставленных целей и задач арбитражного процессуального регулирования, потребностей субъектов арбитражных процессуальных правоотношений и эффективности процессуальной деятельности.

Представляется необходимым при формулировании задач судопроизводства в арбитражных судах поставить специальную задачу, которая ориентировала бы арбитражные суды на необходимость обеспечения реализации процессуальных прав сторон.

В этой связи предлагаем изменить ст. 2 АПК РФ, дополнив нормой, закрепляющей специальную задачу, и изложить в следующей редакции:

«*Статья 2. Задачи судопроизводства в арбитражных судах*

Задачами судопроизводства в арбитражных судах являются:

1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации,

субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере;

2) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

3) справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом;

4) обеспечение реализации сторонами своих процессуальных прав;

5) укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

6) формирование уважительного отношения к закону и суду;

7) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота.

Одним из составляющих элементов, влияющих на правореализационный процесс, является профессионализм субъектов правореализационного процесса. Данное качество выступает неотъемлемым атрибутом, оказывающим влияние на эффективность отправления правосудия. Профессионализм участников судебного разбирательства включает в себя не только теоретические знания, но и навыки, мнения и практический опыт как судей, так и вспомогательного персонала. В некоторых странах установлен стандарт непрерывного образования, определяющий необходимое количество времени, потраченное на повышение квалификации[1].

Процессуальная деятельность судьи регулируется не только правовыми, но и этическими нормами, формально-определенный характер

[1] По состоянию на январь 2009 г. в Нидерландах стандарт установлен в размере 30 ч в год на одного судью и сотрудника суда // Quality of the judicial system in the Netherlands. URL:http://www.courtexcellence.com/Resources/~/media/Microsites/Files/ICCE/ Qualityofthej udicialsystem.ashx (дата обращения: 03.11.2013).

которым придает их закрепление в Кодексе судейской этики, международных правовых актах, затрагивающих вопросы служебного поведения судей. Указанные нормы представляют собой процессуально-этические гарантии судебной деятельности. В этой связи особое внимание следует уделять профессионализму как арбитражного суда, так и лиц, участвующих в деле, а именно судебным представителям.

Неотъемлемым элементом содержания права на судебную защиту является право на квалифицированную юридическую помощь, предусмотренное ст. 48 Конституции РФ.

Беря за основу принципы осуществления квалифицированной юридической помощи, закрепленные в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека, а также в следующих Рекомендациях Комитета Министров: № R (81) 7 о мерах, облегчающих доступ к правосудию[1]; № R (93) 1 об эффективном доступе к праву и правосудию для малоимущих[2]; (2001) 3 о предоставлении судебных и других правовых услуг гражданам посредством новых технологий[3], Российская Федерация наметила пути совершенствования института предоставления юридической помощи населению. Однако анализ вышеизложенных актов позволяет утверждать, что они не предлагают необходимости установления монополии адвокатов на рынке правовых услуг.

При реформировании данного института следует учитывать процессы

---

[1] Рекомендация Комитета Министров № R (81) 7 о мерах, облегчающих доступ к правосудию : принята Комитетом Министров 14 мая 1981 г. на 68-ом заседании Представителей Министров. URL:http://www.echr-base.ru/rec81_7.jsp (дата обращения 15.08.2014).

[2] Рекомендация № R (93) 1 Комитета Министров Совета Европы государствам–членам «Об эффективном доступе к праву и правосудию малообеспеченных слоев населения» : принята Комитетом Министров 8 января 1993 г. на 484-ом заседании Представителей Министров. URL:http://www.echr-base.ru/rec93_7.jsp (дата обращения 15.08.2014).

[3] Рекомендация № R (2001) 3* Комитета Министров Совета Европы государствам–членам «По распространению судебной и иной юридической информации путем использования новых технологий» : принята Комитетом Министров 28 февраля 2001 г. на 743-ом заседании Представителей Министров. URL:http://www.echr-base.ru/rec201 3.jsp (дата обращения 15.08.2014).

гармонизации законодательства, оказывающие влияние на законодательство, регулирующее порядок отправления правосудия, и сопутствующих ему институтов. Поэтому вопрос о направлениях реформирования института оказания правовой помощи в России целесообразно рассматривать через призму сравнительного анализа законодательства европейских стран, где данный институт достаточно развит и выполняет свои функции на высоком уровне.

В основе доктрины института бесплатной юридической помощи в европейских странах лежит принцип доступности правосудия, который выражается: а) в субъективном критерии – посредством определения имущественного состояния лица, которому требуется бесплатная юридическая помощь (например, Италия – около 10700 евро в год); б) в объективном критерии – посредством указания категории дел, когда государство независимо от имущественного обеспечения лица предоставляет возможность участия в судебной процедуре через судебного представителя (например, Финляндия – налоговые споры с участием физических лиц, Армения, Азербайджан и другие страны – уголовные дела).

Данные правила распространяют свое действие только на споры с участием физических лиц. Дела с участием юридических лиц или лиц, осуществляющих самостоятельную экономическую деятельность, рассматриваются с участием судебного представителя, оказывающего юридическую квалифицированную помощь на платной основе.

Институт юридической квалифицированной помощи, оказываемой на платной основе, выстраивается тремя моделями. Первая модель исходит из возможности оказания юридической квалифицированной помощи на рынке правовых услуг посредством только института адвокатуры (Австрия, Германия, Франция); вторая модель оказания юридической квалифицированной помощи иными лицами без статуса адвоката, но на судебное представительство существует монополия адвокатуры (Бельгия, Норвегия, Португалия); третья модель предоставляет возможность работать на

рынке правовых услуг без статуса адвоката (Финляндия).

Здесь следует обратить внимание на определенную зависимость государственной правовой доктрины от выбранной модели оказания платной юридической квалифицированной помощи, которая представляет собой концепцию, основывающуюся на принципе доступности правосудия. Так, в государствах, где реализовывается первая из указанных моделей, можно проследить жесткие требования к статусу адвоката и высокую степень защищенности адвокатского корпуса от давления государственной власти, а также высокую количественную обеспеченность населения адвокатским корпусом. Например, из расчета на 100 000 тыс. населения в Германии приходится 189 адвокатов[1], в Швейцарии – 102[2], во Франции – 86[3]. В государствах, где реализуется третья модель оказания платной юридической квалифицированной помощи, доля адвокатов гораздо ниже. Так, в Финляндии на 100 000 тыс. населения приходится 36 адвокатов[4] , в Швеции – 57[5]. Более того, финское, швейцарское и немецкое законодательства устанавливают конкретные суммы, которые получают юристы за оказанное судебное представительство, определяющееся в зависимости от категории дела, формы разрешения спора (альтернативная либо судебная), а также судебной инстанции, в которой участвовал юрист.

В России же на 100 000 тыс. населения приходится 46 адвокатов. В активе мы имеем высокую степень конфликтности в обществе, что отражает судебная статистика, а также сложности с внедрением в юридическую практику альтернативных форм разрешения споров. Государственное

---

[1] Федеральная палата адвокатов Германии. URL:http://www.brak.de/fuer-journalisten /zahlen-zur-anwaltschaft/ (дата обращения: 14.10.2013).

[2] Новая адвокатская газета. URL:// http://www.advgazeta.ru/arch/25/115 (дата обращения: 22.10.2013).

[3] Совет адвокатских палат Франции. URL://http://cnb.avocat.fr/Les-Chiffres-cles-de-la-profession-actualises-pour-l-annee-2012--Observatoire-du-Conseil-national-des-barreaux-Mai_a1642. html (дата обращения: 14.10.2013).

[4]См.: Финская ассоциация адвокатов. URL:http://www.asianajajaliitto.fi/ asianajajaliitto/ liitto_ lyhyesti /jasentilastot (дата обращения: 21.10.2013).

[5] См.: Шведская ассоциация адвокатов. URL:http://www.advokatsamfundet.se/ Advokatsam fundet-engelska/Find-a-lawyer/ (дата обращения: 14.10 2013).

финансирование юридической помощи осуществляется за счет бюджетов субъектов РФ. Россия при вступлении в законную силу Федерального закона «Об оказании бесплатной юридической помощи» с января 2012 г. прогнозировала, что сумма будет составлять 630,3 млн руб., – так говорится в финансово-экономическом обосновании Закона.

Таким образом, каждый регион должен был потратить на создание юридических бюро порядка 7,6 млн руб.[1] В действительности в субъектах РФ в 2013 г. было заложено, например, в Забайкальском крае – 2,3 млн руб., что составляло – 0,09 евро на душу населения[2], в Чувашии 1,2 млн руб., что также составляло 0,09 евро[3], Кировской области 1,9 млн руб., что составляло – 0,03 евро[4].

Для сравнения, в странах ЕС для содействия доступа к правосудию через систему юридической помощи государствами затрачивается в среднем 6,8 евро на душу населения[5].

Несмотря на необходимость повышения качества предоставления юридической помощи в Российской Федерации, следует обратить внимание на такие аспекты, которые оказывают негативное влияние на реализацию принципа доступности правосудия, а именно:

незначительное число адвокатов в пропорции к численности проживающего населения;

отсутствие четких критериев о стоимости юридических услуг;

ограниченный субъектный состав и категории дел для предоставления

---

[1] См.: Союз потребителей РФ. URL:http://www.potrebitel.net/main/news/58332/ (дата обращения: 21.10.2013).

[2] См.: Материалы заседания Координационного совета при Главном управлении по реализации Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» в Сибирском федеральном округе. URL://http://to54.minjust.ru/node/2704 (дата обращения: 22.10.2013).

[3] Интервью ИА REGNUM с министром юстиции Чувашии Н. Прокопьевой. URL: http:// www.regnum.ru/news/fd-volga/chuvashia/1558744.html (дата обращения: 22.10.2013).

[4] Слава труду. Интернет-версия газеты. URL:http://www.trudu-slava.ru/gubernskii-vestnik/na-kompensatciiu-besplatnoi-iuridicheskoi-pomoshchi-grazhdanam-v-2013-godu-biudzhetom -oblasti-predusmotreno-pochti-2-mln-rublei.html (дата обращения: 24.10.2013).

[5] Доклад «Эффективность систем обеспечения правосудия». URL://http://www. coe.int/ T/dghl/cooperation/cepej/default_en.asp (дата обращения: 22.10.2013).

бесплатной юридической помощи;

низкий уровень жизни в большинстве регионов Российской Федерации.

В условиях реформирования российского законодательства, которое вызывает сложности в юридической практике и правоприменении, актуализируются вопросы, связанные с институтом оказания юридической квалифицированной помощи и судебного профессионального представительства.

Так, Минюстом РФ разработан проект Постановления Правительства РФ «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Юстиция”»[1], который содержит Концепцию регулирования рынка профессиональной юридической помощи, направленной на обеспечение доступа граждан и юридических лиц к получению квалифицированной юридической помощи. Данная Концепция предусматривает оптимизацию процедуры допуска к профессии адвоката и «стандартизацию рынка профессиональной юридической помощи, Фактически предлагается запретить юристам, не имеющим статуса адвоката, представлять интересы своих клиентов в суде. Таким образом, вводится «адвокатская монополия» на представительство в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, поскольку объединить всех частнопрактикующих юристов предлагается на базе адвокатуры, что в целом может рассматриваться как ограничение конкуренции.

Разработка модели осуществления профессиональной юридической деятельности, адекватно вписывающейся в современные российские реалии, позволит повысить уровень правовой защищенности граждан и юридических лиц. Построение данной модели должно проводиться в русле тенденций развития российской правовой системы и влияния на определенные ее отрасли и институты зарубежного законодательства.

Все это указывает на необходимость корректировки некоторых норм

[1] http://regulation.gov.ru/projects#npa=60871

арбитражного процессуального законодательства, регулирующих вопросы судебного представительства, а также принятия специализированного нормативного правового акта, а именно Федерального закона «О профессиональной юридической деятельности».

Арбитражное процессуальное законодательство в части оформления полномочий судебного представителя предполагает возможность устного заявления от лица, участвующего в деле, относительно своего судебного представителя и его полномочий в судебном заседании. Однако его дальнейшее участие в процессе подразумевает необходимость оформления полномочий доверенностью, как это указано в п. 1 ст. 62 АПК РФ. В силу допущенной неточности в формулировке п. 4 ст. 61 АПК РФ относительно необходимости в дальнейшем оформления доверенности по правилам, предусмотренным федеральным законодательством, считаем возможным изложить п. 4 ст. 61 АПК РФ в следующей редакции:

«пункт 4. Полномочия других представителей на ведение дела в арбитражном суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с Федеральным законом, а в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом, в ином документе.

Полномочия представителя также могут быть выражены в заявлении представляемого, сделанном в судебном заседании, на что указывается в протоколе судебного заседания. Для дальнейшего участия в следующих судебных заседаниях полномочия представителя должны быть выражены в доверенности».

Необходимость разработки закона «О профессиональной юридической деятельности» диктуется требованиями времени. Данный закон должен:

закрепить модель профессиональной юридической деятельности в Российской Федерации, адекватно вписывающуюся в современные российские условия; раскрывающую принципы и методы стандарты ее осуществления при оказании правовых услуг населению; формирующую

единые критерии осуществления оказания квалифицированной юридической помощи;

раскрыть понятия «профессиональной юридической деятельности» «квалифицированная юридическая помощь», « правовые услуги», «аккредитация судебного представителя»;

установить требования к квалификации судебного представителя.

На основе вышеизложенного можно сделать выводы: повышение эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции должно строиться на основе инструментального и системного подходов, которые бы позволяли провести комплексную оценку всей совокупности элементов, входящих в структуру процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, а также их системной взаимосвязи. Данные подходы позволяют определить способы и конкретные меры для разработки направлений совершенствования арбитражного процессуального законодательства и правореализационного процесса.

Совершенствование арбитражного процессуального законодательства должно происходить путем корректировки конкретных процессуальных норм, закрепляющих процессуально-правовые средства обеспечительного характера.

Модернизация правореализационного процесса должна быть нацелена на повышение уровня профессионализма субъектов правореализационного процесса, который бы выражался в их рациональном правовом мышлении, позволяющем ориентировать свой выбор в направлении наиболее конструктивного процессуального поведения.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы и сформулировать предложения, которые помогут оценить актуальность подготовленной работы, степень реализации поставленных целей и задач, теоретическую и практическую ценность результатов диссертации в деле развития процессуальной цивилистической науки.

В процессе исследования, применяя методологические подходы на основе интегративного типа правопонимания, удалось выявить основные направления и этапы формирования изучения процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции, которые в дальнейшем позволили изучить его свойства, структурные элементы.

С позиции системного анализа исследование процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции как сложноорганизованного объекта познания дало возможность установить, что на его формирование оказывают влияние факторы различного характера. Целью функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции является обеспечение правомерного осуществления субъективного процессуального права, что указывает на его сложную внутреннюю структуру, которая включает полисистемные комплексы инструментального и функционально-деятельностного характера. Вся система внутренних связей процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции выражает сущность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон, представляя собой форму взаимодействия и взаимоотношений элементов.

При анализе элементов процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции выявлено,

что базовым системообразующим элементом является субъективное процессуальное право, которое оценивается как многогранное явление.

Содеражние субъективного процессуального права устанавливается путем его конкретизации, уточнения экстенсиональных и интенсиональных пределов, что обеспечивает достижение целей правореализационного процесса, ограничивая дискреционность процессуального поведения сторон в ходе судебного разбирательства.

В качестве пределов реализации субъективных процессуальных прав сторон выступают арбитражно-процессуальные гарантии, устанавливающие *объективные пределы*, которые закрепляют форму, средства и методы осуществления субъективных процессуальных прав, гарантируют достижение правовой цели как неизбежного результата и устанавливаются абсолютно-определенными или относительно определенными критериями, и *субъективные пределы*, к которым относятся процессуально-правовые средства стимулирующего характера, побуждающие правообладателя к действиям, направленным на выбор правомерного процесса реализации субъективного процессуального права.

Действующее арбитражное процессуальное законодательство концептуально и последовательно реализует теорию процессуальных рисков. Процессуальный риск в качестве системообразующего элемента арбитражного процессуального законодательства анализируется как неотъемлемое свойство арбитражных процессуальных правоотношений, являющихся предметом арбитражного процессуального регулирования. Процессуальный риск представляет собой объективно существующий набор вероятных вариантов процессуального поведения сторон, где вместе с достижением положительного регулятивного эффекта сосуществуют и возможности негативных правовых последствий.

Выявлено, что процессуальная деятельность арбитражного суда как элемент процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции обладает обеспечительной функцией,

которая охватывает информационно-организационную и контрольную виды деятельности арбитражного суда. В целях достижения социально значимых результатов они направлены на создание условий для реального использования процессуальных прав в соответствующей процессуальной форме и в пределах, обусловленных применением средств и способов.

Доказано, что система процессуальных гарантий охраны прав сторон включает в себя процессуальные меры принудительного характера, применение которых осуществляется в превентивных целях и в целях устранения препятствий в реализации субъективных процессуальных прав. Применение арбитражным судом той или иной процессуальной меры принудительного характера зависит от стадии процессуального правонарушения. К таким мерам относятся: меры превентивно-обеспечительного характера, меры процессуальной защиты и меры процессуальной ответственности.

Эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции предлагается понимать как свойство, указывающее на способность его структурных элементов достигать результатов, соответствующих целям функционирования объекта обеспечения – субъективного процессуального права, оцениваемого на основе качественных и количественных показателей. Данное свойство определяется внутренне обусловленным комплексом условий и факторов: общими и специальными, негативными и положительными.

Критерии эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции находятся в корреляционной взаимосвязи, отражая с высокой степенью достоверности способность эффективного функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции.

Повышение эффективности процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции обусловлено инструментальным и системным подходами, которые позволили провести

комплексную оценку всей совокупности элементов, входящих в структуру процессуально-правового механизма обеспечения процессуальных прав сторон, а также исследовать их системные взаимосвязи. Данные подходы определяют способы и конкретные меры для разработки направлений совершенствования арбитражного процессуального законодательства и правореализационного процесса.

Несомненно, важное влияние на эффективность процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон оказывает правореализационный процесс. Его комплексное исследование позволяет установить взаимозависимость поставленных целей и задач арбитражного процессуального регулирования и от эффективности процессуальной деятельности.

При формулировании целей и задач судопроизводства в арбитражных судах, необходима постановка специальной задачи, которая могла бы ориентировать арбитражные суды на необходимость обеспечения реализации процессуальных прав сторон и выражена в дополнении ст. 2 АПК РФ.

Для более эффективного функционирования процессуально-правового механизма обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции и в целях беспрепятственной реализации субъективных процессуальных прав необходимо закрепить дополнительные арбитражно-процессуальные гарантии, в частности дополнить АПК РФ новыми нормами и внести изменения в ряд статей: для исключения злоупотреблением институтом отвода при проведении судебного заседания с использованием ВКС дополнить ч. 4 ст. 21 АПК РФ нормой о прямом запрете отвода судьей, обеспечивающих проведение ВКС; внести изменения в ч. 5 ст. 199 АПК РФ в части расширения субъектного состава лиц, привлекаемых к процессуальной ответственности за проявление неуважения к суду; внести уточнения в ч. 1 ст. 82 АПК РФ о неблагоприятных последствиях пассивного поведения сторон при назначении экспертизы; изменить ч. 3, 4 и 5 ст. 131 АПК РФ путем введения норм, устанавливающих временные ограничения

возможности представления отзыва на исковое заявление и доказательств в суде первой инстанции; внести уточнение в ч. 4 ст. 61 АПК РФ об оформлении полномочий представителя; внести изменения в ч. 5 ст. 259 и ч. 275 АПК РФ в части установления запрета для арбитражного суда первой инстанции по передаче материалов дела в суд вышестоящей инстанции до истечения сроков обжалования. Предлагается прямо закрепить принцип диспозитивности дав ему законодательное определение.

Модернизации требует институт судебного представительства, что предполагает необходимость разработки норм, определяющих порядок получения статуса судебного представителя, установления категорий дел, по которым участие судебного представителя обязательно, ответственность судебного предоставителя за некачественное представление юридических услуг, связанных с участием в судебном деле, определение стоимости представительских услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

Международные акты

1. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: http://www.un.org /ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.Shtml (дата обращения: 09.11.2010).

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) ETS N 005. URL: http://www.echr.ru /documents /doc/2440800/2440800-001.htm (дата обращения: 08.11.2010).

3. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

4. Европейская хартия о статусе судей. Пояснительный меморандум. Страсбург, 8-10 июля 1998 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. Бангалорские принципы поведения судей: одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_ principles. shtml (дата обращения: 09.11.2011).

6. Руководящие принципы «О судебной статистике (gojust)», принятые CEPEJ на 12-м пленарном заседании (Страсбург, 10–11 декабря 2008 г.). URL://https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CEPEJ(2008)11&Langua ge=lanEnglish&Ver=original&Site=DGHL-CEPEJ&BackColorInternet=eff2 fa& Back Co lor Intranet=eff2fa&BackColorLogged=c1cbe6 (дата обращения: 12.09. 2013).

7. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права: приняты резолюцией

60/147 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2005 г. URL:http://www.un. org/ru/documents /decl_conv /conventions/ principles_right_to_remedy. shtml (дата обращения: 11.11. 2012).

8. Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «Комитет министров – государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию» // Российская юстиция. – 1997. – № 6. – С. 4.

9. Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 28 февраля 1984 г. № R (84) 5 «Комитет министров – государствам-членам относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы» // Российская юстиция. – 1997. – № 7.

Нормативные акты РФ

10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г., 5 февраля 2014 г.) // СЗ РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445; 2014. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4202.

11. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2018 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589; СЗ РФ. – 2018. – № 31– Ст. 4811.

12. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 30 октября 2018 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1; СЗ РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6823.

13. Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» (в ред. от 4 июня 2014 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7334; 2014. – № 23. – Ст. 2921.

14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2018) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; СЗ РФ. – 2018. – № 53 (часть 1). – Ст. 8411.

15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 3 августа 2018 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; http://www.pravo.gov.ru - 04.08.2018.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. 29 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; http://www.pravo.gov.ru - 29.12.2017.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. 23 мая 2018 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; http://www.pravo.gov.ru - 23.05.2018.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23 мая 2018) // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496; http://www.pravo.gov.ru - 23.05.2018.

19. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; http://www.pravo.gov.ru - 28.12.2018.

20. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в ред. от 15 апреля 2019 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1; http://www.pravo.gov.ru - 15.04.2019.

21. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 23 апреля 2018 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785; http://www.pravo.gov.ru - 23.04.2018.

22. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217; http://www.pravo.gov.ru - 29.12.2017.

23. Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (в ред. от 29 июня

2015 г.) // СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3642; СЗ РФ. – 2015. – № 27. – Ст. 4001.

24. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 28 июня 2014 г.) // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4197; 2014. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3392.

25. Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ// «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»// СЗ РФ. – 2016. – № 10. – Ст. 1319.

26. Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ// «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»// СЗ РФ. –2016. – № 10. – Ст. 1321.

27. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 6 марта 2019 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. –1992. – № 30. – Ст. 1792; http://www.pravo.gov.ru - 06.03.2019.

28. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2005 г. № 221 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи». URL:http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=52967 (дата обращения: 26.05.2012).

29. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О Федеральной Целевой Программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2020 годы». URL:http://www.rg.ru/2012/10/09/ sudebnaya-dok.html (дата обращения: 09.10.2012 г).

30. Федеральная целевая программа «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации»: утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212. URL: http://www. garant.ru/products/ipo/prime/ doc/92762 (дата обращения: 15.08.2013).

31. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2007 – 2012 годы»: утверждена Постановлением Правительства РФ

от 21 сентября 2006 г. № 583. URL:http://base.garant.ru/190031/ (дата обращения: 12.08.2013).

32. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: утверждена Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406. URL:http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70192624/ (дата обращения: 12.08.2013).

33. Проект «Поддержка судебной реформы». URL:http://www.fer.ru/jrsp/ procnotices.htm (дата обращения: 12.08.2013).

34. Кодекс судейской этики: утвержден VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г. URL: http://www.vkks.ru/ss_detale.php?id=22 (дата обращения: 12.05.2011).

35. Регламент арбитражных судов Российской Федерации: утвержден Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июня 1996 г. № 7. URL:http://arbitr.ru /law /docs/10036230/10036230-001.htm (дата обращения: 05.07.2013).

Материалы судебной практики

36. Постановление Конституционного Суда РФ № 8-П от 20 мая 1997 г. «По делу о проверке конституционности пункта 4 и 6 статьи 242 и статьи 280 ТК РФ в связи с запросом Новгородского областного суда». URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base= ARB;n=89 12 (дата обращения: 24.08.2013).

37. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 1998 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 АПК РФ». URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc;base=ARB;n=8028 (дата обращения: 22.03.2010).

38. Постановление Конституционного Суда РФ № 8-П от 11 марта 1998 г. «По делу о проверке конституционности статьи 266 ТК РФ, части 2 статьи 85 и статьи 222 КоАП РСФСР в связи с жалобами граждан

М. Гаглоевой и А.Б. Петрякова». URL:http://www.consultant.ru/document / cons_doc_LAW _18150/ (дата обращения: 25.08.2012).

39. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 УПК РСФСР и ГПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан».URL:http://docs.cntd.ru/ document/901703945(дата обращения: 11.09.2011).

40. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан». URL:http:// base. consultant.ru/cons/cgi/.cgi?req= doc;base=LAW;n=19326 (дата обращения: 22.03.2010).

41. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 1999 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 325 ГПК РФСФР в связи с жалобами граждан Б.Л. Дрибинского и А.А. Майстрова». URL:http://zakonbase.ru/content/ base/8868 (дата обращения: 22.04.2012).

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского Кодекса РФ в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова». URL:http://main-law.ru/ksrf/1-pot_25-01-01 (дата обращения: 20.11.2011).

43. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 ГК РФ, статьи 31 Налогового кодекса РФ и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО «Медиа-мост» и ЗАО «Московская независимая вещательная корпорация». URL:http://www. rg.ru/ oficial/doc /min_and_ vedom /ks/14-03.shtm (дата обращения: 11.04.2011).

44. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 АПК РФ в

связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан. URL:http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;se=LAW;n=48523;dst=0;ts=7C2ED6 E7 71B9FF051796B5774729FCC9;rnd=0.07083 25570449233 (дата обращения: 22.04.2012).

45. Постановление Конституционного Суда РФ № 11-П от 17 ноября 2005 г. «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 АПК РФ в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области». URL:http://base.consultant.ru/ cons/cgi/online.cgi?req=doc &base= LAW &n= 56580(дата обращения: 18.01.2011).

46. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева». URL:http://www.echr.ru /documents/doc/12051675/ 12051675.htm (дата обращения: 15.09.2011).

47. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 января 2008 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений статей 9 и 10 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статей 181, 188, 195, 273,290, 293 и 299 АПК РФ в связи с жалобами ЗАО «Себ Русский Лизинг», ООО «Нефте-Стандарт» и ООО «Научно-Производственное Предприятие «Нефте-Стандарт». URL:http://www.rg.ru/2008/ 01/26/konstsud-dok.html (дата обращения: 21.06.2012).

48. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 АПК РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег»,

открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_do c_LAW _96788/ (дата обращения: 26.11.2011).

49. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 2010 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)». URL:http://www. rg.ru/2010/ 02/12/ zhaloby-ks-dok.html (дата обращения: 10.11.2012).

50. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 ГПК РФ в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю.Федотовой». URL:http:// www.espch.ru/content/view/168/37/ (дата обращения: 10.11.2012).

51. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева». URL:http: //base.Consultant.ru/cons/cgi/ online.cgi?req=doc;base=LAW;n=117357 (дата обращения: 20.09.2011).

52. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 282-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бородина Валентина Ивановича, Кушнира Станислава Ивановича и Шумского Владимира Степановича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 3 Положения об адвокатуре и частью третьей статьи 322 ГПК РСФСР». URL:http://base.consultant.ru/cons/cg /online.cgi?req=doc;base=ARB; n=1668 (дата обращения: 02.12.2011)

53. Определение Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 413-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.М. Леонова на нарушение его конституционных прав положением пункта 3

статьи 401 Гражданского Кодекса Российской Федерации». URL: http: // sudbib- lioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_4097.htm (дата обращения: 12.04.2013).

54. Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 169-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан И.С. Бакшеева, З.Т. Бакшеевой, Н.П. Рыльцова, М.И. Рыльцовой, А.И. Черменевой (Голубцовой) на нарушение их конституционных прав статьей 37 АПК РФ 1995 года». URL:// http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_ 3858.htm (дата обращения 30.06.2015)

55. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 555-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Половцева Игоря Николаевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 251 ГПК РФ». URL:http://base. consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=39428;dst=0;ts=9A 865B 02269D9EA7B1D65BF49563ECA5;rnd=0.10447133239358664 (дата обращения: 22.04.2012).

56. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2007 г. № 541-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Еланского Виктора Николаевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 125, пунктом 1 статьи 126, частями 2 и 3 статьи 127 АПК РФ». URL: http://sudbiblioteka. ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_4830.htm (дата обращения: 25.07.2012).

57. Определение Конституционного Суда РФ № 453-О-О от 8 апреля 2010 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «Ланкренан Инвестментс Лимитед» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 3 статьи 6, пункта 1 статьи 71, пункта 2 статьи 84 ФЗ «Об акционерных обществах» и пункта 4 статьи 393 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL:http:// www.ksrf.ru/Pages/Default. aspx (дата обращения: 25.07.2012).

58. Определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1575-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бондаренко В.Д. на нарушение его конституционных прав абзацем третьим части 3 статьи 23.1 КоПА и пунктом 11 Постановления Пленума Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 сентября 2009 г. РФ от 27 января 2003 г. № 2. URL: http://base.garant .ru /1799071 (дата обращения: 18.07.2012).

59. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 января 1970 г. по делу Delcourt v. Belgium (жалоба 2689/65). URL:http:// european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 22.05.2011).

60. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июля 1971 г. по делу Ringeisen v. Austria URL: http://europeancourt.ru /resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 22.05.2011).

61. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1975 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства» (Golder v. United Kingdom)., Series A, № 18, pp. 13–18, § 26–36) // URL: http://www.echr.ru /documents/ doc/2461468 /2461468.htm (дата обращения: 05.04.2012).

62. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 июня 1978 г. «Кениг (Konig) против Федеративной Республики Германии» судебное решение (Краткое неофициальное изложение обстоятельств дела). URL:http://www.echr.ru/documents/doc/2461483/2461483.htm (дата обращения: 15.09.2013).

63. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 февраля 1980 г. по делу «Девеер (Deweer) против Бельгии» (жалоба № 6903/75) (извлечение). URL: http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 15.05.2012).

64. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июня 1981 г. по делу Le Compte, Van Leuven and De Meyere v. Belgium

URL:http: //europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 22.05.2011).

65. Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 октября 1982 г. по делу Piersack v. Belgium URL: http://europeancourt. ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 22.05.2011).

66. Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 1988 г. «Бербера, Мессеге и Хабардо против Испании» (Barbera, Messegue and Jabardo v. Spain) (жалоба № 10590/83). URL:http: //europeancourt.ru/uploads/ECHR_Barbera_Messegue_and_Jabardo_v_Spain _ 06_ 12_1988.pdf (дата обращения: 09.11.2011).

67. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1990 г. по делу «Хаканссон и Стурессон против Швеции» (Hakansson and Sturesson v. Sweden)., Series A, № 171 A, § 66. URL: http://europeancourt.ru/ resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 14.05.2012).

68. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 августа 1991 г. (жалоба № 13057/87) «Демиколи против Мальты» (Demicoli v. Malta). URL:http://.ru/uploads/ECHR_Demicoli_v_Malta_27_08_1991.pdf (дата обращения: 14.11. 2010).

69. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июня 1993 г. (жалоба № 12952/87) «Руиз-Матеос против Испании» (Ruiz-Mateos v. Spain). URL:http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom -yazyke/ruiz-mateos-protiv-ispanii-ruiz-mateos-v-spain-postanovlenie-evropejskogo-suda (дата обращения: 09.11.2011).

70. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 июня 1993 г. по делу «Шулер-Цграгген против Швейцарии» (Schuler-Zgraggen v. Switzerland), Series A, № 263, § 58). URL: http://europeancourt.ru /resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 12.05.2012).

71. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу от 23 февраля 1994 г. «Фредин против Швеции (№ 2)» (Fredin v. Sweden (No. 2)), Series A, № 283 A, § 21–22. URL: http:// europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/fredin-protiv-shvecii-n-2-postanov lenie-evropejskogo-suda/ (дата обращения: 11.04.2012).

72. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 июня 1994 г. (жалоба № 16997/90) «Де Моор против Бельгии» (De Moor v. Belgium). URL: http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_ De_Moor_v_ Belgium_ 23_06_1994. pdf (дата обращения: 14.11.2010).

73. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 ноября 1994 г. (жалоба № 15287/89) «Бомартан против Франции» (Beaumartin v. France)». URL:http://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Beaumartin _v_France_ 24_11_1994.pdf (дата обращения: 21.02.2013).

74. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 февраля 1995 г. (жалоба № 16424/90) «МакМайкл против Соединенного Королевства» (McMichael v. the United Kingdom). URL:http:/ /europeancourt. ru/uploads/ ECHR_McMichael_v_the_United_Kingdom _24_02_1995.pdf (дата обращения: 02.05.2010).

75. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1995 г. по делу «Фишер против Австрии» (Fischer v. Austria), Series A, № 312, § 44. URL:http://europeancourt.ru /resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 15.05.2012).

76. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 сентября 1995 г. (жалоба № 18160/91) «Дьеннэ против Франции» (Diennet v. France). URL:http: //europeancourt.ru/uploads/ECHR_Diennet_v_France _26_09_1995.pdf (дата обращения: 14.11.2010).

77. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 февраля 1996 г. (жалоба № 19075/91) «Вермюлен против Бельгии» (Vermeulen v. Belgium)(извлечение).URL:http://europeancourt.ru/uploads/ECHR _Verm eulen _ v _Belgium _20_02_1996.pdf (дата обращения: 12.10.2012).

78. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 1996 г. (жалоба № 22399/93) «Пуллар против Соединенного Королевства» (Pullar v. the United Kingdom). URL:http:// europeancourt.ru/uploads/ECHR_Pullar_v_the_United_Kingdom _10_06_ 1996.pdf (дата обращения: 12.11.2010).

79. Постановление Европейского суда от 19 марта 1997 г. по делу «Хорнсби против Греции» («Hornsby v. Greece»), Reports 1997-II, pp. 510–511, § 40; Росэльтранс против России (Roseltrans v. Russia): Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июля 2005 г. (жалоба № 60974/00). URL: http:// europeancourt.ru/tag/sostyazatelnost-storon (дата обращения: 06.03.2012).

80. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 1998 г. по делу «F.E. против Франции» и др. URL:http://europeancourt.ru/ resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ (дата обращения: 15.05.2012).

81. Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 июля 2003 г. (жалоба № 37801/97) «Суоминен против Финляндии» (Suominen v. Finland). URL: http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/ suominen-protiv-finlyandii-postanovlenie-evropejskogo-suda (дата обращения: 09.11 2011).

82. Постановление Европейского Суда по правам человека 23 октября 2003 г. «Тимофеев против России» (Жалоба №58263/00). Страсбург. URL: http: //www.echr.ru/documents /doc/new/002.htm (дата обращения: 24.05.2011).

83. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 ноября 2004 г. (жалоба № 15021/02) «Вассерман против России» (Wasserman v. Russia). URL: http://europeancourt.ru/tag/dostup-k-sudu/ (дата обращения: 09.11.2011).

84. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2005 г. (жалоба № 72701/01) «Яковлев против России» (Yakovlev v.

Russia). URL:http://europeancourt.ru/tag/glasnost-razbiratelstva/ (дата обращения: 20.03.2013).

85. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11 января 2007 г. (жалоба № 184/02) «Кузнецов и другие против России» (Kuznetsov and Others v. Russia). URL:http://europeancourt .ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/kuznecov-i-drugie-protiv-rossii-postanovlenie-evropejsk ogo-suda (дата обращения: 09.11.2011).

86. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав URL: http:// www.arbitr. ru/as /pract/post_plenum/28318.html (дата обращения: 11.06.2011).

87. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». URL:http://www. arbitr.ru/as/pract/post_ plenum/32236.html (дата обращения: 24.03.2012). (утратило силу).

88. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.

89. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 4.

90. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения

арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 6.

91. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 57 «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 9.

92. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 марта 2012 г. № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» (в ред. от 25 января 2013 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 5; 2013. – № 3.

93. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)». URL:http: //base. consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=159645;fld=134;dst=100009;rnd=0.7830902414862067 (дата обращения: 25.02.2014).

94. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 336 от 28 мая 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2009. – № 8.

95. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 51 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении споров с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами» // Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 9.

96. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие»// Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2000. – № 2.

97. Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. от 22 ноября 2011 г.). URL:http://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123665/#esse (дата обращения: 14.06.2012).

98. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 декабря 2007 г. № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах». URL:http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/ 18473.html (дата обращения: 24.05.2010).

99. Информационное Письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 2014 г. № 167 «Рекомендации о применении критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации».URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/110088. html (дата обращения: 22.08.2014).

100. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 февраля 2011 г. № 13970/10. URL:http://zakonbase.ru/content/base/ 176569 (дата обращения: 11.06.2011).

101. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2011 г. № 13258. URL:http://www.arbitr.ru /_upimg/B9BEA 5082B96E8C4169287B7F854FA72_april.pdf (дата обращения: 30.10 2012).

102. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 января 2012 г. № 12787/11. URL:http://www.arbitr.ru/_upimg/B9BEA 5082B96E8 C4169287B7F854FA72_april.pdf (дата обращения: 24.02.2013).

103. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 февраля 2013 г. № 12751/12. URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/ f.aspx? id_casedoc=1_1_3cea9d01-716c-4f85-b74c-9c19b5f72b0d (дата обращения: 23.04. 2013).

104. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 ноября 2012 г. № 7697/12. URL: http://arbitr.ru/bras.net /f.aspx?id_c asedoc= 1_1_b6648d64-6ce0-47ae-8435-66fd1 8d 693b9 (дата обращения: 10.03.2013).

105. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 декабря 2012 г. №10122/10 (есть оговорка о возможности пересмотра по новым обстоятельствам). URL:http://www.m-logos.ru/img /file/59137656_digest _novostey_processualnogo_prava_3.pdf (дата обращения: 02.03.2012).

106. Постановление Президиума Совета Судей РФ от 24 марта 2011 г. № 257 «О результатах деятельности рабочей группы по выполнению поручения Президента Российской Федерации от 5 декабря 2010 г. № ПР-3520 о путях оптимизации нагрузки на судей». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

107. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 16.01.2015 г. по делу № 302-ЭС14-7478.URL://http://base.consultant.ru /cons/ cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB; n= 415498 (дата обращения: 14.04.2015).

108. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 8 апреля 2015 года по делу № 305-ЭС14-5224 // URL:http:// kad.arbitr.ru/PdfDocument/e255640e-09e4-49ff-8003-e2ecd021cbcf/A41-64773-013 _20150408_Opredelenie.pdf (дата обращения: 14.05.2015).

109. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 апреля 2012 г. по делу № А19-17219/2011. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/921fb30b-e2f6-4108-9552-fc27c9dc82e0 (дата обращения: 20.05.2012).

110. Постановление Федерального Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19 апреля 2012 г. по делу № А78-9447/2011. URL:http: //kad. arbitr.ru/Card/e8bd748a-eab8-4574-8edf-53935848f4b0 (дата обращения: 20.05.2012).

111. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 декабря 2012 г. по делу № А75-10034/2011. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AZS;n=

106181;div=LAW;mb= LAW;opt=1;ts=645311D312E0197B956860CF6 156E1 58;rnd =0.2875108735 17 02154 (дата обращения: 22.03.2011).

112. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 ноября 2007 г. по делу № А13-10776/2006-02. URL:http: // kad.arbitr.ru/Card?number=%D0%9012-221107/2006 (дата обращения: 08.08.2010).

113. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15 сентября 2004 г. № А31-1014/7. URL:http://kad.arbitr.ru /Card? number=%D0%9012-150904/2004(дата обращения: 08.08.2010).

114. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 6 августа 2007 г. по делу № Ф09-6181/07-С5 от 6 августа 2007 г. URL:http://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 23.11.2011).

115. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20 августа 2010 г. № Ф09-3652/07-7/10 по делу № А60-12204/2006-С7.URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR;n= 1078 65; div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=3DC9C3AF4EDC 303 2CFA7EE2FA61902E4; rnd=0.7771467510610819 (дата обращения: 23.04.2012).

116. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 30 мая 2011 г. № Ф09-6051/08-С5 по делу № А60-32794/2007-С4. URL:http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR; n=116707;iv=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=3DC9C3AF4EDC3032CFA7EE2FA6190 2E4;rnd=0.8896992146037519 (дата обращения: 23.04.2012).

117. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 апреля 2013 г. по делу № А29-4610/2012. URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/588612e2-fb74-4d01-b5a1-bd539d443d78/ A29-4610-2012_20130412_Postanovlenie%20kassacii.pdf (дата обращения: 28.10.2013).

118. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 февраля 2007 г. по делу № 17АП-1127/07-ГК. URL:http://ras.arbitr.ru (дата обращения: 17.05.2012).

119. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июля 2012 г. по делу №А57-14008/2011. URL: http://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 17.03.2012).

120. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 мая 2013 г. № 09АП-13314/2013 по делу № А40-2097/13. URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/af113314-ba04-4bf0-b01a-e6a964422e7c/A40-2097-2013_20130524_Postanovlenie%20apelljacii.pdf (дата обращения: 26.05.2013).

121. Решение Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20 августа 2010 г. № Ф09-3652/07-7/10 по делу № А60-12204/2006-С7. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR;n=107865; div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=3DC9C3AF4EDC3032CFA7EE2FA61902E4; rnd=0.7771 46751061 0819 (дата обращения: 23.04.2012).

122. Определение Девятого арбитражного апелляционного суда о возвращении апелляционной жалобы от 24 мая 2013 г. по делу № А40-13510/13 (79-128). URL:http: //kad.arbitr.ru/PdfDocument/7c3e9094-0a04-49d7-bd62-566d1bd0dd16/A40-13510-2013_ 2013 0524 _Opredelenie. pdf (дата обращения: 26.05.2013).

123. Решение Арбитражного суда Белгородской области от 26 мая 2010 г. по делу №А08-1670/2010-15. URL: http://belgorod.arbitr.ru (дата обращения: 09.06.2010).

124. Решение Арбитражного суда Пермского края по делу № А50-4491/2006-Г. URL:http// ras.arbitr.ru (дата обращения: 11.04.2011.).

125. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 23 мая 2011 г. по делу № А53/5171-11. URL: http://kad.arbitr.ru/Card/bb39a871-ca1b-48eb-817c-7ff916718447 (дата обращения: 25.10.2012).

126. Решение Арбитражного суда Алтайского края от 23 мая 2011 г. по делу № А03-4565/2011. URL:http://kad.arbitr.ru/Card/8fb92b8f-c440-4c4b-bbeb-d1f79c479b4c (дата обращения: 25.10.2012).

127. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 29 октября 2012 г. по делу № А57-11795/2012. URL:http://kad.arbitr.ru/Card /326bef0e-2011-4453-a474-c3ed5a135d98 (дата обращения: 08.11.2012).

128. Решение Арбитражного суда Приморского края от 23 мая 2014 г. по делу № А51-22505/2012. URL:http://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 08.08.2014).

129. Решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 15 декабря 2011 г. URL:http://www.vkks.ru/ss_ detale.php?newid=10348 (дата обращения: 15.05.2012).

130. Решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 1 марта 2012 г. URL:http://www.vkks.ru/ss_detale.php?newid=8746 (дата обращения: 15.05.2012).

131. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29 ноября 2012 г. о принятии искового заявления к производству, подготовке дела к судебному разбирательству и назначении по делу № А40-153965/12 URL:http://kad. arbitr.ru/PdfDocument/0866913f-c717-4da3-a302-aa682a6 b4415/ A40-153965-012_2012 1129_Opredelenie.Pdf (дата обращения: 15.09. 2013).

132. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 16 декабря 2012 г. об оставлении искового заявления без движения по делу № А40-162054/12117-1564.URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/8f5dd922-0fb4-450a-a05c-4a10e8 924eb5/A40-162054-2012_20121217_Opredelenie.pdf (дата обращения: 05.05.2013).

133. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 24 декабря 2012 г. о принятии искового заявления к производству, подготовке дела к судебному разбирательству и назначении по делу № А40-162054/12 117-1564 URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/0f362ca1-644f-45e9-8891-935cae41ea77/A40-162054-2012_20121224_Opredelenie.pdf (дата обращения: 15.09. 2013).

134. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 сентября 2009 г. № ВАС 12284/09. URL:http: // www. ksrf.ru /Pages /Default.aspx (дата обращения: 09.10.2011).

135. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 декабря 2011 г. № ВАС-12505/11 о передаче дела в Президиум. URL:http://base. garant.ru /55540337/ (дата обращения 05.03.2012).

136. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 января 2013 г. № ВАС-15480/12. URL:http://www.m-logos.ru/img/file /59137656_di gest_n ovo stey _processualnog o_prav a_3. pdf (дата обращения 20.03.2013).

137. Определение Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 мая 2013 г. по делу № А40-13510/13 (79-128) о возвращении апелляционной жалобы URL:http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/7c3e9094-0a04-49d7-bd62-66d1bd0dd16/A40-13510-2013_20130524_Opredelenie.pdf (дата обращения: 26.05.2014).

138. Апелляционное постановление по уголовному делу № 22-1003/2016 от 9 июня 2016 года Томского областного суда. URL: https://rospravosudie .com /court-tomskij-oblastnoj-sud-tomskaya-oblast-s/act-525746409/ (дата обращения: 15.06.2016).

139. Приговор Грачёвского районного суда Ставропольского края от 9 июня 2016 года по уголовному делу № 1-53/2016. URL: https://rospravosudie.com/court-grachevskij-rajonn yj-sud-stavropolskij-kraj-s/act-523949699/ (дата обращения: 15.06.2016).

140. Приговор Центрального районного суда г. Читы от 6 июня 2016 года по уголовному делу №1-406-16. URL: https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-chity-zabajkalskij-kraj-s/act-523826930/(дата обращения: 15.06.2016).

141. Постановление мирового судьи судебного участка г. Бологое Тверской области от 17 июня 2016 года по делу №5-541/2016 . URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-g-bologoe-s/act-229588501/ (дата обращения: 20.06.2016);

142. Постановление мирового судьи судебного участка г. Бологое Тверской области от 22 апреля 2016 года по делу №5-310/2016.

URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-g-bologoe-s/ ac t-229028736/ (дата обращения: 20.06.2016).

143. Постановление мирового судьи судебного участка №10 по Кировскому району г.Уфа Республики Башкортостан от 30 июня 2016 года по делу № 5-407/2016-10 – URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-10-po-kirovskomu-rajonu-g-ufy-s/act-230625721/ (дата обращения: 03.07.2016).

144. Постановление исполняющей обязанности мирового судьи судебного участка № 2 Мончегорского судебного района - мировой судья судебного участка № 3 Мончегорского судебного района Мурманской области от 30 июня 2016 года по делу № 5-308/2016. URL: https://rospravosudie.com/court-cudebnyj-uchastok-2-mirovogo-sudi-g-monchegorsk-s-podvedomstvennoj-territoriej-s/act-229656965/(дата обращения 03.07.2016).

145. Постановление мирового судьи судебного участка № 2 Баймакского района и г. Баймак Республики Башкортостан от 28 июня 2016 года. URL: https:// rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-2-po-g-bajmak-i-bajmakskomu-rajonu-respubliki-bashkortostan-s/act-229634225/ (дата обращения 03.07.2016).

146. Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Панинского судебного района Воронежской области. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-1-mirovogo-sudi-paninskogo-rajona-voronezhskoj-oblasti-s/act-229640761/ (дата обращения: 03.07.2016).

147. Приговор мирового судьи по делу 1-36/2016; приговор мирового судьи судебного участка № 5 Пролетарского судебного района г. Ростова-на-Дону от 17 июня 2016 года по делу № 1-21/2016 г. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-3-novokuzneck ogo-rajona-s/act-229577832/ (дата обращения 03.07.2016).

148. Протокол заседания рабочей группы Федерального арбитражного суда Уральского округа по обсуждению вопросов, возникающих в практике применения АПК РФ от 15 июня 2012 г. № 2. URL:http://fasuo.arbitr.ru/pract/resh_rab_grup_apk (дата обращения: 11.02.2013).

149. Сведения о судебной нагрузке в арбитражных судах Российской Федерации в 2010– 012 гг. URL:http://arbitr.ru/_upimg/3A03DE D0728DA 4B9AFB86BF88212379F_2.pdf (дата обращения: 13.09.2013).

150. Справка о применении арбитражными судами РФ норм АПК РФ, влияющих на сроки рассмотрения дел, в 2011-2012гг. URL:http:// arbitr.ru/_upimg/F3534C8F44DF138F7D1FD (дата обращения: 25.04.2011).

151. Справка об утверждении мировых соглашений арбитражными судами Российской Федерации в 2009–2012 гг. URL:http://arbitr.ru/_upimg/44242F59ECC6BD184B560F30D(дата обращения: 30.04.2013).

152. Справка по вопросам, касающимся возможных направлений и перспектив совершенствования института представительства в арбитражных судах. URL:http://www.arbitr.ru/_upimg/5069A8DC3D21 4146C23E3F8A EBF E0E5E_sprav.pdf (дата обращения: 12.11.2012).

153. Статистические данные о деятельности арбитражных судов. URL: http: //arbitr.ru/press-centr/news/totals/index_ar.htm (дата обращения: 14.06.2013).

154. Таблица основных показателей работы арбитражных судов в 2007–2011 гг. URL:http://arbitr.ru/_upimg/5EA9CC7D621C330F608 D85DDFD 2D9C 01os_pokazateli_raboti_2007-11.pdf (дата обращения: 05.07.2013).

155. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015). Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 декабря 2015 г. URL:http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vs_130116.pdf (дата обращения:15.01.2016).

Научная и учебная литература

156. *Абова, Т.Е.* Охрана хозяйственных прав предприятий [Текст] / Т.Е. Абова. – М.: Юридическая литература, 1975. – 216 с.

157. *Аграновская, Е.В., Витрук, Н.В., Завадская, Л.Н., Кабалкин, А.Ю. и др.* Реализация прав граждан в условиях развитого социализма [Текст] / Е.В. Аграновская [и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Наука, 1983. – 264 с.

158. *Азаров, А., Ройтер, В., Хюфнер, В.* Защита прав человека. Международные и российские механизмы [Текст] / А. Азаров, В. Ройтер, В. Хюфнер. – М.: Московская школа прав человека, 2000. – 560 с.

159. *Александров, Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе [Текст] /Н.Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1955. – 175 с.

160. *Алексеев, С.С.* Общая теория права: учебник: в 2 т. [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.

161. *Алексеев, С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.

162. *Алексеев, С.С.* Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования [Текст] / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

163. *Алексеев, С.С.* Проблемы теории права: курс лекций в 2 т. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права [Текст] / С.С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1972. – 396 с.

164. *Алексеев, Л.Б., Жуйков, В.М., Лукашук, И.И.* Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: практическое пособие [Текст] / Л.Б. Алексеев, В.М. Жуйков, И.И. Лукашук / под ред. В.М. Жуйкова. – М.: Изд-во «Права человека», 1996. – 432 с.

165. *Алексеева, Л.Б., Сироткин, С.В.* Международные нормы и правоприменительная практика в области прав человека: пособие для российских судей [Текст] / Л.Б. Алексеева, С.В. Сироткин; отв. ред. Н.Ф. Шарафетдинов. – М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1993. – 176 с.

166. *Алексеева, Л.Б., Строгович, М.С., Ларин, А.М.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности [Текст] / Л.Б. Алексеева [и др.]. – М.: Наука, 1979. – 319 с.

167. *Амосов, С.М.* Судебное познание в арбитражном процессе [Текст] / С.М. Амосов. – М.: Российская академия гос. службы при Президенте РФ, 2003. – 321 с.

168. Арбитражный процесс: учебник для вузов / под ред. Т.А. Григорьевой. – М.: Норма, 2007. – 400 с.

169. *Арямов, А.А.* Общая теория риска: юридический, экономический, психологический анализ [Текст] / А.А. Арямов. – 2-е изд. перераб.и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 202 с.

170. *Афанасьев, С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве [Текст] / С.Ф. Афанасьев. – Саратов: Научная книга, 2009. – 310 с.

171. *Афанасьев, С.Ф.* Судебно-правовая политика в сфере гражданского судопроизводства [Текст] / С.Ф. Афанасьев // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Норма, 2003. – С. 452–265.

172. *Бабаков, В.А.* Гражданская процессуальная обязанность [Текст] / В.А. Бабаков. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2001. – 116 с.

173. *Базылев, Б.Т.* Юридическая ответственность (теоретические вопросы) [Текст] / Б.Т. Базылев. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – 120 с.

174. *Байниязова, З.С.* Принципы правовой системы России: проблемы теории и практики / под ред. В.Н. Синюкова [Текст] / З.С. Байниязова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. – 152 с.

175. *Баранов, В.М.* Истинность норм советского права [Текст] / В.М. Баранов. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1989. – 400 с.

176. *Баринов, Н.А*. Имущественные потребности и гражданское право [Текст] / Н.А. Баринов; под ред. Ю.Х. Калмыкова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 191 с.

177. *Бахрах, Д.Н.* Административная ответственность [Текст] / Д.Н. Бахрах. – М.: Юриспруденция, 1999. – 112 с.

178. *Беляев, В.П.* Контроль и надзор в Российском государстве [Текст] / В.П. Беляев; науч. ред. А.В. Малько. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2005. – 275 с.

179. *Бердяев, Н.А*. Философия свободного духа [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 252 с.

180. *Боброва, Н.А*. Гарантии реализации государственно-правовых норм [Текст] / Н.А. Боброва. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – 154 с.

181. *Боботов, С.В., Васильев, А.М., Гаврилов, О.А., Завадская, Л.Н. и др.* Правовая система социализма. Функционирование и развитие [Текст] / С.В. Боботов [и др.]; отв. ред. В.П. Казимирчук. – М.: Юридическая литература, 1982. – 386 с.

182. *Богданов, А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. [Текст] / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – (Экономическое наследие). – Кн. 1 – 304 с. Кн. 2 – 351 с.

183. *Бойков, А.Д.* К изучению эффективности уголовно-процессуального закона [Текст] / А.Д. Бойков // Эффективность применения уголовного закона. – М.: Юридическая литература, 1973. – 164 с.

184. Большая советская энциклопедия. 2-е изд.: в 51 т. – М.: Изд-во «Большая советская энциклопедия», 1949-1960.

185. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: Инфра, 1999. – 790 с.

186. *Бондарь, Н.С.* Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской

Федерации [Текст] / Н.С. Бондарь. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. – 592 с.

187. *Боннер, А.Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности // Избранные труды по гражданскому процессу [Текст] / А.Т. Боннер. – СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та Санкт-Петербгурского гос.ун-та, 2005. – 991 с.

188. *Борисова, Е.А.* Апелляция в гражданском и арбитражном процессе [Текст] / Е.А. Борисова. – М.: Городец, 1997. – 160 с.

189. *Борисова, Е.А.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие [Текст] / Е.А. Борисова. – М.: Норма. ИНФРА-М, 2013. – 320 с.

190. *Братусь, С.Н.* Субъекты гражданского права [Текст] / С.Н. Братусь. – М.: Юридическая литература, 1950. – 367 с.

191. *Братусь, С.Н.* Юридическая ответственность и законность [Текст] / С.Н. Братусь. – М.: Юридическая литература, 1976. – 51 с.

192. *Бутнев, В.В.* Гражданская процессуальная ответственность [Текст] / В.В. Бутнев. – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1999. – 63 с.

193. *Бутылин, В.Н.* Основы государственно-правового механизма охраны конституционных прав и свобод граждан: учебное пособие [Текст] / В.Н. Бутылин. – М.: Изд-во Российской экономической академии, 2002. – 205 с.

194. *Бутылин, В.Н., Сидоров, В.Г.* Милиция в механизме реализации конституционных прав и свобод граждан [Текст] / В.Н. Бутылин, В.Г. Сидоров. – М.: Изд-во Академии управления МВД РФ,1996. – 88 с.

195. *Валеев, Д.Х.* Процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве [Текст] / Д.Х. Валеев. – Казань: Унипресс, 2001. – 125 с.

196. *Валеев, Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве [Текст] / Д.Х. Валеев. – М.: Статут, 2009. – 165 с.

197. *Ванеева, Л.А.* Реализация конституционного права граждан СССР на судебную защиту в гражданском судопроизводстве [Текст] / Л.А. Ванеева. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – 152 с.

198. *Васьковский, Е.В.* Курс гражданского процесса [Текст] / Е.В. Васьковский. – М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1917. – 691 с.

199. *Васьковский, Е.В.* Учебник гражданского процесса [Текст] / Е.В. Васьковский; под ред., с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 464 с.

200. *Веденин, В.С.* Правопонимание и патентное право [Текст] / В.С. Веденин; под ред. А.В. Аверина. – Владимир: Транзит-ИКС, 2007. – 220 с.

201. *Венгеров, А.Б.* Право и личность. Теория государства и права: учебник для вузов [Текст] / А.Б. Венгеров. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. – 528 с.

202. *Вершинин, А.П.* Способы защиты прав предпринимателей в арбитражном суде [Текст] / А.П. Вершинин. – СПб.: Северо-Запад, 1996. – 80 с.

203. *Викут, М.А., Зайцев, И.М.* Гражданский процесс России: учебник [Текст] / М.А. Викут, И.М. Зайцев. – М.: Юристъ, 2001. – 384 с.

204. *Виноградов, П.Г.* Очерки по теории права [Текст] / П.Г. Виноградов; под ред. и с биографическим очерком У.Э. Батлера и В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2010. – 162 с.

205. *Витрук, Н.В.* Конституционное правосудие: судебное конституционное право и процесс: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / Н.В. Витрук. – М.: Юрист, 2005. – 527 с.

206. *Витрук, Н.В.* Общая теория юридической ответственности [Текст] / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2009. – 432 с.

207. *Витрук, Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе [Текст] / Н.В. Витрук. – М.: Наука, 1979. – 229 с.

208. *Витрук, Н.В.* Правовой статус личности в СССР [Текст] / Н.В. Витрук. – М.: Юридическая литература, 1995. – 176 с.

209. *Витрук, Н.В.* Статус личности в политической системе общества [Текст] / Н.В. Витрук // Политология: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. –3-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало, 1999. – С.150–171.

210. *Воеводин, Л.Д.* Конституционные права и обязанности советских граждан [Текст] / Л.Д. Воеводин. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1972. – 300 с.

211. *Волгин, Л.Н.* Проблема оптимальности в теоретической кибернетике [Текст] / Л.Н. Волгин. – М.: Советское радио, 1968. – 160 с.

212. *Ворожцов, В.П., Москаленко, А.Т.* Методологические установки ученого: природа и функции [Текст] / В.П. Ворожцов, А.Т. Москаленко. – Новосибирск: Наука, 1986. – 336 с.

213. *Воронов, А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее [Текст] / А.Ф. Воронов. – М.: Издательский Дом «Городец», 2009. – 494 с.

214. *Габов, А. В.* Иски по делам, возникающим из вексельных отношений (о взыскании вексельного долга) [Текст] / А. В. Габов. //Комментарий судебной практики. Выпуск 19. – М.: Контракт, 2014. – С. 14-58.

215. *Гасанов, К.К.* Основные права человека: вопросы неотчуждаемости [Текст] / К.К. Гасанов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 64 с.

216. *Гегель, Г.В.Ф.* Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

217. *Гегель, Г.В.Ф.* Наука логики [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1972. – 152 с.

218. *Гольмстен, А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства [Текст] / А.Х. Гольмстен; под ред. и с предисл. М.К.

Треушникова, Ю.А. Поповой. – Краснодар: Изд-во Краснодарского гос. аграрного ун-та, 2004. – 484 с.

219. *Гредескул, Н.А.* К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права: Социально-юридическое исследование [Текст] / Н.А. Гредескул. Харьков: Тип. А. Дарре, 1900. – 248 с.

220. *Иоффе, О.С., Поссе, Е.А., Потюков, А.Г., Собчак, А.А. и др.* Гражданско-правовая охрана интересов личности [Текст] / О.С. Иоффе [и др.]; отв. ред.: Б.Б. Черепахин. – М.: Юридическая литература, 1969. – 256 с.

221. *Габричидзе, Б.Н., Ким-Кимэн, А.Н., Чернявский, А.Г.* Конституционное право: учебник [Текст] / Б.Н. Габричидзе [и др.]. – М.: Проспект, 2003. – 472 с.

222. *Гревцов, Ю.И.* Правовые отношения и осуществление права [Текст] / Ю.И. Гревцов. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1987. – 127 с.

223. *Грибанов, В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стер. [Текст] / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – 411 с.

224. *Грибанов, В.П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав [Текст] / В.П. Грибанов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – 284 с.

225. *Григорьева, Т.А.* Арбитражная юрисдикция в современной России [Текст] / Т.А. Григорьева. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. – 252 с.

226. *Гримм, Д.Д.* Лекции по догме римского прав [Текст] / Д.Д. Гримм; под ред. и с предисл. В.В. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 496 с.

227. *Гукасян, Р.Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве [Текст] / Р.Е. Гукасян; отв. ред. М.А. Викут. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1970. – 190 с.

228. *Гулиев, Е.В., Рудинский, Ф.М.* Социалистическая демократия и личные права [Текст] / Е.В. Гулиев, Ф.М. Рудинский. – М.: Юридическая литература, 1984. – 192 с.

229. *Гурвич, М.А.* Лекции по советскому гражданскому процессу: пособие [Текст] / М.А. Гурвич; под ред. В.Н. Бельдюгина. – М.: ВЮЗИ, 1950. – 199 с.

230. *Гуреев, В.А.* Проблемы повышения эффективности принудительного исполнения актов юрисдикционных органов в российской федерации [Текст] / В. А. Гуреев ;– М.: Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Российская правовая акад. М-ва юстиции Российской Федерации». 2010. – 84 с.

231. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В.И. Даль. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей,1956. – Т. 1. – 779 с.

232. *Даль, В.И.* Толковый словарь русского языка: современное написание [Текст] / В.И. Даль. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 352 с.

233. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение (для сайта: eKnigi.org), 2011. – 816 с.

234. *Дегтярев, С.Л.* и др. Оптимизация гражданского правосудия России [Текст] / С.Л. Дегтярев [и др.]; предисл В.Ф. Яковлева; под ред. В.В.Яркова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.

235. *Джалилов, Д.Р.* Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты [Текст] / Д.Р. Джалилов. – Душанбе, 1962. – 54 с.

236. *Дудин, А.П.* Диалектика правоотношения [Текст] / А.П. Дудин. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – 121 с.

237. *Елисейкин, П.Ф.* Гражданские процессуальные правоотношения [Текст] / П.Ф. Елисейкин. – Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та, 1975. – 93 с.

238. *Еремина, И.С.* Конституционно-правовой механизм обеспечения прав соотечественников, проживающих за рубежом [Текст] / И.С. Еремина. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточного юридического ин-та МВД России, 2008. – 88 с.

239. *Жеруолис, И.* Сущность советского гражданского процесса [Текст] / И. Жеруолис. – Вильнюс, 1969. – 88 с.

240. *Жилин, Г.А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции [Текст] / Г.А. Жилин. – М.: ООО «Городец-издат», 2000. – 320 с.

241. *Зайцев, И.М.* Процессуальные функции гражданского судопроизводства [Текст] / И.М. Зайцев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – 104 с.

242. *Зейдер, Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу [Текст] / Н.Б. Зейдер. – М.: Юридическая литература, 1966. – 192 с.

243. *Иванова, О.М.* Основания, цели и задачи юридической ответственности [Текст] / О.М. Иванова. – Самара: Изд-во «Самарская гуманитарная академия», 2009. – 171 с.

244. *Иеринг, Р.* Интерес и право [Текст] / Р. Иеринг; пер. А. Борзенко. – Ярославль: Тип. Губ. зем. Управы, 1880. – 300 с.

245. *Иконицкая, И.А.* Проблемы эффективности в земельном праве [Текст] / И.А. Иконицкая; отв. ред. Н.И. Краснов. – М.: Наука, 1979. – 181 с.

246. *Ильин, И.А.* Путь к очевидности [Текст] / И.А. Ильин. – Сер.: «Мыслители XX века». – М.: Республика, 1993. – 432 с.

247. *Иоффе, О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву [Текст] / О.С. Иоффе. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1955. – 310 с.

248. *Иоффе, О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву [Текст] / О.С. Иоффе. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1949. – 143 с.

249. *Иоффе, О.С., Поссе, Е.А., Потюков, А.Г., Собчак, А.А. и др.* Гражданско-правовая охрана интересов личности [Текст] / О.С. Иоффе [и др.]; отв. ред.: Черепахин Б.Б. – М.: Юридическая литература, 1969. – 256 с.

250. *Иоффе, О.С., Шаргородский, М.Д.* Вопросы теории права [Текст] / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Госюриздат, 1961. – 381 с.

251. *Казимирчук, В.П. , Сафаров, Р.А. , Боботов, С.В. и др.* Право и социология / В.П. Казимирчук, Р.А. Сафаров, С.В. Боботов [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Казимирчук. – М.: Наука, 1973. – 359 с.

252. *Кант, И.* Критика чистого разума. Сер. Памятники философской мысли [Текст] / И. Кант. – М.: Наука, 1999. – 655 с.

253. *Карева, М.П., Лукашева, Е.А., Павлов, И.В., Пионтковский, А.А. и др.* Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Некоторые теоретические вопросы [Текст] / М.П. Карева [и др.]; под ред. В.М. Чхиквадзе. – М.: Наука, 1969. – 310 с.

254. *Карташкин, В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве [Текст] / В.А. Карташкин. – М.: Изд-во Института государства и права РАН, 1995. – 132 с.

255. *Карташкин, В.А., Колесова, Н.С., Ларин, А.М., Ледях, И.А. и др.* Общая теория прав человека [Текст] / Карташкин И.А. [и др.]; отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 1996. – 520 с.

256. *Карташов, В.Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. [Текст] / В.Н. Карташов. – Ярославль: Изд-во Ярославского гос. ун-та, 2006. – 544 с.

257. *Карташов, В.Н.* Применение права: учебное пособие [Текст] / В.Н. Карташов. – Ярославль: Изд-во Ярославского ун-та, 1985. – 74 с.

258. *Карташов, В.Н.* Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность [Текст] / В.Н. Карташов; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1989. – 218 с.

259. *Керимов, Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права [Текст] / Д.А. Керимов. – 6-е изд. – М.: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2011. – 560 с.

260. *Керимов, Д.А.* Философские проблемы права [Текст] / Д.А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.

261. *Кечекьян, С.Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе [Текст] / С.Ф. Кечекьян; отв. ред. М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с.

262. Кирсанова, А.В. Правоотношения юридической ответственности [Текст] / А.В. Кирсанова; под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2009. – 175 с.

263. *Кистяковский, Б. А.* Философия и социология права. [Текст] / А.В. Кирсанова. – СПб.: РХГИ, 1999. – 375 с.

264. *Кистяковский, Б.А.* Право и метод. Русская философия права [Текст] / Б.А. Кистяковский; сост. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. – 2-е изд. – СПб.: Алетейя, 1999. – 344 с.

265. *Ковачев, Д.А.* Механизм правотворчества социалистического государства. Вопросы теории [Текст] / Д.А. Ковачев. – М.: Юридическая литература,1977. – 112 с.

266. *Козельский, Я.П.* Философия нравоучительная. Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология [Текст] / Я.П. Козельский; под ред. А.П. Альбова, Д.В. Масленникова. – СПб.: Алтейя, 1997. – 398 с.

267. *Козлов, А.Ф.* Суд первой инстанции как субъект советского гражданского процессуального права [Текст] /А.Ф. Козлов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. – 165 с.

268. *Комаров, И.А., Наконечный, И.Г.* Проблема прав и свобод человека в различных типах правопонимания и в политико-правовой практике современной России [Текст] / И.А. Комаров, И.Г. Наконечный. – М.: Изд-во Общества «Знание», 2001. – 186 с.

269. *Комкова, Г.Н.* Запрет дискриминации в российском и международном праве [Текст] / Г.Н. Комкова; под ред. В.Т. Кабышева. – Саратов: Изд-во Поволжской академии гос. службы им. П.А. Столыпина, 2003. – 219 с.

270. *Комлев, Н.Г.* Словарь иностранных слов [Текст] /Н.Г. Комлев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1308 с.

271. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / под ред. Г.А. Жилина.– М.: Проспект, 2006. – 896 с.

272. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. — СПб: Питер, юридический факультет СПбГУ, 2003 — 160 с.

273. Конституционное право России: учебник для студентов высших учебных заведений / под ред. Е.И. Козлова, О.Е. Кутафина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 587 с.

274. *Коркунов, Н.М.* Лекции по общей теории права. – 9-е изд. [Текст] / Н.М. Коркунов – М.: Н.К. Мартынов, 1909. – 364 с.

275. *Коркунов, Н.М.* Русское государственное право. Т. II: Особенная часть. – 2-е изд., перераб. [Текст] / Н.М. Коркунов. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – 748 с.

276. *Корнуков, В.М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.М. Корнуков. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 179 с.

277. *Косолапов, Р., Марков, В.* Свобода и ответственность [Текст] / Р. Косолапов, В. Марков. – М.: Политическая литература, 1969. – 95 с.

278. *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе [Текст] / Т. Котарбинский. – М.: Экономика, 1975. – 271 с.

279. *Котик, М.А.* Психология и безопасность [Текст] / М.А. Котик. – Таллин: Валгус, 1989. – 440 с.

280. *Красавчикова, Л.О.* Личная жизнь граждан под охраной закона [Текст] / Л.О. Красавчикова. – М.: Юридическая литература, 1983. – 160 с.

281. *Кудрявцев, В.Н.* Право и поведение [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юридическая литература, 1978. – 191 с.

282. *Кудрявцев, В.Н.* Правовое поведение: норма и патология [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 287 с.

283. *Кудрявцев, В.Н. и др.* Эффективность правовых норм [Текст] / В.Н. Кудрявцев [и др.] – М.: Юридическая литература, 1980. – 248 с.

284. *Курилов, В.И.* Личность. Труд. Право [Текст] / В.И. Курилов. – М.: Юридическая литература,1989. – 336 с.

285. *Курис, П.М.* Международные правонарушения и ответственность государства [Текст] / П.М. Курис. – Вильнюс: Минтис, 1973. – 280 с.

286. *Курочкин, С.А.* Частные и публичные начала в цивилистическом процессе [Текст] / С.А. Курочкин; под ред. В.В. Яркова. – М.: Инфотропик Медия, 2012. – 560 с.

287. *Куцова, Э.Ф.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание) [Текст] / Э.Ф. Куцова. – М.: Юридическая литература, 1973. – 200 с.

288. *Кучинский, В.А.* Личность, свобода, право [Текст] / В.А. Кучинский. – М.: Юридическая литература, 1978. – 208 с.

289. *Лазарев, Б.Д.* Административная ответственность [Текст] / Б.Д. Лазарев. – М.: Московский рабочий, 1985. – 77 с.

290. *Лазарев, В.В.* Социально-психологические аспекты применения права [Текст] / В.В. Лазарев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. – 143 с.

291. *Лазарев, В.В*. Применение советского права [Текст] / В.В. Лазарев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 200 с.

292. *Лазарев, В.В.* Эффективность актов (вопросы теории) [Текст] / В.В. Лазарев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1975. – 208 с.

293. *Лапаева, В.В.* Эффективность действия права // Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов [Текст] / В.В. Лапаева; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2001. – 813 с.

294. *Лейст, О.Э.* Санкции в советском праве [Текст] / О.Э. Лейст. – М.: Госюриздат,1962. – 238 с.

295. *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

296. *Лехин, И.В., Петров, Ф.Н.* Словарь иностранных слов [Текст] / И.В. Лехин, Ф.Н. Петров. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1949. – 805 с.

297. *Лившиц, Р.З.* Современная теория права. Краткий очерк [Текст] / Лившиц Р.З.; отв. ред.: Малеин Н.С. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. – 94 с.

298. *Ломовский, В.Д., Фабрициус, Ф.* Права человека и европейская политика [Текст] / В.Д. Ломовский, Ф. Фабрициус. – М: Изд-во Московского ун-та, 1995. – 176 с.

299. *Лукашева, Е.А.* Правовой статус человека и гражданина // Права человека [Текст] / Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 1999. – 573 с.

300. *Лукашева, Е.А.* Социалистическое право и личность [Текст] / Е.А. Лукашева. – М.: Наука, 1979. – 264 с.

301. *Лукашева, Е.А.* Социалистическое правосознание и законность [Текст] / Е.А. Лукашева. – М.: Юридическая литература, 1973. – 344 с.

302. *Лукашева, Е.А.* Эффективность юридических механизмов защиты прав человека: политические, экономические, социально-психологические аспекты [Текст] / Е.А. Лукашева // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. – М.: ИГП РАН, 1994. – 37 с.

303. *Лукич, Р.* Методология права [Текст] / Р. Лукич; под ред. Д.А. Керимова (вступ. ст.); пер. с сербохорватского В.М. Кулистикова. – М.: Прогресс, 1981. – 304 с.

304. *Макарян, Э.С.* Вопросы системного исследования общества [Текст] / Э.С. Макарян. – М.: Знание, 1972. – 56 с.

305. *Малеин, Н.С.* Гражданский закон и права личности [Текст] / Н.С. Малеин. – М.: Юридическая литература, 1981. – 216 с.

306. *Малеин, Н.С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность [Текст] / Н.С. Малеин. – М.: Юридическая литература, 1985. – 182 с.

307. *Малько, А.В.* Стимулы и ограничения в праве [Текст] / А.В. Малько. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та,1994. – 61 с.

308. *Малько, А.В., Шундиков, К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике [Текст] / А.В. Малько, К.В. Шундиков. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2003. – 296 с.

309. *Мальцев, Г.В.* Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы) [Текст] / Г.В. Мальцев. – М.: Юридическая литература, 1968. – 143 с.

310. *Мамай, Е.А*. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника) [Текст] / Е.А. Мамай. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 224 с.

311. *Марочкин, С.Ю.* Эффективность норм международного права: понятие, критерии и условия [Текст] / С.Ю. Марочкин. – Свердловск, 1984. – 191 с.

312. *Мартынчик, Е.Г., Радьков, В.П., Юрченко, В.Е.* Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.Г. Мартынчик [и др.]; под ред. Т.И. Карпова. – Кишинев: Изд-во Штинца, 1982. – 188 с.

313. *Матузов, Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права [Текст] / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972. – 292 с.

314. *Матузов, Н.И.* Правовая система и личность [Текст] / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1987. – 294 с.

315. *Мельников, А.А.* Правовое положение личности в советском гражданском процессе [Текст] / А.А. Мельников, отв. ред. В.С. Тадевосян. – М.: Наука, 1969. – 247 с.

316. *Менглиев, Ш.М.* Зашита имущественных прав граждан [Текст] / Ш.М. Менглиев; отв. ред. В.А. Ойгензихт. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 156 с.

317. *Мейер, Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. [Текст] / Д.И. Мейер. – М.: Статут, 2000. – 420 с.

318. Методологические проблемы социального познания: сборник научных трудов / отв. ред.: *В. Куценко*; АН Украинской ССР, Ин-т философии. – Киев: Наукова думка, 1987. – 209 с.

319. *Мингазов, Л.Х.* Эффективность норм международного права. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. – С. 66–68.

320. *Мордовец, А.С.* Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина [Текст] / А.С. Мордовец. – Саратов: Изд-во СВШ МВД РФ, 1996. – 286 с.

321. *Муздыбаев, К.* Психология ответственности [Текст] / К. Муздыбаев. – Л.: Наука, 1983. – 240 с.

322. *Нерсесянц, В.С.* Общая теория права и государства [Текст] / В.С. Нерсесянц. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 552 с.

323. *Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. [Текст] / В.С. Нерсесянц.– М.: Рос. Право.1992. –352 с.

324. *Нечаева, А.М.* Правонарушения в сфере личных семейных отношений [Текст] / А.М. Нечаева. – М.: Наука, 1991. – 238 с.

325. *Никитинский, В.И.* Эффективность норм трудового права [Текст] / В.И. Никитинский. – М.: Юридическая литература, 1971. – 247 с.

326. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. – М.: Юрист, 2000. – 520 с.

327. Общая теория права. Курс лекций / под ред. Полякова А.В. – С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 642 с.

328. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. – 416 с.

329. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка: слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»; ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. – 1328 с.

330. *Орзих, Н.Ф.* Личность и право. Вопросы теории правового воздействия на личность социалистического общества [Текст] / Н.Ф. Орзих. – Киев; Одесса: Вища школа, 1978. – 144 с.

331. *Осипов, Ю.К.* Подведомственность юридических дел: учебное пособие [Текст] / Ю.К. Осипов. – Свердловск, 1973. – 124 с.

332. Охранительный механизм в правовой системе социализма: межвузовский сборник / под ред. Н.В. Витрука. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1989. – 208 с.

333. *Павлова, Н.В.* Ускоренная судебная защита. Предварительные обеспечительные меры в коммерческом процессе [Текст] / Н.В. Павлова. – М.: Дело, 2005. – 304 с.

334. *Панова, И.В.* Курс административно-процессуального права России [Текст] / И.В. Панова; науч. ред. Э.Н. Ренов. – Саратов: Научная книга, 2003. – 566 с.

335. *Патюлин, В.А.* Государство и личность в СССР [Текст] / В.А. Патюлин. – М.: Наука, 1974. – 144 с.

336. *Пацация, М.Ш.* Процессуальная деятельность проверочных инстанций арбитражного суда. Проблемы эффективности [Текст] / М.Ш. Пацация. – М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2008. – 696 с.

337. *Пеньков, Е.М.* Социальные нормы-регуляторы поведения личности [Текст] / Е.М. Пеньков. – М.: Мысль, 1972. – 198 с.

338. *Передерин, С.В.* Процедурно-процессуальный правовой механизм обеспечения трудовых прав наемных работников [Текст] / С.В. Передерин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. – 404 с.

339. *Петражицкий, Л.И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права [Текст] / Л.И. Петражицкий. – Отдельный оттиск из журнала «Юридический Вестник». – М., 1913 г. – Кн. II.

340. *Петрухин, И.Л.* Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение [Текст] / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1985. – 238 с.

341. *Пиголкин, А.С.* Толкование нормативных актов СССР [Текст] / А.С. Пиголкин. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.

342. *Плахов, В.Д.* Социальные нормы: философские основания общей теории [Текст] / В.Д. Плахов. – М.: Мысль, 1985. – 254 с.

343. *Плахотный, А.Ф.* Свобода и ответственность (социологический аспект) [Текст] / А.Ф. Плахотный. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1972. – 191 с.

344. *Плешанов, А.Г.* Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики [Текст] / А.Г. Плешанов. – М.: Норма, 2002. – 352 с.

345. Политология. Энциклопедический словарь / под ред. Ю.И. Аверьянова. – М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993. – 432 с.

346. *Попов, Л.Л.* Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка [Текст] / Л.Л. Попов. – М.: Норма, 1976. – 212 с.

347. *Попондуполо, В.Ф.* Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность [Текст] / В.Ф. Попондуполо; науч. ред. Н.И. Овчинников. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1985. – 112 с.

348. Права человека и межнациональные отношения / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. – 132 с.

349. Права человека и деятельность органов внутренних дел / под ред. А.С. Мордовца. – Саратов: Изд-во СЮИ МВД РФ, 1994. – 134 с.

350. Права человека накануне XXI века. Российско-американский диалог / отв. ред. Б. Гросс и др. – М.: Прогресс: Культура, 1994. – 416 с.

351. Право и социология / авт. кол. В.П. Казимирчук, Р.А. Сафаров, С.В. Боботов и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук. – М.: Наука, 1973. – 359 с.

352. *Прокопович, Г.А.* Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве (история, теория, практика). – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / Г.А. Прокопович. – СПб.: Изд-во юридического ин-та, 2010. – 302 с.

353. *Пугинский, Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях [Текст] / Б.И. Пугинский. – М.: Юридическая литература, 1984. – 224 с.

354. *Радько, Т.Н., Толстик, В.А.* Функции права [Текст] / Т.Н. Радько, В.А. Толстик. – Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. – 164 с.

355. *Решетов, Ю.С.* Реализация норм советского права. Системный анализ [Текст] / Ю.С. Решетов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 159 с.

356. *Рождественский, А.А.* Теория субъективных публичных прав, критико-систематическое исследование: Основные вопросы теории субъективных публичных прав [Текст] / А.А. Рождественский // Ученые записки Императорского Московского Университета: Отдел юридический. Вып. 42 – М.: Университетская типография, 1913. – 291 с.

357. *Ростовщиков, И.В.* Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел [Текст] / И.В. Ростовщиков. – Волгоград: ВЮИ МВД РФ, 1997. – 188 с.

358. *Ростовщиков, И.В., Усанова, В.А.* Право человека на самозащиту: история и современность [Текст] / И.В. Ростовщиков, В.А. Усанова. – Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2005. – 280 с.

359. *Савельева, Т.А.* Судебная власть в гражданском процессе: учебное пособие [Текст] / Т.А. Савельева; под ред. И.М. Зайцева. – Саратов: Саратовский юридический ин-т, 1997. – 72 с.

360. *Сагатовский, В.Н.* Философские категории: авторский словарь [Текст] / В.Н. Сагатовский. URL: http://www.terme.ru/dictionary/1071/ word/ faktor (дата обращения: 26.09.2013).

361. *Семенов, В.М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства [Текст] / В.М. Семенов. – М.: Юридическая литература, 1982. – 152 с.

362. *Сенякин, И.Н.* Федерализм как принцип российского законодательства [Текст] / И.Н. Сенякин. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 504 с.

363. *Серегина, В.В.* Государственное принуждение по советскому праву [Текст] / В.В. Серегина; науч. ред. И.А. Галаган. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1991. – 120 с.

364. Словарь прав человека и народов / отв. ред. Р.А. Тузмухамедов, В.И. Кузнецов. – М.: Международные отношения, 1993. – 240 с.

365. Советский гражданский процесс/ под ред. М.С. Шакарян. – М.: Юридическая литература, 1985. – 526 с.

366. Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. / гл. редактор А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1600 с.

367. Советское гражданское законодательство: учебник: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., доп. – Т. 1. – М.: Высшая школа, 1985. – 544 с.

368. Советское гражданское процессуальное право: учебное пособие / под ред. М.А. Гурвича. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1957. – 370 с.

369. *Соловьев, В.С.* Оправдание добра: нравственная философия [Текст] / В.С. Соловьев. – М.: Республика, 1996. – 479 с.

370. Социалистическая концепция прав человека / отв. ред. В. М. Чхиквадзе, Е.А. Лукашева. – М.: Наука, 1986. – 222 с.

371. *Сперанский, В.И.* Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования [Текст] / В.И. Сперанский. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. – 150 с.

372. *Спиридонов, Л.И.* Теория государства и права [Текст] / Л.И. Спиридонов. – М.: Проспект, 1996. – 304 с.

373. *Стецовский, Ю.И.* Судебная власть [Текст] / Ю.И. Стецовский. – М.: Дело, 1999. – 400 с.

374. *Стремоухов, А.В.* Человек и его правовая защита: Теоретические проблемы [Текст] / А.В. Стремоухов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД РФ, 1996. – 423 с.

375. *Стремоухов, А.В.* Правовая защита человека: Теоретические проблемы [Текст] / А.В. Стремоухов; под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: «Фонд "Университет"», 2003. – 416 с.

376. *Строгович, М.С.* Курс советского уголовного процесса [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 468 с.

377. *Строгович, М.С.* Права личности в социалистическом обществе [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1981. – 285 с.

378. *Строгович, М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 191 с.

379. *Строгович, М.С., Патюлин, В.А., Витрук, Н.В. и др.* Права личности в социалистическом обществе [Текст] / М.С. Строгович [и др.]; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

380. *Суббочев, В.В.* Законные интересы [Текст] / В.В. Субочев; под ред. А.В. Малько. – М.: Норма, 2008. – 496 с.

381. *Сырых, В.М.* Метод правовой науки: основные элементы, структура [Текст] / В.М. Сырых. – М.: Юридическая литература, 1980. – 176 с.

382. *Сырых, В.М.* Социология права [Текст] / В.М. Сырых. – М.: Статут, 2011. – 320 с.

383. *Сырых, В.М.* История и методология юридической науки [Текст] / В.М. Сырых. – М.: Инфра, 2012. – 464 с.

384. *Тараненко, В.Ф.* Принципы диспозитивности и состязательности в советском гражданском процессе: учебное пособие [Текст] / В.Ф. Тараненко; отв. ред. М.С. Шакарян. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1990. – 54с.

385. *Тарановский, О.А.* Обеспечение прав и частных интересов участников уголовного судопроизводства [Текст] / О.А. Тарановский. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 278 с.

386. *Тархов, В.А.* Гражданское право. Общая часть [Текст] / В.А. Тархов. – Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1997. – 331 с.

387. Теория государства и права / под ред. В.П. Малахова, В.Н. Казакова. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 1016 с.

388. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В Малько. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.

389. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. – Харьков: Вища школа, 1985. – 192 с.

390. *Тихонова, Б.Ю.* Субъективные права советских граждан в условиях развитого социализма [Текст] / Б.Ю. Тихонова. – М., 1983.

391. *Толкачев, К.Б., Хабибуллин, А.Г.* Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод [Текст] / К.Б. Толкачев, А.Г. Хабибуллин. – Уфа: Уфимская Высшая школа МВД РСФСР,1991. – 197 с.

392. *Толстой, Ю.К.* К теории правоотношения [Текст] / Ю.К. Толстой. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. – 88 с.

393. *Фабрициус, Фриц.* Права человека и европейская политика [Текст] / Ф. Фабрициус. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1995. – 174 с.

394. *Фарбер, И.Е.* Свобода и права человека в советском государстве [Текст] / И.Е. Фарбер. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974. – 190 с.

395. Философия права в России: история и современность: материалы третьих философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. – М.: Норма, 2009. – 320 с.

396. Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия. – Сер. Энциклопедические словари и справочники, 1960. – Т. 2. – 504 с.

397. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 590 с.

398. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев П.Н. и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

399. *Фокина, М.А.* Теория и практика доказывания в состязательном гражданском судопроизводстве [Текст] / М.А. Фокина. – СПб.: Изд-во ВИПК МВД России, 1999. – 222 с.

400. *Фокина, М.А.* Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы [Текст] / М.А. Фокина. – М.: Новый индекс, 2010. – 624 с.

401. Франк, С.Л. Очерк методологии общественных наук. [Электронная версия] / С.Л. Франк. URL: http://www. fondgp.ru /lib/ journals/vm/1992/1-2/v921fra0 (дата обращения: 22.01.2016)

402. *Халфина, Р.О.* Общее учение о правоотношении [Текст] / Р.О. Халфина. – М.: Юридическая литература, 1974. – 352 с.

403. *Хачатуров, Р.Л., Липинский, Д.А.* Общая теория юридической ответственности [Текст] / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 951 с.

404. *Хессе, К.* Основы конституционного права ФРГ [Текст] / К. Хессе; под ред. Н.А. Сидорова (вступ. ст.); пер. с нем. Е.А. Сидорова. – М.: Юридическая литература, 1981. – 368 с.

405. *Хижняк, В.С.* Право человека на информацию: механизм реализации [Текст] / В.С. Хижняк; под ред. В.Т. Кабышева. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. – 68 с.

406. *Хомяков, А.Н.* Соч.: в 2 т. Т.1: Работы по истории философии [Текст] / А.Н. Хомяков. – М.: Медиум, 1994 (сер. «Из истории отечественной философской мысли») – 591 с.

407. *Цихоцкий, А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам [Текст] / А.В. Цихоцкий. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. – 392 с.

408. *Черданцев, А.Ф.* Толкование советского права [Текст] / А.Ф. Черданцев. – М.: Юридическая литература, 1979. – 168 с.

409. *Чернышов, В.Н., Чернышов, А.В.* Теория систем и системный анализ: учебное пособие [Текст] / В.Н. Чернышов, А.В. Чернышов. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. тех. ун-та, 2008. – 96 с.

410. *Честнов, И.Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности [Текст] / И.Л. Честнов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербур. юридического ин-та. 2000. – 104 с.

411. *Чечина, Н.А.* Гражданские процессуальные отношения [Текст] / Н.А. Чечина. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. – 68 с.

412. *Чечина, Н.А.* Избранные труды по гражданскому процессу [Текст] / Н.А. Чечина. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. – 656 с.

413. *Чечот, Д.М.* Избранные труды по гражданскому процессу [Текст] / Д.М. Чечот. – СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005. – 616 с.

414. *Чечот, Д.М.* Участники гражданского процесса [Текст] / Д.М. Чечот. – М.: Госюриздат, 1960. – 190 с.

415. *Шабуров, А.С.* Поведение людей в правой сфере. Правовое поведение. Правонарушение // Теория государства и права: учебник для

юридических вузов и факультетов / [Текст] А.С. Шабуров; под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Норма – Инфра М, 1997. – 535 с.

416. *Шакарян, М.С.* Субъекты советского гражданского процессуального права [Текст] / М.С. Шакарян. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1970. – 213 с.

417. *Шерстюк, В.М.* Развитие принципов арбитражного процессуального права [Текст] / В.М. Шерстюк. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. – 160 с.

418. *Шершеневич, Г.Ф.* Общая теория права [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.

419. *Шмелева Г.Г.* Конкретизация юридических норм в правовом регулировании [Текст] / Г.Г. Шмелева. – Львов: Выща школа: Изд-во при Львовском гос. ун-те, 1988. – 106 с.

420. *Штофф, В.А.* Современные проблемы методологии научного познания [Текст] / В.А. Штоф. – Л.: Знание, 1975. – 40 с.

421. *Штофф, В.А.* Моделирование и философия [Текст] / В.А. Штоф. – М.; Л.: Наука, 1966. – 304 с.

422. *Шудра, О.В.* Институт прав человека: международные стандарты //Институт прав человека в России [Текст] / О.В. Шудра. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. – 216 с.

423. *Щеглов, В.Н.* Гражданское процессуальное правоотношение [Текст] / В.Н. Щеглов. – М.: Юридическая литература, 1966. – 168 с.

424. *Эбзеев, Б.С.* Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации [Текст] / Б.С. Эбзеев. – М.: Юридическая литература, 2005. – 576 с.

425. *Экимов, А.И.* Интересы и право в социалистическом обществе [Текст] / А.И. Экимов. – М.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. – 134 с.

426. *Элькинд, П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве [Текст] / П.С. Элькинд. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. – 143 с.

427. Эффективность правовых средств обеспечения качества продукции / под ред. В.П. Грибанова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. – 215 с.

428. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Институт государства и права Академии наук СССР, 1975. – Ч. 1. – 298 с.; Ч. 2. – 230 с.

429. Эффективность применения уголовного закона. – М.: Юридическая литература, 1973. – 207 с.

430. *Юдин, А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве [Текст] / А.В. Юдин. – СПб: Издательский Дом С.-Петербургского ун-та; Изд-во юридического факультета С.-Петербург-ского ун-та, 2005. – 360 с.

431. *Юдин, А.В.* Гражданское процессуальное правонарушение и ответственность [Текст] / А.В. Юдин. – СПб.: Юридическая книга, 2009. – 624 с.

432. Юридическая энциклопедия. – М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 1997. – 526 с.

433. *Явич, Л.С.* Общая теория права [Текст] / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Лениградского ун-та, 1976. – 285 с.

434. *Явич, Л.С.* Государство и право развитого социализма [Текст] / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. – 472 с.

435. *Ярков, В.В.* Юридические факты в цивилистическом процессе [Текст] / В.В. Ярков. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 608 с.

436. *Ященко, А.С.* Теория феодализма. Опыт синтетической теории права и государства [Текст] / А.С. Ященко.– Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. – 852 с.

Статьи в периодических и научных изданиях

437. *Абдуллин, А.И.* К вопросу о системе международно-правовой охраны результатов творческой деятельности (на примере Европейского

Союза) [Текст] / А.И. Абдуллин // Российский ежегодник международного права. 2000. – СПб., 2000. – С. 272–277.

438. *Абова, Т.Е.* Осуществление правосудия по гражданским делам. Современный этап (тезисы доклада) [Текст] / Т.Е. Абова. URL:http://www. igpran. rupublicevents 02.04.2013 AbovaTE.pdf (дата обращения: 12.06.2013).

439. *Александров, Н.Г.* Социалистические принципы советского права [Текст] / Н.Г. Александров // Советское государство и право. – 1948. – № 11.– С. 16–29.

440. *Александров, С.А.* Содержание, система и развитие уголовно-процессуальных гарантий [Текст] / С.А. Александров // Вопросы криминологии, уголовного права и уголовного процесса. Труды Горьковской высшей школы МВД СССР. – Горький, 1974. – Вып. 2. – С. 92–104.

441. *Алексеев, С.С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация [Текст] / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.

442. *Алискеров, М.А.* Метод гражданского процессуального права [Текст] / М.А. Алискеров // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 78–83.

443. *Анашкин, Г., Петрухин, И.Л.* Эффективность правосудия и судебные ошибки [Текст] / Г. Анашкин, И.Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1968. – № 8. – С. 59–67.

444. *Андрющенко, А.А.* Понятие эффективности и его философский смысл [Текст] / А.А. Андрющенко // Философские и социологические исследования: ученые записки кафедра общественных наук вузов. – Л., 1971. – Вып. II. С. 42–53.

445. *Анохин, В.С.* Эффективность правосудия в сфере экономики: состояние и перспективы улучшения [Текст] / В.С. Анохин // Российская юстиция. – 2010. – № 2. – С. 32–37.

446. *Анохин, Ю.В.* О формах обеспечения прав и свобод личности [Текст] / Ю.В. Анохин // Ползуновский вестник. – 2005. – № 1. – С. 257–262.

447. *Анохин, Ю.В.* Об общих основах механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности [Текст] / Ю.В. Анохин // Ползуновский вестник. – 2005. – № 1. – С. 250–256.

448. *Ардашкин, В.Д.* Меры защиты как общеправовая научная категория [Текст] / В.Д. Ардашкин // Актуальные проблемы теории социалистического государства. – М., 1974. – С. 162–166.

449. *Ардашкин, В.Д.* О принуждении по советскому праву [Текст] / В.Д. Ардашкин // Советское государство и право. – 1970. – № 7. –С. 33–39.

450. *Афанасьев, С.Ф.* Право быть выслушанным в суде сквозь призму Постановлений Европейского суда по правам человека [Текст] / С.Ф. Афанасьев // Правовая политики и правовая жизнь. – 2012. – № 4. – С. 65–70.

451. *Афанасьев, С.Ф.* Судебно-правовая политика в сфере гражданского судопроизводства [Текст] / С.Ф. Афанасьев // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М., 2003. – С. 452–265.

452. *Братусь, С.Н.* О пределах осуществления гражданских прав [Текст] / С.Н. Братусь // Правоведение. – 1967. – № 3. – С. 79–86.

453. *Бутнев, В.В.* Конституционное право на судебную защиту и гражданское судопроизводство [Текст] / В.В. Бутнев // Судебная реформа 1864 года. Реализация и защита прав человека в современной правовой системе: научно-практическая конференция: сборник статей. – Ярославль: Ярославский ун-т, 2014. – С. 68–79.

454. *Вавилин, Е.В.* Понятие и механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей [Текст] / Е.В. Вавилин // Журнал российского права. – 2004. – № 5 – С. 35–43.

455. Вамбьер, Т. Основные черты бразильского гражданского процесса. Национальный доклад [Текст] / Т. Вамбьер // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.): сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина;

Международная ассоциация процессуального права. – М.: Статут, 2012. – С. 192–202.

456. *Варламова, Н.В.* Интегративная юриспруденция и «чистое» учение о праве [Текст] / Н. В. Варламова // Труды МГЮА: Сборник статей. – № 10. – М., 2003. – С. 147.

457. *Венгеров, А.Б., Никитинский, В.И., Самощенко, И.С.* К изучению эффективности действующего законодательства [Текст] / А.Б. Венгеров [и др.] // Правоведение. – 1971. – № 4. – С. 21–29.

458. *Викут, М.А.* Иск как элемент права на судебную защиту, его юридическая природа и обоснование [Текст] / М.П. Викут // Вопросы теории и практики гражданского процесса. – Саратов, 1976. – Вып. 1. –С. 55–61.

459. *Витрук, Н.В.* Правовой модус личности: содержание и виды [Текст] / Н.В. Витрук // Проблемы государства и права: труды научных сотрудников и аспирантов. – М., 1974. – Вып. 9. – С. 43–50.

460. *Витрук, Н.В.* Статус личности в политической системе общества [Текст] / Н.В. Витрук // Политология: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. –3-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало, 1999. – С. 150–171.

461. *Власов, А.А.* Проблемы обеспечения законности по ГПК и АПК РФ 2002 г. [Текст] / А.А. Власов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2003. – № 6. – С. 27–35.

462. *Вопленко, Н.Н.* Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм [Текст] / Н.Н. Вопленко // Вопросы теории государства и права: сборник статей. – Саратов: Изд-во Саратовского юридического ин.-та. – 1971. – Вып. 2. – С. 166–168.

463. *Воробьев, М.К.* О природе иска и роли его в защите гражданских прав [Текст] / М.К. Воробьев // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1978. – Вып. 3. – С. 118–134.

464. *Фронковская Славомира.* О дефинировании субъективных прав [Текст] / С. Фронковская // Panstvo и prawo. – 1971. – № 1. – С. 3–5.

465. *Глазкова, М.Е., Горохов, Д.Б.* Организация правового мониторинга в субъекте Российской Федерации: рекомендации по совершенствованию (на примере города Москва) [Текст] / М.Е. Глазкова, Д.Б. Горохов // Журнал российского права. – М.: Норма, 2009. – № 1. – С. 42–55.

466. *Григорьева, Т.А.* Проблемы арбитражной процессуальной правосубъектности участников производства по групповому иску [Текст] / Т.А. Григорьева // Право. Законодательство. Личность. – 2011. – № 3 (13). – С. 97–100.

467. *Григорян, Л.А.* Конституция СССР – правовая основа организации и деятельности органов внутренних дел [Текст] / Л.А. Григорян // Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел: труды Академии МВД СССР. – М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1982. – С. 3–18.

468. *Громошина, Н.А.* Кодекс административного судопроизводства: оценка перспектив [Текст] / Н.А. Громошина // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 3. – С. 47-57.

469. *Громошина, Н.А* К вопросу об объединении высших судов и кодексе административного судопроизводства [Текст] / Н.А. Громошина // Российская юстиция. – 2014. – № 1. – С. 42-44.

470. *Гурвич, М.А*. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса [Текст] / М.А. Гурвич // Ученые записки: ученые записки ВИЮН. – М.: Госюриздат,1955. – Вып. 4. – С. 28–59.

471. *Гуреев, В.А.* Административно-исполнительная деятельность федеральной службы судебных приставов - новая правовая категория [Текст] В.А. Гуреев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 5. – С.17–28.

472. *Дегтярев, С.Л.* Цели и задачи судебной власти на современном этапе [Текст] / С.Л. Дегтярев // Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 99–108.

473. *Дегтярев, С.Л.* Природа процессуальных прав и обязанностей участников гражданского судопроизводства [Текст] / С.Л. Дегтярев // Российский судья. – 2007. – № 2. – С. 7–9.

474. *Добровольский, А.А.* Право на иск и право на удовлетворение иска [Текст] / А.А. Добровольский // Вопросы развития и защиты прав граждан и социалистических организаций. – Калинин: Калининский ун-т, 1978. – С. 57–65.

475. *Жилин, Г.А.* Конституционные основы правосудия по гражданским делам и его эффективность [Текст] / Г.А. Жилин // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2011. – С. 272–282.

476. *Захаров, Т.В.* Государство как субъект международной защиты прав человека [Текст] / Т.В. Захаров // Международно-правовые способы защиты прав человека: сборник научных статей / под ред. Н.А. Баринова, Т.М. Пряхиной. Серия «Права человека: сферы реализации». – Саратов, 2003. – Вып. 3. –С. 126–146.

477. *Зиновьев, А.В.* Конституционное право России: проблемы теории и практики [Текст] / А.В. Зиновьев // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ и 60-летию Всеобщей декларации прав человека (г. Санкт-Петербург, 13–14 ноября 2008 г.) / отв. ред. В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2009. – С.166–177.

478. *Зорькин, В.Д.* О путях повышения эффективности правосудия [Текст] / В.Д. Зорькин // Роль права в обеспечении национальных интересов: материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 25 октября 2005 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

479. *Иванов, А.А.* Качество законов и деятельность арбитражных судов [Текст] / А.А. Иванов // Выступление на заседании ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при

Правительстве Российской Федерации 16 марта 2005 г. URL: http://www.lawmix.ru/comm /1414/ (дата обращения: 03.04.2009).

480. *Келин, Вальтер.* Административные процедуры [Текст] / В. Келин // Роль административной юстиции в защите прав человека: сборник по материалам международного экспертного семинара (14–15 декабря 2009 г.) – М.: Права человека, 2010.

481. *Кожухарь, А.Н.* К вопросу о понятии защиты гражданских прав и права на судебную защиту [Текст] / А.Н. Кожухарь // Вопросы развития теории гражданского процессуального права. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. – С. 23–33.

482. *Корешкова, И.Н.* Гарантии основных прав и свобод граждан СССР в текущем законодательстве [Текст] / И.Н. Корешкова // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 11, Право. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. – № 6. – С. 41–46.

483. *Коста, Ж.-П.* Роль национальных властей, в частности судебных, и будущее охраны прав человека в Европе [Текст] / Ж.-П. Коста // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 1. – С. 115–123.

484. *Крашенников, Е.А.* Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль: Ярославский ун-т, 1977. – 213 с.

485. *Кудрявцев, В.Н.* Проблемы эффективности права в развитом социалистическом обществе [Текст] / В.Н. Кудрявцев // Проблема государства и права. – М.: ИГПАН, 1974. – Вып. 9. – С. 17–25.

486. *Кузбагаров, А.Н.* Государственное принуждение в доказывании при осуществлении правосудия по гражданским делам [Текст] / А.Н. Кузбаров // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004. – С. 381–386.

487. *Куприянович, Н.В.* Критерии эффективности деятельности мировых судей [Текст] / Н.В. Куприянович // Мировой судья. – 2006. – № 1. – С. 2–6.

488. *Курочкин, С.А.* Об эффективности норм гражданского процессуального права [Текст] / С.А. Курочкин // Журнал российского права. – 2012. – № 4. – С. 24–32.

489. *Кьяра, Бессо.* Основные черты итальянского гражданского процесса: романо-германские, англосаксонские, самобытные [Текст] / Б. Кьяра // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.): сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина; Международная ассоциация процессуального права. – М.: Статут, 2012. – С. 324–334.

490. *Лебедев, М.П.* Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения [Текст] / М.П. Лебедев // Советское государство и право. – 1963. – №1. – С. 22–31.

491. *Липинский, Д.А.* Позитивная ответственность: за и против [Текст] / Д.А. Липинский // Право и политика. – М.: Nota Bene, 2005. – № 11. – С. 9–18.

492. *Ломовский, В.Д. Фабрициус, Ф.* Права человека и европейская политика. [Текст] / В.Д. Ломовский, Ф. Фабрициус // Государство и право. – 1995. – № 12. – С. 150–152.

493. *Лукашева, Е.А.* Межнациональные конфликты и права человека [Текст] / Е.А. Лукашева // Права человека и межнациональные отношения / отв. ред. Е.А. Лукашева – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. – С. 44–64.

494. *Малешин, Д.Я.* Правовая культура как критерий типологизации гражданских процессуальных систем [Текст] / Д.Я. Малешин // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.): сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2012. – С. 279–297.

495. *Малько, А.В.* Стимулы и ограничения как парные юридические категории [Текст] / А.В. Малько // Правоведение. – 1995. – № 1. – С. 3–13.

496. *Малько, А.В.* Механизмы правового регулирования [Текст] / А.В. Малько // Правоведение. – 1996. – № 3 (214). – С. 54–56.

497. *Маркова, Н.Л.* Обеспечение судопроизводства в арбитражных судах в разумные сроки [Текст] / Н.Л. Маркова // Юрист. – 2010. № 6. – С. 50–53.

498. *Маркус, Ричардс.* Национальный доклад [Текст] / Р. Маркус // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.): сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2012. – С. 268–279.

499. *Матузов, Н.И.* Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания [Текст] / Н.И. Матузов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2006. – № 3. – С. 6–16.

500. *Морозова, Л.А.* Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву [Текст] / Л.А. Морозова // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 39–70.

501. *Мартынчик, Е.Г.* Субъективные права и их процессуальные гарантии [Текст] / Е.Г. Мартынчик // Советское государство и право. – 1976. – № 7. – С. 87–93.

502. *Медведев, И.Р.* Гражданская процессуальная ответственность: некоторые проблемы [Текст] / И.Р. Медведев // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 134–141.

503. *Мозолин, В.П.* О гражданско-процессуальном отношении [Текст] / В.П. Мозолин // Советское государство и право. – 1955. – № 6. – С. 50–57.

504. *Мурадьян, Э.С.* Взаимосвязь правосудия и законности [Текст] / Э.С. Мурадьян // Советская юстиция. – 1985. – № 17. – С. 14–15.

505. *Ноздрачев, А.Ф.* Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами Союза ССР [Текст] / А.Ф. Ноздрачев // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1968. – Вып. 2.

506. *Нохрин, Д.Г.* Меры защиты в гражданском процессуальном праве [Текст] / Д.Г. Нохрин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 10. – С. 4–8.

507. *Нохрин, Д.Г.* Формы государственного принуждения в гражданском судопроизводстве [Текст] / Д.Г. Нохрин // Вестник Московского ун-та. – Сер. 11, Право. – 2005. – № 4. С. 65–77.

508. *Орловский, Ю.П.* Организационно-правовые средства подготовки и закрепления кадров на промышленных предприятиях [Текст] / Ю.П. Орловский // Советское государство и право. – 1965. – № 12. – С. 21–29.

509. *Палеха, Р.А.* Интегративные концепции правопонимания современной российской юридической науки [Текст] / Р.А. Палеха // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 3. – С. 74–79.

510. *Патюлин, В.А.* Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации [Текст] / В.А. Патюлин // Советское государство и право. – 1971. – № 6. – С. 24–32.

511. *Пашков, А.С., Чечот, Д.М.* Эффективность правового регулирования и методы ее выявления [Текст] / А.С. Пашков, Д.М. Чечот // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3–11.

512. *Петров, В.В.* Экологический кодекс России (к принятию Верховным Советом РФ Закона «Об охране окружающей природной среды») [Текст] / В.В. Петров // Вестник Московского гос. ун-та. – Сер., Право. – 1993. – № 3. – С. 3–13.

513. *Петрухин, И.Л.* Социологический метод исследования эффективности правосудия [Текст] / И.Л. Петрухин // Советская юстиция. – 1971. – № 4. – С. 10–11.

514. *Петрухин, И.Л.* Уголовно-процессуальная ответственность [Текст] / И.Л. Петрухин // Правоведение. – 1984. – № 3. – С. 61–68.

515. *Петрухин, И.Л.* Уголовно-процессуальное принуждение и свобода личности [Текст] / И.Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1984. – № 4. – С. 77–84.

516. *Полевин, С.М.* Эффективность права и законодательство о разводах [Текст] / С.М. Полевин // Правоведение. – 1971. – № 3. – С. 96–104.

517. *Поляков, А. В.* В поисках интегрального типа правопонимания [Текст] / А.В. Поляков // История государства и права. –2003. –№ 6. – С. 7-8.

518. *Попова, Ю.А.* Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) [Текст] / Ю.А. Попова // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 2. – С. 10–36.

519. *Попова, Ю.А.* Гражданская процессуальная форма – гарантия эффективности правосудия по гражданским делам [Текст] / Ю.А. Попова // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: материалы всероссийской научно-практической конференции. – М.: ЛИДЖИСТ, 2001. – С. 193–204.

520. *Пряхина, Т.М.* Понятие конституционности и реализации Основного Закона [Текст] / Т.М. Пряхина // Реализация Конституции России: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 1994. – С. 65–68.

521. *Рабинович, П.М., Шмелева, Г.Г.* Конкретизация правовых норм (общетеоретические проблемы) [Текст] / П.М. Рабинович, Г.Г. Шмелева // Правоведение. – 1985. – № 6. – С. 31–39.

522. *Решетникова, И.В.* Теория процессуального риска [Текст] / И.В. Решетникова // Закон. – 2012. – № 6. – С. 117–122.

523. *Решетов, Ю.А.* Возбуждение национальной вражды в контексте международного права, зарубежной и российской судебной практики [Текст] / Ю.А. Решетов // Московский журнал международного права. – 1992. – № 3. – С. 19–32.

524. Ринг, М.П. К вопросу о гражданских процессуальных правоотношениях [Текст] / М.П. Ринг // Ученые записки ВИЮН. – М., 1963. – Вып. 16. – С. 46–74.

525. *Салыгин, Е.Н.* Моделирование в праве: проблемы и перспективы [Текст] / Е.Н. Салыгин // Право. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – № 3. – С. 12-35.

526. *Самощенко, И.С., Никитинский, В.И.* Изучение эффективности действующего законодательства [Текст] / И.С. Самощенко, В.И. Никитинский // Советское государство и право. – 1969. – № 8. – С. 3–11.

527. *Сапун, В.А.* Инструментальная теория права в юридической науке [Текст] / В.А. Сапун // Современное государство и право. Вопросы теории и истории: сборник научных трудов. – Владивосток, 1992. – С. 17–30.

528. *Сенякин, И.Н.* Федерализм и развитие российского законодательства [Текст] / И.Н. Сенякин // Правоведение. – 1996. – № 3 (214). – С. 47–53.

529. *Синюков, В.Н.* К обновлению методологии юридической науки [Текст] / В.Н. Синюков // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузов и А.В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С.32-33.

530. *Синюкова, Т.В.* Юридические гарантии как метод регулирования правового положения личности [Текст] / Т.В. Синюкова // Вопросы теории государства и права: Актуальные проблемы социалистического государства и права, законности и правопорядка: межвузовский научный сборник. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. – Вып. 7. – С. 131–138.

531. *Собчак, А.А.* О некоторых общих вопросах общей теории правовой ответственности [Текст] / А.А. Собчак // Правоведение. – 1968. – № 3. – С. 49–57.

532. *Соловых, С.Ж.* К понятию процессуальных гарантий в праве [Текст] / С.Ж. Соловых // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 1. – С. 11–13.

533. *Тихомиров, Ю.А., Павлушкин, А.В., Горохов, Д.Б., Чеснокова, М.Д., Черепанова, Е.В., Глазкова М.Е.* Об организации и проведении правового мониторинга [Текст] / Ю.А. Тихомиров [и др.] // Журнал российского права. –2010. – № 6. – С. 125–136.

534. *Ткачев, Н.И.* Понятие принципов гражданского процессуального права (общеметодологические проблемы) [Текст] / Н.И. Ткачев // Вестник Саратовской гос. академии права. – 1998. – № 1. – С. 21–34.

535. *Трофимова, М.П.* К вопросу о понятии функций юридической ответственности [Текст] / М.П. Трофимова // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». – Тольятти, 1999. – № 3. – С. 105–108.

536. *Фарбер, И.Е.* Конституционное обеспечение прав советского человека [Текст] / И.Е. Фарбер // Конституция СССР и правовое положение личности. – М., 1979. – С. 75–81.

537. *Фронковская С.* О дефинировании субъективных прав [Текст] / С. Фронковская // Panstvo и prawo. – 1971. – № 1. – С. 3–5.

538. *Черданцев, А.Ф.* Правовое регулирование и конкретизация права [Текст] / А.Ф. Черданцев // Применение советского права: сборник ученых трудов. – Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1974. – Вып. 30. – С. 15–37.

539. *Честнов, И.Л.* Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна [Текст] / И.Л. Честнов // Правоведение. 2001. – № 3. – С. 50

540. *Чечина, Н.А.* Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление [Текст] / Н.А. Чечина // Правоведение. 1960. – № 3. – С. 78–83

541. *Чечина, Н.А.* Судебная защита и конституционные принципы гражданского процессуального права [Текст] / Н.А. Чечина // Проблемы соотношения материального и процессуального права: труды ВЮЗИ / отв. ред. М.С. Шакарян. – М., 1980. – С. 38–50.

542. *Чуфаровский, Ю.В.* Юридическая деятельность: понятие и структура, ее ценность и значимость [Текст] / Ю.В. Чуфаровский // Юрист. – 1999. – № 4. – С. 13–18.

543. *Шварц, М.З.* Обеспечение доказательств – новый способ собирания доказательств в арбитражном процессе? [Текст] / З.М. Шварц // Арбитражные споры. – 2009. – № 2 (46). – С. 153–162.

544. *Шевченко, Я.Н.* Средства защиты в гражданском праве [Текст] /Я.Н. Шевченко // Советское государство и право. – 1977. – №7. – С. 55–62.

545. *Шерстюк, В.М.* Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы о совершенствовании арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства [Текст] / В.М. Шерстюк // Концепция развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: сборник научных статей. – Краснодар; СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – С. 12–26.

546. *Шерстюк, В.М*. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права [Текст] / В.М. Шерстюк // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: сборник научных статей. – Краснодар: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 84–91.

547. *Шмаров, И.В.* Критерии и показатели эффективности наказаний [Текст] / И.В. Шмаров // Советское государство и право. – 1968. – № 6. – С. 7–15.

548. *Шафиров, В.М.* Право в человеческом измерении [Текст] / В.М. Шафиров // Правоведение. – 2004. – № 3. – С. 198–213.

549. *Эбзеев, Б.С.* Конкретизация и актуализация норм Конституции Российской Федерации как условие и гарантия осуществления прав и обязанностей человека и гражданина [Текст] / Б.С. Эбзеев // Российское правосудие. – 2008. – № 3 (23). – С. 4–17.

550. *Элькинд, П.С.* Правоотношения в советском уголовном процессе [Текст] / П.С. Элькинд // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Сер. «Экономика, философия и право». – 1959. – Вып. 1. – № 5. – С. 93–105.

551. *Ягофаров, Д., Ягофарова, И.* Три концепции соотношения государства и личности в контексте проблемы прав человека [Текст] / Д. Ягофаров, И. Ягофарова // Академический юридический журнал. – Иркутск, 2001. – № 3. – С. 16–21.

552. *Ярков, В.В.* Развитие российской судебной системы в ближайшей и отдаленной перспективе (краткие тезисы) [Текст] / В.В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 8. – С. 58–64.

553. *Ярков, В.В.* Гармонизация гражданского процессуального права в странах Евразии сквозь призму развития гражданского судопроизводства на постсоветском пространстве [Текст] / В.В. Ярков // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права (г. Москва, 18–21 сентября 2012 г.): сборник докладов / под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2012. – С. 397–428.

554. *Ярков, В.В.* Будущее системы гражданской юрисдикции: попытка прогноза в начале XXI века [Текст] / В.В. Ярков // Правоведение. 2001. – № 1. – С. 165–185.

555. *Ярков, В.В.* Российский цивилистический процесс XXI века: основные достижения и перспективы развития [Текст] / В.В. Ярков // Правовые формы интеграционных процессов в современном мире: реальность и перспективы: доклады исполнительного комитета к Шестой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса. – Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия, 2012. – С. 57–64.

556. Ярков, В.В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы [Текст] / В.В. Ярков // Вестник гражданского процесса. – 2011. – № 1. – С. 17–53.

Диссертации, авторефераты диссертаций

557. *Абознова, О.В.* Суд в механизме реализации права на судебную защиту в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / О.В. Абознова. – Екатеринбург, 2006. – 28 с.

558. *Аболонин, В.О.* Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии : дис. …канд. юрид. наук [Текст] / В.О. Аболонин. – Екатеринбург, 2008. – 27 с.

559. *Авдеев, Д.А.* Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации : автореф. дис ... канд. юрид. наук [Текст] / Д.А. Авдеев. – Тюмень. 2004. – 25 с.

560. *Авдеенко, Н.И.* Иск и его виды в советском гражданском процессуальном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Н.И. Авдеенко. – Л., 1951. – 21 с.

561. *Аврутин, Ю.Е.* Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Ю.Е. Аврутин. – СПб., 1998. – 46 с.

562. *Алексеев, С.Н.* Эффективность институционально-правового механизма обеспечения правопорядка : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] /С.Н. Алексеев. – Н. Новогород, 2011. – 34 с.

563. *Андреева, О.И.* Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / О.И. Андреева. – Томск, 2007. – 48 с.

564. *Анохин, Ю.В.* Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Ю.В. Анохин. – Саратов, 2007. – 50 с.

565. *Ардашкин, В.Д.* Меры защиты (пресечения) в советском административном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.Д. Ардашкин. – Томск, 1968. – 17 с.

566. *Афанасьев, С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / С.Ф. Афанасьев. – Саратов, 2010. – 65 с.

567. *Бабаков, В.А.* Гражданская процессуальная обязанность : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.А. Бабаков. – Саратов, 1999. – 187 с.

568. *Багдасарян, В.Х.* Причина и цель : автореф. дис. … канд. филос. наук [Текст] / В.Х. Багдасарян. – Ереван, 1967. – 21 с.

569. *Базылев, Б.Т.* Государственное принуждение и правовые формы его осуществления в советском обществе : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Б.Т. Базылев. – Киев, 1968. – 322 с.

570. *Банников, Г.Н.* Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации: общетеоретический аспект : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Г.Н. Банников. – Саратов, 2006. – 230 с.

571. *Барышникова И.В.* Интегративный подход к исследованиям Я-концепции личности в отечественной психологии : автореф. дисс. … канд.психол.наук. [Текст] / И.В. Барышникова. – М., 1999. – 24 с.

572. *Безруков, А.С.* Правовая модель как инструмент юридической науки и практики : автореф. дис... канд. юрид. наук. [Текст] А.С. Безруков. – Владимир, 2008. – 23 с.

573. *Белецкая, Л.И.* Свобода и ответственность : автореф. дис. … канд. филос. наук [Текст] / Л.И. Белецкая. – Саратов, 1972. – 26 с.

574. *Бонк, Е.Л.* Общественное мнение эффективность права : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.Л. Бонк. – М., 1981. – 215 с.

575. *Босхомджиева, Г.Г.* Конституционно-правовой механизм обеспечения личных прав и свобод человека и гражданина в субъектах

Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Г.Г. Босхомджиева. – Саратов, 2007. – 22 с.

576. *Бутылин, В.Н.* Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.Н. Бутылин. – М., 2001. – 459 с.

577. *Вавилин, Е.В.* Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Е.В. Вавилин. – М., 2009. – 54 с.

578. *Валеев, Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Д.Х. Валеев. – Екатеринбург, 2009. – 52 с.

579. *Викут, М.А.* Проблемы правового регулирования процессуального положения и деятельности сторон в советском гражданском судопроизводстве : автореф. … дис. д-ра юрид. наук [Текст] / М.А. Викут. – Свердловск, 1971. – 34 с.

580. *Волков, А.В.* Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.В. Волков. – М., 2010. – 48 с.

581. *Володина, Л.М.* Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Л.М. Володина. – Екатеринбург, 1999. – 323 с.

582. *Гвоздева, О.М.* Конституционные основы обеспечения реализации социально-экономических прав граждан на уровне субъекта Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / О.М. Гвоздева. – Омск, 2008. – 271 с.

583. *Гладышева, О.В.* Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / О.В. Гладышева. – М., 2013. – 64 с.

584. *Гошуляк, В.В.* Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.В. Гошуляк. – М., 2000. – 45 с.

585. *Грель, Я.В.* Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Я.В. Грель. – Новосибирск, 2006. – 207 с.

586. *Громошина, Н.А.* Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : дис. … докт. юрид. наук [Текст] / Н.А. Громошина. – М., 2010. – 409 с.

587. *Грось, Л.А.* Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право: научно-практические проблемы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Л.А. Грось. – М., 1999. – 60 с.

588. *Губенок, И.В.* Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права (проблемы теории и практики) : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / И.В. Губенок. – Н. Новгород, 2007. – 26 с.

589. *Дегтярев, С.Л.* Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / С.Л. Дегтярев. – Екатеринбург, 2008. – 48 с.

590. *Демидов, А.С.* Право и общественное мнение: вопросы теории : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.С. Демидов. – Саратов, 2008. – 32 с.

591. *Дерюгина, Т.В.* Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Т.В. Дерюгина. – Волгоград, 2010. – 38 с.

592. *Дятлов, Ю.А.* Правореализующий риск (проблемы теории и практики) : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Ю.А. Дятлов. – Владимир, 2006. – 35 с.

593. *Евдеева, Н.В.* Интегративные теории правопонимания в современной России : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Н.В. Евдеева. – Н. Новгород, 2005. – 187 с.

594. *Евдокимов, С.В.* Правовосстановительные меры в российском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.В. Евдокимов. – Н. Новгород, 1999. – 30 с.

595. *Егорова, О.В.* Сущность гражданской процессуальной формы : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / О.В. Егорова. – СПб., 2001. – 187 с.

596. *Ермаков, А.Н.* Меры защиты в арбитражном процессуальном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.Н. Ермаков. – Саратов, 2002. – 21 с.

597. *Жевак, И.Н.* Влияние качества законодательства на процессуальную деятельность арбитражных судов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Н. Жевак. – Саратов, 2010. – 22 с.

598. *Жинкин, С.А.* Эффективность права : антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / С.А. Жинкин. – Краснодар, 2009. – 41 с.

599. *Жуйков, В.М.* Теоретические и практические проблемы конституционного права на судебную защиту : автореф. дис. … д-ра юрид. наук в форме научного доклада [Текст] / В.М. Жуйков. – М., 1997. – 44 с.

600. *Загайнова, С.К.* Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / С.К. Загайнова. – Екатеринбург, 2008. – 50 с.

601. *Звягинцева, Л.М.* Меры защиты в советском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Л.М. Звягинцева. – Свердловск, 1980. – 15 с.

602. *Иванов, С.В.* Модернизация правосознания и правовой культуры общества в современной России (политико-правовые аспекты) : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.В. Иванов. – М., 2008. – 25 с.

603. *Игнатенкова, К.Е.* Дозволение как способ правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / К.Е. Игнатенкова. – Саратов, 2006. – 229 с.

604. *Илларионова, Т.И.* Система гражданско-правовых охранительных мер : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Т.И. Илларионова. – Свердловск, 1985. – 417 с.

605. *Казулин, А.И.* Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.И. Казулин. – Свердловск, 1986. – 16 с.

606. *Капинус, Н.И.* Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : автореф. … д-ра юрид. наук [Текст] / Н.И. Капинус. – М., 2001. – 56 с.

607. *Карташов, В.* Юридическая деятельность: проблема теории и методологии : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В. Карташов. – М., 1990. – 414 с.

608. *Кожевников, С.Н.* Меры защиты в советском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.Н. Кожевников. – Свердловск, 1968. – 19 с.

609. *Комаров, В.В.* Метод правового регулирования гражданских процессуальных отношений : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Комаров. – Харьков, 1980. –16 с.

610. *Корешкова, И.Н.* Конституционные права и свободы советских граждан и их развитие в текущем законодательстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / И.Н. Корешкова. – М., 1981. – 23 с.

611. *Корнуков, В.М.* Теоретические и правовые основы положения личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.М. Корнуков. – Харьков, 1987. – 35 с.

612. *Кофман, В.И.* Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.И. Кофман. – М., 1961. – 21 с.

613. *Кузнецов, Н.В.* Санкции в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / Н.В. Кузнецов. Саратов, 1981. – 18 с.

614. *Кукель, В.В.* Реализация конституционных гарантий права потерпевшего на судебную защиту : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Кукель. – М., 2007. – 209 с.

615. *Лазарева, В.А.* Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.А. Лазарева. – М., 2000. – 41 с.

616. *Лысенко, С.Л.* Гарантии прав и свобод личности в советском обществе : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.Л Лысенко. – Киев, 1972. – 18 с.

617. *Маликов, М.Ф.* Процессуальные средства реализации права (Теоретические и методологические проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / М.Ф. Маликов. – Ташкент, 1991. – 57 с.

618. *Мелихов, В.А.* Процессуальная ответственность как особая форма государственного принуждения (теоретико-правовой анализ) : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.А. Мелихов. – Саратов, 2011. – 191 с.

619. *Мингазов, Л.Х.* Эффективность норм международного права: теоретические проблемы : автореф. дис.… д-ра юрид. наук [Текст] / Л.Х. Мингазов. – Казань, 2000. – 41 с.

620. *Мингазов, Л.Х.* Эффективность норм международного права: теоретические проблемы : дис.… д-ра юрид. наук [Текст] / Л.Х. Мингазов. – Казань, 2000. – 468 с.

621. *Мозолин, В.П.* Гражданское процессуальное правоотношение по советскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / В.П. Мозолин. – М., 1954. – 14 с.

622. *Морозова, И.С.* Льготы в российском праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / И.С. Морозова. – Саратов, 1999. – 27 с.

623. *Новик, Ю.И.* Психологические аспекты правового регулирования (теоретическое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Ю.И. Новик. – Минск, 1990. – 428 с.

624. *Новиков, А.Г.* Гражданская процессуальная ответственность : автореф. дис.… канд. юрид. наук [Текст] / А.Г. Новиков. – Саратов, 2002. – 24 с.

625. *Нохрин, Д.Г.* Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Д.Г. Нохрин. – М., 2006. – 29 с.

626. *Нурпеисов, Е.К.* Механизм формирования поведения личности : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.К. Нурпеисов. – М, 1980. – 15 с.

627. *Папулова, З.А.* Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / З.А. Папулова. – Екатеринбург, 2013. – 26 с.

628. *Плюхина, М.А.* Процессуальные средства обеспечения эффективности процессуальной деятельности вышестоящих инстанций : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / М.А. Плюхина. – Екатеринбург, 2002. – 247 с.

629. *Поляков, И.Н.* Принцип диспозитивности в деятельности судебных и общественных юрисдикционных органов, рассматривающих гражданские дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.Н. Поляков. – М., 1977. – 20 с.

630. *Попкова, Е.С.* Юридическая ответственность и ее соотношение с иными формами государственного принуждения : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.С. Попкова. – М., 2011. – 23 с.

631. *Прокопович, Г.А.* Юридическая ответственность в российском праве (теоретический аспект) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Г.А. Прокопович. – М., 2003. – 21 с.

632. *Просандеев, Д.В.* Эффективность правореализационного процесса : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Д.В. Просандеев. – Ростов н/Д, 2004. – 171 с.

633. *Пушкар, Е.Г.* Право на обращение в суд за судебной защитой : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Е.Г. Пушкар. – Львов, 1983. – 386 с.

634. *Розова, М.Ю.* Обращение за судебной защитой по советскому гражданскому процессуальному праву : автореф. … канд. юрид. наук [Текст] / М.Ю. Розова. – Свердловск, 1983. – 12 с.

635. *Ростовщиков, И.В.* Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практики органов внутренних дел : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / И.В. Ростовщиков. – М., 1997. – 40 с.

636. *Ростовщиков, И.В.* Обеспечение и защита прав и свобод личности: вопросы теории и практики органов внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / И.В. Ростовщиков. – М., 1997. – 364 с.

637. *Рудинский, Ф.М.* Теоретические проблемы личных конституционных прав и свобод советских граждан : дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / Ф.М. Рудинский. – Волгоград, 1979. – 395 с.

638. *Самсонова, Л.С.* Применение норм гражданского процессуального права : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Л.С. Самсонова. – Свердловск, 1982. – 19 с.

639. *Семикина, С.А.* Эффективность актов арбитражных судов : автореф…. канд. юрид. наук [Текст] / С.А. Семикина. – Саратов, 2011. – 22 с.

640. *Сенякин, И.Н.* Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / И.Н. Сенякин. – Саратов, 1993. – 371 с.

641. *Серегина, В.В.* Сущность и формы государственного принуждения по советскому праву (общетеоретические проблемы) : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Серегина. – Воронеж, 1987. – 202 с.

642. *Симонова Т.М.* Социологическое исследование социальных проблем : интегративный подход: автореф. дисс. … докт.соц.наук. [Текст] / Т М. Симонова – С.-Петербург, 2010. – 38 с.

643. *Скачкова, О.С.* Процессуальная ответственность: понятие и содержание : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / О.С. Скачкова. – Самара, 2007. – 204 с.

644. *Слесарев, В.Л.* Экономические санкции в советском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / В.Л. Слесарев. – Свердловск, 1990. – 34 с.

645. *Соловых, С.Ж.* Процессуальные гарантии субъективных прав сторон третейского разбирательства при разрешении экономических споров : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.Ж. Соловых. – Саратов, 2005. – 26 с.

646. *Сперанский, В.И.* Социальная ответственность в системе общественных отношений (социальный аспект) : автореф. дис. … канд. философ. наук [Текст] / В.И. Сперанский. – М., 1990. – 39 с.

647. *Струнков, С.К.* Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.К. Струнков. – Саратов, 2003. – 187 с.

648. *Сыскова, Е.Н.* Проблемы совершенствования системы пересмотра судебных актов в гражданском судопроизводстве Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.Н. Сыскова. – М., 2001. – 158 с.

649. *Тараненко, В.Ф.* Принципы арбитражного процесса и влияние советской процессуальной теории на их формирование : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.Ф. Тараненко. – М., 1984. – 45 с.

650. *Тарасов, Н.Н.* Методологические проблемы современного правоведения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Н.Н. Тарасов. – Екатеринбург, 2002. – 46 с.

651. *Терехова, Л.А.* Проблемы повышения эффективности судебной защиты жилищных прав граждан : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Л.А. Терехова. – Омск, 1995. – 196 с.

652. *Тетерина, Т.В.* Проблемы обеспечения имущественных, иных прав и законных интересов потерпевшего в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Т.В. Тетерина. – Н. Новгород, 2004. – 230 с.

653. *Тихонова, Б.Ю.* Субъективные права советских граждан, их охрана и защита : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Б.Ю. Тихонова. – М., 1972. – 22 с.

654. *Токарева, Е.В.* Защита прокурором публичного интереса в гражданском процессе : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Токарева. – СПб., 2014. – 25 с.

655. *Толкачев, К.Б.* Теоретико-методологические основания реализации личных конституционных прав и свобод человека и гражданина : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / К.Б. Толкачев. – СПб., 1998. – 360 с.

656. *Тришина, Е.Г.* Проблемы судебного контроля в гражданском судопроизводстве : автореф. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.Г. Тришина. – Саратов, 2000. – 29 с.

657. *Трофимов, В.В.* Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.В. Трофимов. – СПб., 2011. – 50 с.

658. *Тунгулаг, Г.* Проблема социальной ответственности: философский аспект : автореф. дис. … канд. филос. наук [Текст] / Г. Тунгулаг. – М., 1989. – 20 с.

659. *Турбова, Я.В.* Правосознание в структуре юридической деятельности : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Я.В. Турбова. – СПб., 2000. – 25 с.

660. *Федорова, Л.Н.* Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Л.Н. Федорова. – М., 2007. – 232 с.

661. *Филиппов, П.М.* Проблемы судебной защиты : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / П.М. Филиппов. – Л., 1988. – 26 с.

662. *Филиппов, П.М.* Проблемы теории судебной защиты : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / П.М. Филиппов. – Волгоград, 1988. – 332 с.

663. *Фокина, М.А.* Механизм доказывания по гражданским делам : автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / М.А. Фокина. – М., 2011. – 612 с.

664. *Цихоцкий, А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.В. Цихоцкий. – Новосибирск, 1998. – 612 с.

665. *Чесноков, А.А.* Государственный механизм защиты прав личности в СССР и Российской Федерации (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Чесноков. – Саратов, 2006. – 22 с.

666. *Честнов, И.Л.* Принцип диалога в современной теории права: проблемы правопонимания : дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / И.Л. Честнов. – СПб., 2002. – 224 с.

667. *Чистякова, О.П.* Проблема активности суда в гражданском процессе Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / О.П. Чистякова. – М., 2002. – 195 с.

668. *Швецов, С.Б.* Эффективность правоприменительной деятельности : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.Б. Швецов. – СПб., 2004. – 156 с.

669. *Шилов, А.А.* Государственные гарантии обеспечения личных прав и свобод гражданина Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Шилова. – М., 2003. – 179 с.

670. *Шишкин, А.Г.* Меры юридической ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.Г. Шишкин. – Тамбов, 2009. – 27 с.

671. *Штефан, М.И.* Процессуальные средства, обеспечивающие защиту прав в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук [Текст] / М.И. Штефан. – Киев, 1973. – 59 с.

672. *Юдин, А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : авторерф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.В. Юдин. – СПб., 2009. – 47 с.

Литература на иностранных языках

673. Abuse of Procedural Rights: Comparative Standarts of Procedural Fairness / ed. Taruffo M. 1999. P.109.

674. Act on the Publicity of Administrative Court Proceedings (381/2007)// http:// www.finlex.fi /en/laki/kaannokset/aakkos.php?_offset=220&_max=759. (дата обращения 13.02.2013).

675. *Bruner E.* Questioning the Quality of Alternative Dispute Resulution // Tulane L. Rev., 1975. Vol. 27. P. 937.

676. Luiz Rodrigues Wambier, Eduardo Talamini, Curso Avancado de Processo Civil, 11. ed., Sao Paulo, RT,2010, vol. 1; Luiz Guilherme Marinoni, Sergio Cruz Arenhart, Manual do Processo de Conhecimento: A tutela jurisdictional atraves do processo de conhecimento, 2001.

677. Rapport d'évaluation des Systèmes judiciaires européens de la CEPEJ – Edition 2012 (données 2010) – Les Etudes de la CEPEJ N° 18. URL:http://www.coe.int/t/dghl/cooperation/cepej/evaluation /2012/ Rapport_fr.pdf (дата обращения: 05.09.2013).

678. Контрольный список для управления временем (Checklist показателей для анализа сроков судебного разбирательства в судебной системе) // Принят CEPEJ на 6-м пленарном заседании (7–9 декабря 2005 г.).URL:https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CEPEJ(2005) 12&Ver =Rev& Language=lanFrench&Site=COE&BackColorInternet=eff2fa&Back ColorIntranet=eff2fa&BackColorL ogged=c1cbe6#P48_3572 (дата обращения: 15.08.2013).

Приложение № 1.

Проект норм Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

Редакция статьи 2. Задачи судопроизводства в арбитражных судах

Задачами судопроизводства в арбитражных судах являются:

1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере;

2) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

3) справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом;

4) **обеспечение реализации сторонам своих процессуальных прав;**

5) укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

6) формирование уважительного отношения к закону и суду;

7) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота.

Редакция статьи 6.2. Принцип диспозитивности.

1. Каждое лицо, обратившееся за судебной защитой, вправе распоряжаться своими требования по своему усмотрению, кроме случаев, установленных настоящим Кодексом.
2. Правилами, установленными п. 1 настоящей статьи пользуются и лица, в интересах, которых подано обращение в суд.

3. Суд рассматривает дела в пределах требований, указанных лицам, обратившимися за судебной защитой и не может выходить за пределы указанные в требованиях.

4. Выход за пределы требований возможен только в случаях установленных настоящим Кодексом».

Редакция ч. 4 ст. 21 АПК РФ. Отвод судьи.

4. Отводу по основаниям, предусмотренным п. 1 настоящей статьи, не подлежат судьи, исполняющие судебное поручение об организации сеанса видеоконференцсвязи.

Дополнение ч. 4 ст. 61 АПК РФ.

4. Полномочия других представителей на ведение дела в арбитражном суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с Федеральным законом, а в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом, в ином документе.

Полномочия представителя также могут быть выражены в заявлении представляемого, сделанном в судебном заседании, на что указывается в протоколе судебного заседания. Для дальнейшего участия в следующих судебных заседаниях полномочия представителя должны быть выражены в доверенности».

Изменение п. 2. ч. 1 статьи 82 АПК РФ.

1. Для разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний, суд назначает экспертизу по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле, а также может назначить экспертизу по своей инициативе, если назначение экспертизы предписано законом или предусмотрено договором, необходимо для проверки заявления о фальсификации представленного доказательства или проведения дополнительной либо повторной экспертизы.

Если при рассмотрении дела возникли вопросы, для разъяснения которых требуются специальные знания, и согласно положениям настоящего

Кодекса экспертиза не может быть назначена по инициативе суда, то при отсутствии ходатайства или согласия на назначение экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, суд разъясняет им возможные последствия не заявления такого ходатайства (отсутствия согласия).

В случае, если такое ходатайство не поступило или согласие не было получено, оценка требований и возражений сторон осуществляется судом с учетом положений статьи 65 АПК РФ о бремени доказывания исходя из принципа состязательности, согласно которому риск наступления последствий не совершения соответствующих процессуальных действий несут лица, участвующие в деле».

Изменения в ч. 5 ст. 119 АПК РФ.

5. Арбитражный суд вправе наложить судебный штраф за проявленное неуважение к арбитражному суду на лиц, участвующих в деле, лиц, присутствующих в судебном заседании, а также на иных лиц, в случаях не выполнения требований арбитражного суда, связанных с рассматриваемым делом и нарушающих нормальное развитие судебного дела в разумный срок.

Редакция статьи 126. Документы, прилагаемые к исковому заявлению

К исковому заявлению прилагаются:

1) уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление другим лицам, участвующим в деле, копий искового заявления и приложенных к нему документов, которые у других лиц, участвующих в деле, отсутствуют;

2) документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в установленных порядке и в размере или право на получение льготы по уплате государственной пошлины, либо ходатайство о предоставлении отсрочки, рассрочки, об уменьшении размера государственной пошлины;

3) копии свидетельства о государственной регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя;

4) доверенность или иные документы, подтверждающие полномочия на подписание искового заявления;

5) копии определения арбитражного суда об обеспечении имущественных интересов до предъявления иска;

6) документы, подтверждающие соблюдение истцом претензионного или иного досудебного порядка, за исключением случаев, если его соблюдение не предусмотрено федеральным законом;

7) проект договора, если заявлено требование о понуждении заключить договор;

8) выписка из единого государственного реестра юридических лиц или единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей с указанием сведений о месте нахождения или месте жительства истца и ответчика и (или) приобретении физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя либо прекращении физическим лицом деятельности в качестве индивидуального предпринимателя или иной документ, подтверждающий указанные сведения или отсутствие таковых. Такие документы должны быть получены не ранее чем за тридцать дней до дня обращения истца в арбитражный суд.

2. К исковому заявлению могут быть приложены документы, подтверждающие обстоятельства, на которых истец основывает свои требования;

3. Документы, прилагаемые к исковому заявлению, могут быть представлены в арбитражный суд в электронном виде.

Изменения ч. 3 и 4 ст. 131 АПК РФ. Отзыв на исковое заявление.

3. Отзыв на исковое заявление направляется в арбитражный суд и лицам, участвующим в деле, заказным письмом с уведомлением о вручении в срок, установленный арбитражным судом. О направлении отзыва и сроке, в течение которого лица, участвующие в деле, должны представить отзыв, должно быть указано в определении о принятии искового заявления к производству арбитражного суда.

Отзыв на исковое заявление в арбитражный суд, представленный по истечению срока, указанного в определении о принятии искового заявления арбитражным судом, не принимается.

4. В случае, если в установленный судом срок ответчик не представит отзыв на исковое заявление и доказательства, опровергающие исковые требования, арбитражный суд рассматривает дело по имеющимся в деле доказательствам.

5. В отзыве на исковое заявление указываются:

1) наименование истца, его место нахождения или, если истцом является гражданин, его место жительства;

2) наименование ответчика, его место нахождения или, если ответчиком является гражданин, его место жительства, дата и место рождения, место работы или дата и место государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя;

3) возражения относительно каждого довода, касающегося существа заявленных требований, со ссылкой на законы и иные нормативно-правовые акты, также доказательства, обосновывающие возражения;

4) перечень прилагаемых документов;

5) ходатайство об истребовании доказательств.

Редакция статьи 229 АПК РФ. Решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства.

1. Решение арбитражного суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается немедленно после разбирательства дела и приобщается к делу.

Решение размещается на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее следующего дня после дня ее принятия.

Решения по делам, возникшим из административных и иных публичных правоотношений и рассматриваемым в порядке упрощенного производства,

принимаются арбитражным судом по правилам, предусмотренным статьями 201, 206, 211 и 216 настоящего Кодекса.

2. Решение арбитражного суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, подлежит немедленному исполнению. Указанное решение вступает в законную силу по истечении пятнадцати дней со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба.

Редакция ч. 2 статьи 257 АПК РФ. Право апелляционного обжалования.

2. Апелляционная жалоба подается через принявший решение в первой инстанции арбитражный суд, который обязан направить ее в соответствующий арбитражный суд апелляционной инстанции в трехдневный срок со дня поступления жалобы в суд.

Дело передается в арбитражный суд апелляционной инстанции по истечению срока обжалования, но не позднее 3-х дней.

Редакция ч. 2 статьи 275 АПК РФ. Порядок подачи кассационной жалобы

2. Арбитражный суд, принявший решение, обязан направить кассационную жалобу в соответствующий арбитражный суд кассационной инстанции в трехдневный срок со дня поступления жалобы в суд.

Дело передается в арбитражный суд кассационной инстанции по истечению срока обжалования, но не позднее 3-х дней.

Приложение № 2.

проект

КОНЦЕПЦИЯ

квалифицированной (профессиональной) юридической помощи

Применяемые в тексте Концепции понятия и термины используются в следующих значениях:

1) квалифицированная (профессиональная) юридическая помощь – осуществляемая на постоянной профессиональной основе (возмездная/безвозмездная) деятельность юриста по оказанию правовой помощи неограниченному кругу лиц;

2) квалифицированная (профессиональная) юридическая помощь включает следующие виды:

- правовое консультирование в устной и письменной форме;

- составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;

- представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, установленном действующем законодательством (федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации);

- правовое сопровождение деятельности граждан, юридических лиц, органов государственной власти, иных организаций;

- представительство законных интересов в органах государственного управления, органах управления субъектов РФ, муниципальных органах;

- судебное представительство.

3) субъекты квалифицированной (профессиональной) юридической помощи:

адвокат - лицо, получившее в установленном законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность;

юрист – физическое лицо, получившее высшее юридическое образование в российском юридическом вузе, ведущим образовательную деятельность на основе стандартов высшего профессионального образования в области «юриспруденция» и получивший статус ИП и лицензию, выдаваемую Министерством Юстиции субъекта РФ;

юридическая фирма – юридическое лицо, созданное в соответствии с действующим гражданским законодательством, основным направлением которого является деятельность в области права.

I. Общие положения

Концепция представляет собой систему взглядов и теоретических положений об осуществлении квалифицированной (профессиональной) юридической помощи в Российской Федерации.

Целью концепции является повышение уровня правовой защищенности граждан и юридических лиц посредством создания системы квалифицированной юридической помощи.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

обоснование структуры и содержания квалифицированной юридической помощи;

определение видов и форм оказания квалифицированной юридической помощи;

обеспечение оказания квалифицированной юридической помощи;

повышение доступности квалифицированной юридической помощи;

социальная направленность квалифицированной юридической помощи.

2. Современное состояние квалифицированной юридической помощи в законодательстве Российской Федерации и зарубежном законодательстве

Содержание права на судебную защиту включает в себя такое право как право на квалифицированную юридическую помощь, предусмотренное и закрепленное в ст. 48 Конституции Российской Федерации. Свободное и независимое юридическое сообщество является неотъемлемой частью правового государства.

В основе осуществления квалифицированной юридической помощи лежат принципы, закрепленные в международных нормах - Основных принципах, касающихся роли юристов (1990); Стандарты независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов» (1990); Деонтологический кодекс (Кодекс правил осуществления адвокатской деятельности адвокатов Европейского сообщества) (1988); Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979); Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов (1985); Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (1985); Минимальные стандартные правила Организации Объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985), Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1955); ст. 6 Европейской конвенции, а также Рекомендациях комитета Министров № К(81) 7 о мерах, облегчающих доступ к правосудию; № К(93)1 об эффективном доступе к праву и правосудию для малоимущих; (2001) 3 о предоставлении судебных и других правовых услуг гражданам посредством новых технологий и других принципах и нормах.

В соответствии с п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и

политических правах каждый имеет право на равенство перед судом; «справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Конституции Российской Федерации в ч. 1 ст. 48 провозглашает, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

Право каждого на получение квалифицированной юридической помощи служит гарантией осуществления других закрепленных в Конституции прав и свобод, в частности на защиту своих прав всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), на судебную защиту (ст. 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123), и находится во взаимосвязи с ними (Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П). Это право не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах (Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 № 8-П).

Равенство перед судом включает в себя, в том числе и равный доступ к правосудию, что означает следующее:

1) право на обращение в суд должно быть доступно всем индивидам, независимо от гражданства или отсутствия такового либо их статуса, будь то лица, ищущие убежище, беженцы, рабочие-мигранты, дети без сопровождения;

2) любые различия в отношении доступа к правосудию, которые не основаны на законе и не могут быть оправданы по объективным и разумным основаниям, запрещены;

3) государствам рекомендуется предоставлять бесплатную юридическую помощь по сложным административным делам.

При этом согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, которую он сформулировал в своих постановлениях[1], обязанность

[1] См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи

государства гарантировать защиту прав и свобод, в том числе права на получение квалифицированной юридической помощи, не ограничивает законодателя в выборе путей выполнения данной обязанности.

Также Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что отсутствие профессионального представительства в ряде случаев (прежде всего, речь идет о вышестоящих судебных инстанциях) делает право на справедливое судебное разбирательство теоретическим и иллюзорным[1].

Таким образом, общественные отношения по поводу оказания юридической помощи воплощают в себе публичный интерес. Это объясняется тем, что они находятся во взаимосвязи с реализацией соответствующими субъектами конституционной обязанности государства по обеспечению надлежащих гарантий доступа каждого к правовым услугам и возможности привлечения каждым лицом, заинтересованным в совершении юридически значимых действий, квалифицированных специалистов в области права.

Публичные начала в природе отношений по оказанию юридической помощи обусловлены также тем, что, возникая в связи с реализацией права на судебную защиту, они протекают во взаимосвязи с функционированием институтов судебной власти. Соответственно право на получение квалифицированной юридической помощи, выступая гарантией защиты прав, свобод и законных интересов, одновременно является одной из предпосылок надлежащего осуществления правосудия, обеспечивая его состязательный характер и равноправие сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ).

Право на получение квалифицированной юридической помощи гарантируется всем лицам, участвующим в деле, которые имеют

---

781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева». URL : http://www.echr.ru/documents/doc/12051675/12051675.htm (дата обращения: 15.09.2016).

[1] См.: Справка по вопросам, касающимся возможных направлений и перспектив совершенствования института представительства в арбитражных судах. URL:http:// www.arbitr.ru/_upimg/5069A8DC3D214146C23E3F8AEBFE0E5E_sprav.pdf(дата обращения: 16.04.2016).

заинтересованность в его результате, включая и третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета споров. Более того, право на получение квалифицированной юридической помощи включает в свое содержание не только конкретную работу юристов в судебных заседаниях, но и подготовку состязательных документов, изучение иностранного права (п. 9)[1] и иные действия, связанные с подготовкой искового заявления и с представлением интересов в предварительном судебном заседании (п. 13).

Одним из составляющих элементов, влияющих на эффективность правореализационного процесса, является профессионализм его субъектов. Данное качество выступает неотъемлемым атрибутом, оказывающим влияние на эффективность отправления правосудия. Профессионализм участников судебного разбирательства включает в себя не только теоретические знания, но и навыки, мнения и практический опыт как судей, так и вспомогательного персонала. В некоторых странах установлен стандарт непрерывного образования, определяющий необходимое количество времени, потраченное на повышение квалификации[2].

При обращении к опыту других государств, которые достаточно длительное время выстраивали свое национальное законодательство в соответствии с требованиями международных и европейских стандартов осуществления правосудия, а также и института юридической помощи как его неотъемлемой составляющей, можно выявить следующие особенности.

Институт юридической квалифицированной помощи в зарубежном законодательстве реализуется в виде трех моделей. Первая модель исходит из

---

[1] См.: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 декабря 2007 г. № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах». URL:http://www.arbitr.ru/ as/pract/vas_info_ letter/18473.html (дата обращения: 24.05.2016).

[2] В Нидерландах стандарт установлен в размере 30 ч в год на одного судью и сотрудника суда // Quality of the judicial system in the Netherlands. URL:http://www.courtexcellence.com/Resources/~/media/Microsites/Files/ICCE/ Qualityofthejudicialsystem.ashx (дата обращения: 03.11.2017).

возможности оказания юридической квалифицированной помощи на рынке правовых услуг посредством только института адвокатуры (например, Австрия, Германия, Франция), вторая модель представляет возможность оказания юридической помощи иными лицами, не обладающими статусом адвоката, но на судебное представительство существует монополия адвокатуры (Бельгия, Норвегия, Португалия), третья модель представляет возможность работать на рынке правовых услуг без статуса адвоката, включая и судебное представительство, но государство императивно предписывает, что по некоторым категориям дел статус адвоката обязателен (Финляндия, Швеция, Россия, Украина).

Здесь следует обратить внимание, что выбранная модель оказания квалифицированной юридической помощи напрямую зависит от государственной правовой доктрины, которая в свою очередь представляет собой систему взглядов на проблемы обеспечения прав и свобод личности, основывающуюся на принципе доступности правосудия, а также методов и средств защиты интересов в области правосудия.

Национальное законодательство ряда стран устанавливает четкие суммы вознаграждений и гонораров адвокатов, которые они получают за оказание юридической квалифицированной помощи. Суммы таких вознаграждений определяются в зависимости от вида оказываемой юридической помощи (консультативная или судебная помощь), категории дела, формы разрешения спора (альтернативная либо судебная), а также судебной инстанции, в которой участвовал юрист.

Необходимость повышения качества предоставления квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации вызвано такими негативными явлениями как:

– отсутствие единообразного правового регулирования о квалифицированной юридической помощи;

– незначительное число адвокатов в пропорции к числу проживающего населения;

– отсутствие четких критериев о стоимости юридических услуг;

– ограниченный субъектный состав и категории дел для предоставления бесплатной юридической помощи;

– низкий уровень жизни в большинстве регионов Российской Федерации.

3. Основные направления реализации Концепции квалифицированной юридической помощи

Направлениями реализации Концепции является разработка и принятие нормативных правовых актов, а также совершенствование действующего законодательства по нескольким направлениям:

- формирование единого понятийного аппарата;

- определение субъектов оказания квалифицированной (профессиональной) юридической помощи;

– выработка профессиональных и этических стандартов предоставления квалифицированной (профессиональной) юридической помощи;

– разработка механизма допуска к осуществлению квалифицированной (профессиональной) юридической помощи: создание организационно-правовой формы для деятельности в области права, лицензирование деятельности в области права (уведомительный характер); основания прекращения деятельности в области права, в том числе и принудительный;

- определение базовых положений, необходимых для разработки единых стандартов предоставления квалифицированной (профессиональной) юридической помощи (специализация, повышение квалификации, вознаграждение за юридические услуги – разработка модельного закона «О вознаграждении за квалифицированную юридическую помощь»);

- установление гарантий оказания квалифицированной (профессиональной) юридической помощи.

Реализация Концепции позволит обеспечить создание единой системы квалифицированной (профессиональной) юридической помощи в Российской Федерации, отвечающую мировым стандартам, и повысить привлекательность юридической профессии.